

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. А. Зверев, А. А. Бурматов

**НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ БАРАБЫ
В 1925–1940 ГОДАХ**

Монография

Новосибирск 2019

УДК 94(47) + 314(571)
ББК 63.3(2P5) + 60.70г(2)
3433

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «НГПУ»,
Ученого совета ФГБУН ИИ СО РАН

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р :

доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований
ФГБУН Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
В. А. Исупов

Р е ц е н з е н т ы :

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет», ведущий научный сотрудник сектора истории
социально-экономического развития ФГБУН Институт истории Сибирского отделения РАН
С. А. Красильников;

доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории
общественно-политического развития ФГБУН Институт истории Сибирского отделения РАН
С. А. Папков;

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»
Л. Н. Славина;

кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных
дисциплин ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В. М. Шукшина»
Д. С. Орлов;

кафедра отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»

Зверев, В. А.

3433 **Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах : монография / В. А. Зверев, А. А. Бурматов ; отв. ред. В. А. Исупов ; М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Новосиб. гос. пед. ун-т ; Институт истории СО РАН. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – 278 с.**

ISBN 978-5-00104-477-2

Впервые в историографии рассматриваются основные параметры демографической ситуации в Барабинском субрегионе – одном из самых обширных и специфических в Западной Сибири. На общероссийском и региональном сибирском фоне характеризуется совокупность условий и факторов развития здесь процессов воспроизводства населения в 1925–1940 гг. Раскрываются изменения общей численности, поселенческой и половозрастной структуры, рождаемости, смертности, естественного и механического движения населения в Барабе. Установлены демографические потери субрегиона, понесенные в ходе сплошной коллективизации, от голода и репрессий. Источниковедческую базу составили материалы всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 гг., данные текущего демографического учета, а также комплекс делопроизводственных и иных материалов из архивных фондов Новосибирска, Омска, Куйбышева (Новосибирская обл.). Значительная часть источников ранее была засекречена и недоступна для общественности.

Книга предназначена для специалистов в области истории России и ее восточных регионов, исторической демографии, социологии русской деревни, для преподавателей истории в высшей и общеобразовательной школах, студентов исторических направлений и специальностей, практиков историко-краеведческой работы.

**УДК 94(47) + 314(571)
ББК 63.3(2P5) + 60.70г(2)**

ISBN 978-5-00104-477-2

© В. А. Зверев, А. А. Бурматов, 2019
© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2019
© Институт истории СО РАН, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы исторической демографии России приобрели в последние десятилетия особый резонанс. Это произошло как вследствие обострения ситуации в области воспроизводства народонаселения, так и потому, что долгое время соответствующим вопросам не уделялось должного внимания или они игнорировались вообще. В годы «перестройки» и экономических реформ были сделаны некоторые наработки и в значительной мере ликвидированы «белые пятна» в демографии. Проводились семинары по исторической демографии, издавались монографии и обобщающие исследования¹. Однако посвящались они стране в целом или большим регионам (например, Сибири), иногда – отдельным категориям населения в общегосударственном или региональном масштабе. Очень мало внимания уделялось населению отдельных местностей, но ведь люди «почему-то» живут «на местах».

¹ См.: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. 1) Опыт оценки численности населения СССР, 1926–1941 гг. // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34–47; 2) Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993; 3) Демографическая история России, 1927–1959. М.: Информатика, 1998; Народонаселение: энцикл. слов. / гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: БРЭ, 1994; Современная демография / под ред. А. Я. Кваши, В. А. Ионцева. М.: МГУ, 1995; Вопросы статистики. 1997. № 3 (весь номер посвящен демографическим проблемам); Демография: современное состояние и перспективы развития / ред. Д. И. Валентей. М.: Высш. школа, 1997. Демографической истории Сибири были посвящены следующие труды: Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: в 2 вып. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989; Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг. (исторический опыт и современные проблемы). Новосибирск: ИИ СО АН СССР, 1991; Историческая демография Сибири. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1992; Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гуштин, В. А. Исупов. Новосибирск: СО РАН, 1997; и др.

Происходящая в переходном обществе переоценка ценностей и идеалов, поиск новых путей развития требуют широкого и гласного обсуждения демографических проблем. Основу любого серьезного социального и гуманитарного исследования должны составлять реконструирование и анализ динамики численности и структуры населения, течения демографических процессов. Однако, как раз эта сторона исследований представляет наибольшие трудности, ибо в течение длительного исторического периода в СССР господствовал упрощенный подход к анализу демографической ситуации, сопровождавшийся сокрытием «неудобных» данных. Публикации демографических сведений никогда не отличались особой широтой, а с середины 1970-х гг. наблюдалось свертывание «открытой» печати.

Появившиеся в 2000–2010-х гг. статьи, справочные издания и монографические исследования¹ стали попыткой восстановить целостное представление о динамике народонаселения России в XX столетии. Содержащиеся в них данные вносят коррективы в демографическое прогнозирование, становятся фактором воздействия на социально-экономическую и демографическую политику государства.

Историография темы. Для темы нашего исследования представляют ценность все научные труды по истории народонаселения в России Новейшего времени. Их можно разделить на три группы, различающиеся охваченной территорией: 1) работы по демографии СССР и постсоветской России; 2) регионально-ведческие исследования о населении всей Сибири или ее западной половины; 3) работы по исторической демографии Новосибирской области и соседних субъектов Российской Федерации. Далее работы первой группы по демографии всей нашей страны в Новейший период ее истории охарактеризуем сначала в общем плане, а затем обратимся к трудам, посвященным наиболее дискуссионным и обсуждаемым вопросам непосредственно интересующего нас периода второй половины 1920-х – 1930-х гг.

¹ См.: Население России в XX в.: ист. очерки: в 3 т. / отв. ред.: Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000–2012; *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 2001; *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Нов. изд-во, 2006; *Борисов В. А.* Демографическая дезорганизация России, 1897–2007: избр. демогр. тр. / ред.-сост. А. И. Антонов. М.: Nota bene, 2007; Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017 и др.

В отечественной науке активная *разработка демографических и историко-демографических проблем на общесоюзном и общероссийском материале* началась в 1920-х – начале 1930-х гг. В то время в статистике населения не было тайн. Исследователи занимались проблемами брачности, рождаемости, смертности населения. Гласно обсуждались вопросы развития семьи, аборт, прогнозирования плодовитости. В это время трудились ученые, работы которых составили золотой фонд отечественной демографической науки: Л. С. Каминский, Ю. А. Корчак-Чепурковский, С. А. Новосельский, В. В. Паевский, М. В. Птуха, А. П. Хоменко и др.¹ Их труды были неоднократно востребованы и проанализированы в литературе².

Ученые-исследователи периода нэпа, коллективизации и индустриализации рассматривали демографические процессы своего времени по горячим следам. Они стояли у истоков становления органов учета населения, были свидетелями утверждения нового типа семейно-брачных отношений. Одним из основателей отечественной санитарной и демографической статистики являлся С. А. Новосельский. Он внес значительный вклад в исследование здоровья, заболеваемости и смертности населения, заложил основы современной методики измерения и количественного анализа демографических процессов. Методы изучения демографических процессов разрабатывал также М. В. Птуха. В частности, ему принадлежит построение кратких таблиц смертности, в том числе младенческой. Под его руководством начали исследоваться этнические различия в смертности. Усовершенствованию демографического анализа способствовали методы и приемы построения демографических таблиц и техника перспективного исчисления населения, разработанные еще одним столпом демографии – Ю. А. Корчак-Чепурковским³. Работы этих ученых ценны для нас главным образом в методологическом плане, но их богатая конкретно-историческая и фактологическая информация иногда имеет отношение и к региону нашего исследования.

Развитие науки о народонаселении в нашей стране было затруднено потерями, понесенными в 1930-е гг. Политические репрессии прервали жизни организаторов всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг. – крупных исследо-

¹ См.: Новосельский С. А. Демография и статистика: избр. произв. М.: Наука, 1978; Советская демография за 70 лет: из истории науки. М.: Наука, 1987 и др.

² См.: Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983; Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987 и др.

³ См.: Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М.: Наука, 1970.

вателей О. А. Квиткина и А. П. Хоменко. Это были флагманы демографических исследований по проблемам становления и развития семьи. В. В. Паевский разрабатывал методы измерения и анализа смертности, построил вместе с С. А. Новосельским первые полные таблицы смертности в России и СССР (за 1896–1897, 1926 гг.)¹. Но после демографической катастрофы 30-х гг. исследования в области народонаселения в нашей стране были свернуты.

Новый импульс развития демографические исследования получили в 60-х гг. после проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г. В этот период уменьшился пресс идеологических догм.

Начиная с периода «оттепели», демография стала развиваться в нашей стране как самостоятельная общественная наука. Несмотря на узость статистической базы, появились фундаментальные труды А. Я. Боярского, многие годы возглавлявшего кафедру статистики в МГУ, и Б. Ц. Урланиса². Крупнейшие демографы нашей страны рассматривали динамику населения, его репродуктивное поведение и смертность. В научный оборот были введены расчеты параметров течения демографических процессов в годы Гражданской войны, разработаны методы косвенного восполнения динамических рядов рождаемости и смертности, проанализированы ошибки и просчеты в прогнозировании населения³.

В большинстве отечественных публикаций тех лет демографические процессы тесно увязывались с марксистской теорией формационного развития общества. Подвергались критике любые, даже либеральные по своей сути, но «буржуазные» теории⁴. Демографическая наука в СССР в угоду идеологии утверждала преимущества социалистического образа жизни. Аналогично сформулированному К. Марксом в «Капитале» закону капиталистического народонаселения и для обоснования противоположности в этой сфере социализма капитализму был сформулирован так называемый «закон народонаселения социалистического общества». Согласно этой концепции, для СССР имманентно характерны устойчиво высокие рождаемость и естественный прирост,

¹ См.: Паевский В. В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М.: Наука, 1980.

² См.: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкиздат, 1960; Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М.: Наука, 1975 и др.

³ См.: Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974; Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 1985; Народонаселение стран мира. М.: Статистика, 1974, 1978, 1983 и др.

⁴ См.: Журавлёва Н. И. Антисоветизм буржуазной демографии. М.: Мысль, 1987; Коростелёв Г. М., Краев В. С. Буржуазные концепции народонаселения. М.: Мысль, 1981; Демографическая ситуация в СССР. М.: Статистика, 1977 и др.

постоянно снижающаяся смертность¹. Однако со временем выяснилось, что законы демографии вполне индифферентны к общественному строю, на них влияет тип воспроизводства населения – сельский или городской, а также уровень жизни в стране, развитие общественных институтов.

Конец 1970-х – 1980-е гг. характеризовались углублением интереса к демографическим проблемам. Возрос спрос на достижения и изыскания прошлых периодов. В. З. Дробижев рассмотрел становление советской демографии². Крупнейшие издательства повторили публикацию лучших трудов С. А. Новосельского, В. В. Паевского, Б. Ц. Урланиса и др.³ Массовым тиражом выходили книги в сериях «Народонаселение» и «Популярная демография»⁴.

В ходе «перестройки» второй половины 1980-х гг. общество востребовало материалы о репрессиях. В потоке разоблачений сталинского режима была «реабилитирована» Всесоюзная перепись 1937 г. Исследователи отыскивали в архивах материалы «крамольной» переписи и подтвердили достоверность ее данных⁵. Эти материалы проанализированы учеными и обнародованы уже в начале 1990-х гг. наряду с данными полулегальной Всесоюзной переписи 1939 г.⁶

Демографическая история России советского периода активно разрабатывается на современном этапе развития историографии.

В. Б. Жиромская рассмотрела динамику численности населения и естественного движения населения России в 30-е гг. XX в.⁷ Исследовательница де-

¹ Подъячих П. Г. Население СССР. М.: Госполитиздат, 1961. С. 3.

² См.: Дробижев В. З. Указ. соч.

³ См.: Советская демография за 70 лет. М.: Наука, 2007; Урланис Б. Ц. Избранное. М.: Мысль, 1982.

⁴ См., например: Киселёва Г. П. Нужно ли повышать рождаемость. М.: Статистика, 1977; Население СССР сегодня. М.: Финансы и статистика, 1982; Переведенцев В. И. 270 миллионов. М.: Финансы и статистика, 1982; Киселёва Г. П., Кваша А. Я. О чем рассказывают переписи населения. М.: Финансы и статистика, 1983; Рождаемость: известное и неизвестное. М.: Финансы и статистика, 1983.

⁵ См.: Лившиц Ф. Д. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 174–208; Волков А. Г. Шаг к правде: (о статье Ф. Д. Лившица) // Демографические процессы в СССР. С. 167–174; Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселёв И. Н. Полвека молчания: (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социол. исследования. 1990. № 6. С. 3–25; № 7. С. 50–70; № 8. С. 30–52.

⁶ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Наука, 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992.

⁷ Жиромская В. Б.: 1) Демографическая история России в 30-е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001; 2) Экология и смертность населения в РСФСР в 1930-е гг. // Историческая экология и демография. М.: РОССПЭН, 2003. С. 103–115.

тально проанализировала материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. Она выявила три слоя фальсификации в данных переписи 1939 г., но сделала вывод: этими материалами можно пользоваться при условии коррекции: фальсификация носила умеренный характер¹.

Опираясь на новые опубликованные и рассекреченные архивные материалы, Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова предприняли попытку реконструирования динамики численности и подсчета потерь населения за первые 40 лет советской власти². В. С. Гельфанд изучал аналогичные вопросы применительно к Советскому Союзу 1941–1990 гг.³ Смертность детского населения России, в том числе в ретроспективе, рассмотрели историки медицины и практикующие педиатры – авторы коллективного труда⁴. Катаклизмы в демографическом развитии России первой половины XX в. проанализировал В. А. Исупов⁵. Эти работы ценны для нас прежде всего в методологическом плане.

Первым фундаментальным обобщающим исследованием по демографической истории нашей страны в Новейший период является коллективная трехтомная монография «Население России в XX в.» (М., 2000–2012). Здесь анализируется всё разнообразие тенденций развития демографической сферы. Уточнены хронологические и территориальные рамки катастроф, выделены этапы демографического развития страны. Поставлена актуальная для нас задача – проследить специфику протекания процессов народонаселения на региональном уровне. Работа дает пример комплексного применения методов демографического анализа в историческом исследовании.

Совершенно закономерно, что богатая и противоречивая демографическая история России/СССР XX столетия уже в течение нескольких десятков лет привлекает внимание зарубежных исследователей, в том числе из среды российской эмиграции. Демографические вопросы не были обойдены вниманием

¹ *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. С. 9.

² См.: *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* 1) Население Советского Союза; 2) Демографическая история России.

³ См.: *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет (1941–1990). Пермь: Изд-во ПГУ, 1992.

⁴ См.: *Смертность детского населения России* / ред.: А. А. Баранов, В. Ю. Альбицкий. М.: Литтерра, 2007.

⁵ См.: *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000.

даже в написанных иностранными учеными общих работах по истории СССР¹ и при анализе развития России за более широкий временной период².

Еще в 1960-х гг. американский экономист и советолог И. А. Курганов рассматривал потери населения СССР в годы коллективизации и репрессий. Хотя его оценки преувеличены, они имеют методологическую ценность для научного анализа³. Аналогичные расчеты производились в написанной в 1970-х гг. и опубликованной за рубежом в 1983 г. работе советского правозащитника И. Г. Дядькина⁴, в трудах эмигрантов С. Максудова и Д. Вересова⁵. Их работы ценны также методологией косвенных методов анализа и содержат критический обзор работ иностранных исследователей. Представляется интересным обобщающий труд польского географо-демографа Петра Эбэрхардта, комплексно рассмотревшего историю населения СССР и России на малоизвестном в нашей стране материале иностранного польско- и немецкоязычного происхождения (исследования, сообщения корреспондентов и дипломатов из СССР). Его труд охватывает весь XX в., но значительное внимание уделяется потерям населения в 30-е гг. и развитию населения в годы сталинской модернизации. Взгляд польского ученого ценен также своей методологической новизной и комплексным подходом к исследуемой проблеме⁶.

Американский историк Ш. Фицпатрик в контексте истории сельской и городской повседневности СССР 1930-х гг. обратила внимание на условия и некоторые формы демографического поведения людей⁷. Итальянец А. Грациози проанализировал взаимоотношения крестьян с большевистским режимом за период от революции и гражданской войны до завершения основного этапа

¹ *Боффа Дж.* История Советского Союза. М.: Междунар. отношения, 1990. Т. 1: От революции до Второй мировой войны; *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза, 1917–1991. Смоленск: Русич, 2000 и др.

² *Соколофф Ж.* Бедная держава: история России с 1815 г. до наших дней. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

³ *Курганов И. А.*: 1) *Семья в СССР, 1917–1967.* Нью-Йорк: Verlag für Russische Literatur; Frankfurt/Main: V. Gorachek KG, 1967; 2) *Женщины и коммунизм.* Нью-Йорк: Verlag für Russische Literatur; Frankfurt/Main: V. Gorachek KG, 1968.

⁴ *Dyadkin I. G.* Unnatural deaths in the USSR, 1928–1954. New Brunswick (USA); L. (UK): Transaction Books, 1983.

⁵ *Вересов Д.* Историческая демография СССР. Benson (Vermont): Chalidze publications, 1987; *Максудов С.* Потери населения СССР. Benson (Vermont): Chalidze publications, 1989.

⁶ *Эбэрхардт П.* География населения России. СПб.: Невск. простор, 2003.

⁷ *Фицпатрик Ш.*: 1) *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: деревня.* М.: РОССПЭН, 2001; 2) *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город.* М.: РОССПЭН, 2001.

коллективизации и голода 1932–1933 гг., показал трагичность этих отношений, названных им «великой крестьянской войной»¹. Большое количество жертв этой драмы – один из аргументов А. Грациози.

Роль советской юстиции в жизни страны и ее функционирование в условиях тоталитарного режима рассмотрена в работе канадского исследователя П. Соломона². Здесь показан механизм принятия законов и применения репрессий к различным слоям населения, в том числе к крестьянам в годы коллективизации. Выясняется развитие права и судопроизводства в СССР, их влияние на политическую и хозяйственную жизнь страны.

Американский экономист П. Грегори проанализировал сущность и функционирование советской экономики в 1920–1950-е гг. Он рассматривает экономические и политические процессы в СССР данного периода, в частности, отмечает значительное сокращение отставания СССР от США по уровню жизни, чего не было в Российской империи³.

Историю советской статистики, в том числе и демографической, в 30-е гг. XX в. рассматривают французские исследователи А. Блюм и М. Меспуле. На примере истории статистического управления прослеживаются взаимоотношения науки и сталинского режима. Трагическая судьба руководителей советской статистики и репрессированной переписи 1937 г. тесно связаны между собой. Проанализированы и материалы текущей демографической статистики того периода⁴. А. Блюм в книге «Родиться, жить и умереть в СССР» анализирует динамику основных демографических показателей российской истории XX в.⁵ Он не ограничивается только количественными констатациями и приходит к выводу, что политические события не оказывали на социальную жизнь населения СССР заметного долгосрочного влияния. Демографические катастрофы не изменили траекторию развития, укладывающуюся в русло демографического перехода. Французский историк прослеживает на богатом материале демографи-

¹ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917–1933. М.: РОССПЭН [и др.], 2001.

² *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

³ *Грегори П.*: 1) Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006; 2) Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.

⁴ *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2003.

⁵ *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Нов. изд-во, 2005.

ческую историю СССР, делает вывод, что жесткая унификация не преодолела региональные демографические отличия.

Период 1925–1940 гг. являлся одним из самых сложных и противоречивых в отечественной истории, в том числе с историко-демографической точки зрения. Наиболее высокий уровень научного интереса, осложненного горячими дискуссиями идейно-политического характера, вызывают сюжеты, тесно связанные с оценками политического курса сталинского правительства в 1930-х гг. Речь идет о причинах, масштабах и характере тех демографических потерь, которые понесла наша страна и ее регионы в результате эпопеи раскулачивания и спецпереселения крестьян в 1930–1938 гг., массового голода 1932–1933 гг., кампании Большого террора 1937–1938 гг. Значительная часть населения изучаемого нами Барабинского субрегиона подвергалась жестким репрессивным мерам при проведении «социалистической реконструкции сельского хозяйства» и находилась в эпицентре голода, поэтому для нас представляют интерес все труды по данной тематике. В отечественной науке специальные исследования, посвященные этим проблемам, стали разворачиваться только после падения коммунистического режима в начале 1990-х гг., но в зарубежной, в том числе эмигрантской литературе эти вопросы исследовались и раньше.

Ряд российских историков (М. Б. Таугер, Н. А. Ивницкий, Д. Н. Хубова, В. В. Кондрашин и др.), изучая в 1990–2000-х гг. проблемы возникновения голода 1932–1933 гг. и его последствий, пришел к выводу, что можно было избежать голода или смягчить его последствия, однако нет оснований говорить об его умышленном инспирировании властями¹. Аналогичный вывод был сделан по материалам Украины А. В. Марчуковым². В то же время О. В. Хлевнюк, опираясь на документы Государственного архива РФ, приходит к выводу, что наказание голодом при Сталине являлось инструментом для подавления сопротивления крестьян, т. е. речь идет о преднамеренном поддержании голода³.

Ряд зарубежных исследователей также считают, что голод был инспирирован властью. В 2010 г. виновность советской власти в возникновении голода

¹ См., например: Голод 1932–1933 гг. / под ред. Н. А. Ивницкого. М.: РГГУ, 1995; *Ивницкий Н. А.* Голод 1931–1933 гг. в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собр., 2009; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.

² *Марчуков А. В.* Украинское национальное движение. УССР, 1920–1930-е гг.: цели, методы, результаты. М.: Наука, 2006. С. 439–457.

³ *Хлевнюк О. В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2010. С. 128–176.

в стране признала международная организация РАСЕ¹. Ш. Мерль (немецкий профессор из г. Билефельд) утверждает, что голод 1932–1933 гг. был направлен своим острием против украинцев с целью русификации последних². Этой же точки зрения придерживается ряд украинских исследователей (С. Кульчинский, С. Пирожков, А. Перковский)³ и эмигрантов еще советской волны, в том числе и украинского происхождения⁴. С их позиции голод 1932–1933 гг. – это голодомор украинского населения, который мало коснулся других районов страны.

Фактически этого мнения придерживаются франкоязычные авторы коллективного труда «Черная книга коммунизма», которые сводят его в основном к территориям, населенным украинцами, казаками Северного Кавказа (т. е. потомками тех же украинцев) и отчасти казаками⁵, а также и англо-американский историк и писатель Р. Конквест⁶. Эмигрант С. Максудов (А. П. Бабёнышев) в ряде своих работ в контексте истории коллективизации рассматривает изменение параметров воспроизводства населения (рождаемость, смертность, численность населения) и оценивает размеры потерь от раскулачивания, депортации и голода во всей стране и в наиболее пострадавших регионах. Основные районы страны, охваченные голодом в 1932–1933 гг. и понесшие наибольшие потери, автор определяет, в частности, сравнивая численность поколений сельских женщин по данным переписи населения 1959 г.⁷ Признается, что интенсивная миграция могла исказить соотношение численности поколений, про-

¹ ПАСЕ – Парламентская ассамблея Совета Европы.

² Мерль Ш. Голод 1932–1933 гг. – геноцид украинцев для осуществления политики русификации // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49–61.

³ Кульчинский С. Сколько нас погибло от голодомора 1933 г.? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0101/analit01.php> (дата обращения: 10.08.2019); Перковский А. Л., Пирожков С. И. Из истории демографического развития 30–40-х гг. (на примере Украинской ССР) // Экономика, демография, статистика: исследования и проблемы. М.: Наука, 1990. С. 171–197.

⁴ Фишбейн М. К пятидесятилетию украинской трагедии // Форум: обществ.-полит. журн. 1983. № 3. С. 3; Малинкович В. Голод 1933 г. на Украине // Форум: обществ.-полит. журн. 1983. № 3. С. 4–14.

⁵ Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковский, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен. 2-е изд. М.: Три века истории, 2001. С. 166–174.

⁶ Конквест Р. Жатва скорби // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200. Мы цитируем по: Конквест Р. Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988.

⁷ Максудов С.: 1) География голода 1933 г. // СССР: внутренние противоречия. N.-Y.: Chaldze publications, 1983. Вып. 7. С. 5–17; 2) Демографические потери Украины, 1926–1938 гг. // Форум: обществ.-полит. журн. 1983. № 4. С. 198–212; и др.

сма­три­вае­мое по ито­гам пер­вой по­сле­во­ен­ной пе­ре­пи­си¹, тем не ме­нее, то­же ак­цен­ти­ру­ют­ся по­те­ри на­се­ле­ния имен­но на Ук­ра­ине, Се­вер­ном Кав­ка­зе и в Ка­зах­стане, хо­тя и не от­ри­ца­ет­ся на­ли­чие жер­тв го­ло­да в дру­гих ре­ги­о­нах, на­при­мер, в Ом­ской об­ла­сти, гра­ни­ча­щей с Ба­ра­бой². В толь­ко что из­дан­ной в Мос­кве но­вой кни­ге С. Мак­су­дова ука­зан­ные по­ло­же­ния по­лу­чи­ли свое об­об­ще­ние и раз­ви­тие³.

По­ло­же­ние о по­те­рях поч­ти ис­клю­чи­тель­но сре­ди ук­ра­ин­цев в пе­ри­од го­ло­да 1932–1933 гг. бы­ло под­вер­гну­то кри­ти­че­ско­му рас­смот­ре­нию В. П. Да­ни­ло­вым⁴, Т. Л. Харь­ков­ской⁵, Е. А. Осо­ки­ной⁶, В. А. Исупо­вым⁷, В. Б. Жи­ром­ской⁸ и ины­ми отечес­твен­ны­ми ис­сле­до­ва­те­ля­ми⁹. Сво­е ре­ши­тель­ное не­со­гла­сие с тезисом о голодоморе толь­ко ук­ра­ин­ско­го на­се­ле­ния вы­ра­зи­ли в пись­ме в ре­дак­цию жур­на­ла «Оте­чес­твен­ная ис­то­рия» И. Е. Зе­ле­нин, Н. А. Ив­ниц­кий, В. В. Кон­дра­шин, Е. Н. Ос­кол­ко­ва¹⁰. Со­стави­те­ли ав­то­ри­тет­но­го сбор­ни­ка «Го­лод в СС­СР» пи­шут: «Не об­на­ру­жен ни один до­ку­мент, под­твер­жда­ю­щий кон­цеп­цию “го­ло­домор – ге­но­цид” на Ук­ра­ине или хо­тя бы на­мек в до­ку­мен­тах на эт­ни­че­ские мо­тивы слу­чив­ше­го­ся... Аб­со­лю­тно весь мас­сив до­ку­мен­тов сви­де­тель­ствует о том, что глав­ным вра­гом со­вет­ской вла­сти в то вре­мя был враг не по эт­ни­че­ско­му при­зна­ку, а по при­зна­ку клас­со­во­му. Ку­лак и ку­лац­кие эле­мен­ты»¹¹. В. В. Кон­дра­шин в мо­но­гра­фии, по­свя­щен­ной го­ло­ду 1932–1933 гг., спе­ци­аль­но рас­смот­ри­ва­ет по­зи­ции сто­рон и учас­тни­ков дис­кус­сии¹². Ба­ра­ба не избе­жа­ла тра­гиче­ских по­след­ствий кол­лек­тивиза­ции. Нам ин­те­рес­но бы­ло про-

¹ Мак­су­дов С. Гео­гра­фия го­ло­да 1933 г. С. 9–10.

² Там же.

³ Мак­су­дов С. По­бе­да над де­рев­ней: де­мо­гра­фиче­ские по­те­ри кол­лек­тивиза­ции. М.: Со­ци­ум, 2019.

⁴ Да­ни­лов В. П. Дис­кус­сия в за­пад­ной пре­ссе о го­ло­де 1932–1933 гг. и «де­мо­гра­фиче­ской ка­та­стро­фе» 30–40-х гг. в СС­СР // Во­пр. ис­то­рии. 1988. № 3. С. 116–121.

⁵ Харь­ков­ская Т. Вос­по­ми­на­ния о го­ло­доморе [Элек­трон­ный ре­сур­с] // Де­мос­коп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0101/tema01-04.php> (да­та об­ра­ще­ния: 10.08.2019).

⁶ Осо­кина Е. А. Жер­твы го­ло­да 1933 г.: сколь­ко их? (Ана­лиз де­мо­гра­фиче­ской ста­ти­сти­ки ЦГАНХ СС­СР) // Ис­то­рия СС­СР. 1991. № 5. С. 21–25.

⁷ Исупов В. А. Де­мо­гра­фиче­ские по­след­ствия го­ло­да 1932–1933 гг. в За­пад­ной Си­бири // Де­мо­гра­фиче­ское раз­ви­тие Си­бири, 30–80-е гг. С. 4–19.

⁸ Жи­ром­ская В. Б. Де­мо­гра­фиче­ская ис­то­рия Рос­сии в 1930-е гг.: вз­гляд в неиз­вест­ное.

⁹ На­се­ле­ние Рос­сии в XX в. 2000. Т. 1. С. 265–276; Го­ло­тик С. И., Ми­наев В. В. На­се­ле­ние и вла­сть: оче­рки де­мо­гра­фиче­ской ис­то­рии СС­СР 1930-х гг. М.: Изд-во Иппо­ли­то­ва, 2004 и др.

¹⁰ О го­ло­де 1932–1933 гг. и его оцен­ке на Ук­ра­ине // Оте­чес­тв. ис­то­рия. 1994. № 6. С. 256–263.

¹¹ Го­лод в СС­СР, 1930–1934. С. 7.

¹² Кон­дра­шин В. В. Ука­з. соч.

верить версию о голодоморе украинского населения на материалах Барабы, где имеются значительные районы компактного расселения представителей этого этноса. Необходимо было проследить и специфику протекания демографических процессов на фоне коллизий начала 1930-х гг. на территории Барабы.

В. П. Данилов стал первым российским исследователем, указавшим, что голод 1932–1933 гг. может быть охарактеризован как организованный, ибо не мог быть обусловлен погодными условиями или уровнем сельскохозяйственного производства. В. П. Данилов критиковал количество жертв, приведенных западными исследователями, но назвал голод «самым страшным преступлением И. В. Сталина, той катастрофой, последствия которой сказывались во всей последующей истории советской деревни»¹. Количество погибших от голода в критическом ключе обсуждалось и другими исследователями (Н. А. Араловец, В. Б. Жиромской, Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским, Т. Л. Харьковской и др.)². В. В. Кондрашин поддержал вывод об инспирировании голода властями страны. Исследователь пишет, что «никто из стоявших у руля сталинского корабля в 1930-е гг. так и не покаялся в содеянном, в том числе и Сталин! Духу не хватило попросить прощения у своего народа за коллективизацию и 1933 год!»³.

Справедливости ради напомним, что голодные годы и связанные с ними демографические потери – системная проблема русской деревни, сложившаяся задолго до советской власти и до сталинского режима. Голод, причины его возникновения и влияние на общество как глобальное явление комплексно рассматривал русско-американский социолог П. А. Сорокин⁴. Еще в имперский период статистик А. Н. Энгельгардт, историк В. О. Ключевский, писатели И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко (последние двое даже были организаторами кампаний помощи голодающим) указывали, что регулярный голод в России был следствием циклических неурожаев, поскольку большинство населения жило в зоне рискованного земледелия. В последнее время появилось даже такое мнение: «Голод был следствием самого существования крестьянского хозяйства. Голод был структурным и неизбежным. Большой голод приходил не каж-

¹ Данилов В. П. Указ. соч. С. 121.

² Араловец Н. А. Потери населения России и СССР в 20–30-е гг. в историографии // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 68–81; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.: 1) Население Советского Союза; 2) Демографическая история России; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное; Кондрашин В. В. Указ. соч.; и др.

³ Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 377.

⁴ Сорокин П. А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003.

дый год, но каждое поколение хотя бы один раз его испытывало»¹. Тем не менее, голод 1932–1933 гг. был совершенно беспрецедентным в Новой и Новейшей истории России по своим масштабам и катастрофическим последствиям, в том числе в демографической сфере, поэтому было бы совершенно неоправданным делом – снять ответственность за него с действующей государственной власти.

В постсоветской историографии сейчас фигурируют три основных подхода к оценке истории периода коллективизации, голода и репрессий. «В споре рождается истина», – так гласила древняя мудрость. Для нас важны все имеющиеся подходы к рассмотрению поставленной проблемы.

1. *Негативная оценка.* В данной концепции коллективизация рассматривается как абсолютное зло, а крестьянство – как жертва тоталитарного государства. К таким работам относятся труды Н. Тепцова², А. Базарова³, Т. Е. Кузнецовой и др. Последняя высказывает данную точку зрения в очерке, посвященном научному анализу работы С. С. Маслова «Колхозная Россия»⁴, который эту позицию отстаивал еще в 30-х гг. XX в. С. С. Маслов – ученый, эмигрант, активный деятель кооперативного движения. Он проанализировал на конкретных данных, доступных ему в эмиграции, «достижения» советской власти в годы коллективизации по «горячим следам»⁵.

2. *Положительная оценка.* Противоположную позицию занимает в своих работах С. Г. Кара-Мурза. В его трактовке коллективизация оправдывается условиями страны и менталитетом российского крестьянства⁶. Его поддерживает Ю. В. Роцин, который также оправдывает проводимую в те годы политику⁷. Эти исследователи во многом повторяют официальное обоснование коллективизации в советский период, сделанное С. П. Трапезниковым⁸. Близка к ним позиция Е. А. Прудниковой, которая доказывает, что большевики пытались на первых порах поддержать аграрный сектор, но это оказалось технически невозможно. Страну ждал экономический коллапс и голод, поэтому в условиях

¹ Шевцов Ю. Новая идеология: голодомор. М.: Европа, 2009. С. 36.

² Тепцов Н. В дни великого перелома: история раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям 1929–1933 гг. М.: Звонница, 2002.

³ Базаров А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004.

⁴ Кузнецова Т. Е. Во имя российского крестьянства // Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007. С. 8–31.

⁵ Маслов С. С. Колхозная России: история и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007.

⁶ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001. Кн. 1–2.

⁷ Роцин Ю. В. Миграция населения в судьбе России. М.: Авангард, 2008.

⁸ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М.: Мысль, 1976.

империалистического окружения необходимо было срочно модернизировать страну¹. Предельно политизируется тема в трудах Г. А. Зюганова² и И. В. Пыхалова³, в которых И. В. Сталин рассматривается как непогрешимый лидер и доказывается правота его взглядов и действий по всем вопросам жизни страны.

3. *Теория модернизации* поддерживается большинством современных исследователей. В контексте теории модернизации традиционного общества процесс коллективизации и «раскрестьянивания» трактуется как «тяжелый, мучительный, но в известной мере закономерный и оправданный»⁴. А. Г. Вишневский вынес в подзаголовок своей книги оригинальное определение российской специфики этого процесса – «консервативная модернизация»⁵. Демографическая катастрофа, постигшая страну в годы коллективизации и связанного с ней голода 1932–1933 гг., подобно еще нескольким демографическим кризисам и катастрофам в России XX в., на время прервала и исказила течение модернизационных процессов, но не могла их полностью отменить. Под руководством Вишневского данная позиция развивается в фундаментальном исследовании «Демографическая модернизация России, 1900–2000»⁶. Эту же концепцию поддерживают авторы коллективной монографии «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен»⁷. В таком же ракурсе рассматривается советская история в работах, посвященных социальной политике государства в 1920–1930-х гг. С данной же точки зрения рассматривается история страны в ракурсе ее военной модернизации в середине 1920-х – середине 1930-х гг.⁸

На региональном уровне эту концепцию последовательно используют в своем исследовании народонаселения Кубани В. Н. Ракачев и Я. В. Ракачева⁹,

¹ Прудникова Е. А. Сталин. Битва за хлеб: технология невозможного. М.: ОЛМА Медиа-групп, 2010.

² Зюганов Г. А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. М.: Изд-во ИТРК, 2010.

³ Пыхалов И. В. Время Сталина: факты против мифов. СПб.: Неотек Электро, 2001.

⁴ Кузнецов И. С. Коллективизация и судьба российского и сибирского крестьянства // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2002. С. 35.

⁵ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР.

⁶ Демографическая модернизация России, 1900–2000.

⁷ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред.-сост.: Т. Нефёдова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001.

⁸ Кен О. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008.

⁹ Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX в.: ист.-демогр. исслед. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007. Т. 2: 1930–1950-е гг.; и др.

а на материалах Сибири – В. А. Ильиных¹, В. А. Исупов², под руководством последнего – авторы коллективной монографии «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.)»³. Это исследование, базирующееся на западносибирском материале, позволяет непосредственно применить его выводы к истории Барабы.

Активно развивались в 1990–2010-х гг. исследования системы раскулачивания и спецпереселения крестьян в северо-восточные районы страны, а также иных массовых насильственных депортаций, которыми был «богат» период сталинской диктатуры.

Российские ученые и их зарубежные коллеги (В. А. Бердинских⁴, Н. Ф. Бугай⁵, А. Г. Вишневский⁶, В. Н. Земсков⁷, Н. А. Ивницкий⁸, П. М. Полян⁹, авторы коллективных монографий, посвященных демографической истории страны¹⁰, проанализировали статистическую информацию о количестве, динамике по годам и регионам, «естественном» и механическом движении (смертность, побеги, освобождения), составу лиц, находившихся на спецпоселении¹¹. Хотя целый ряд проблем не решен (в первую очередь – насколько достоверна содержащаяся в отчетах карательных органов информация), такие исследования ценны для нас в методологическом отношении. Бараба не входила в территорию расселения спецпоселенцев в 1930-х гг. Однако она относится к районам, откуда происходили массовые выселения, и в этом плане наработанный исследователями

¹ *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта: (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН: Президент. центр Б. Н. Ельцина, 2010 и др.

² *Исупов В. А.* Смертность и продолжительность жизни населения Сибирского края (1925–1930 гг.): неудавшаяся попытка модернизации // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2010. Вып. 1. С. 106–131; и др.

³ Демографическая история Западной Сибири.

⁴ *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛЮ, 2005 и др.

⁵ *Бугай Н. Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006 и др.

⁶ *Вишневский А. Г.* Демографические потери от политических репрессий // Избр. демогр. тр. М.: Наука, 2005. Т. 2. С. 261–300; и др.

⁷ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005 и др.

⁸ *Ивницкий Н. А.* Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собр., 2004 и др.

⁹ *Полян П. М.*: 1) Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М.: ОГИ, 2001; 2) Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002 и др.

¹⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000; Население России в XX в. Т. 1.

¹¹ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

материал – об организации, ходе и масштабах выселений – для нас является востребованным.

Появились в последнее время специальные исследования, посвященные Большому террору 1937–1938 гг. На широкой документальной основе, обобщая новейшие достижения историко-демографической науки, трагические последствия сталинского террора рассматривают С. Н. Голотик и В. В. Минаев, В. Хаустов и Л. Самуэльсон¹. Во многих трудах с общесоюзным или региональным территориальным охватом содержатся обширные материалы по воплощению террора в Сибири и, в частности, в районах современной Новосибирской области. Среди авторов есть отечественные (Г. А. Бордюгов, И. А. Гридунова, С. А. Папков, А. Г. Тепляков и др.) и зарубежные исследователи (Р. Биннер, Б. Бонвеч, М. Юнге и др.)². Авторам удалось детально проследить ход операции и в некоторых случаях установить количество жертв террора.

Демографические и историко-демографические исследования Сибирского региона, крупнейшего в России, имеют свою длительную историю.

Уже во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. появилась богатая статистическая литература, презентующая итоги Всероссийской переписи населения 1926 г., материалы текущего учета населения Сибирского края периода нэпа, и одновременно включающая в себя элементы исследовательского анализа³. Позже были опубликованы труды справочного характера, особенную ценность имеет «Сибирская Советская энциклопедия»⁴. В работах статистиков

¹ Голотик С. И., Минаев В. В. Указ. соч.; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009.

² Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. М.: Нов. хронограф, 2008; Сталинизм в советской провинции, 1937–1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН: Герм. ист. ин-т в Москве, 2009; Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Нов. хронограф, 2008 и др.

³ Примеры такой литературы, относящейся непосредственно к Сибири: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР; Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибирском крае. Новосибирск: Сибкрайстат, 1927; Статистика Сибири: сб. ст. и материалов. Новосибирск: Сибкрайстат, 1929–1931. Вып. 1–6; Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930; Слуцкий А. Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928–1929 гг. // Статистика Сибири: сб. ст. и материалов. 1930. Вып. 2. С. 136–141; и др.

⁴ Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. Т. 1; ОГИЗ. Зап.-Сиб. отд-ние, 1931–1932. Т. 2–3 (в виде макета мизерным тиражом был напечатан в 1937 г. также т. 4); Западно-Сибирский край: города и районы. Новосибирск: Краев. изд-во, 1936;

второй половины 20-х – 30-х гг. разрабатывались темы семейных бюджетов и потребления продуктов питания¹; медики писали о состоянии системы здравоохранения, масштабах и структуре заболеваемости людей, санитарно-гигиеническом состоянии жилищного фонда², ученые-аграрники – о землеустройстве, урожайности полей или продуктивности скотоводства³, и во многих случаях авторы увязывали свои выводы и рекомендации с демографическими аспектами общественной жизни.

Со второй половины 1930-х до середины 1980-х гг. вопросы динамики народонаселения в региональной истории Сибири периода нэпа и 1930-х гг., по большому счету, исчезли из повестки дня по идейно-политическим причинам. Лишь историкам-аграрникам в условиях жесткой цензуры удавалось ставить вопросы о судьбе и роли общины в деревне накануне и в годы коллективизации, ее влиянии на хозяйство и население. Эти вопросы на примере Сибири рассмотрела В. Я. Осокина⁴.

К моменту своего оживления в середине 1980-х гг. несформированный научный потенциал историков-демографов, не проясненный еще контур актуальной источниковой базы обусловили отставание исследований по исторической демографии Сибири от общесоюзных работ. Однако временной лаг постепенно преодолевался. Этому способствовала подготовка и издание фундаментальных трудов по истории крестьянства и рабочего класса Сибири, содержащих обширный фактологический материал, важные обобщения демографического характера⁵, а также периодическое проведение в Новосибирске с конца

Новосибирская обл.: экономико-географическое описание / под ред. М. С. Бурлакова. Новосибирск: Новосибгиз, 1939 и др.

¹ См., например: *Гензель С.* Нормы потребления продуктов питания сельским населением в 1928–1929 гг. // *Статистика Сибири: сб. статей и материалов.* 1930. Вып. 1. С. 49–56; *Локтин А.* Распространение спиртных напитков в сибирской деревне // *Статистика в Сибири: сб. ст. и материалов.* 1931. Вып. 1/2. С. 142–144; и др.

² См., например: *Баландин А. И., Пулькис В. А.* Сибирская рабочая молодежь: (физическое развитие и заболеваемость рабочих подростков Сибкрая по данным медосмотров 25, 26 и 27 гг.). Новосибирск: Краев. отд. здравоохранения, 1928; *Гречищев К. М.* Здравоохранение [Сибири] // *Сибирская Советская энциклопедия.* 1931. Т. 2. С. 90–102; *Пулькис В. А., Слуцкий Ф. М.* Колхозник, береги здоровье! Новосибирск: ОГИЗ. Зап.-Сиб. отд-ние, 1931.

³ См., например: *Справочная книга агронома / под ред. М. И. Лациса, П. Р. Слэзкина.* М.: Нов. деревня, 1926. Т. 1–2.

⁴ *Осокина В. Я.* Социалистическое строительство в деревне и община, 1920–1933. М.: Мысль, 1978.

⁵ *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* Л., 1968–1969. Т. 4–5; *Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.).* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние,

1980-х гг. вплоть до наших дней Всероссийских конференций по исторической демографии, участники которых активно разрабатывают сибиреведческие темы¹, коллективная работа по созданию «Исторической энциклопедии Сибири»².

Выходу сибиреведческих исследователей на современный уровень немало способствовала научная и организаторская деятельность доктора исторических наук Н. Я. Гущина и возглавляемого им до 1996 г. сектора в Институте истории СО РАН. Работы Н. Я. Гущина в области исторической демографии имеют прежде всего историографическое и методологическое значение³. Под его руководством сектор аграрной истории подготовил группу историков-демографов, скоординировал усилия специалистов по истории народонаселения Сибири, работающих в академических институтах и вузах на востоке России. В итоге усилиями Николая Яковлевича и его учеников – В. А. Ильиных, Т. М. Бадалян, И. Б. Карпуниной, А. П. Мелентьевой и других выполнены исследовательские программы «Формирование и развитие населения Сибири в XX в.: катаклизмы и детерминанты процесса воспроизводства и колонизации»; «Народонаселение Западной Сибири в XX в.»; «Воспроизводство населения Сибири в XX в.»; «Крестьянская семья и двор в Западной Сибири в 1930–1980-е гг.: экономические, демографические, социокультурные аспекты развития». Научные труды, изданные по итогам выполнения этих программ, кроме общерегио-

1983; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985; Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982; Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984.

¹ Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск: ИИ СО АН СССР, 1989. Вып. 1–2; Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1996; Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории, XVII–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1999; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2009; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2014.

² Население [Сибири] / С. Г. Скобелев, В. А. Зверев, В. А. Исупов [и др.] // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 2. С. 434–441.

³ Гущин Н. Я.: 1) Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. С. 124–185; 2) Население Сибири в XX в.; 3) «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934) и др.

нальных обобщений, содержат немало конкретного и сравнительного материала по территории современной Новосибирской области¹.

Наиболее крупный вклад в изучение демографической истории Сибири первых трех десятилетий советской власти, в том числе второй половины 20-х – 30-х гг. внес Владимир Анатольевич Исупов, первые книги опубликовавший в середине 80-х гг. в соавторстве со своими старшими коллегами А. С. Московским, В. В. Алексеевым². В 2009 г. В. А. Исупов инициировал создание сектора историко-демографических исследований в Институте истории СО РАН и возглавил его. В сотрудничестве с коллегами из иных научных центров и городов (Москва, Владивосток, Красноярск, Барнаул и др.) сотрудники сектора реализовали исследовательскую программу «Миграционные процессы в Азиатской России в конце XIX – начале XXI в.»³, издали серию тематических сборников научных трудов «Проблемы исторической демографии Сибири»⁴, инициировали новую серию «Демографическая история России и регионов»⁵. В итоговой монографии и статьях В. А. Исупов и его коллеги раскрывают общие черты и особенности демографической истории Сибири в контексте национальной и глобальной истории, выводят в центр внимания неизученные ранее вопросы, в том числе касающиеся периода второй половины 1920-х – 1930-х гг., расширяют источниковедческую основу работы, создают базу для углубления исследований в формате локальной истории отдельных местностей, городов и селений.

Будучи прежде всего специалистом по истории Великой Отечественной войны и судьбе в ней населения Сибири, В. А. Исупов использует в качестве методологического ориентира теории демографического и эпидемиологического переходов, имеющих в нашей стране длительную и весьма специфическую историю протекания с конца XIX до второй половины XX в. Расширяя хроно-

¹ Историческая демография Сибири; Крестьянская семья и двор в Сибири...; На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: док.-моногр. изд. / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2016 и др.

² *Московский А. С., Исупов В. А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984; *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986.

³ См. итоговую публикацию: Миграции населения Азиатской России, конец XIX – начало XXI в. / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011.

⁴ Проблемы исторической демографии Сибири / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2010–2015. Вып. 1–4.

⁵ Пилотная публикация серии: Демографическая история России и регионов / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН: Апельсин, 2016. Вып. 1: Проблемы источников.

логические рамки своих штудий, историк раскрыл роль различных факторов в противоречивой динамике воспроизводственных процессов в регионе, в основных чертах описал их течение, в частности, в годы нэпа, в условиях «раскрестьянивания» деревни и голода, индустриализационных и урбанизационных процессов довоенного периода¹. Исследователь придерживается вывода о том, что демографическое развитие Сибирского региона в 1925–1930 гг. можно охарактеризовать «как неудавшуюся попытку модернизации», осуществлявшуюся под воздействием административно-политического фактора².

Значительное место развитию народонаселения Сибири в 1920-е и 1930-е гг., причинам возникновения голода и его последствиям уделено в работе историка В. С. Познанского³; потенциал доступных региональных статистических материалов о голоде 1932–1933 гг. анализировал А. А. Бурматов⁴; масштабы пьянства, оказывавшего негативное воздействие на воспроизводство населения в сибирской деревне 1920-х гг., изучал А. И. Кузнецов⁵. В. А. Зверев охарактеризовал источниковедческую базу изучения и основные параметры санитарно-

¹ *Исупов В. А.*: 1) Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 180–201; 2) Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг. С. 4–19; 3) Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению, конец 30-х – конец 50-х гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991; 4) Советская демографическая политика, 1920-е – начало 1940-х гг. (на материалах Сибири) // Крестьянская семья и двор в Сибири... С. 76–106; 5) Демографическое развитие Сибири в 1920-е гг. // Историческая демография. 2012. № 2 (10). С. 30–35; 6) Историко-демографические процессы у народов Сибири (первая половина XX в.). Сыктывкар; Новосибирск: Ин-т яз., лит. и ист. Коми НЦ УрО РАН: ИИ СО РАН, 2012; 7) Социально-демографическое развитие Сибири в период форсированной модернизации (1929–1941 гг.) // Вопросы истории Сибири в Новейшее время. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2013. С. 100–134; 8) Социально-демографические процессы в Сибири: первая половине XX в. // Мир глазами историка: памяти акад. Ю. А. Полякова. М.: ИРИ РАН [и др.], 2014. С. 215–252; и др.

² *Исупов В. А.* Смертность и продолжительность жизни населения...

³ *Познанский В. С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.

⁴ *Бурматов А. А.*: 1) 1933 г.: что смогли сказать статистики // Актуальные вопросы истории Сибири: VI Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Ч. 1. С. 117–120; 2) Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 129–134; 3) Демографические потери от голода начала 1930-х гг. в Западной Сибири. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 26–30; и др.

⁵ *Кузнецов А. И.* «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

гигиенического состояния сельских поселений, усадеб и жилищ в Сибири и ее субрегионах в 1920-х гг., когда медицинскими и земельными органами региона были проведены специальные массовые обследования указанных объектов инфраструктуры¹. Санитарно-гигиенический фактор оказывал непосредственное влияние на состояние здоровья, уровень и структуру смертности населения. Этот же ученый выступил с инициативой изучения демографической и инфраструктурной динамики старожильческих поселений Сибири в конце имперского – первые десятилетия советского периода истории, создал модель такого изучения, в которой ключевую роль играют данные Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г.²

Историко-демографические исследования на современном этапе всё шире охватывают и субрегиональную, и локально-историческую проблематику. Глубже всего на востоке страны продвинулось изучение проблем народонаселения Западной Сибири. И здесь доминируют новосибирские историки, наиболее заметными промежуточными итогами работы которых стали коллективные монографии, вышедшие в свет в 1997 и 2017 гг.³ Разделы, посвященные второй половине 20-х – 30-м гг. XX в., написаны в этих книгах В. А. Исуповым, они органично входят в комплекс трудов автора, посвященных указанной проблематике, и создают теоретический, проблемно-тематический, фактологический каркас для изучения темы в более узких территориальных рамках.

В последние десятилетия осуществлены субрегиональные исследования историко-демографического характера, касающиеся Алтайского и Краснояр-

¹ *Зверев В. А.*: 1) Историческая эволюция крестьянских жилищ в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // *Сибирь в XVI–XX вв.: экономика, общественно-политическая жизнь и культура*. Новосибирск: Изд-во СО РАН: Науч.-изд. центр ОИГТМ, 1997. С. 139–154; 2) Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XX в.) // *Крестьянская семья и двор в Сибири...* С. 13–32; 3) Условия жизни сибиряков и переселенцев в 1920-е гг. (по материалам массовых санитарных обследований) // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2012. № 8. С. 13–22; *Зверев В. А., Зверева К. Е.* Крестьянские усадьбы Томско-Кузнецкого края (по материалам массовых обследований конца XIX – первой трети XX в.) // *Сибирь в панораме тысячелетий: (материалы Междунар. симп.)*. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 184–192; и др.

² *Зверев В. А.* Модель изучения динамики сельского населенного пункта в Сибири 1850–1920-х гг. // *История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах*. Новосибирск: НГПУ, 2014. С. 26–35.

³ *Население Западной Сибири в XX в.; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.)*.

ского краев, Кузбасса, Хакасии¹. К сожалению, в них довольно слабо отражен интересующий нас период второй половины 1920-х – 1930-х гг. Однако эти работы подтвердили нашу уверенность в достаточной достоверности материалов местных статистических органов довоенной поры, создали возможности для территориального сопоставления, дали примеры решения конкретных вопросов на субрегиональном и локальном уровнях.

Имеются определенные достижения в *изучении народонаселения на территории Новосибирской области, в частности, в ее Барабинской зоне*. А. А. Бурматов впервые выполнил историко-демографические исследования в территориальных границах Новосибирской области и длительных хронологических пределах, проанализировал вопросы воспроизводства и миграции населения в этом регионе². Он же рассматривал историю народонаселения в отдельно взятом г. Куйбышеве Новосибирской области и районах Барабинской низменности³. Однако те опубликованные А. А. Бурматовым работы, которые захватывают период второй половины 1920-х – 1930-е гг., в силу их небольшого объема и характера поставленных в них задач нужно рассматривать как подготовительные к настоящей монографии.

¹ *Славина Л. Н.* Сельское население Сибири в 1960–1980 гг. (на материалах Красноярского края). Красноярск: Краев. изд-во, 1992; *Кышпанакоев В. А.* Население Хакасии: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996; *Григоричев К. В.* Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае, середина 1940-х – конец 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000; *Бельков А. В., Заболотская К. А.* Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово: КемГУ, 2015 и др.

² *Бурматов А. А.* Население Новосибирской обл., 1937 г. – конец XX в. (историко-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001.

³ *Бурматов А. А.*: 1) Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997; 2) Население в границах Каинского уезда в XX в. // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития. Куйбышев: Простор, 1997. С. 188–191; 3) Динамика населения Барабы в 1926–1939 гг. // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию каф. отечеств. истории НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 36–40; 4) Население малых городов Сибири в 1926–1929 гг. (на примере Барабинского окр.) // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 1. С. 144–163; 5) Население Барабинского окр. (1927–1934 гг.) // Проблемы гуманитарного образования. Куйбышев: [б. и.], 2010. С. 95–98; 6) Население Барабинского окр. – Барабы в 1926–1939 гг. // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее. Куйбышев: Музейн. комплекс, 2016. С. 94–122; 7) Перепись 1937 г. на примере Куйбышевского района Западно-Сибирского края // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее. Куйбышев: Музейн. комплекс, 2018. С. 72–82; и др.

Вообще, в последние десятилетия активно издается литература по истории отдельных городов и районов Барабы¹. В монографии З. А. Тюриной, статьях различных авторов приведены многочисленные фактические данные и обобщения о повседневной жизни населения Барабинской лесостепи. Однако практически здесь нет информации о барабинском народонаселении в годы нэпа и первых предвоенных пятилеток. Данное обстоятельство усиливает актуальность нашего исследования.

Основные параметры исследования. Степень изученности проблемы и ее актуальность определили *цель нашего исследования*. Это историческая реконструкция многообразных процессов формирования и развития населения бывшего Барабинского округа, т. е. западных районов Новосибирской области, его воспроизводства в рамках современного взгляда на модернизацию общества. С этой точки зрения нам казалось важным учесть замечание выдающегося советского демографа А. Я. Боярского о том, что «демография изучает не общественную деятельность людей, не ее условия, результаты и отношения, в которые они вступают в процессе этой деятельности, а самих людей, их совокупности, группы и части, их воспроизводство и движение...»². Историческая демография, возникшая на стыке истории и демографии, изучает историю воспроизводства населения в широком социально-экономическом, культурном и природном контекстах как непрерывное течение демографических процессов. Будучи разделом демографической науки, историческая демография исследует ретроспективу развития народонаселения как главной материальной основы общества. Как часть исторической науки она способствует научному объяснению закономерностей воспроизводства населения.

В настоящее время перед наукой стоит задача изучения всей совокупности демографических явлений и процессов. В связи с тем, что существуют три источника изменения численности населения: естественный и механический прирост, а также уточнение статистического учета, при изучении формирования и развития населения в исторической динамике необходимо установить

¹ См.: Отчий край: к 60-летию Куйбышевского района / под ред. И. И. Быкова. Новосибирск: Полиграфкомбинат, 1996; Тюрина З. А. Наше место на земле: к 60-летию Барабинского района. Барабинск: Бараба, 1996; Каинск (Куйбышев) в истории Западной Сибири / ред. И. И. Быков. Куйбышев: Простор, 2007; Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития / отв. ред. В. И. Баяндин. Куйбышев: Простор, 2007 и др.

² Боярский А. Я. Надо ли еще спорить? // Вестник статистики. 1970. № 1. С. 58.

критерии периодизации историко-демографического развития. Исходя из этого, в настоящем исследовании авторами *поставлены следующие задачи*:

- выявить динамику численности населения Барабинской лесостепи в 1925–1940 гг., особенностей и закономерностей формирования городского и сельского населения, территориального размещения последнего;

- установить степень качества учета происходивших в изучаемое время демографических событий и процессов;

- проследить изменения в демографическом составе населения, учитывая причины, вызвавшие эти трансформации;

- охарактеризовать процессы воспроизводства населения и факторы, влиявшие на него;

- раскрыть роль и соотношение механического (миграционного) и естественного движения населения в его исторической динамике.

Итак, *объектом исследования* является народонаселение Барабинской лесостепи. При наиболее общем подходе народонаселение определяется в науке так: «...Естественно-исторически складывающаяся и непрерывно самовозобновляющаяся в процессе производства и воспроизводства непосредственно жизни сложная, относительно устойчивая совокупность людей, главный материальный компонент человеческого общества»¹.

Народонаселение (как объект) связано со многими сторонами жизни общества. Исходя из этого, *предметом нашего исследования* избраны основные тенденции и закономерности воспроизводства населения Барабинской низменности и примыкающей к ней территории, его качественные характеристики в конкретных исторических условиях. Всё это охватывается понятием «развитие населения», смысл которого строго определен: естественная (рождаемость, смертность, естественный прирост), миграционная и структурная (национальный, возрастно-половой составы, территориальное размещение) формы движения населения.

Хронологические рамки нашей работы охватывают конец 1925 – 1940 гг. включительно, т. е. время с момента образования Барабинского округа до начала в стране демографических трансформаций предвоенного периода. К таковым следует отнести последствия введенной с началом Второй мировой войны в Европе и Советско-финской войны в 1939 г. всеобщей воинской обязанности и проведения предвоенной мобилизации (это с некоторым временным лагом привело к снижению рождаемости); некоторое увеличение смертности в 1941 г. в связи с резким ухудшением условий жизни.

¹ Народонаселение // Демографическая энциклопедия. С. 501.

Внутреннее хронологическое структурирование изучаемой демографической динамики в нашем исследовании определяется изменениями совокупности факторов, связанных с этапами развития страны и региона, а также появлением больших массивов статистической информации в результате проведения всероссийских переписей населения в 1926, 1937 и 1939 гг.

Территориальные границы исследования в основном совпадают, если в конкретном случае специально не оговорено иное, с границами Барабинского округа Сибирского края, существовавшими на момент проведения Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. (см. карту в начале книги). Барабинский округ – одна из административно-территориальных единиц, существовавших в 1925–1930 гг. Он был образован 9 декабря 1925 г. из Каинского и части Каргатского уездов Новониколаевской губернии и большей части Татарского уезда Омской губернии. Центром округа являлся г. Барабинск. Округ изначально был разделен на 17 районов, но в 1929 г. в его состав из Омского округа был передан Еланский район, а из упраздненного Тарского округа – Муромцевский район. 30 июля 1930 г. Барабинский округ, как и большинство остальных округов СССР, был упразднен, его районы отошли в прямое подчинение учрежденному тогда Западно-Сибирскому краю. 28 сентября 1937 г. постановлением ЦИК СССР Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край, и районы Барабы вошли в состав Новосибирской области, доныне составляя ее западную часть.

Терминологически изучаемую территорию в своем исследовании мы называем либо Барабой, по имени Барабинской низменности, большую часть которой она занимает, либо Барабинским округом (применительно ко времени его существования). Отметим также, что границы округа 1926 г. почти полностью совпадали с совокупными границами следующих современных районов Новосибирской области: Кыштовского, Северного, Убинского, Усть-Тарского, Татарского, Чановского, Венгеровского, Куйбышевского, Барабинского, Здвинского, Чистоозёрного, Купинского; они также включали города Куйбышев, Барабинск и Татарск. В 1926 г. в Барабинский округ включались отдельные местности современной Павлодарской области Казахстана, но не входил ряд территорий нынешних Кыштовского, Усть-Тарского и Татарского районов. Этим мы можем пренебречь при статистических расчетах, так как разнонаправленные векторы компенсируют друг друга почти полностью¹.

¹ См.: Бурматов А. А. Перепись населения Новосибирской обл. 1939 г.: оценка демографических материалов // Новосибирская обл. в контексте российской истории. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2001. С. 115–117.

В деталях происходившие в изучаемый период в Барабе административно-территориальные преобразования можно проследить по справочным материалам, составленным работниками Государственного архива Новосибирской области (ГАО)¹. Новосибирск на протяжении всего рассматриваемого нами периода был административным центром территории, в которую входила Бараба (Сибирского, затем Западно-Сибирского края, Новосибирской области), поэтому ГАО аккумулировал в своих фондах документы и материалы по районам Барабы.

Наши разыскания показывают, что в истории Барабы на протяжении изучаемого периода имелись свои особенности: относительно медленное социально-экономическое развитие, отток населения, массовые выселения в ходе коллективизации, большие масштабы распространения голода в начале 1930-х гг. и др. Однако эти черты в масштабах России не были уникальными. С точки зрения исторической демографии изучаемый субрегион характеризуется нами как типичный для Западной Сибири, особенно это относится к сельскому населению с преобладанием в нем традиционного типа воспроизводства. Здесь был относительно хорошо налажен статистический учет, позволяющий исследователям выстроить динамические ряды статистических данных, произвести на их основе необходимые расчеты и проанализировать их результаты. Данное обстоятельство позволяет распространить полученные выводы на соседние районы со сходными природно-климатическими и социально-экономическими условиями.

Методология исследования. В настоящее время в исторической демографии подвергнута сомнению теория линейного прогресса – от простого к сложному, от низшего к высшему. Ее заменяет, в частности, теория демографического перехода. Она применяется для объяснения смены типов и режимов воспроизводства населения. Термин «демографический переход» введен в 1945 г. американским демографом Ф. Ноутстайном, но первым данную теорию разработывал французский демограф А. Ландри в 1909–1934 гг. Она имеет несколько трактовок, которые отличаются по своим исходным предпосылкам и по методологии анализа типов воспроизводства населения. Отсюда вытекают разные

¹ Административно-территориальное деление Сибири (авг. 1920 – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 – сент. 1937 г.), Новосибирской обл. (с сент. 1937 г.): справ. Новосибирск: Кн. изд-во, 1966; Справочник по административно-территориальному устройству Новосибирской обл. 1937–2006 гг. / под ред. В. В. Моисеева, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ГАО, 2007.

взгляды на причины и факторы демографического перехода, его механизмы и конечный результат.

Общим элементом разных вариантов теории является периодизация демографического развития, соответствующая трем крупным этапам истории человечества (общество с присваивающей экономикой, аграрное и индустриальное общества)¹. В частности, признается, что в процессе модернизации традиционного общества происходит поэтапная смена традиционного типа воспроизводства населения (для него характерны «высокие брачность, рождаемость и смертность, низкая ценность человеческой жизни, смиренность перед смертью, пассивное отношение к своему здоровью, огромное число женщин, страдающих гинекологическими заболеваниями, высокая цена продолжения рода человеческого»²) современным типом с присущими ему низким уровнем брачности, рождаемости и смертности, увеличенной продолжительностью жизни, рациональным отношением людей к своему здоровью, сдвигом структуры населения к старшим возрастам и т. д.

Один из вариантов теории демографического перехода является концепция рационализма, противопоставляющая сознательное ограничение числа детей в семье, характерное для городского индустриального общества, иррациональности репродуктивного поведения в аграрном обществе. Такое поведение было призвано обеспечить воспроизводство в условиях высокой смертности. В ходе индустриализации и урбанизации уровень смертности понижается, а затем с некоторым опозданием снижается и рождаемость. Участие в деторождении становится сознательным (рациональным) выбором индивида. Важным элементом этой концепции является представление о гомеостатическом регулировании воспроизводства населения: уровень рождаемости определяется уровнем смертности. Эту концепцию разрабатывали А. Ландри и Ж. Буржуа-Пиша (Франция), Ф. Ноутстайн и Д. Кагилл (США). В СССР ее сторонниками являлись А. Я. Боярский, А. Я. Кваша, В. И. Козлов, С. П. Капица и др. Наибольший вклад в ее разработку и использование для изучения демографической истории России XX в. сделал наш современник А. Г. Вишневский.

Другое направление в развитии теории демографического перехода основывается на предпосылке относительной независимости эволюции рождаемо-

¹ Далее теория демографического перехода излагается в соответствии со следующими работами: *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М.: Мысль, 1982; *Иванов С. Ф.* Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. С. 115–117; Демографический переход // Демографическая энциклопедия. С. 241–242; и др.

² *Миронов Б. Н.* Историческая социология России: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т: Интерсоцис, 2009. С. 135.

сти от уровня смертности. Оба компонента детерминированы социально-экономическими условиями, но механизмы детерминации различны. Американцы К. Дэвис и Дж. Блейк показали экономическую выгоду многодетности и зависимость рождаемости от глубоких социально-экономических преобразований, формирующих индустриальный тип развития общества. Дж. Колдуэлл (Австралия) указывал, что рождаемость во всех типах общества имела экономически обоснованный характер. Авторам данной монографии близка эта точка зрения, но мы учитывали аргументацию, выдвинутую и для обоснования другого варианта.

Еще один теоретический конструкт, востребованный нами в методологическом плане – теория эпидемиологического перехода, провозглашенная американским ученым А. Р. Омраном в 1970-х гг. Эта теория обосновывает определяющую роль в демографическом переходе трансформации масштабов и структуры причин заболеваемости и смертности населения. Признается, что инфекционные заболевания и голод, выступающие на ранних стадиях эпидемиологического перехода в качестве основной причины заболеваемости и смертности, на более поздних стадиях замещаются дегенеративными и профессиональными заболеваниями¹. Собственно, это и является коренной причиной снижения смертности, особенно младенческой и женской, на ранних фазах демографического перехода.

Авторы настоящей монографии исходят из впервые обоснованного В. А. Зверевым представления о том, что предпосылки демографического перехода складывались в наиболее освоенной части Сибири, как и в целом по России, со второй половины XIX в., первые робкие признаки его начала, в том числе сокращение смертности, проявились на рубеже XIX–XX вв.² В период глубокого политического и демографического кризиса 1914–1922 гг. ростки перехода были «приглушены» и деформированы, но затем в период нэпа вновь стали определять тенденции социально-демографического развития региона. Во второй половине 1920-х гг. были достигнуты заметные успехи в деле нормализации эпидемиологической обстановки в регионе. Сплошная коллективизация и голод начала 1930-х гг. нанесли новый удар по прогрессивным тенденци-

¹ Омран А. Р. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада. М.: Прогресс, 1977. С. 57–91; Эпидемиологический переход // Демографическая энциклопедия. С. 932–933; Исупов В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. № 4. С. 82–92; и др.

² См.: Зверев В. А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1993. С. 139–142; и др.

ям, но не смогли обратить вспять процесс демографической модернизации, проявлением которой были демографический переход и эпидемиологический переход, как его основа и составная часть.

Еще одним важным методологическим ресурсом для настоящей монографии стал инструментарий, характерный для региональной и локальной истории. Книга о народонаселении Барабы – один из первых опытов историко-демографического исследования субрегионального уровня, пограничного с уровнем локальным. Мы сочетали подходы региональной, локальной (новой локальной) истории и даже исторического краеведения¹.

Это выразилось, во-первых, в территориальном и социальном ограничении объекта изучения, что обеспечило укрупнение масштаба тех процессов и событий, которые являются предметом рассмотрения – более пристального и детального, чем было бы возможно в случае выбора более обширных (национальных или суперрегиональных) рамок. Во-вторых, локализация объекта изучения расширила возможности его комплексного, разностороннего рассмотрения: мы могли проследить влияние не только экономического, но и природного, политического факторов на развитие сравнительно немногочисленного населения сравнительно небольшой местности, удерживать в фокусе анализа не только естественную, но и механическую, и социальную форму его движения во времени, причем видеть не только общие, но и особенные черты развития в городах (в том числе конкретных) и селениях (в том числе в различных районах Барабы), в разных этнических и социально-демографических стратах. В-третьих, локальный подход потребовал от нас активного поиска и отбора адекватных изучаемому оригинальному объекту источников, большая часть которых не была интересна и потому не была востребована специалистами по общероссийской истории и истории Сибири и не привлекалась ими к анализу. Локализация помогала обеспечить большую достоверность и верифицируемость продуцируемых в ходе исследования исторических знаний. Наконец, в-четвертых, важной чертой локализирующего, или краеведческого подхода в истории является особенное эмоциональное восприятие изучаемого объекта. Оба автора монографии стали в первом – втором поколениях прямыми потомками тех людей, чью жизнь в Барабе второй половины 1920-х – 1930-х гг. они изучают, поэтому они

¹ Их характеристику см.: *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966; *Шмидт С. О.* Краеведение и региональная история в современной России // *Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт.* СПб.: Нотабене, 2000. С. 11–15; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 176–196; *Дмитриенко Н. М.* Историческое краеведение: учеб. пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. С. 10–15; и др.

не могут не принимать близко к сердцу те испытания, которые выпали на долю их родителей, бабушек и дедов, временами отказываются от бесстрастного фиксирования сухих демографических соответствий и дают им эмоциональную оценку.

Вместе с методами, традиционными для исторических штудий – проблемно-хронологическим, сравнительно-историческим, историко-типологическим, методом диахронного анализа и прочими, в настоящем историко-демографическом исследовании, междисциплинарном по определению, широко применялись методы демографической и экономической статистики, общей теории статистики. Использовались методические разработки различных научных демографических школ, изложенные и продемонстрированные в работах известных демографов, социологов и статистиков: А. Я. Боярского, К. Вандескрика, А. Г. Вишневого, Л. Л. Рыбаковского, Б. Н. Миронова, Б. Ц. Урланиса и др.¹

Источники для исследования. Исследование основывается на широкой источниковой базе, которая включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные архивные материалы. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. Исходя из целей исследования и учитывая специфику происхождения источников, характер заключенной в них информации, весь их массив мы разбили на следующие группы:

1. Материалы демографической статистики.
2. Материалы делопроизводства государственных учреждений и организаций.
3. Законодательные и другие нормативные акты.
4. Периодические издания как местного, регионального, так и общегосударственного значения.
5. Издания энциклопедического и справочного характера.
6. Источники личного происхождения.

¹ Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского; *Валентей Д. И., Кваша А. Я.* Основы демографии: учебник. М.: Финансы и статистика, 1989; *Елизаров В. В., Зверева Н. В., Веселкова И. Н.* Основы демографии: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 2004; *Вандескрик К.* Демографический анализ. М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2005; Демографическая модернизация России, 1900–2000; Экономика народонаселения / под ред. В. А. Ионцева. М.: ИНФРА-М, 2007; *Денисенко М. Б., Калмыкова Н. М.* Демография. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2009; *Миронов Б. Н.* Историческая социология России: учеб. пособие. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та: Интерсоцис, 2009; *Антонова Н. Л.* Демография: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014; *Харченко Л. П.* Демография. М.: Омега-Л, 2015; *Медков В. М.* Основы демографии: М.: Феникс, 2016; *Борисов В. А.* Демография: учебник для вузов. М.: Nota bene: Медиа Трейд Компани, 2018 и др.

Демографическая статистика. В эту группу источников входят, во-первых, материалы всесоюзных переписей населения, во-вторых – данные текущей статистики. В нашем исследовании используются вторичные материалы переписей (данные, подсчитанные работниками статистических органов и сведенные в таблицы) и данные текущего учета: по численности, половозрастному и национальному составу, естественному и механическому движению населения. Основной пласт источников составляют итоговые публикации данных Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., частично – переписи 1937 г. В частности, мы активно пользовались материалами переписи 1939 г., опубликованными в книге П. Г. Подъячих¹, руководившего проведением всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг.

Долгое время считалось, что для восстановления истинной ситуации тех лет достаточно открыть документы, ранее хранившиеся в закрытых архивных фондах. Жизнь показала, что это не так. Сохранившиеся в архивах статистические материалы далеко не полны: содержат существенные пропуски в динамических рядах, несут на себе следы неполноты текущего учета. По ряду территорий отсутствуют какие-либо сведения за много лет, отмечается неполный охват статистическим учетом по сельским советам, даже по отдельным городским поселениям. Административные границы менялись очень часто, иногда ежегодно или даже несколько раз в год. В некоторых архивных документах и немногих публикациях периода 30-х гг. XX столетия прослеживаются сознательная фальсификация или непреднамеренное искажение статистических данных. Нужно учитывать, что данным о населении в 30-х гг. придавали политическую окраску, особенно материалам переписи населения 1939 г. или данным текущего учета.

Переписи проводились государственными статистическими органами по решению властей. Программы переписей составлялись и корректировались в соответствии с целями и задачами текущего момента – требовалось отразить конкретные достижения за какой-либо исторический отрезок времени. Итоги всех советских переписей корректировались работниками статистических служб в соответствии с политическим заказом, чтобы скрыть «неудобные» данные. Следовательно, сводные итоги переписей не всегда показывают истинное положение вещей. Вместе с тем, итоговые материалы переписей содержат обширную информацию о численности и составе населения страны и ее отдельных регионов. Однако эти сведения не равноценны по качеству. Особую слож-

¹ См.: Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: (методология и организация проведения переписи и разработки итогов). М.: Госстатиздат, 1957.

ность в использовании представляют материалы переписи 1939 г. Они были сфальсифицированы, но, как показывают последние исследования, искажения оказались всё же умеренными с точки зрения мировой статистической практики.

Итоговые материалы переписей, относящиеся к территории Новосибирской области, разнообразны по тематике: от сводок наиболее общих сведений до текстов, содержащих данные по конкретному вопросу переписи. По охвату территории итоговые материалы можно разбить на следующие группы:

- а) сведения по всей области, частично в разрезе по районам и городам;
- б) материалы по конкретным локальным территориям, хранящиеся в местных инспектурах статистики и архиве областного управления (комитета) статистики.

Опубликованные до 1966 г. сборники итоговых данных по переписям представляют собой в основном машинописные брошюры. Материалы переписи 1959 г. по районам и городам – рукописные и машинописные – содержат сравнения с итогами переписи населения 1939 г. Первые машинописные тематические сборники, которые содержат итоги Всесоюзной переписи, проведенной 15 января 1959 г., а также некоторые данные переписи 1939 г., появились в 1959–1963 гг.¹

Среди тематических материалов особый интерес представляют итоги переписей по уровню образования, национальному и возрастному составу населения. В сборнике, содержащем сведения за 1959 г., имеются сравнительные данные за предыдущие 20 лет. Материалы сборника представляют собой аналитическую записку, в которую включены таблицы².

Материалы переписей представляют собой комплексный источник, раскрывающий в структурном разрезе множество параметров демографической ситуации, статически приведенных к конкретному моменту времени. При сопоставлении материалов переписей населения и данных текущего административного учета демографических событий получается картина динамического развития населения. Статистические материалы до 1990 г. публиковались далеко не полностью, а при публикации в открытой печати зачастую содержат не сопоставимую по годам информацию. Поэтому нам пришлось широко исполь-

¹ Численность населения и развитие здравоохранения Новосибирской обл.; Население Новосибирской обл.: (итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.); Сельские населенные места Новосибирской обл. (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). Новосибирск: Облстат, 1961 и др.

² Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения по районам Новосибирской обл. (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). Новосибирск: Облстат, 1960.

зывать архивные статистические материалы, а также вышедшие ограниченным тиражом и ранее применявшиеся только «для служебного пользования» сборники статистических данных.

Особняком здесь стоит сборник «Женщины и дети Новосибирской области», содержащие как итоги переписей, так и данные текущего учета населения¹. В нем приводятся сравнительные данные за 1939 г. Текущую статистическую информацию о населении содержат издаваемые с конца 50-х гг. ежегодники «Естественное и механическое движения населения» и «Здравоохранение Новосибирской области». В 1959 г. они выходили в едином сборнике «Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской области», в 1966 г. – тоже вместе, под названием «Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области»².

Привлекая весь комплекс статистических сборников, изданных Новосибирским облстатом, мы старались построить как можно более полные динамические ряды абсолютных и относительных показателей рождаемости и смертности (в том числе младенческой) за 1939–1940 гг. По некоторым районам и городам наблюдаются расхождения данных в сборниках 1959 и более поздних годов издания. Частично указанные разночтения можно устранить, используя другие источники, например, данные регистрации демографических событий органами ЗАГС и материалы других архивных фондов. Таким образом, нами формировалась доброкачественная статистическая база для анализа протекавших в области демографических процессов.

Материалы делопроизводства государственных учреждений. Большой массив делопроизводственной документации извлечен нами из фондов Государственного архива Новосибирской области (ГАНО) и его филиала в г. Куйбышеве Новосибирской области (ГАКР). Здесь хранятся документы и материалы государственных органов, общественных организаций и учреждений, отражающие социально-экономическую и демографическую политику государства.

Особый интерес представляют фонды Новосибирского областного статистического управления (ГАНО, ф. Р-11) и инспектуры госстатистики в Куйбышевском районе (ГАКР, ф. 4). В них хранятся справки, отчеты, объяснительные записки, аналитические материалы и оперативная информация, сводные отчеты

¹ Женщины и дети Новосибирской обл.

² Естественное и механическое движения населения [Новосибирской обл.]. Новосибирск: Облстат, 1958–1980, 1991 (с 1992 г. выходит под названием «Численность, состав и движение населения»); Здравоохранение Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1968–1977 (с 1959 по 1967 г. выходил под названием «Развитие здравоохранения Новосибирской обл.»); Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1966.

по естественному и механическому движению населения. Здесь содержатся ответы на запросы вышестоящих организаций, зачастую и сами запросы, сохраняются пояснительные и аналитические записки, черновые материалы, таблицы и формы отчетности, составленные работниками статистических органов. Сегодня это архивная ценность, но ранее эти материалы были оперативной информацией, отражавшей происходившие события.

Аналогичные материалы хранятся в текущих архивах районных инспекций государственной статистики. Нами использованы архивы статорганов городов Куйбышева и Барабинска, где исчерпывающую информацию и комментарии иногда можно получить непосредственно у составителей фондов. Таким образом, статистические архивные фонды позволяют пополнить неопубликованные итоги статистического наблюдения, выявить сложности учета и сбора информации, уточнить итоговые показатели, которые иногда искажались в конъюнктурных целях.

В связи с наличием у Новосибирской области общих границ с Омской областью отмечаем, что между этими двумя административными регионами происходил обмен территориями, и материалы по сопредельным местностям иногда находятся в Историческом архиве Омской области (ИАОО). Нами использованы документы фонда статистического управления Омской области (ИАОО, ф. 2122). В последнем хорошую сохранность имеет документация административной и ведомственной переписки, а также методологических вопросов ведения текущего учета населения.

Большое значение при анализе факторов, влияющих на рождаемость и смертность, имеют материалы органов здравоохранения. В настоящей монографии использованы документы фонда управления здравоохранением Администрации Новосибирской области (ГАНУ, ф. Р-29) и фонда Центральной районной больницы г. Куйбышева (ГАКР, ф. 10), а также текущего архива отдела ЗАГС Администрации г. Куйбышева. Востребованы отчеты областных, городских и районных органов, содержащие сведения о состоянии здоровья населения, о работе лечебных учреждений. Подобная информация особенно важна, так как статистический учет в изучаемый период имел большие погрешности. Последнее косвенно признается работниками статистических органов, которые на архивных делах в листке пользования зачастую делают пометку: «Для уточнения динамических рядов».

Недоучет событий или искажения отчетности особенно характерны для 1930–1934 гг., когда проводились насильственная коллективизация и массовые депортации крестьян, а население голодало. В последующие годы размеры

недоучета значительно уменьшились, хотя пропуски регистрации событий выявляются вплоть до окончания изучаемого периода. Об этом свидетельствует наличие фактов регистрации с «пропущенным сроком» как смертей, так и рождений. С этой точки зрения использование данных отчетов органов здравоохранения необходимо для уточнения материалов о причинах смерти человека. Более точная картина вырисовывается после сравнения отчетных данных органов статистики, здравоохранения и регистрации загсов. Детальная перепроверка проводилась одним из авторов монографии на материалах г. Куйбышева¹.

Использование фондов Западно-Сибирского краевого (ГАНУ, ф. П-3), областных комитетов КПСС Новосибирской (ГАНУ, ф. П-4) и Омской областей (Центр хранения документации новейшей истории Омской области – ЦДНИ ОО, ф. 17), где сохраняются справки, обращения, письма, запросы граждан и учреждений, а также принятые по ним резолюции и решения, дает возможность выяснить социально-экономическую ситуацию в области. Руководящая роль партии способствовала стеканию информации во всей ее полноте в партийные органы, поэтому, как правило, они были лучше проинформированы, чем советские. В упомянутых фондах находится богатейший аналитический материал, обзоры и справки, статически отражающие ситуацию конкретного момента времени. Хранится деловая переписка местных, областных и центральных органов власти, где зачастую отразилась конкретная информация с мест и реакция на нее руководства. Использование фондов архивов Омской области необходимо как из-за изменения административных границ, так и вследствие спорных вопросов, возникавших после проведенных административных преобразований.

Многое можно перепроверить и уточнить, обратившись к материалам фонда плановой комиссии Запсибкрайисполкома Советов – исполнительного органа власти (ГАНУ, ф. Р-12), где содержатся тексты государственных заданий, отчеты по их выполнению, отчетность органов социальной сферы региона (органов здравоохранения, образования и культуры). Подтверждение и конкретизацию происходивших событий можно обнаружить в фондах производственного отдела управления сельского хозяйства (ГАНУ, ф. Р-1406) и земельного управления Запсибкрайисполкома (ГАНУ, ф. Р-1072). Здесь отложились материалы о социально-экономическом развитии коллективных хозяйств и сел области в разные годы, о количестве и составе рабочей силы, запросы и справки о наличии трудовых ресурсов, материальном положении жителей села, подсобных хозяйствах населения и т. д.

¹ Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева...

Огромное значение имеют фонды советских органов власти. В нашем исследовании использованы фонды Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов (ГАНО, ф. Р-47), исполкома Новосибирского облсовета (ГАНО, ф. Р-1020), Куйбышевского райисполкома (ГАНО, ф. Р-387; ГАКР, ф. 1), Куйбышевского горисполкома (ГАКР, ф. 60), Барабинского райисполкома (ГАНО, ф. Р-398). В них содержатся постановления, резолюции, обращения и выступления на собраниях, решения, в том числе по предотвращению инфекционных и паразитарных заболеваний, о продовольственном снабжении, зарплате, ценах и т. д. Здесь имеется и конъюнктурный анализ ситуации. Подчиненное положение советских органов по отношению к партийным наложило свой отпечаток: чаще всего о возникших проблемах говорится вполголоса, намеками, иногда суть можно понять только в контексте ситуации того времени.

Ценную информацию содержит учет сельских советов по домашним хозяйствам. Из похозяйственных книг можно извлечь данные об естественном движении населения, что особенно важно, так как статистический учет событий был далеко не полным. Фонды сельсоветов содержат информацию о миграции населения, численности и структуре семей. В работе использованы материалы 18 фондов сельских советов Куйбышевского района (ГАКР).

Об административном воздействии на демографическую сферу можно судить по материалам фонда управления Министерства юстиции РСФСР по Новосибирской области (ГАНО, ф. Р-1199). В работе использованы материалы осуждения женщин за криминальные аборт, где наряду с количественными параметрами имеются данные о причинах, толкнувших женщин на такой шаг, способах совершения операций по прерыванию беременности.

Специфическую сводную группу делопроизводственных источников, весьма полезную для нашего исследования, составили тематические сборники документов и материалов периода коллективизации, голода и массовых репрессий, извлеченных из центральных и местных архивохранилищ и опубликованных историками. Строго говоря, это комплексные по составу собрания: наряду с делопроизводственными документами, которые здесь занимают доминирующее положение, в них включены письменные источники другого вида (например, законодательные акты). Сборники содержат также комментарии составителей и обзорные статьи ученых, изучающих ту проблематику, которой сборники посвящены, и в этом своем качестве могут быть отнесены к исследова-

тельской литературе. В то же время эти публикации аккумулируют в себе богатейший фактический материал¹.

Серьезным явлением в постсоветский период стал выход пятитомника «Трагедия советской деревни»². Это сборник документов и материалов периода, охватывающего коллективизацию и репрессии до Великой Отечественной войны. В издании широко представлены законодательные акты, письма, справки и другие документы, показывающие весь трагизм сельской жизни в обстановке государственного террора. Данный труд дополняется и продолжается другими публикациями³. Проблематике голода посвящены специальные сборники, содержащие официальные документы⁴.

Заметим, что работу по выявлению документов и подготовке их к печати в специальных сборниках проводили историки не только в СССР, но и в эмигрантских кругах. Например, они осуществили публикацию части материалов партийного Смоленского архива, во время войны попавших к немцам, а затем

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – начало 1933 г. / сост.: С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова [и др.]. Новосибирск: Экор, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938 / сост.: С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова [и др.]. Новосибирск: Экор, 1994; Восточный вектор переселенческой политики в СССР, конец 1920-х – конец 1930-х гг.: док. науч. изд. / ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007; Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской обл., 1921–1991 / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Экор, 1997; Новониколаевская губ. – Новосибирская обл., 1921–2000: Хроника. Документы / отв. ред. И. С. Кузнецов. Новосибирск: Адм. Новосиб. обл., 2001; Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникал.-док. сб. / отв. ред.: В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ИДМИ, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства, 1930–1940 гг.; 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок, 1930–1941; Коллективизация сибирской деревни, янв. – май 1930 г.: сб. док. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2009 и др.

² Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: док. и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000–2006.

³ «Гянут с мужика последние жилы...»: налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сб. док. и материалов / отв. ред. Н. А. Ивницкий. М.: РГАЭ: Собр., 2007; *Ивницкий Н. А.* Судьба раскулаченных в СССР; Колхозная жизнь на Урале, 1935–1953 / сост.: Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006; Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989 и др.

⁴ *Пигарев И. И., Балан С. П., Мордвинова С. А.* Голод в СССР, 1930–1934. М.: Федерал. арх. агентство, 2009; Голодомор / сост. Д. Ванюков. М.: Кн. клуб «Книговек», 2011.

оказавшихся в библиотеке Конгресса США¹. Отраженная в них ситуация во многом является типичной для всей страны, в том числе для Барабы.

Законодательные и другие нормативные акты. Необходимые для нашей работы опубликованные источники законодательного характера включены в многочисленные сборники законодательных и нормативных актов. Они позволяют воссоздать общеисторический контекст развития демографической сферы региона, определяют правовую основу деятельности властных структур в этой сфере. Законодательство страны содержит информацию о материальном, моральном и административном воздействии на процессы брачности, рождаемости, смертности, о регулировании санитарно-эпидемических ситуаций, профилактике заболеваемости, о депортациях и т. д. Для нас ценны опубликованные законы Союза ССР и указы Верховного Совета СССР². С ними тесно коррелировала законодательная система РСФСР, например, принятый в 1926 г. и действовавший в изучаемый период Уголовный кодекс РСФСР³, постановления и иные подзаконные акты республиканского, краевого (в Сибирском, затем в Западно-Сибирском краях), окружного (в Барабинском округе), областного (в Новосибирской области) уровней. По ним можно проследить административное воздействие на демографическую сферу (запрещение абортов, депортации групп населения в ходе коллективизации, массовые репрессии в указанный период и т. д.)

Периодические издания. Нами востребованы газетные и журнальные публикации, отразившие события прошлых лет, дух и колорит эпохи. В районной печати отразилась специфика положения в каждой отдельной местности, жилищные, продовольственные, производственные проблемы и успехи, ситуация в отдельных населенных пунктах. В исследовании использованы полные годовые комплекты куйбышевской районной газеты «Знамя стахановца» Новосибирской области с 1936 по 1940 г. Привлекались также выявленные путем выборочного просмотра публикации газеты «Коммуна», издававшейся в Барабинске в 1930-е гг.

В областной газете «Советская Сибирь» отражен весь путь развития области, показана общая и целостная картина развития региона. Только в этом из-

¹ Неуслышанные голоса: документы Смоленского архива / сост. С. Максудов. Heatherway (Michigan): Ardis/Ann Arbor, 1987. Кн. 1: 1929 г.: кулаки и партийцы.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1956. М.: Верховн. Совет СССР, 1956; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1961. М.: Верховн. Совет СССР, 1961; Охрана материнства и детства в СССР. М.: Юрид. лит., 1983 и др.

³ Уголовный кодекс РСФСР: официальный текст. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.

дании публиковались сообщения управления статистики областной администрации об экономическом и социальном развитии области. Публикации «Советской Сибири» частично дублируют по своему характеру и содержанию источники предыдущих групп, поскольку содержат обширный статистический материал, здесь публиковались правовые акты областных властей.

Общую картину положения в стране содержат центральные газеты и журналы, в том числе специализированные: «Вестник статистики», «Вопросы статистики», «Советское здравоохранение» и т. д. В специальных периодических изданиях содержится базисная информация о развитии системы здравоохранения, статистических, социологических служб в Советском Союзе и РСФСР.

Издания энциклопедического и справочного характера. Эти публикации имели для нас вспомогательное значение. В них представлена разнообразная по содержанию информация об исследуемом нами регионе, а также об административном устройстве, экономическом положении, культурном развитии смежных регионов и России в целом. Однако эта информация имеет очень сжатый характер и показывает только общие контуры ситуации и генеральные направления ее развития¹. Особо отметим, что издания 1930-х гг. имеют важный изъян – информация, представленная в них, носит заведомо пропагандистский характер с целью показать успехи социалистического строительства². Некоторые сведения демографического характера имеются в статьях новейшей «Исторической энциклопедии Сибири»³.

При работе со справочными изданиями 1930–1960-х гг., как и с периодикой, мы вынуждены были считаться с их подцензурным характером и идейно-пропагандистской предназначенностью, негативно отражавшихся на их информативности.

Источники личного происхождения. А. А. Бурматов, один из авторов данной монографии, проживает в г. Куйбышеве и хорошо знаком с проблемами Барабинского субрегиона, неоднократно имел возможность лично расспросить

¹ Статистический словарь / гл. ред. А. И. Ежов. М.: Статистика, 1965; Старость: популярный справочник. М.: БРЭ, 1996; Районы и города Новосибирской обл.: природ.-экон. справ. / отв. ред. И. М. Гаджиев. Новосибирск: Кн. изд-во, 1996; Россия: энцикл. справ. / под ред. А. П. Горкина, А. Д. Зайцева, В. М. Карева. М.: БРЭ, 1998 и др.

² Новосибирская обл.: экономико-географическое описание / под ред. М. С. Бурлакова. Новосибирск: Кн. изд-во, 1939; Народное хозяйство Запсибкрая / отв. ред. В. Г. Вильрат. Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1936 и др.

³ Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1–3.

знакомых ему людей, бывших свидетелями событий предвоенного периода истории.

Авторы сочли нужным использование воспоминаний старших и ныне уже покойных членов семьи А. А. Бурматова – его бабушки Екатерины Ивановны Бурматовой (1907–1996), ее сестры Пелагеи Ивановны Григорьевой (1910–2003) и Матрёны Антоновны Бурдыко (1913–2000), других жителей поселений Барабинской лесостепи. Их рассказы неоднократно слышал А. А. Бурматов еще в детские и юношеские годы. Бабушки обладали прекрасной памятью и воспроизводили события живо и точно.

В целом состояние источниковедческой базы позволило решить поставленные в монографии исследовательские задачи по проблемам демографической истории Барабы. Вместе с тем мы отмечаем неполноту статистических данных периода второй половины 1920-х – 1930-х гг., касающихся, прежде всего, численности населения, вследствие некачественного и ненадежного учета того времени; в 30-х гг. не была исключена и сознательная фальсификация. Статистические органы не смогли полностью и достоверно восстановить демографические ряды даже спустя полвека. В связи с этим мы иногда используем вероятностные, оценочные показатели, которые могут быть уточнены по мере дальнейшего расширения круга источников.

ГЛАВА 1.

НАСЕЛЕНИЕ БАРАБИНСКОГО ОКРУГА ПО ПЕРЕПИСИ 1926 г.

Как уже было сказано выше, 9 декабря 1925 г. постановлением ВЦИК в юго-западной части Сибирского края был образован Барабинский округ. В момент образования территория округа была определена в 98 914 квадр. км¹. В состав округа вошли ранее входившие в Новониколаевскую губернию весь Каинский уезд, западная часть Каргатского уезда (районы Баклушинский и Убинский), а также Татарский уезд бывшей Омской губернии (кроме Андреевского района, отошедшего в новообразованный Славгородский округ)². Население на начало 1925 г. насчитывало 462 844 человека при средней плотности населения в 4,8 человека на 1 км². Плотность населения в Барабинском округе была значительно ниже соседних округов, прилегающих с запада, юга и востока, что объясняется наличием обширных лесов и болот на северо-востоке и безводных пространств на юго-западе округа, неблагоприятных для заселения. Доля горожан оценивалась в 4,7 %³.

¹ Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. Новосибирск: Сибкрайстат, 1927. С. 5.

² Справочник по административно-территориальному устройству Новосибирской обл. 1937–2006 гг. / под ред. В. В. Моисеева, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ГАНО, 2007. С. 14.

³ А. П. Барабинский окр. // Большая Советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Сов. энцикл., 1926. Т. 4. Стб. 685.

По данным текущего демографического учета, на начало 1926 г. в недавно образованном округе постоянно проживало 473 885 человек, в том числе 229 351 мужчина и 244 534 женщины. В городах, утвержденных в таком качестве ВЦИК (Каинск, Барабинск и Татарск), накануне переписи в августе 1926 г. налицо оказалось 24 603 обывателя (11 516 мужского и 13 087 женского пола), или 5,2 % населения округа. Наличного населения в городах было учтено больше, чем постоянного. В Барабинске постоянных жителей было меньше, чем зафиксированных «налицо», на 93 человека (0,9 %), в Татарске – на 791 (8,4 %), в Каинске – на 1143 души (15 %)¹. В сельских местностях было учтено 449 282 жителя (мужчин 217 835, женщин 231 447)², или 94,8 %. Таким образом, за 1925 г. население округа возросло на 11 041 человека, или на 2,4 %. Такое увеличение соответствовало естественному приросту населения. Однако специалисты, производившие исчисления, оговаривали, что учет населения был неполным, ибо не производилось цензов населения, дающих более точный результат³.

Полнота учета населения Барабы Всесоюзной переписью 1926 г.

В 1926 г. в стране была проведена Первая Всесоюзная перепись населения. Демографическая ситуация учитывалась переписью по состоянию на 17 декабря 1926 г. Ее итоги в Барабинском округе оказались близкими к данным текущего учета населения при условии добавления к ним естественного прироста населения (11,7 тыс. человек) и миграционного прироста (только в организованном порядке за 1926 г. в округ было переселено 1,9 тыс. человек)⁴. Эти два фактора увеличивали население на 2,8 % за год. Однако различия между текущим итогом на 1 января 1926 г. и результатами переписи составляли 6,2 %. Это выше наблюдаемого естественного прироста и не отражает миграционного прироста населения. Следовательно, можно говорить о наличии явных погрешностей или в текущем учете, или в данных Всесоюзной переписи, или в обоих этих способах учета численности населения.

Текущий учет был затруднен организационными и кадровыми проблемами, ненадежностью исходных данных: Всеобщая демографическо-профессио-

¹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. С. 8.

² *Пушкарёв С.* Численность населения Сибирского края на 1 янв. 1926 г. // Статбюллетень / Сибкрайстат. 1926. № 14. С. 63.

³ Там же. С. 62.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства Барабинского окр. на 1927–1928 гг. Каинск: Бараб. окружком, 1927. С. 54; Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 38–39.

нальная и сельскохозяйственная перепись 1920 г. дала результаты с большой погрешностью, а Всесоюзная перепись городского населения 1923 г. проводилась только в городах. Как показывает источниковедческий анализ, Всесоюзная перепись 1926 г. тоже безупречна. С. Максудов указывает, что доля населения СССР, не охваченного переписью, составляла как минимум 0,5 %¹, большинство остальных специалистов недоучет оценивают в 1 %². Общегосударственная оценка недоучета отражает более качественные данные по Украине и наихудшие в Средней Азии и Казахстане. Для РСФСР наиболее вероятная оценка недоучета – 0,8 %³. Для Сибирского края и, в частности, Барабинского округа в качестве максимальной величины пропуска нами принимается показатель в 2 %, что составляет до 10 тыс. человек. В Барабинском округе, по нашему мнению, было недоучтено некоторое количество младенцев и детей в возрасте до трех лет, а также взрослых мужчин, оказавшихся на заработках в городах и других местностях.

По данным специального анкетного обследования крестьянского населения, охватившего 87,1 % сельчан Сибири, с октября 1925 по октябрь 1926 г. в города на заработки из каждых 10 тыс. жителей Барабинского округа ушло 64,9 сельскохозяйственных работников, 0,8 строителей, 45,7 чернорабочих. Для сравнения скажем, что количество работников, ушедших на сезонные заработки, составляло в Новосибирском округе, соответственно, 15,5; 0,6 и 25 человек; в Омском – 14,7; 0,1 и 4,6; в Тарском – 13,4; 0 и 6,6; в Томском – 8; 1 и 21,3; в Славгородском – 46,7; 7,1 и 69,5. В Барабинском округе отмечен один из самых высоких уровней отхода на сезонные заработки (отхожие промыслы) в Сибирском крае. Барабу опережали только Кузнецкий и Славгородский округа. Мужчин-отходников было в 5,1 раза больше, чем женщин⁴. Поэтому в Барабе недоучет населения в итогах переписи, возможно, был выше, чем у соседей. Частично этим объясняются замедленный прирост населения и темпы выравнивания соотношения полов в населении. Пиковое время для отхода на заработки вне сельского хозяйства приходилось на конец ноября – март (при длительности отлучки из дома от трех до пяти месяцев), т. е. момент проведения переписи

¹ Максудов С. Потери населения СССР. Benson (Vermont): Chalidze publications, 1989. С. 27.

² Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т.: 1) Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг.: (краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 35; 2) Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. С. 21.

³ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России, 1927–1959. М.: Информатика, 1998. С. 27.

⁴ Минц Л. Е. Аграрное переселение и рынок труда в СССР. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 294, 295, 382, 383.

населения 17 декабря совпал с этим периодом. Это занижало численность жителей округа в итоговых разработках переписи 1926 г.

Отметим, что в дальнейшем статистики меняли данные о количестве жителей в городах Барабы (окончательные числа: Каинск – 8162 человека, Барабинск – 9828, Татарск – 9208 человек), утверждая, что делается это с учетом административных преобразований¹. Подобная коррекция свидетельствует о признании недоучета населения в ходе переписи 1926 г. самими ее организаторами.

Возможность неполного охвата жителей Всесоюзной переписью была заложена в самой методике ее проведения. На места была послана инструкция, в ней по ряду организационных вопросов устанавливались лишь общие положения. Органы власти территорий должны были выработать дополнительные инструкции с учетом региональных особенностей и предоставить их в Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР не позднее 1 ноября 1926 г.² Естественно, нехватка времени и подготовленных кадров могли негативно повлиять на точность учета. В Сибирском крае в ходе переписи было выявлено около 16 % населенных пунктов, «пропущенных при составлении списка в процессе подготовительных работ»³. Длительность проведения переписи составляла в городах семь дней, в селах – четырнадцать⁴. (Хотя П. И. Попов – известный статистик, с 1922 по 1928 г. – член Президиума Госплана СССР, с 1926 по 1928 г. – заведующий сводно-плановым отделом Госплана РСФСР – в речи на учительском съезде в 1925 г. извещал, что «перепись населения проводится быстро – в городах в течение 5 дней, в селениях – не свыше 10 дней»⁵). Перепись начиналась в пятницу 17 декабря, когда подвижность населения возрастала перед выходными и базарными днями, а учитывали «налицо» всех, прошедших ночь с 16 на 17 декабря в данном населенном пункте. Естественно, были возможны пропуски счетчиками жителей в одном месте (в том числе и из-за уехавших на заработки, нерегистрируемой вовремя смерти) и двойной учет в другом. Заметим к тому же, что статистики устали от переписей. За несколько предыдущих лет в короткое время были проведены по широкой программе несколько всесоюзных переписей: сельскохозяйственная, промышленных предприятий, сочетав-

¹ Сибирский край: стат. справ / ред. Н. Солоницын. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 4–5.

² Воробьев Н. Всесоюзная перепись населения 17 дек. 1926 г.: краткий обзор организации и производства. М.: Союзоргучет, 1938. С. 24.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Всесоюзная перепись 1926 г.: (речь, произнесенная П. И. Поповым на Всесоюзном учительском съезде) // Бюллетень / Центр. стат. упр. 1925. № 99. С. 35.

шаяся с переписью фабрично-заводских рабочих, и торговая. Сама же демографическая перепись 1926 г. сочеталась с обследованием жилых помещений, что увеличивало нагрузку на счетчика.

Недоучтенными оказывались дети до трех лет. Последнее наблюдалось повсеместно, ибо существовавшие традиционные поверья и предрассудки вели к сокрытию от посторонних глаз малолетних ребят. Подобное явление отчетливо проявилось даже в более модернизированных районах страны, например, в Украине¹. Границы районов и городов менялись, несмотря на запрет производить какие-то изменения в административном делении с 1 октября 1926 г. по 1 марта 1927 г.², принадлежность некоторых местностей оспаривались соседними округами. Например, Барабинский и Омский окружкомы оспаривали границу Татарского района. Село Новокиевка со 177 жителями и пос. Себино с 12 жителями Никулинского сельского совета, с. Китнарва с 218 жителями Степановского сельсовета на территории Омского округа Барабинский окружком считал своими, расположенными на территории Татарского района. Было произведено территориальное размежевание в пользу Барабинского округа, но в ходе межевания выяснилось, что при суммировании числа жителей названных поселений данные не совпадали с итогами переписи на 4 человека. Органы власти не могли объяснить такое расхождение³.

Принимая во внимание все вышеизложенные факты, мы и сделали нашу оценку недоучета переписью населения 1926 г. в Барабинском округе и в целом по Сибири – до 2 %. Но такая величина недоучета не превышает допустимой статистической погрешности. Ее фиксация позволяет частично объяснить ускоренные темпы прироста населения в 1927–1929 гг. В целом перепись 1926 г. показала хорошее качество демографического учета.

Территориальное размещение населения

После проведения Первой Всесоюзной переписи населения, естественно, некоторое время происходила обработка полученных данных, включавшая их поэтапную проверку и уточнение. Первые (оперативные) данные показали, что в Барабинском округе в трех городах и 17 районах проживало 502 707 человек⁴. После уточнения оперативных данных (еще 36 человек было добавлено

¹ Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Опыт оценки численности населения... С. 35.

² Воробьев Н. Указ. соч. С. 23.

³ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1087. Л. 80.

⁴ Пушкарев С. М. Население Сибирского края по предварительным итогам демографической переписи 1926 г. // Статистический бюллетень / Сибкрайстат. 1927. № 9/10 (январь – апрель). С. 4.

к сельскому населению) были получены новые, но всё же предварительные итоги: в округе насчитали теперь 502 743 жителя¹. В процессе подведения окончательных итогов к этому числу добавили еще 0,1 %. В окончательном виде численность населения Барабинского округа составила 503 371 человека, причем в сельской местности проживало 476 237, а в городах – 27 134 человека². Субрегион был слабо урбанизирован: доля городского населения составляла здесь 5,4 %, сельского – 94,6 %. Бараба концентрировала 5,8 % населения огромного Сибирского края, занимая всего 2,3 % его территории³.

Интересно, что статистика изучаемого периода противоречива в вопросе о размерах площади территории Барабинского округа. Согласно данным, приведенным в 1927 г. статистическим отделом исполкома Сибирского краевого Совета, площадь округа составляла 98 014 км², при этом освоено в хозяйственном отношении было 44 % этой территории⁴. По данным же, обнародованным в 1929 г. в «Сибирской Советской энциклопедии», пространство Барабы имело 102 037 км², хозяйственно было освоено 49,4 % этой площади⁵. Заинтересовавшись разницей в указанных данных, мы провели суммирование площадей всех районов и городов округа, указанных в официальной статистике второй половины 1920-х гг.⁶, и получили итог в 95 638 км². Такую разницу между показателями можно объяснить происходившими в изучаемый период подвижками границ округа, а также несовершенством практиковавшихся тогда способов измерения земельной площади.

Города Барабинского округа (Каинск, Барабинск, Татарск) были мало мощными в экономическом и культурном отношении, мало отличались от своей сельской округи. Барабинск, который был назначен центром округа, не имел мощных улиц. В нем имелись электростанция, две мельницы, кожзавод и кирпичный сарай, кузницы, мастерские по производству и ремонту часов, сапог; работали 24 торговых заведения, три школы (одна 7-летняя и две школы 1-й ступе-

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 3–4.

³ Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 2, 4.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Н. Ю. Барабинский окр. // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. Стб. 227.

⁶ Народное хозяйство Новосибирской обл. за 1981–1985 гг. Новосибирск: Кн. изд-во, 1987. С. 3–4. (Без данных по части Доволенского района).

ни), библиотека, клуб, больница, аптека¹. Немногим лучше обстояло дело в Каинске, который с конца XVIII в. являлся административным центром уезда. Он имел довольно развитую промышленность (кожевенный, винокуренный и водочный заводы, типографию, электростанцию, сапожные, часовые и мыловаренные мастерские, кузницы) и торговлю. Здесь работали пять школ (в том числе 9-летка), педагогический техникум, молочная школа, библиотека, клуб, дом крестьянина, две больницы, окружной музей². В Татарске располагались электростанция, мельница и кузницы, типография, столярные, швейные, мыловаренные, часовые и сапожные мастерские³. К «цензовым» предприятиям фабрично-заводского типа, имеющим совокупность определенных признаков, на основе которых они учитывались как самостоятельные, в округе были отнесены всего десять производств, из них в городах девять, в том числе в Каинске пять, в Барабинске и Татарске по два⁴.

Статистики относили Барабинский округ «к округам со слабым процентом роста населения... не дающим даже 10 % прироста»⁵. Такой вывод делался в результате сравнения данных о численности населения, полученных в ходе Всесоюзной переписи 1926 г., с данными Всесоюзной городской переписи 1923 г. Как отмечают статистики, города округа «показывали разные темпы прироста населения». Так, окружной центр Каинск по сравнению с 1923 г. стал многолюднее на 40,3 % и вошел в группу городов, дающий повышенный прирост населения. Немного выше среднего прироста (по городам – 15,1 %) по сравнению с 1923 г. дал Барабинск – 19,6 %. Татарск возрос с момента городской переписи 1923 г. всего на 6 %⁶. Удерживая ретроспективный взгляд, отметим, что за период между Всероссийской переписью 1920 г. (август 1920 г.) и Всесоюзной городской переписью (март 1923 г.) наличное население Каинска сократилось на 13,2 %, постоянное – на 6,1 %⁷. Количество жителей Барабинска

¹ Барабинск // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 223; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск: Сибкрайстат, 1928. Вып. 2: Промышленность. С. 143–144, 438–441.

² Горнунг В. Каинск // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. Стб. 452–453; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2. С. 141–143, 438–441.

³ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып. 2. С. 145–146, 438–441.

⁴ Там же. С. 438–441.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Петров А. И. Рост городов Сибирского края // Статистический бюллетень / Сибкрайстат. 1927. № 9/10. С. 37.

⁷ Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 36, 56–57; Итоги Всесоюзной переписи городского населения 1923 г. М.: ЦСУ СССР, 1924. Ч. 1. С. 2, 42.

с 1920 по 1923 г. уменьшилось на 1 %, Татарск же возрос на 23 %¹. Поэтому итоги переписи 1926 г. отметили завершение тенденции к стагнации Каинска и Барабинска, которые в годы нэпа ускорили свое развитие, и подчеркнули относительное ослабление экономической роли Татарска.

При публикации итогов переписи 1926 г. указывалось, что по сравнению с переписью, проведенной в 1920 г., население всего Барабинского округа выросло на 7,5 %, а сельское население – на 8,1 %². Это соответствовало исторически сложившейся специализации территории. В Барабе процветало сельскохозяйственное производство, продуктивное молочное животноводство было основой выработки в селениях сливочного масла. С 1908 по 1913 г. доля России в мировом экспорте масла составляла 19 %, на всю Западную Сибирь приходилось 16,5 %, конкретно на Барабу – 10–11,5 %³. Бараба давала до коллективизации 40 % наиболее качественного экспортного масла страны⁴. На рубеже 1920–1930-х гг. власти СССР сделали приоритетным развитие тяжелой промышленности, стали смотреть на село как на источник средств для индустриализации страны. Это одна из причин того, что рост численности сельского населения прекратился, ибо сельские обыватели проголосовали ногами против такой установки власти.

Административно-территориальное деление и распределение сельского населения по районам Барабинского округа представлены ниже в таблицах 1.1 и 1.2. Таблицы показывают, что в Барабе преобладали небольшие по численности населения районы. В Биазинском районе перепись 1926 г. учла всего 6,2 тыс. человек. Эта удаленная и труднодоступная в любое время года северная местность была отрезана от основной территории округа труднопроходимыми болотами и лесами. В Верх-Ичинском, Малокрасноярском и Новотроицком районах проживало от 14 до 20 тыс. человек. Немногим больше насчитывалось в Казанцевском, Михайловском, Баклушевском районах (22–24 тыс.). В пяти районах жителей имелось от 30 до 40 тыс. Максимальная численность населения была зафиксирована переписью в Татарском районе (60,1 тыс.) и Купинском районе (46,7 тыс.). В среднем по округу один район населяли 28 тыс. человек, и близкими к этому показателю летом 1926 г. оказались Спасский и Чановский районы Барабинского округа.

¹ Рассчитано по: *Петров А. И.* Указ. соч. С. 36.

² Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 5.

³ *Панадиади А. Д.* Барабинская низменность (природа, хозяйство и перспективы развития). М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1953. С. 15.

⁴ *Гущин Н. Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 135.

Таблица 1.1

**Административно-территориальное деление Барабинского окр.
на 1 января 1927 г.***

Район	Площадь, км ²	Количество				Средняя людность селения, чел.**	Плотность населения, чел./км ²
		Сельсоветов	Населенных пунктов				
			всего	с населением св. 500 чел.	с населением до 50 чел.		
Баклушевский	2782	15	32	13	4	857	8,7
Барабинский	5095	32	110	45	43	507	6,8
Биазинский	10 030	8	31	5	9	271	0,6
Верх-Ичинский	3670	18	46	26	5	390	4,4
Казанский	4594	21	56	28	10	465	4,7
Купинский	6298	41	117	50	20	464	7,3
Кыштовский	13 903	40	102	59	18	386	2,4
Малокрасноярский	2189	17	118	38	41	247	8,8
Меньшиковский	5103	20	79	53	5	334	4,9
Михайловский	13 025	27	96	18	19	302	1,8
Нижекаргатский	3704	22	39	22	1	1021	9,1
Новотроицкий	9808	21	61	23	7	271	1,5
Спасский	3037	30	47	37	5	645	8,9
Татарский	5575	59	217	80	112	619	10,8
Убинский	4051	25	110	15	63	675	7,8
Чановский	3805	39	74	30	25	569	7,2
Юдинский	5368	32	69	48	16	553	5,6
Итого:	102 037	467	1404***	590	403	470	4,7

* Рассчитано по: Н. Ю. Барабинский окр. Стб. 229–230; Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8; Список населенных мест Сибкрая. Новосибирск: Сибкрайстат, 1928. Вып. 3: Барабинский окр. С. 1–85.

** Людность исчислена без учета поселений с числом жителей до 50 чел.

*** По другим данным, на 17 дек. 1926 г. в округе числилось 1392 сельских населенных пункта.

Таблица 1.2

Население Барабинского окр. по данным переписи 1926 г.*

Административные единицы	Численность населения, чел.			Кол-во мужчин на 1000 женщин
	всего	мужчин	женщин	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Всего в округе	503 371	246 727	256 644	961,4
Всего в городах	27 134	13 937	13 197	1056,1
В том числе:				
Барабинск	9822	4712	5110	922,1
Каинск	7606	4056	3550	1142,5
Татарск	9706	5169	4537	1139,3
Всего в селениях	476 237	232 790	243 447	956,2

1	2	3	4	5
В том числе в районах:				
Баклушевский	24 111	11 797	12 314	958
Барабинский	34 685	16 926	17 759	953,1
Биазинский	6144	2987	3157	946,2
Верх-Ичинский	16 128	7784	8344	932,9
Казанский	21 621	10 562	11 059	955,1
Купинский	46 410	23 141	23 269	994,5
Кыштовский	32 922	15 904	17 018	934,5
Малокрасноярский	19 362	9237	10 125	912,3
Меньшиковский	25 126	12 208	12 918	945
Михайловский	23 739	11 764	11 975	982,4
Нижекаргатский	33 709	16 268	17 441	932,7
Новотроицкий	14 694	7234	7460	969,7
Спасский	27 233	13 126	14 107	930,5
Татарский	60 093	29 477	30 616	962,8
Убинский	31 770	15 535	16 235	956,9
Чановский	28 279	13 906	14 373	967,5
Юдинский	30 211	14 934	15 277	977,5

* Подсчитано по: *Н. Ю. Барабинский окр.* Стб. 229–230; Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8, 266–270.

По данным переписи 1926 г., в среднем на один сельский район в Барабинском округе приходилось 28,1 тыс. жителей, 28 сельских советов и 81 населенный пункт¹. Наиболее крупными сельскими населенными пунктами являлись сёла Верхний Каргат (4005 жителей), Купино (3846), Нижний Чулым (3793), Старо-Горносталево (3375), Баклуши (3290), Суздалка (3166 человек). От 2 до 3 тыс. жителей насчитывали семь сел, от 1 до 2 тыс. – 94 села, от 800 до 1000 жителей – 45 сел. В селах с населением свыше 800 человек проживала половина сельского населения округа. Напрашивается вывод, что в Барабинской степи преобладал крупнопоселенный тип сельских населенных мест. Однако среднее число жителей в сельском поселении (средняя людность) составило всего 347 человек². Такая относительно низкая людность по округу объясняется значительным числом хуторов, полуказарм, будок, разъездов, заимок, в которых проживали чаще всего от одной до четырех семей, а численность обывателей не превышала 50 человек. Столь малых поселений в округе было 403, в них насчитывался 6261 житель. Таким образом, 1,2 % жителей обитало в 29 % от все-

¹ *Кисельников А. А., Бессонова Г. А., Харченко Л. П.* Население Новосибирской обл.: информ. изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. Т. 1. С. 21.

² Там же.

го количества населенных мест. Без учета этих «микроскопических» деревень средняя людность сельского населенного пункта в округе возрастает до 470 человек.

Наличие обильного числа микродеревень в Барабе объяснялось прежде всего здешними почвенно-географическими условиями – почвы в Барабе были потенциально плодородными. Их относили к категории «не богатых, а тароватых» (В. В. Докучаев)¹, т. е. быстро выпахиваемых и требующих удобрения. Не хватало и инвентаря для сплошной распашки – солонцеватые участки не обрабатывались, а пропускались. На плодородных участках, удаленных от деревень, возникали временные или постоянные поселения – заимки, хутора. Вторая специфическая причина существования большого числа хуторов в Барабе заключается в том, что именно здесь, начиная с 1911 г., во время осуществления «нового курса» царского правительства в аграрном вопросе, переселенцев старались наделять землей не в коллективном порядке, что вело ранее к образованию новых сельских обществ и переселенческих поселков, а в единоличном порядке, что поощряло хуторское расселение. На хутора стали уходить и некоторые крестьяне-старожилы в ходе развернувшегося накануне Первой мировой войны внутринадельного размежевания общинных земель². Кроме того, весь Барабинский округ пересекала Транссибирская железнодорожная магистраль, от Татарска на юг от нее отходит Кулундинская ветка, и для обслуживания железнодорожного хозяйства отдельными семьями и небольшими группами селились вдоль «чугунки» люди – в казармах, полуказармах, будках, разъездах и пр.

Мелкие населенные пункты, населенные чувашами и латгальцами, находились в подтаежной зоне – в Малокрасноярском (41 населенный пункт, или 10,2 % от общего числа хуторов), Новотроицком и Биазинском районах. В степной части округа располагались населенные эстонцами, латышами и латгальцами хутора. Таковых особенно много было в Татарском районе – 112 пунктов с населением до 50 человек, или 28 % от всех мелких населенных пунктов Барабы. Значительное число небольших по численности поселений отмечено в районах Убинском (63, или 15,6 % от общего числа хуторов) и Барабинском (43, или 10,7 %).

Северные болотистые и подтаежные, наиболее отдаленные и труднодоступные местности округа оказались самыми малолюдными. В Биазинском районе плотность составляла 0,6 человек на 1 км², в Новотроицком – 1,5, в Ми-

¹ Цит. по: *Панадиади А. Д.* Указ. соч. С. 16.

² *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма* / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 230, 235–238.

хайловском – 1,8, в Кыштовском районе – 2,4 человека. Здесь плотность была в два – три раза, а в Биазинском – даже в восемь раз ниже, чем в среднем по округу. Занимая 45,8 % территории, названные четыре района имели удельный вес в сельском населении, равный всего 16,3 %. Во всем населении округа их доля составляла 15,4 %.

Наибольшая плотность населения в 1926 г. была зафиксирована в Татарском районе, т. е. в степной части округа, примыкающей к железной дороге: 10,8 человек на 1 км². Немного меньше плотность населения была в Нижнекаргатском (9,1), Спасском (8,9), Малокрасноярском (8,8), Баклушевском (8,7 человек на 1 км²) районах. Занимая 16,9 % территории округа, пять названных районов концентрировали 34,5 % всего и 34,6 % сельского населения Барабинского округа. Если включить в их состав еще и г. Татарск, то доля этих местностей в населении округа возрастает до 34,8 %.

Территория повышенной плотности населения в Барабинском округе во второй половине 1920-х гг. – это зона старого аграрного освоения не только в степной, но и в лесостепной полосе (Спасский, Малокрасноярский районы), где, кроме земледелия, процветали охота и собирательство, а также территория нового переселения в годы Столыпинской аграрной реформы (Баклушевский, Нижнекаргатский районы). В последних преимущественно селились выходцы из Украины и юга России, привыкшие к жизни в обширных поселениях. Они образовали крупнейшие села округа, в том числе Нижний Чулым, Старо-Горносталево, Баклуши, Суздалку. В этих же районах была зарегистрирована самая высокая рождаемость в округе. Татарский район получил толчок в развитии после проведения железной дороги.

Таким образом, средняя географическая плотность населения по округу в 5,1 человек на 1 км² не отражала существенных межрайонных и внутрирайонных различий. Наличие обширных незаселенных местностей, множества болот приводило к большой разнице между такими местами и плотностью населения на землях трудового землепользования. На последних показатель равнялся 11,6 человека на 1 км², т. е. был в 2,3 раза выше, чем в среднем по округу¹.

Маломощность большинства районов Барабинского округа во второй половине 20-х гг. по численности населения и экономическому потенциалу способствовала в дальнейшем укрупнению административных территорий, которое совпало с политикой сплошной коллективизации сельского хозяйства. Однако применительно к Барабе можно увидеть и другую причину для проведения укрупнения районов и сельсоветов. Коммунисты и руководство районов оказа-

¹ *Пушкарев С. М.* Население Сибирского края. С. 2.

лись сплошь малограмотными. Например, в с. Казанцево одноименного района, по отзывам очевидцев, «коммунисты газет не читали, не знали, когда состоялся очередной съезд партии и даже кто такой Л. Д. Троцкий»¹. На вопрос о том, что они знают о М. И. Калининe, говорили, что он работает в окружном центре, в Барабинске. Такие «истые коммунисты» на рубеже 1920–1930-х гг. и осуществляли коллективизацию и раскулачивание. По своему образовательному уровню и политическому развитию большинство «партейцев» значительно уступало иным беспартийным крестьянам, поэтому боялось вступать с ними в дискуссии. На собраниях, когда население «крыло политику партии и власти», коммунисты не умели и не могли защитить советскую власть².

Половозрастной состав населения

В годы политических потрясений периода Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны, связанных с этими потрясениями экономических и психологических эксцессов в России произошла первая в XX столетии демографическая катастрофа, имевшая несколько фаз обострения и ослабления³. Одним из долговременных последствий этой катастрофы и предшествовавших ей демографических кризисов стало установление половой диспропорции в населении страны: мужчин в населении в 1920-х гг. стало значительно меньше, чем женщин. Эта диспропорция существовала в масштабах всей страны, но также в собственно российских регионах, в частности, в Сибирском крае и Барабинском округе.

Судя по данным Всероссийской переписи населения 1920 г., среди жителей Сибири на излете Гражданской войны на каждую 1000 женщин приходилось только 929,4 мужчины. Перепись 1926 г. зафиксировала в Сибирском крае такое соотношение: 959,7 мужчины на 1000 женщин⁴. На территории Барабы в 1920 г. соответствующий показатель составлял 925,1 мужчины, в 1926 г. – 954,2 (по предварительным итогам переписи)⁵ или 961,4 (по окончательным итогам)⁶. Данные таблицы 1.2 показывают, что доля мужчин в сельской мест-

¹ *Климин И. И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007. Ч. 2. С. 138.

² Там же. С. 139.

³ См.: *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 236.

⁴ Подсчитано по: Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 10.

⁵ Подсчитано по тому же источнику.

⁶ См. таблицу 1.2.

ности Барабинского округа в 1926 г. составляла 48,9 %, а женщин – 51,1 %. На основании таких данных при публикации итогов переписи 1926 г. специально указывалось, что происходит плавное восстановление равновесного соотношения полов, нарушенное в ходе мировой и гражданской войн¹. При этом восстановление полового баланса в сельском населении Барабы шло медленнее, чем в целом в Сибири.

Особняком в вопросе о половой структуре населения всей страны, Сибири и Барабы в 1920-е гг. стояло население городов. Статистики тех лет отметили, что среди горожан Сибири в восьми округах (к 1930 г. в Сибирский край входило 18 округов) наблюдается численный перевес мужчин над женщинами². Доля мужчин в населении в 1926 г. составляла в Барабинске – 48 %, но в Татарске – уже 52,2, а в Каинске даже 53,3 %³. Заметим, что в окружном центре Каинске и в Татарске (бывшем центре одноименного уезда) доля мужчин превышала половину населения. Это было связано с притоком преимущественно мужской рабочей силы в эти города на заработки из других местностей и окружающей сельской среды.

Детально распределение населения Барабы по полу и возрасту (половозрастная пирамида) представлено ниже в таблице 1.3. По данным таблицы видно, что в округе количество женщин превышало число мужчин почти на 10 тыс. человек. Женский перевес начинался уже в возрастной группе 15–19 лет. Представители этой возрастной группы не участвовали в войнах предшествующего времени, поэтому столь раннее превышение женского населения связано с большими потерями мальчиков в годы голода, беспризорничества и т. д. В возрастной группе 20–24 года женский перевес усиливается – ее представители уже принимали участие в Гражданской войне. В возрастном интервале от 25 до 29 лет число мужчин было меньше числа женщин уже на 14 %. Эта возрастная группа составляла основной призывной контингент в ходе Гражданской войны. Потери у них были высоки, и по количеству мужчин, приходящихся на 1000 женщин, этот возраст имеет показатель ниже, чем у 60–64-летних.

¹ Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 8.

² Там же. С. 6.

³ Подсчитано по данным таблицы 1.2.

**Распределение населения Барабинского окр. по полу и возрасту
по данным переписи 1926 г.***

Возраст, лет	Кол-во мужчин		Кол-во женщин		Всего населения, чел.		Кол-во мужчин на 1000 женщин
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
0–4	42 671	17,3	42 055	16,4	84 726	16,8	1014,6
5–9	28 785	11,7	28 741	11,2	57 526	11,4	1001,5
10–14	31 421	12,7	31 050	12,1	62 471	12,4	1011,9
15–19	30 894	12,5	32 037	12,5	62 931	12,5	964,3
20–24	21 897	8,9	23 187	9	45 084	9	944,4
25–29	17 729	7,2	20 459	8	38 188	7,6	866,6
30–34	12 969	5,3	13 593	5,3	26 562	5,3	954,1
35–39	12 498	5,1	13 773	5,4	26 271	5,2	907,4
40–44	10 104	4,1	10 180	4	20 284	4	992,5
45–49	9203	3,7	9323	3,6	18 526	3,7	987,1
50–54	6796	2,8	7495	2,9	14 291	2,8	906,7
55–59	5956	2,4	7300	2,8	13 256	2,6	815,9
60–64	5577	2,3	6424	2,5	12 001	2,4	868,1
65–69	4393	1,8	4532	1,8	8925	1,8	969,3
70–74	2594	1	3113	1,2	5707	1,1	833,2
75 и выше	3081	1,2	3203	1,2	6284	1,3	961,9
Не указан	159	0,0	179	0,1	338	0,1	888,3
Итого:	246 727	100	256 644	100	503 371	100	961,4

* Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 116–117.

Вторая возрастная яма в половозрастной пирамиде населения Барабинского округа приходилась на 35–39 лет. Эта возрастная группа захватила Русско-японскую, Первую мировую и Гражданскую войну, активно участвовала в восстаниях и партизанском движении против А. В. Колчака. Удивительно поэтому, что соотношение мужчин и женщин в этом возрасте выглядело более сбалансированно, чем в возрасте 25–29 лет. В возрасте 40–44 года число мужчин и женщин почти выравнивается. После этого возраста соотношение мужчин и женщин постепенно меняется в пользу последних. Это связано с естественными процессами, так как женщины живут дольше. Тенденция прерывается только в возрасте 65–69 лет и у лиц старше 75 лет. Данные когорты были мало задействованы в войнах. В силу малочисленности этих возрастных групп возможно стечение случайных факторов, которое оказалось для мужчин более благоприятным.

Женское количественное доминирование не наблюдалось только в самых младших возрастах: здесь преобладали мальчики. В силу биологических причин мальчиков рождается обычно на 5–6 % больше, чем девочек, но они имеют повышенную смертность, и с возрастом доля мужчин в населении становится меньше. На количество мальчиков в возрастном интервале 5–9 лет в данном случае негативно воздействовала также их повышенная смертность в годы революции и гражданской войны.

Возрастная структура населения Барабинского округа показывает повышенную рождаемость в годы после окончания Гражданской войны. Причины этого – компенсаторный подъем рождаемости после «смутного времени» и сохранение традиционного репродуктивного поведения населения при молодой возрастной структуре. Доля детей в возрасте 0–4 года составляла у всего мужского населения 17,3 %, у женского – 16,4 %. Для всего населения она равнялась 16,8 %. Еще выше доля детей младшего возраста отмечается в селах – 17 %, в городах доля таковых заметно ниже – 13,6 %.

У этнических русских в 1926 г. доля детей в возрасте 0–4 года составила 17,1 % и была выше, чем в населении округа в целом. У украинцев удельный вес младшей возрастной группы оказался ниже – 16,2 %¹. Это связано с недоучетом детей в ходе переписи у представителей данного этноса (в их среде сильнее было укоренено поверье о необходимости скрывать младенцев от посторонних, чтобы не «сглазили»). Часть детей в семьях украинской национальности были записаны русскими. Рождаемость среди украинцев оставалась более высокой, а младенческая смертность ниже, чем у русских. Можно сравнить долю младенцев (возрастная группа от рождения до 1 года) в русской и украинской этнической среде. У русских эта доля в 1926 г. составила 4,7 %, у украинцев – 4,1 % (в городах – 3,4, в сельской местности – 4,6 %)².

В городах была зафиксирована пониженная доля младенцев и детей в населении. Это было связано не столько с разницей в уровне рождаемости (в городах и селениях этот уровень отличался мало), сколько с миграционным приростом численности взрослого населения в городах.

Как показывают данные таблицы 1.3, население Барабинского округа в 1926 г. имело молодую возрастную структуру. Доля детей до 15 лет составила в городах 34,7 %, в сельской местности – 41 %. Во всем населении эта доля составляла 40,6 %, у мужчин – 41,7, у женщин – 39,7 %. Доля лиц старше 60 лет оказалась невелика. В этом возрасте было учтено 6,6 % всего населения; у муж-

¹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 118–121.

² Подсчитано по тому же источнику.

чин – 6,3, у женщин – 6,7 %. В городах доля пожилых составила 4,7, а в селах 6,7 %. Это свидетельствует о миграционных процессах и о переходе части выходцев из села в разряд горожан. Молодой оставалась и среда основных этнических групп, населявших Барабу. У русских доля лиц старше 60 лет составляла 6,3, у украинцев – 6,9 %¹.

Этнический состав населения

Еще в первой трети XX в. заселение и упорядочение расселения, усиление специализации территории Барабы и Кулунды было государственной политикой. Миграционная емкость под будущие переселения в окрестности Каинска в 1910 г. властями оценивалась в 10 тыс. человек². Именно активная переселенческая политика царского правительства способствовала освоению территории Барабы. Особенно это проявилось в годы реформы А. П. Столыпина. Если в 1897 г. в Каинском уезде проживало 187,6 тыс. человек, то к 1911 г. – 369,2 тыс., т. е. численность населения возросла почти в два раза³. В первой четверти XX в. появилось 53,1 % всех деревень будущего Барабинского округа⁴. В северную лесистую и болотистую часть уезда переселялись, кроме русских, белорусы, чуваша, мордва, латыши и латгальцы. В южной степной и лесостепной части и вдоль железнодорожной магистрали селились украинцы. Этим фактором объясняется география расселения представителей разных этнических групп в Барабе. Национальный состав населения округа по переписи населения 1926 г. представлен в таблице 1.4.

Таблица 1.4

Численность представителей основных этносов в населении Барабинского окр. в 1926 г., чел.*

Этнос	Всего в округе	В городах				В селениях
		Всего	Каинск	Барабинск	Татарск	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Русские	369 575	21 327	5995	7766	7566	348 248
Украинцы	68 375	2015	266	858	891	66 360
Белорусы	26 270	857	176	412	269	25 413
Татары (всего)	8364	280	111	52	117	8084
В том числе:						

¹ Подсчитано по тому же источнику. С. 117, 119, 121.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 19. Л. 8.

³ Н. Ю. Барабинский округ. Стб. 229–230.

⁴ Подсчитано по: Список населенных мест Сибкрая. С. 1–85.

1	2	3	4	5	6	7
Татары	7613	280	111	52	117	7333
Мишари	574	0	0	0	0	574
Тептяри	177	0	0	0	0	177
Казахи	5443	13	2	1	10	5430
Поляки	4032	344	110	107	127	3688
Чуваши	3752	65	27	22	16	3687
Эстонцы	3103	94	10	3	81	3009
Латыши	2364	81	32	32	19	2283
Мордва	2363	87	7	25	55	2276
Евреи	2227	1692	798	454	440	535
Немцы	1892	50	18	15	17	1842
Литовцы	1532	56	11	32	13	1476
Цыгане	684	23	661
Латгальцы	671	0	0	0	0	671
Коми-зыряне	499	9	490
Башкиры	411	3	408
Молдаване	206	5	201
Прочие	690	95	595
Не указан	918	38	880
Итого:	503 371	27 134	7606	9822	9706	476 237

* Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8, 20–23, 244–245.

Слабозаселенные территории страны были объявлены открытыми для планового переселения к 1925 г. Цель политики большевиков по этому вопросу была прагматичной: «...Вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции путем рационального расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов»¹. В 1925–1926 гг. в Сибирь было переселено 150 тыс. человек. Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края проектирует в предстоящие 15 лет вселить в край еще 2 млн человек, в том числе в первое пятилетие – 400 тыс., во второе – ок. 600 тыс., в третье – ок. 1 млн². Колонизации подлежали, в частности, малообжитые местности Барабинского округа. На освоение новых территорий выделялись значительные средства. В сельские районы Барабы за 1926/1927 и 1927/1928 финансовые годы было переселено

¹ Цит. по: Красильников С. А. Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. С. 61.

² Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Население Сибирского края (русские и туземцы). Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. С. 58–59.

4,9 тыс. и 18 тыс. человек, соответственно. В первую пятилетку (1928–1933 гг.) сюда предполагалось переселить еще 48,5 тыс. человек¹.

Отметим, что при проведении Первой Всесоюзной переписи населения счетчики задавали вопросы о народности и родном языке опрашиваемого лица. Вопросы о национальности не задавали. Перед статистиками стояла такая задача: «...Отразить национальный состав населения в том виде, как он складывается в результате послереволюционного самоопределения национальностей Союза»². Была утверждена формулировка «народность». Специально оговаривалось, что народность и родной язык могут не совпадать³. Определить свою этническую принадлежность предстояло самому опрашиваемому: «Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят»⁴.

В ходе обработки результатов переписи 1926 г. в Барабинском округе были выявлены представители 56 этнических групп. При этом 918 человек были отмечены как «неправильно указавшие народность» (в официальном списке, утвержденном ЦСУ СССР, существование таких этносов не признавалось) или как не указавшие свою народность вообще⁵. К неточно указавшим народность относились представители одной из этнографических групп татар – тептяри (98 мужчин и 79 женщин), а также один мужчина-хакас⁶ (хакасы как отдельный этнос стали выделяться позднее). В итоговых публикациях у представителей 20 народов численность в Барабе колебалась от одного до шести человек. Алтаец, карагаз (тофалар), якут, калмык, карел, крымский еврей, туркмен, перс и итальянец, как и хакас, были единственными представителями своего народа. По два человека «делегировали» в население Барабы следующие этносы: чеченцы, турки, сербы. В округе оказалось также три шведа, четыре корейца. Было учтено 248 иностранных подданных (из них в городах – 34 человека), в основном работников иностранных торговых контор или бывших военнопленных.

Обратимся к данным таблицы 1.5, показывающей процентное соотношение в населении Барабы лиц различной национальности (табл. 1.5). Доля русских в населении округа составляла 73,4 %, украинцев – 13,6, белорусов – 5,2, татар всего – 1,6 (в том числе барабинских – 1,5), казахов – 1,1, поляков, чува-

¹ Н. Ю. Барабинский округ. Стб. 229–230.

² Воробьев Н. Указ. соч. С. 31.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 21.

шей – по 0,8, эстонцев – 0,6, латышей и мордвы – по 0,5, евреев – 0,4, немцев и литовцев – по 0,3, латгальцев, цыган, коми-зырян и башкир – по 0,1 %.

Таблица 1.5

**Доля представителей различных этносов в населении
Барабинского окр. в 1926 г., %***

Город, район	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Прочие
Округ в целом	73,4	13,6	5,2	1,6	6,3
Города (всего)	78,6	7,4	3,2	1	9,8
В том числе:					
Барабинск	79,1	8,7	4,2	0,5	7,5
Каинск	78,8	3,5	2,3	2,3	13,1
Татарск	78	9,2	2,8	1,2	9,8
Селения (всего)	73,1	13,9	5,3	1,5	6,2
В том числе в районах:					
Баклушевский	63,1	32,7	1,4	1,3	1,5
Барабинский	87,8	5,5	1,7	2,7	2,3
Биазинский	52,5	7	26,1	9,5	4,9
Верх-Ичинский	73,9	2	5,5	2,8	16,8
Казанский	81,9	11,4	5,6	0,5	0,6
Купинский	54,8	30,6	5,4	1,6	7,6
Кыштовский	70,9	4,5	18,9	1,5	4,2
Малокрасноярский	90,5	1	0	2	6,5
Меньшиковский	82,6	2,8	1,3	5,5	8,8
Михайловский	70,8	8,1	10,4	1,8	8,9
Нижекаргатский	70,5	27,4	0,9	0,1	1,1
Новотроицкий	59,9	3	12,8	1,5	22,8
Спасский	81,4	10,4	2,8	0	5,4
Татарский	76,9	15,0	2,3	0,1	5,7
Убинский	71	11,9	13,3	0,3	3,5
Чановский	72,8	7,5	0,9	7,5	11,4
Юдинский	72,1	21,2	4,8	0,1	1,8

* Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8, 20–23, 244–245.

Самой многочисленной народностью являлись русские, которых насчитали в Барабе 369 575 человек. В городах удельный вес русских был выше, чем по округу – 78,6 %. Доля русских составляла в Барабинске 79,1 %, Каинске – 78,8, Татарске – 78 %. Наибольшая доля русских в населении была зафиксирована в следующих районах: Малокрасноярском, Барабинском, Меньшиковском, Казанском, Спасском. Минимальная доля русских учтена в районах Биазинском

(здесь было много белорусов), Купинском, Баклушевском. В двух последних доля украинцев в населении приближалась к одной трети.

Таблица 1.5 показывает, что в целом по сельским местностям округа доля русских составила 73,1 %, т. е. была немногим ниже, чем по округу в целом. Бараба относилась к территориям, где в результате колонизации русские количественно доминировали, хотя другие народности и составляли значительную долю населения.

Переписью 1926 г. в Барабе были выделены украинцы в качестве второй по численности народности, их было учтено 68 375 человек¹. В 1897 г. в Каинском уезде было зафиксировано 10,9 тыс. украинцев, или 5,2 % жителей². Таким образом, увеличение их доли в населении округа за 29 лет в 2,6 раза – результат миграций из Украины на рубеже веков. Украинцы-крестьяне направлялись на жительство в основном в сельские районы, что и отразила перепись 1926 г. В городах украинцев было немного – 7,4 %. Их удельный вес был минимален в Каинске – 3,5 %, в Барабинске он составлял 8,7 %, максимума достигал в Татарске – 9,2 %. Тем не менее, можно констатировать увеличение доли украинцев среди горожан по сравнению с концом XIX в. По данным переписи 1897 г., украинцев в Каинске было всего 125 человек (86 мужчин и 39 женщин), или 2,1 % всего населения³, за последующие 29 лет их доля возросла на две трети. Следует отметить и рост относительного числа русских в Каинске по сравнению с 1897 г. на 6,5 процентных пункта⁴.

К 1926 г. максимального удельного веса в населении украинцы достигали в районах столыпинской колонизации. Это степные местности Барабы. В Баклушевском районе их доля в населении составила 32,7 %, в Купинском – 30,6, Нижнекаргатском – 27,4, Юдинском – 21,2 % (см. табл. 1.5). Выше среднего была доля украинцев в Татарском районе. Минимальная доля украинцев отмечена в Кыштовском, Барабинском, Чановском и Михайловском районах. В Барабинском районе была повышенная доля русских. В других районах наблюда-

¹ Подсчитано по тому же источнику. С. 20–21.

² Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения, 20-е гг. XVIII в. – 1989 г.: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. С. 536.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губ. С. 70; Патканов С. К. Статистические данные, показывающие численность, племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб.: РГО. Отд. стат., 1912. Т. 2. С. 252.

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи... С. 70; Патканов С. К. Указ. соч. С. 252; Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 244–245.

лась повышенная концентрация представителей других этносов. В Чановском, Биазинском, Меньшиковском – барабинских татар. В остальных – белорусов, чувашей, латышей и латгальцев.

В публикациях итогов переписи 1926 г. представлена расшифровка по расселению и третьего восточнославянского народа – белорусов. Эту национальность представляли в целом по округу 5,2 % жителей. В районах, расположенных в таежной и болотистой подтаежной местностях, доля белорусов была выше, чем в среднем по округу, в два – пять раз. Так исторически сложилось в ходе колонизации и заселении Барабы. Особенно данное явление проявилось в годы Столыпинской аграрной реформы. В ходе ее проведения заселение шло с учетом местных особенностей: выходцы из болотистых районов старались переселиться в болотистые места, из степных – в степные. Например, в Биазинском районе из 32 населенных пунктов русские преобладали в 22, белорусы – в семи, татары – в двух, украинцы – в одном¹. В этом районе доля белорусов в населении оказалась наибольшей – 26,1 %. Белорусов в населении было много, от 10 до 20 %, в Кыштовском, Убинском, Новотроицком и Михайловском районах.

В Верх-Ичинском районе насчитывалось 47 населенных пунктов. В основном русское население имели 35 из них, польское – три, белорусское и татарское – по два, украинское, коми-зырянское, мордовское и чувашское – по одному². Доля русских здесь соответствовала средней по округу. Остальные народности были представлены 2–5 % от всего населения.

В Малокрасноярском районе латыши заселяли 30, а эстонцы – три хутора³. Численность представителей этих национальностей была невелика: эстонцев – 152 человека (0,8 % населения района), латышей – 292 души (1,5 %). В Новотроицком районе преобладали деревни с чувашским, татарским и мордовским населением⁴. Здесь наблюдалась самая высокая доля представителей народностей, отнесенных в таблице 1.5 к «прочим»: чувашей – 2267 (15,4 % населения и 60,4 % всех чувашей округа), мордвы – 275 (1,9 % населения района), латышей – 271 (1,8 %), поляков – 131 (0,9 %), литовцев – 83 (0,6 %) ⁵.

Коренными народами Барабы являлись барабинские татары (барабинцы, или каинские татары)⁶ и в юго-западной части округа – казахи. Барабинские та-

¹ Список населенных мест Сибкрая. С. 10.

² Там же. С. 10–14.

³ Там же. С. 28–32.

⁴ Там же. С. 44–46.

⁵ Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8, 20–23, 245.

⁶ Барабинцы // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 453.

тары расселялись в большинстве районов округа. Удельный их вес в населении в целом по округу был невелик – 1,5 %. Представители этой этнической группы почти отсутствовали, не составляя даже десятой части процента, в Спасском, Нижнекаргатском, Юдинском и Татарском районах. В Убинском районе доля татар поднималась до 0,3 %, а в Казанском районе и г. Барабинске – до 0,5 %¹. В большинстве других районов удельный вес татар колебался от 1,3 % (Баклушевский) до 1,8 % (Михайловский). В г. Татарске, вопреки его названию, татары составляли только 1,2 % жителей, т. е. их доля в населении была ниже, чем в среднем по округу. Несколько больше татар было зарегистрировано в г. Каинске (2,3 % населения), в Барабинском (2,7 %) и Верх-Ичинском (2,8 %) районах, где встречались татарские поселения – аулы. Большинство татар проживало в районах: Чановском – 2127 человек (7,5 % жителей района), Барабинском – 955 (2,7 %), Верх-Ичинском – 659 (4,1 %), Биазинском – 584 (9,5 %), Меньшиковском – 1380 душ (5,5 % от числа жителей района.). В этих пяти районах проживало в совокупности 5175 человек, или 70,6 % всех татар округа.

Казахи проживали в Купинском районе – 2136 человек, или 4,6 % населения, в Чановском – 1612 (5,7 %), Баклушевском – 714 (3 %), Татарском – 409 человек (0,7 % населения района). В перечисленных выше районах было учтено 89,5 % казахов округа. В Барабинском и Убинском районах жило по 193 лица казахской национальности (по 0,6 % населения). В Биазинском, Казанском, Нижнекаргатском районах было учтено менее 10 казахов в каждом. В Верх-Ичинском, Малокрасноярском, Меньшиковском и Новотроицком районах ни одного казаха в 1926 г. не было зафиксировано².

Эстонцы в основном проживали на хуторах в Татарском районе. Здесь их насчитывалось 1939 человек (3,2 % населения района). Это составляло 62,5 % всех эстонцев округа. Еще 482 эстонца было учтено в Чановском районе – 15,5 % всего эстонского населения округа, 1,7 % населения района. В Кыштовском районе жило еще 298 эстонцев – 9,6 % от их общего числа в округе, 0,9 % населения района.

Латыши проживали небольшими группами во всех районах и городах Барабы. Однако большинство их проживало в Меньшиковском районе (408 человек), Малокрасноярском (292), Новотроицком (271), Спасском (269) районах. В Верх-Ичинском районе перепись зафиксировала 227 латышей и, что удивительно, 226 из них были женщинами!³ В этих пяти районах проживало 62,1 % всех ла-

¹ Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8, 20–23, 244.

² Подсчитано по тому же источнику.

³ Подсчитано по тому же источнику.

тышей Барабинского округа. В Верх-Ичинском районе располагалась и деревня Корпушатск, населенная почти исключительно латышами и латгальцами.

Дисперсно размещались по территории округа поляки. По данным переписи 1926 г. выделяются пять районов со значительными группами польского населения. Главный среди них – Верх-Ичинский район, где жило 682 поляка, составлявшие 4,2 % населения района. Значительное число поляков проживало также в Спасском районе – 650, Меньшиковском – 583, Кыштовском – 324, Чановском – 312 душ. Территория этих районов входила в свое время в ареал принудительной ссылки участников Польского восстания 1863–1864 гг. Они концентрировали 63,3 % поляков округа, в своем большинстве – потомков ссыльных.

Мордва небольшими группами тоже расселялась во всех районах и городах округа. В Спасском районе жил один представитель этого этноса. В других районах проживало по 20–100 мордвин. Исключение представляли Верх-Ичинский (395 человек), Михайловский (331), Новотроицкий (275), Кыштовский (254), Убинский (247), Баклушевский (114), Биазинский (101 человек) районы. В этих семи районах проживало 72,7 % лиц мордовской народности, учтенных в Барабинском округе¹.

Российские немцы проживали в основном в Купинском районе – 1364 человека, а также в Татарском районе – 392 души. В Купинском районе они составляли заметную по доле в населении группу, равную 2,9 %. Здесь размещалось 72,1 % всего немецкого населения округа, а в Татарском районе – еще 20,7 %.

Еврейское население имело очень небольшую долю (0,4 %) в общей численности жителей Барабинского округа. Однако 76 % из них проживали в городах. Здесь они составляли 8,2 % населения. Доля евреев составляла в Барабинске 4,6, в Татарске – 4,5 %. Наибольший процент евреев наблюдался среди жителей Каинска – 10,5². Этот городок еще в имперский период отличался высокой концентрацией (до 16–18 %) евреев в населении. Его даже в шутку называли «сибирским Иерусалимом»³. Однако В. Горнунгом в «Си-

¹ Подсчитано по тому же источнику.

² Подсчитано по тому же источнику. С. 4, 8, 20–23, 245.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи... С. 3; *Патканов С. К.* Указ. соч. С. 252; *Бурматов А. А.* Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. С. 20, 32–36; *Гончаров Ю. М.* Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: АГУ, 2005. С. 27–28, 33; и др.

бирской Советской энциклопедии» обозначена несколько другая доля евреев в населении Каинска – 12,5 %¹.

В статье В. Горнунга² «Каинск», помещенной в 1931 г. во втором томе «Сибирской Советской энциклопедии», приводится также доля русских в населении города – 76,8 %³, которая на 2 % меньше показателя, фигурирующего в итоговых данных Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁴ Разночтения между официальными данными переписи и сведениями В. Горнунга, как нам представляется, связаны со сбоями в процедурах сбора и обработки материалов переписи, касающихся национального состава населения. Как уже говорилось, принадлежность опрашиваемого к той или иной народности полагалось записывать по его заявлению, счетчикам запрещалось вмешиваться в содержание анкет, при регистрации народности для детей преимущество отдавалось происхождению матери. Но на практике местами происходило отступление от этих правил. Известно, что в Каинске примерно каждый шестой еврей воспользовался возможностью «сменить» национальность, ответив на соответствующий вопрос счетчика, что является русским.

Материалы переписи 1926 г. содержат сведения о родном языке граждан СССР. Известно, что родной язык – важный идентифицирующий признак при определении этнической принадлежности людей.

В Барабинском округе по этому вопросу итоги переписи дали такие результаты. Больше 99,9 % русских считали своим родным именно русский язык. Язык своего этноса считали своим родным также 99,7 % латгальцев, 97,9 % татар, 91,7 % латышей, 90,9 % чувашей. Большинство представителей этих этносов переселились в Барабу недавно, жили здесь компактно и ассимиляционные процессы у них еще не начались. Сильнее ассимиляция затронула литовцев: язык своего народа назвали своим родным языком 83,6 % барабинских литовцев, а русский язык – 12,4 %. Лишь половина украинцев считала родным украинский язык, а русский – 49,3 %. Похожей была ситуация с языковым самоопределением поляков. Среди них польский язык в качестве родного отметили 48,1 %, а русский – 47 %. Переняли русский язык как родной 45,5 % пред-

¹ Горнунг В. Указ. соч. Стб. 453.

² Владимир Иосифович Горнунг (1871–1931) – известный до революции московский предприниматель, ученый-изобретатель, общественный деятель, личный почетный гражданин. В 1925 г. бежал от репрессий в Каинск. Преподавал в Каинском педагогическом техникуме. Работал консультантом-экономистом при Барабинском окрисполкоме, был ученым секретарем Барабинского общества краеведения. Похоронен в Каинске.

³ Горнунг В. Указ. соч. Стб. 453.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 244.

ставителей мордвы и 43,5 % евреев. Язык своей национальности родным считали 53,7 % мордвин и 55,8 % евреев. Наиболее активно перенимали язык окружающего русского населения близкие к нему по культуре белорусы: 92 % представителей этого народа в Барабе назвали своим родным русский язык¹.

Интересно, что по итогам переписи в среде некоторых этнических групп в Барабе доля мужчин, назвавших язык своей национальности в качестве родного языка, оказалась меньше, чем соответствующая доля женщин. Например, у поляков родным языком считали польский 46,8 % мужчин и 49,5 % женщин. Женщины-белоруски тоже чаще, чем мужчины, называли родным не русский, а свой белорусский язык². Дело, по-видимому, в том, что женская среда обычно более консервативна. Мужчины активней работали вне своих родных мест, перенимая язык и культуру доминирующей нации. Этому способствовала возможность карьерного роста. Государство официально провозгласило, что «национальность у нас определяется не по признаку происхождения, не по “крови”, не по расовым признакам... а по свободному самоопределению каждого гражданина»³. Такая ситуация вела в заселенной преимущественно русскими людьми Барабинской зоне Западной Сибири к перемене этнической идентичности большинством представителей нерусского населения.

Образовательный уровень населения

Рассмотрим уровень образования по данным переписи населения 1926 г., в которой ставился вопрос о грамотности опрашиваемых. Грамотными признавались лица, умеющие читать и писать или хотя бы читать. При этом «умеющими читать считаются разбирающие печатные слова хотя бы по слогам, умеющими писать – кто может подписать свою фамилию». В циркуляре ЦСУ СССР специально разъяснялось, что «лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, должны быть записаны как вовсе неграмотные»⁴. При составлении итоговых материалов переписи чаще всего подсчитывались абсолютные и относительные показатели грамотности применительно к лицам, достигшим не менее чем 8-летнего возраста.

¹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 20–21.

² Подсчитано по тому же источнику. Впрочем, в среде украинцев соотношение было обратным: 53,5 % мужчин и только 46,4 % женщин считали родным украинский язык.

³ Воробьев Н. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же.

Перепись выявила, что грамотными являются по Сибирскому краю в сельской местности 53,1 % мужчин и 18,5 % женщин старше 8 лет. Для представителей обоих полов этот показатель составил 34,6 %. В городском населении края уровень грамотности населения был намного выше, чем в сельском и чем в среднем по субрегиону: грамотными являлись 82,3 % мужчин, 62,3 % женщин, 73,6 % всех жителей в возрасте старше 8 лет¹. Статистики того времени зафиксировали, что «подъем грамотности в Сибкрае идет более быстрым темпом, чем по СССР или РСФСР в целом, однако относительное количество грамотных ниже, чем по всему Союзу или РСФСР, особенно низка в Сибири грамотность женщин»². К 1926 г. уровень грамотности в Сибири был ниже, чем в среднем по Российской Федерации в 1920 г. По уровню грамотности сельского населения в Сибирском крае «наиболее отсталыми» оказались Тарский, Барабинский, Бийский и Канский округа³.

В Барабинском округе ситуация с грамотностью оказалась заметно хуже, чем в целом по Сибири. Здесь в сельской местности грамотными являлись 49,8 % мужчин (это на 3,3 процентных пункта ниже краевого показателя) и 17,2 % женщин (это на 1,3 % меньше, чем по краю в целом). Примерно такое же соотношение сложилось и в городах Барабы. Здесь грамотными были 82,2 % мужчин, что меньше, чем в городах всей Сибири, на 0,1 процентный пункт. Доля грамотных женщин составила 56,9 % (на 5,4 % меньше). Суммарно во всем городском населении показатель равнялся 71,9 %. Это меньше, чем среди всех жителей городов Сибкрая в возрасте старше 8 лет, на 1,7 процентных пункта⁴.

Города Барабинского округа на поверку во время переписи оказались довольно дифференцированными по уровню грамотности их жителей. Наиболее благоприятная ситуация обнаружилась в Каинске: здесь грамотными оказалось 60,1 % жителей старше 8 лет. Хуже обстояло дело в Барабинске: соответствующий показатель равнялся здесь 55 %; в Татарске же вообще менее половины жителей (45,4 %) были грамотными. Сходным образом различались показатели грамотности среди женского населения: Каинск – 51, Барабинск – 45,1, Та-

¹ Сибирский край: стат. справ. / ред. Н. Солоницын. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 49.

² Слуцкий А. Грамотность населения Сибири // Статистика Сибири. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. Вып. 3. С. 36.

³ Там же. С. 42.

⁴ Подсчитано по тому же источнику.

тарск – 20,5 %. Среди мужчин же грамотных в Татарске (66,6 %) было больше, чем в Барабинске (65,3 %), но сохранялось доминирование Каинска с его 68 %¹.

Самые высокие показатели грамотности в Барабинском округе, как и во всей стране, в 1926 г. имели представители следующих народов: евреи, поляки, латыши, литовцы, эстонцы, российские немцы. Среди русских в возрасте старше 8 лет грамотными были у мужчин 38,8 %, у женщин – 12,6, в среднем у всех русских – 25,3 %. Украинское население Барабы имело, соответственно, следующие показатели: 43,3; 11 и 27,2 %. В среде прочих национальностей грамотных людей было 27,4 %; в том числе 37,9 % мужчин и 16,4 % женщин².

Любопытный факт: среди грамотных людей в Барабе оказались 30 человек в возрасте 5 лет, из них русских 29 (18 мальчиков и 11 девочек). Уже в 6 лет умели читать и писать два ребенка-украинца – мальчик и девочка, а также 90 детей разных иных национальностей (49 мальчиков, 41 девочка)³.

В целом можно констатировать, что уровень грамотности населения Барабинского округа во второй половине 1920-х гг. был низким даже на фоне его невысокого уровня в целом по Сибири и РСФСР и даже с учетом пониженного требования к самому критерию грамотности. Оценивая этот факт с демографических позиций, можно утверждать, что он наверняка сказывался на высоком уровне заболеваемости и смертности населения. Исследователи периода нэпа хорошо понимали, что «санитарная грамотность была тесно связана с общей грамотностью». При определении потенциала здоровья населения санитарно-гигиеническая грамотность «оказалась значительно более важным признаком, чем зажиточность»⁴.

Людность домохозяйства, емкость жилого фонда

Перепись 1926 г. позволила собрать данные о размерах (людности) одной из первичных ячеек сельского социума – двора, или домохозяйства, которое определяется в демографии как «первичная экономическая ячейка современного общества... одинокое лицо или группа людей, совместно проживающих и ведущих хозяйство на основе общего бюджета и организации совместного

¹ Горнунг В. Указ. соч. Стб. 452; Барабинск // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 223; Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 266.

² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 116–117.

³ Подсчитано по тому же источнику. С. 118.

⁴ Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 73.

быта»¹. Эта перепись, имевшая социально-экономический уклон, учитывала именно домохозяйство, а не семью, например. В отличие от семьи отношения родства или свойства между членами одного домохозяйства не обязательны: оно может состоять из одного человека или включать жильцов, воспитанников, прислугу и иных людей. Но огромное большинство домохозяйств в сельской местности России были семейными дворами, т. е. либо состояли только из членов одной семьи, либо их основу составляли члены семьи домохозяина.

Как выяснилось в результате переписи, в 1926 г. в среднем на один «двор-хозяйство» в селениях Сибирского края приходилось 5,17 человек. В Барабинском округе показатель равнялся 5,25, т. е. был на 1,6 % больше². Как показывают данные таблицы 1.6, размер домохозяйства в районах по округу сильно варьировал – от 4,9 до 5,6 человек. Перепись 1926 г. отметила уменьшение на 7,5 % людности среднего барабинского сельского двора по сравнению с переписью 1920 г. По данным 1920 г., «двор-хозяйство» в Барабе включал в свой состав в среднем 5,67 человек. На такую же величину произошло сокращение людности домохозяйств по всему Сибкраю, а в юго-западных районах Сибири сокращение было большим – на 9 %³.

Сокращение людности первичных семейных и хозяйственных ячеек в крестьянской среде России – одно из закономерных проявлений демографической модернизации общества, наметившейся в России и, в частности, в Западной Сибири еще в конце имперского периода и после перерыва, пришедшего на время политических потрясений 1914–1922 гг., возобновившейся в середине 1920-х гг.⁴ Политика советского правительства в 1920-х гг. также подталкивала крестьян к семейным разделам. Меньшая семья платила меньше налогов, относилась к середняцкой или бедняцкой, что давало некоторую гарантию от проводимых репрессий.

¹ Домохозяйство // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. С. 266.

² Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 11.

³ Там же.

⁴ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. С. 69, 100–102.

Таблица 1.6

**Количество селений и домохозяйств, людность последних
в районах Барабинского окр. по переписи 1926 г.***

Район	Кол-во селений	Кол-во наличных дворов (домохозяйств)			Средняя людность двора, чел.
		крестьянских	иных	всего	
Баклушевский	32	4490	87	4577	5,27
Барабинский	110	5956	832	6788	5,11
Биазинский	31	1104	24	1128	5,45
Верх-Ичинский	46	2946	90	3036	5,32
Казанский	56	3818	282	4100	5,27
Купинский	117	8186	978	9164	5,07
Кыштовский	102	5948	313	6261	5,25
Малокрасноярский	118	3370	240	3610	5,36
Меньшиковский	80	4598	186	4784	5,25
Михайловский	96	3956	291	4241	5,60
Нижекаргатский	34	6088	129	6217	5,42
Новотроицкий	61	2879	115	2994	4,91
Спасский	47	4780	450	5230	5,20
Татарский	206	10 701	555	11 256	5,35
Убинский	107	5602	395	5997	5,27
Чановский	74	5131	616	5747	4,89
Юдинский	69	5300	270	5570	5,42
Итого по округу:	1386	84 853	5853	90 706	5,25

* Подсчитано по: Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 15–16.

Материалы переписи 1926 г. позволяют установить параметры того городского жилищного фонда, которым располагала страна, ее регионы и конкретные города, а также степень удовлетворительности этого фонда с точки зрения жилищных потребностей населения. Рассмотрим этот вопрос применительно к городам Барабинского округа. Поскольку параметры городского жилищного фонда тесно связаны с показателями численности населения городов, приведем сначала данные об этой численности в их исторической динамике за 30 лет на рубеже XIX–XX вв. (табл. 1.7).

**Динамика численности населения городов Барабы
по данным переписей населения (1897–1926 гг.), чел.***

Город	1897 г.	1917 г.	1920а г.	1920б г.	1923 г.	1926 г.
Каинск	4000**	4321	6006	5791	5438	7606
Индекс динамики, %	100	108	139	96,4	93,9	139,9
Барабинск	1884***	5631	10670	8296	8218	9822
Индекс динамики, %	100	298,9	189,5	77,75	99,1	119,5
Татарск	–	3000	...	7039	8658	9706
Индекс динамики, %	–	100	...	234,6	123	112,1

* Подсчитано по: Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 36; Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 3–4, 8; *Сарапулкин И. В.* Каинский уезд. Каинск: Окружком, 1923. С. 5. 1920а – перепись, проведенная Каинским горпродотделом в начале 1920 г., она не проводилась в Татарске; 1920б – Всероссийская перепись 1920 г. на 28 августа.

** В состав г. Каинска входил Барабинск (ст. Каинск), данные по нему здесь исключены из итогов по Каинску.

*** Входил (статистически) в состав г. Каинска.

Данные таблицы показывают, что все три города Барабы – Каинск, Барабинск и Татарск довольно активно повышали численность своего населения с конца XIX в. до 1920 г. Затем, в первые годы после восстановления советской власти в условиях военного коммунизма и голода 1921–1922 гг. из Каинска и Барабинска часть жителей выехала. Только в годы новой экономической политики возобновилась положительная динамика роста численности населения этих городов. Совсем молодой Татарск сумел сохранить прирост населения на десятилетнем этапе своей ранней истории с 1917 до 1926 г. Сравнивая результаты Городской переписи 1923 г. и Всероссийской переписи 1926 г., можно увидеть, что за три года количество жителей в Каинске увеличилось почти на 40 %, в Барабинске – на 19,5 %, в Татарске – на 12 %.

Используя данные тех же переписей 1923 и 1926 гг., посмотрим, как менялась в количественном отношении обеспеченность барабинских городов элементами жилищной инфраструктуры¹.

В 1926 г. в Каинске было зафиксировано 766 владений (усадебных участков), на них располагалось 879 жилых зданий, т. е. в основном по одному зда-

¹ Далее сравнение жилищных условий горожан за 1923 и 1926 гг. производится на основе подсчетов, сделанных по следующим источникам: Всесоюзная городская перепись 1923 г.: итоги переписи владений, строений и квартир в городах и поселках городского типа. М.: ЦСУ СССР, 1925. Т. 17, вып. 2: Владения и строения, Юго-Восток, Крым, Сибирь, Дальний Восток, Киргизия, Туркестан, Украина, Белоруссия, Азербайджан. С. 28; Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибкрае. С. 56–59.

нию на усадьбе. («Мелковладенность», как отмечали статистики периода нэпа, являлась особенностью всех сибирских городов¹). В этих зданиях имелось в общей сложности 1331 жилое помещение, только 17 из них пустовали. В среднем одно жилое здание состояло из 1,5 жилых помещений, или комнат. Значит, основной фонд жилых помещений составляли небольшие деревенского типа однокамерные (изба, «круглая» хата) или двухкамерные (пятистенки) домишки. Сравним эти данные с показателем численности населения и увидим, что жилищный фонд в городе был в сильной степени перегружен его обитателями. На одно владение в среднем приходилось 10 человек, на одно жилое здание – 8,7, на одну комнату – 5,7 человек. При этом одно семейство в Каинске состояло в среднем из четырех человек. Значит, непомерно тесное жилье у многих каинских семейств было еще «уплотнено» подселенными к этому семейству посторонними людьми.

Сравнение приведенных выше данных за 1926 г. с материалами переписи 1923 г. показывает, что со временем и без того неблагоприятная ситуация с жилищным фондом в Каинске только ухудшалась. По сравнению с 1923 г. численность населения увеличилась здесь почти на 40 %, а количество владений возросло только на 12,6 %, количество жилых зданий – на 11,2 %, число жилых помещений – на 29,4 %.

Сходная ситуация наблюдалась и в других городах округа. В 1926 г. в Барабинске было зафиксировано 1305 частных владений, 1463 жилых здания, 1876 жилых помещений (из них 9 пустовало). При средней людности городского семейства в 4,2 человека на одно владение здесь приходилось 7,5 обитателей, на одно жилое здание – 6,7, на одно жилое помещение – 5,2 человека. Правда, жилищная ситуация за три предыдущих года в Барабинске чуть-чуть улучшилась. После 1923 г. при приросте численности населения на 19,5 % число земельных владений увеличилось на 24,4 %, количество жилых зданий и помещений – на 19,6 %.

В Татарске положение с жильем для горожан было, напротив, самым тяжелым из всех городов Барабы. В 1926 г. перепись отметила здесь 1117 частных земельных владений, 1250 жилых зданий, 1297 жилых помещений (из них 18 пустующих). Среднее по людности семейство в Татарске состояло из четырех душ. Но на одно владение здесь приходилось 8,2 человека, на жилое здание – 7,3, на жилую комнату – 7,2 человека. К сожалению, использованный нами источник

¹ См., например: *Слуцкий А.* К вопросу о постановке учета механического движения населения по горпоселениям // *Статистика Сибири.* Вып. 3. С. 106.

не позволяет выяснить, как менялась острота «квартирного вопроса» в Татарске по сравнению с 1923 г.

Подводя итоги первой главы нашей монографии, можно сказать следующее. Данные Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., опубликованные в 56 томах, были самыми широкими по охвату и самыми полными из всех советских переписей¹. Больше такого в СССР не повторится. Уже через несколько лет статистика отразит негативные последствия «великого сталинского перелома» и статистиков подвергнут репрессиям за их выводы, за профессиональные знания, многих расстреляют. Статистические материалы будут скрывать. Статистика надолго замолчит.

¹ Волков А. Г., Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Переписи населения в России и СССР // Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Сов. энцикл., 1985. С. 323.

ГЛАВА 2.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ В 1926–1936 гг.

Рассмотрев портрет населения по переписи 1926 г., можно обратиться к данным богатейшей текущей статистики периода нэпа и рубежа 20–30-х гг., чтобы проследить изменения в демографической сфере сообщества жителей Барабы, происходившие накануне переписи и в последующие несколько лет. В статистических и плановых органах СССР работали лучшие специалисты того времени. Процветала научная деятельность и в Сибири. Выходили периодические статистические издания. Например, «Статистика Сибири» (шесть выпусков) содержит богатейшие материалы текущего статистического наблюдения за естественным движением населения, его занятостью, потреблением и пр.¹ Здесь публиковались данные обследований, аналитические и обзорные статьи, полемические заметки и полярные точки зрения. Итоговые материалы текущего учета населения за 1925–1927 гг. были опубликованы в специальном статистическом сборнике². Были подготовлены и начали печататься первые тома «Сибирской Советской энциклопедии», содержащие среди иных справочных сведений демографические выкладки регионального и локального характера³.

¹ Статистика Сибири: сб. ст. и материалов. Новосибирск: Сибкрайстат, 1929–1931. Вып. 1–6.

² Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930.

³ Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. Т. 1; Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931–1932. Т. 2–3; N.-Y.: Norman Ross, 1992. Т. 4.

Население городов в период нэпа

Как мы покажем далее, в 1930-х гг. ситуация со сбором и публикацией информации демографического характера радикально изменилась в неблагоприятном духе. И всё же такая информация появлялась, а потому может быть использована для составления динамических рядов показателей, охватывающих период между всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. Рассмотрим для начала межпереписную динамику общей численности населения городов Барабы (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Динамика численности наличного населения
городов Барабы в 1926–1939 гг. (на начало года), чел.***

Год	Каинск-Куйбышев	Барабинск	Татарск
1926, 17 дек.**	7606	9822	9706
1926а, 17 дек.***	8162	9828	9208
1927	7642	9828	9711
1928	8839	11 801	10 006
1929	10 134	13 372	10 832
1930	11 612	15 101	11 835
1931, 1 апр.	10 816	14 555	8636
1932	9500	12 500	8000
1933	10 200	14 300	8100
1934	10 400	14 500	8200
1935	10 500	15 000	9000
1936	13 100	22 500	13 200
1937, 6 янв.	12 318
1938	18 400	34 200	25 600
1939, 17 янв.	12 930	29 988	21 403
1939 к 1938, %	70,1	87,7	83,5
1939 к 1926, %	157,3	306,1	232,6

* Подсчитано и составлено по данным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 72. Л. 1; Д. 102. Л. 33–35; Предварительные итоги демографической переписи 1926 г. в Сибирском крае. Новосибирск: Сибкрайстат, 1927. С. 36; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6. С. 4; Сибирский край: стат. справ. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 4–5; Западно-Сибирский край: города и районы: основные показатели. Новосибирск: Зап.-Сибгиз, 1936. С. 171; Народнохозяйственный план Куйбышевского района Западно-Сибирского края на 1937 г. [Рукопись]. Куйбышев, 1937. С. 6 // Куйбышевский краеведческий музей. КП-4181/ДМ б/н; Новосибирская обл.: экономика-географическое описание / под ред. М. С. Бурлакова. Новосибирск: Новосибиргиз, 1939. С. 235; Население Новосибирской обл. (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1970 г.). Новосибирск: Облстат, 1971. С. 5.

** Население по данным переписи в границах 1926 г.

*** Население показано по новым разработкам с учетом изменения границ городской черты.

Данные таблицы показывают, что в 1926–1929 гг. наиболее масштабный рост населения произошел в Барабинске: на 136,1 %. Это объясняется и востребованным географическим расположением города на Транссибирской железнодорожной магистрали, и политико-административным фактором: в середине 20-х гг. в Барабинск из Каинска был перенесен центр округа и затем перемещались управленческие структуры. В сознании большевистской бюрократии Каинск ассоциировался со старорежимным царским прошлым, с мещанскими и купеческими традициями. Новая власть стремилась, чтобы новые административные ядра районов были пролетарскими центрами¹. В «Большой Советской энциклопедии» отмечается, что Барабинск вырос за счет Каинска. Барабинск имел торговое значение как пункт концентрации продуктов сельскохозяйственного производства и скота. Особенно большое значение для торговли имели хлеб, кожа и масло².

Каинск показал в 1926–1929 гг. более умеренный рост численности населения. В городских границах, существовавших на момент переписи 1926 г., – 133,2 %, в границах, установившихся в ходе проведенных позже административных преобразований – 124,2 %. Наименьшее увеличение количества горожан наблюдалось в Татарске: на 111,6 % в черте 1926 г., в более поздних границах – на 117,6 %.

Статистическое наблюдение конца 20-х гг. показало значительный приток мигрантов в города Барабинского округа (табл. 2.2). За 1927–1929 гг. нетто-прирост населения за счет миграций в Каинск составил 3666 человек, в Барабинск – 4060, в Татарск – только 1229 человек (в этом городе в 1927 г. миграционного прироста не было). В итоге во все три города прибыло извне 8955 новых жителей. В указанный период механический приток обеспечил в Каинске 92,3 % всего прироста населения, в Барабинске – 77 %, в Татарске – 43 %. Всего в городах округа на миграции приходилось 78,8 % общего увеличения числа жителей³.

¹ *Меерович М.* Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2007. С. 88.

² Барабинск // Большая Советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1926. Т. 4. Стб. 683.

³ Сибирский край: стат. справ. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 4–5.

**Влияние миграционного прироста на погодовой рост
городского населения Барабинского окр.***

Город	Миграционный прирост, чел.			Доля миграций в общем приросте населения, %		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Каинск	1123	1185	1358	93,8	91,5	91,9
Барабинск	1621	1142	1297	82,2	72,7	75
Татарск	0	590	639	–	71,4	63,4
Итого:	2744	2917	3294	79,2	79	78,2

* Подсчитано по данным: Сибирский край: стат. справ. С. 4–5.

По данным таблицы видно, что доля механического прироста населения по округу была стабильной, ежегодно составляя 78–79 % общего увеличения. Однако по городам наблюдаются значительные колебания. Самый высокий прирост наблюдался в Каинске: 92–94 %. В Барабинске доля такового варьировалась от 72 до 82 %. В Татарске в 1927 г. механического прироста не было совсем. В следующие годы доля миграционного прироста составила 63–71 %. В 1925 г. Татарск перестал быть уездным городом, поэтому в последующие годы из него выехала часть административного и обслуживающего персонала. Важные транспортные функции на Транссибе тоже уходили в новый центр – Барабинск. Этими факторами можно объяснить малый приток мигрантов в Татарск. Крестьяне из окрестных селений пополняли ряды горожан, но многие не становились постоянными их жителями, а были лишь временными сезонными рабочими предприятий и строек. «Как правило, их жены и дети остаются в деревне, получая от мужей помощь деньгами и вещами», – констатирует историк Е. А. Осокина¹.

Как отмечалось выше, для сибирских городов была характерна «мелковладенность», что осложняло учет передвигающегося населения и приводило к ошибкам в текущей статистике населения. В частности, этим можно объяснить появление в статистике конца 1930-х гг. еще одного динамического ряда численности жителей городов Барабы, за несколько лет альтернативного ряду, представленному выше в табл. 2.1. Он характеризует не наличное, а постоянное население (табл. 2.3). Этот динамический ряд подтверждает тенденцию ежегодного прироста количества горожан, но показывает другие абсолютные и относительные темпы прироста их численности в 1927 г. В Каинске прирост по

¹ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 143.

первому варианту составил 1197 человек, по второму – 1696. В Барабинске соответствующие итоги 1927 г. – 1973 и 2024 человека, в Татарске – 295 и 299 душ. В 1928 г. в обоих вариантах динамического ряда прирост составляет в Барабинске – 1571, в Татарске – 826 человек; в 1929 г. – 1729 и 1003 человека, соответственно. Видимо, наиболее плохой учет миграционного движения наблюдался именно в 1927 г. Кроме того, косвенно это указывает на недоучет населения по переписи 1926 г.

Таблица 2.3

**Динамика численности постоянного населения
городов Барабы в 1927–1930 гг. (на начало года), чел.***

Год	Каинск	Барабинск	Татарск
1927	6399	9757	8004
1928	8095	11 781	8303
1929	9390	13 352	9129
1930	10 868	15 081	10 132

* *Петров А.* Площадь городского жилищного фонда // Статистика Сибири: сб. стат. материалов. 1930. Вып. 3. С. 114.

Городское население в период сплошной коллективизации и голода

Демографический рост городского населения Барабы во второй половине 20-х – 30-е гг. не был равномерным. В период 1930–1932 гг. все города пережили сокращение числа своих жителей. В Барабинске за два года стало меньше людей на 17,2 %, в Каинске – на 18,2, в Татарске – на 32,4 %. В некоторой степени на уменьшение числа жителей городов повлияло изменение категории учета. По данным переписи 1926 г., в городах Барабы было учтено наличного населения больше, чем постоянного. При проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства многие выходцы из деревень, выехавшие в города на заработки, вернулись в родные места. Снижение численности населения в неиндустриальных городах отмечалось в стране повсеместно в районах, где репрессии во время коллективизации были наиболее сильными.

Советские законы 1920-х гг. не ограничивали право свободного выбора места жительства и не предусматривали административных мер воздействия на переселенцев-мигрантов¹. Надо отметить, что миграция в стране учитывалась плохо, и власти предпринимали различные меры с целью установления истинной численности населения, его территориального размещения и выяснения за-

¹ *Голотик С. И., Минаев В. В.* Население и власть: очерки демографической истории СССР 1930-х гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. С. 27.

нятий. К концу 1929 г. для жителей городов были введены карточки на продовольственные и промышленные товары. Сколько было в стране горожан, оставалось для властей загадкой. В январе 1930 г. в «Советской Сибири» отмечалось: «Магазины не готовы к выдаче январской нормы продуктов... Ожидается спекуляция карточками...». Нормы на продовольствие будут установлены не ранее 10 января. Обсуждать вопрос начали только 29 декабря 1929 г.¹

Государство было заинтересовано в большем контроле за своими гражданами. С этой целью составлялись сельсоветские списки проживающих жителей. Особо стоят здесь проводимые органами статистики совместно с органами власти единовременные учеты жителей городов и их занятий, перерегистрации. Один из таких цenzов (городская перепись) проводился по состоянию на апрель 1931 г. Он был приурочен к моменту окончания одного из этапов раскулачивания крестьянства. Накануне переучета в газетах появились публикации, в которых «трудящиеся Новосибирска требовали решительных мер против кулака, пытающегося в городе спастись от коллективизации... Не пускать его на производство и новое строительство...». Категорическое требование было сформулировано в самом названии газетной статьи: «Отрезать кулаку пути в город»².

По данным перерегистрации (городской переписи), на 1 апреля 1931 г. была определена численность населения городов, в том числе расположенных в Барабе. Согласно этому учету, в Барабинске проживало 14 555 человек, в Каинске – 10 816, Татарске – 8636 человек³. Статистическая публикация содержит сведения о приросте населения с момента проведения переписи 1926 г. Эти данные относятся к пересмотренным итогам переписи. Согласно новым данным, население Барабинска с декабря 1926 г. по апрель 1931 г. увеличилось на 48,1 %, Каинска – на 32,5 % (его численность за 1926 г. была скорректирована с 7606 до 8162 человек, и расчет произведен с учетом этого). Население Татарска существенно сократилось и составило 93,8 % от уровня 1926 г., при этом в новых городских границах, которые уменьшали его численность по переписи на 499 человек. Такой факт свидетельствовал о снижении экономического значения Татарска. При обработке данных перерегистрации 1931 г. статистики получили сведения о половозрастном составе, семейном положении, занятости горожан. В качестве отдельно учитываемых социальных категорий выделялся

¹ Советская Сибирь. 1930. 5 янв.

² Отрезать кулаку пути в город // Советская Сибирь. 1930. 15 февр.

³ Статистика Сибири: сб. стат. материалов. 1931. Вып. 6. С. 52.

активный пролетариат с его распределением по отраслям, безработные¹, учащиеся, пенсионеры.

Поскольку перерегистрация имела и неофициальную цель: выявить незаконных мигрантов из деревень, бежавших кулаков, то часть лиц этой категории ее попыталась и смогла избежать. Статистики признавали это, специально оговорив, что наблюдаемые расхождения по некоторым городам, например, Новосибирску, Омску, Томску, Щегловску, связаны с поправками на недоучет населения².

В результате городской переписи были получены материалы, в которых численность населения на 1 апреля 1931 г. варьирует: в Каинске в пределах 19,1 % (либо 9085, либо 10 816 человек), в Татарске – на 4 % (8990 или 8636, соответственно), в Барабинске – на 3,5 % (14 555 или 14 040 человек)³. Меньшее, чем в Каинске, колебание численности населения Барабинска и Татарска было связано с тем, что нужды железной дороги требовали рабочих рук, и поэтому власти смотрели на незаконных мигрантов «сквозь пальцы». Статистики скрывали это из политических соображений, используя профессиональный язык, понятный лишь посвященным. Они объяснили, применив научный диалектический подход: «По ряду городов незначительное расхождение итогов объясняется условиями разработки – отбором 20 % материала и последующим распространением итогов»⁴. Другими словами, некачественной или недобросовестной выборкой, что в дальнейшем статистикам и инкриминировалось. Понятно, что разработке подвергались сведения о занятиях населения, распределении занятых по отраслям труда, источникам средств существования, но не общая численность населения и его половой состав. Выводы, сделанные по выборке, экстраполировались на всё население, что при несовершенстве методики могло привести к ошибкам.

Несмотря на все недостатки перерегистрации населения городов, были получены относительно достоверные сведения о численности и половом составе горожан (табл. 2.4).

¹ Официально в СССР безработица была ликвидирована к концу 1930 г., однако статистика – упрямая вещь. По данным перерегистрации, в апреле 1931 г. большое число безработных существовало во всех городах Сибири. См.: Статистика Сибири: сб. стат. материалов. Вып. 6. С. 64–65, 67; и др.

² Статистика Сибири: сб. стат. материалов. Вып. 6. С. 53.

³ Там же. С. 52, 56–57.

⁴ Там же. С. 53.

Половой состав населения городов Барабы на 1 апр. 1931 г., чел.*

Город	Всё население	В том числе		Мужчин, %	Женщин, %
		мужчины	женщины		
Барабинск	14 040	6890	7150	49,1	50,9
Каинск	9085	4425	4660	48,7	51,3
Татарск	8990	4300	4690	47,8	52,2
Итого:	32 115	15 615	16 520	48,6	51,4

* Рассчитано по данным: Статистика Сибири: сб. стат. материалов. Вып. 6. С. 64–65.

Во время сплошной коллективизации с высоких трибун было объявлено о том, что колхозная деревня строит на новых началах зажиточную жизнь. Следовательно, нужная для строительства и промышленности рабочая сила не может притекать из деревни в стихийном порядке, как было до революции¹. В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. И. В. Сталин указал, что деревня перестала быть мачехой для крестьянина, что в стране не стало больше ни «бегства мужика из деревни в город», ни самотека рабочей силы. «Значит, – говорил Сталин, – нужно от “политики” самотека перейти к политике организованного набора рабочих для промышленности. Но для этого существует один путь – путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками»².

Идеологи утверждали, что «в СССР переселенцев на новое место ждет благоустроенная жизнь и социалистический труд»³. Практика показывала абсурдность этих заверений. С 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР постановили ввести в стране единую паспортную систему в «целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях... и не занятых общественно-полезным трудом (за исключением инвалидов), а также укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов»⁴. Горожане получили паспорта, был введен институт прописки, и поселиться в городах стало сложнее, ибо обитатели сельской местности не получили документов,

¹ Боярский А. Я., Шушерин П. П. Демографическая статистика. М.: Госстатиздат, 1951. С. 96.

² Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Соч. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 53.

³ Боярский А. Я., Шушерин П. П. Указ. соч. С. 96.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). М.: Упр. делами СНК СССР и СТО, 1932. № 78. Ст. 516–517.

удостоверяющих личность. Справедливости ради заметим, что всё же паспортизировались жители разъездов, которые формально относились к сельской местности. Охваченными регистрацией оказались и села, являющиеся районными центрами, хотя процесс этот растянулся на длительный период.

Однако падение численности населения было масштабнее, чем абсолютное и относительное число временно проживающих. Только этим фактором сокращение населения городов объяснить невозможно. По данным историка В. А. Исупова, население небольших городов уходило в крупные города и на стройки, где было лучше продовольственное снабжение¹. Тем не менее, официальная статистика отразила сокращение миграционного притока в городские поселения в 1933 г. по всему СССР. Он с 1928 г. ежегодно существенно возрастал, а в 1934–1935 гг. увеличился вновь, хотя и не достиг уровня 1932 г.² С введением паспортов стало отмечаться такое явление, как массовое бегство из городов и новостроек нелегалов, боявшихся, что будет обнаружено отсутствие законных оснований для их проживания³.

В Новосибирске общий прирост населения составлял в 1932 г. 42 тыс., в 1933 г. – 9 тыс., в 1934 г. – 23 тыс. человек⁴. В Новосибирской области в административных границах 1938 г. чистый миграционный прирост в городах составил в 1931 г. – 177,2 тыс. человек, в 1932 г. – 123,3 тыс., в 1933 г. – 88 тыс., в 1934 г. – 28,9 тыс.⁵ В Новосибирске естественный прирост был отрицательным и составил в 1932 г. -2629 человек⁶, в 1933 г. -707⁷, в 1934 г. -993⁸. «Наибольшей убылью городского населения характеризовались именно те тер-

¹ *Исупов В. А.* Динамика численности населения Каинска-Куйбышева в довоенные годы: ист.-стат. обзор // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития. Куйбышев: Бараба, 1997. С. 30.

² Труд в СССР. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. С. 7. Согласно этим сведениям, миграционный приток в городской местности составил в 1928 г. 1062 тыс. человек, в 1929 г. – 1392, в 1930 г. – 2633, в 1931 г. – 4100, в 1932 г. – 2719 тыс. человек. В 1933 г. произошло падение притока в города до 772 тыс., в 1934 г. приток возрос до 2452 тыс. и в 1935 г. составил 1935 тыс. человек.

³ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 55.

⁴ *Решетников Н. Н., Исупов В. А.* Динамика населения Новосибирска (1893–1986 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 215.

⁵ *Московский А. С., Исупов В. А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. С. 150.

⁶ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33. Л. 35.

⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 2 об.

⁸ Там же. Д. 55. Л. 9.

ритории, где голод наиболее свирепствовал в деревне», – констатируют исследователи. Одновременно крупные индустриальные центры показывали прирост населения за счет иммиграции сельчан¹.

Специалисты-статистики того времени отмечали эту особенность. Начальник краевого управления нархозучета Мачульский писал в секретной «Докладной записке о динамических процессах в составе населения Запсибкрая за 1932 и первое полугодие 1933 г.»: «Специфические особенности последних лет сделали ряд пунктов Западно-Сибирского края центрами притяжения для массы мигрирующего населения. Такими пунктами являются в первую очередь крупные города, ряд узловых и перевалочных пунктов на пути мигрирующей массы»². Ожидалось усиление притока мигрирующего населения в города Запсибкрая в 1933 г. Статистики указывали: «Хороший урожай 1933 г. и окончание паспортизации в городах европейской части СССР заставляют предполагать усиление движения населения из др[угих] районов СССР»³. Каинск и Татарск к «центрам притяжения» вообще не относились, а Барабинск не был особенно притягательным для мигрантов из-за ограниченности промышленного развития и сильной заболоченности городской территории.

В 1932 г. прирост населения составил в Каинске 700 человек, или 7,3 %; в Барабинске – 1800 человек, или 14,4 %, в Татарске прирост был микроскопичным – 1,25 %. В 1933 г. рост населения городов Барабы замедлился еще сильнее. Каинск стал многолюдней всего на 0,2 тыс. человек (2 %), Барабинск также на 0,2 тыс. (1,5 %), Татарск – на 0,1 тыс. (1 %). Оживление стало наблюдаться только лишь в 1934 г. Татарск увеличил количество своих жителей на 800 человек, или на 9,8 %, Барабинск – на 500, или 3,4 %. Стагнация продолжалась в Каинске, который вырос за этот год на только на 1 %. Этот период характеризуется очень низким приростом населения. Заметим, что приведенные сведения извлечены из фондов статистического управления и вполне вписываются в динамику населения, составленную на основе итогов переписи населения 1939 г. Низкая миграционная емкость городов подтверждается данными о размере их жилищного фонда. Так, на 1 января 1935 г. таковой составлял в Барабинске – 61 675 м², в Куйбышеве – 40 300, в Татарске – 28 700 квадр. м⁴.

¹ *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 110.

² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 382. Л. 18.

³ Там же.

⁴ Народное хозяйство Запсибкрая / отв. ред. В. Г. Вильрат. Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1936. С. 356.

Данные о численности населения за 1936 и 1938 гг., приведенные в таблице 2.1, взяты из официальных публикаций¹. Однако плановые и административные органы тогда были склонны преувеличивать численность населения. Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения» от 21 сентября 1935 г. обвиняло работников статистических учреждений и загсов: «Классовые враги – бывшие священники, кулаки и белогвардейцы... проводили вредительскую работу, скрывая рост населения Советского Союза путем умышленного недоучета рождаемости и завышения смертности»². Второе постановление «О порядке и сроках регистрации рождений и смертей» было принято ЦИК и СНК СССР 27 июля 1936 г. Оно вводило административную ответственность за уклонение от регистрации³. Качество учета оставалось неудовлетворительным на многих территориях страны.

Именно после принятия вышеуказанных постановлений в официальных источниках в 1,5 раза возросла численность населения Барабинска и Татарска и на четверть – Куйбышева. По последнему данные переписи 1937 г. позволяют произвести корректировку уже через год. Перепись показала, что спустя год численность жителей Куйбышева была на 800 человек, или на 6 %, меньше. С учетом поправки на недоучет населения переписью 1937 г. в размере 0,4 % (49 человек), можно констатировать, что в 1936 г. завышение при определении численности населения составит более 5 %. По другим городам процедуру проверки можно произвести только по переписи 1939 г., данные которой искажены поправками. Однако и они показывают существенное завышение численности населения. Количество жителей Куйбышева (до 13 февраля 1935 г. – Каинска) в 1936 и 1938 гг., показанное в таблице 2.1 по официальным источникам, противоречит динамике населения, рассчитанной с учетом итогов переписей 1937 и 1939 гг. Можно сделать вывод, что до принятия известных постановлений о работе загсов статистические службы в городах Западной Сибири давали о населении достаточно достоверную информацию. Ошибки в учете не превышали статистической погрешности.

В 1932 г. в СССР на основе обязательной прописки и выписки был введен учет миграции во всех городах, поселках городского типа, рабочих и курорт-

¹ Западно-Сибирский край: города и районы: основные показатели. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1936. С. 171, 208; Новосибирская обл.: экономико-географическое описание. Новосибирск: Обл. изд-во, 1939. С. 140, 189.

² *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 24.

³ Там же. С. 25.

ных поселках, а также в паспортизированной сельской местности¹. Создавались адресные бюро, которые входили в структуру НКВД. В кустовых адресных бюро заполнялся листок прибытия мигранта. В специальной инструкции 1935 г. указывалось, что в компетенцию адресных бюро входит:

- «1) оказание содействия административным органам в розыске необходимых им лиц;
- 2) выдача учреждениям и частным лицам справок о месте жительства;
- 3) ведение учета перемещения населения»².

Исходя из третьечередности самой задачи учета населения, можно сделать вывод о том, что миграция учитывалась плохо отнюдь не случайно. Хотя данные о миграции стали поступать в статистические органы в 1933 г., но вплоть до конца 1930-х гг. охватывали даже не всё паспортизированное население³.

Любопытны данные о миграции, сохранившиеся в архивах. Нам удалось выявить отчетность по городам Каинску и Барабинску за все месяцы 1934 г., кроме июля (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Миграция в Каинске и Барабинске в 1934 г., чел.*

Месяц	Прибыло		Выбыло		Сальдо	
	Всего	Из них детей	Всего	Из них детей	Всего	Из них детей
Январь	627	179	133	(21)	486	158
Февраль	508	161	125	10	383	151
Март	257	0	257	0	0	0
Апрель	180	39	46	10	134	29
Май	314	81	158	14	156	67
Июнь	314	89	193	20	121	69
Август	296	99	371	62	-75	37
Сентябрь	374	93	164	25	210	68
Октябрь	572	135	271	24	301	111
Ноябрь	286	100	90	7	196	93
Декабрь	475	128	122	23	353	105
Итого за год:	4203	1104	1930	216	2265	888

* Составлено по данным: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 74. Л. 1 об., 2 об., 3 об., 4 об., 5 об., 6 об., 9 об., 10 об., 11 об., 12 об., 13 об.

¹ Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: РГСУ: Акад. проект, 2007. С. 317.

² Экономика народонаселения / под ред. В. А. Ионцева. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 110.

³ Там же.

Из таблицы видно, что в городах, по данным миграционного учета, существовал значительный миграционный приток – 2,3 тыс. человек в год. Прибыло на место жительства 4,2 тыс., выбыло 1,9 тыс. душ. Значительную долю среди мигрантов составляли дети: более четверти всех прибывших и каждый девятый среди выбывших. Это свидетельствует как о приезде целыми семьями, так и о плохой регистрации выбывших. Сельские жители, не имея паспортов, приехав в города, становились на учет, а покидая его, не делали статистической отметки. Отрицательное сальдо миграций наблюдалось лишь в августе: 75 человек. Видимо, таковое имело место и в июле, но данные по нему не сохранились. Июль – август в Каинске – это время выпуска в профессиональных учебных заведениях: в педагогическом, финансовом, зооветеринарном и зоотехническом техникумах. Такое качество учета не могло не привести к завышению численности населения городов. Фактически за 1934 г. население Каинска выросло на 0,1 тыс. человек, что соответствует естественному приросту. В 1934 г. в нем, по данным регистрации, родилось 340, умер 261 человек, естественный прирост составил 79 душ¹. В Барабинске общее увеличение составило 0,5 тыс., естественный прирост – 0,2 тыс. человек.

Помесячная расшифровка свидетельствует, что 26 % прибывших мигрантов приходилось на январь – февраль, когда в сельской местности люди меньше всего загружены работой, а в округе существовало еще много единоличников. Кроме того, в начале 1934 г. последствия голода еще не были преодолены. В эти же месяцы среди мигрантов было невелико число детей. Второй пик притока мигрантов приходился на октябрь – время начала занятий в учебных заведениях, а также на декабрь – время сезонных заработков для сельчан, традиционно занимавшихся отхожими промыслами. На те месяцы, когда наблюдались всплески притока мигрантов, приходится минимум выбывающих. Интересно, что самое незначительное их число приходится на апрель. Крестьяне, покидающие город, не считали нужным регистрировать свое выбытие.

Завышение численности населения в конце 1930-х гг.

Анализируя источники и текущую статистику тех лет, можно сделать вывод о значительном искажении оценок численности населения и всей страны, и отдельных регионов, местностей. Так, в 1937–1938 гг. была значительно завышена численность населения ряда городов Новосибирской области. Плановая комиссия указывала в качестве планового задания на 1 января 1938 г. чис-

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 55. Л. 9.

ленность жителей Куйбышева в 13 536 человек¹. На эту же дату имеется максимальная оценка в 18,4 тыс.² Есть сведения о том, что в 1936 г. в городе проживало 10,5 тыс. человек³, но по данным переписи 1937 г. их было 12 318⁴. Официальная публикация итогов переписи 1939 г. указывает число 12 930⁵, которую повторяет и ряд других источников⁶.

Они же указывают численность населения в 1939 г. в Барабинске – 29 988 человек, в Татарске – 21 403 человека. Приведена и численность жителей рабочего поселка Купино – 12 328. Таким образом, в 1939 г. в Барабе проживало 76,6 тыс. горожан, или 13,7 % населения региона. Произошел рост доли горожан в 2,5 раза по сравнению с 1926 г., когда она составляла 5,6 %.

Руководство страны устанавливало плановые задания по росту численности горожан и всего населения в целом, чтобы показать быстрый рост населения при социализме, превосходство социализма над капитализмом⁷. В 1935 г. И. В. Сталин указал, что годовой прирост населения в стране оценивается «в три миллиона душ», т. е. «на целую Финляндию»⁸. Планы стремились перевыполнять. «Текущий учет населения давал неверные, резко завышенные цифры. Совершенно неудовлетворительное состояние текущего учета является причиной разрыва между предположениями и фактической численностью населения, установленной переписью», – писал заместитель начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета И. А. Краваль, пытаясь объяснить расхождения итогов переписи 1937 г. и расчетных данных⁹. Итоги переписи 1937 г. были аннулированы и не учитывались, но к 1939 г. положение с учетом вряд ли заметно улучшилось.

Переписи 1939 г. был придан политический характер. Она должна была продемонстрировать достижения советской власти. Результаты переписи 1939 г. в основном подтвердили итоги переписи 1937 г., при условии прибавления

¹ Народнохозяйственный план Куйбышевского района... С. 6.

² Новосибирская обл.: экономико-географическое описание. С. 140.

³ Рассчитано по данным: Западно-Сибирский край: города и районы. С. 167.

⁴ Народнохозяйственный план Куйбышевского района... С. 3, 6.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М.: Статистика, 1963. С. 37.

⁶ См., например: Население Новосибирской обл. (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1970 г.). Новосибирск: Облстат, 1971. С. 5; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1183. Л. 1; и др.

⁷ Второй пятилетний план. М.: Госплан СССР, 1935. Т. 1. С. 503.

⁸ *Сталин И. В.* Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и Правительства, 5 дек. 1935 г. М.: Госполитиздат, 1947. С. 7.

⁹ Цит. по: *Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселёв И. Н.* Полвека молчания: (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 10.

к ним естественного прироста. И. В. Сталин утверждал, что в 1939 г. население СССР составляет 170 млн человек. Фактически было 167,7 млн. Тогда к результатам переписи добавили почти 3 млн¹.

Источники тех лет свидетельствуют о повышенной секретности итоговых материалов переписи. Сведения запрещалось публиковать и оглашать. Даже руководящие работники здравоохранения не имели доступа к ним. Специально оговаривалось: «Сведения о переписи давать только секретарям ВКП(б) и председателям РИКов, предупреждая, что сведения не подлежат оглашению»². Работникам прочих организаций (конкретно относилось к органам здравоохранения) настоятельно рекомендовалось прекратить излишнюю переписку с целью получения итогов переписи. Это говорило о фальсификации данных. Поэтому, работая с материалами переписи, требуется произвести коррекцию численности населения, завышенную по конъюнктурным соображениям. Как доказала В. Б. Жиромская, необходимо итог по данным переписи уменьшить на 2,1 %, в том числе для городского населения – на 1,9 %, а для сельского – на 2,9 %.

Следует учесть, что по Новосибирской области, как и по множеству других территорий страны, проводились изъятия численности «спецконтингента» – военнослужащих, заключенных, спецпереселенцев – для перераспределения по другим территориям. Поэтому к результату, полученному после коррекции, нужно прибавить численность изъятых спецконтингента. В Новосибирской области разработчиками переписи было добавлено 88,6 тыс. человек, а изъято для перераспределения 76 тыс. Итоговая поправка составляет минус 0,3 %³.

Для дополнительной проверки можно использовать методику расчета Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковой, которые установили, что увеличение численности было пропорциональным по всей стране. По данным ЦСУ СССР, коррекция составляла 1,68 %, а по данным трех названных соавторов – 0,68 %⁴. Этим подтверждается вывод, сделанный многими исследователями: материалами переписи 1939 г. можно пользоваться, несмотря на целый ряд их недостатков, при условии коррекции итогов⁵.

¹ Волков А. Г., Гозулов А. И., Григорьяц М. Г. Переписи населения в России и бывшем СССР // Народонаселение: энцикл. слов. / гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: БРЭ, 1994. С. 312.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 480. Л. 1.

³ Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 9.

⁴ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. С. 33.

⁵ Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гушин, В. А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 13.

Перепись 1939 г. заметно скорректировала разрыв между реальной численностью и текущим учетом населения. О масштабах выявленной «погрешности» можно судить по данным таблицы 2.1. Размеры недоучета станут еще больше, если добавить к расчетной численности населения за 1938 г. естественный и механический прирост. Следовательно, показателей, которые бы верно отразили численность населения в 1938 г., в известных источниках нет. В то же время имеющиеся данные переписи 1937 г. по двум городам Новосибирской области (в современных границах) – Новосибирску (360 080 человек) и Куйбышеву (12 318 человек) – показывают, что результаты переписей 1937 и 1939 гг. подтверждают точность учета населения. Они различаются в основном на величину естественного и механического прироста¹.

Из данных таблицы 2.1 видно, что по всем городам в 1939 г. было выявлено значительное завышение численности населения в текущей статистике. В Куйбышеве – на 29,9 %, Татарске – на 16,5, Барабинске – на 12,3 %. Тем не менее, можно констатировать, что динамика населения городов Барабы до 1935 г., т. е. до известных постановлений по текущему учету и работе загсов, не вызывает сомнений. Она вписывается в данные переписи 1939 г. и подтверждается итогами переписи населения 1937 г. по городам Куйбышеву, Новосибирску и по Куйбышевскому району (40 682 человека в 1937 г. и 39 615 – в 1939 г.)².

Итоги переписи 1939 г. хорошо просматриваются на примере Куйбышева. На начало 1939 г. численность жителей этого города составляла 12 852 человека³. Она была указана в источнике карандашом. Это первоначальный итог переписи. Окончательный итог – 12 930 человек. Следовательно, поправка по городу составляет 78 душ, т. е. 0,61 %. Такая поправка не превышает пределы естественной статистической погрешности – 1 %. Следовательно, пользоваться материалами переписи 1939 г. по Куйбышеву можно без коррекции. Этот вывод опубликован А. А. Бурматовым ранее⁴.

По Куйбышеву имеются данные переписи 1937 г.: 12 318 человек. Прибавив к ним последовательно данные естественного прироста за 1937–1938 гг. и за 16 дней января 1939 г. в загсомесяцах (события, не распределенные по

¹ Из архивов Госкомстата СССР: итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 70; Народнохозяйственный план Куйбышевского района... С. 3, 6.

² Народнохозяйственный план Куйбышевского района... С. 3, 6, 9.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 351. Л. 16 об.

⁴ Бурматов А. А. Перепись населения 1939 г. в Новосибирской обл.: оценка демографических материалов // Новосибирская обл. в контексте российской истории. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2001. С. 117.

реальному времени, а привязанные к моменту их регистрации)¹, получим: $263 + 140 + 18$ человек². Расчет от итога переписи составит 12 739 человек. Данные за 16 дней января получены здесь следующим образом. За 90 дней первого квартала 1939 г. родилось 170 человек, в том числе 95 мальчиков и 75 девочек, а умерло 68 человек – 37 мужчин и 31 женщина³. Естественный прирост за 16 дней января 1939 г. составил: 102 человека: $90 \text{ дней} \times 16 \text{ дней} = 18$ человек). Погрешность в 23 человека, или в 0,18 %, при использовании поправки ЦСУ в 1,68 % объясняется тем, что перепись 1937 г. была проведена на 6 января и естественный прирост указан в загсомесяцах. Это возможно при нулевой миграции. Скорее всего, истина близка, так как миграция в Куйбышев была невелика, а смерти погибших в результате репрессий не были зарегистрированы. Разнонаправленные векторы компенсировали друг друга. Поправка в 0,61 % позволяет пользоваться в дальнейшем официальными итогами переписи 1939 г. без коррекции.

Итоговая поправка вызвана тем фактом, что в Куйбышеве находилась единственная в бывшем округе тюрьма, и в город свозились арестованные со всех районов и городов. Однако, как показывает статистика арестов, именно в 1937–1938 гг. массовые аресты, расстрелы осужденных и высылка в лагеря могли существенно повлиять на динамику численности населения и его половую структуру. Например, в конце 1937 – 1938 г. начальник Куйбышевского райотдела УНКВД И. Д. Малышев показал, что за один месяц «поступило около 200 заявлений, которые не проверялись... и на основании этих заявлений производили арест граждан»⁴. За период с 5 августа по 4 октября 1937 г. Куйбышевской тройкой НКВД был вынесен 871 расстрельный приговор⁵. Это на 12,9 тыс. жителей города и 40,5 тыс. жителей района. (Подробнее этот сюжет будет рассмотрено ниже).

¹ Методику расчета см.: Показатели естественного движения населения за часть года // Статистический словарь / гл. ред. А. И. Ежов. М.: Статистика, 1965. С. 434–435.

² ОЗАГС Территориальной администрации г. Куйбышева. Текущий архив.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 351. Л. 1 об., 4 об., 7 об., 16 об.

⁴ *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Нов. хронограф, 2008. С. 349–350.

⁵ *Юнге М., Бордюков Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. М.: Нов. хронограф: АИРО-XXI, 2008. С. 10, 212.

Динамика численности сельского населения в 1926–1929 гг.

Территория Барабинского округа относилась к слабозаселенным местностям и поэтому была открытой для переселений. Приоритетными оставались добровольные переселения, «мягкая» поощрительная политика второй половины 20-х гг., когда добровольность и стихийность переселенческих потоков не преследовались и не ограничивались государством¹. Переселенческая организация в Сибири была восстановлена в 1925 г. в виде маломощной ячейки и небольших оперативных партий на местах, но сразу развернула обширную деятельность². К 1925 г. в округе насчитывалось 945 населенных пунктов, из них 3 города и 942 сельских поселения³.

В Барабинский округ в 1926 г. было переселено 336 семей, в них насчитывалось 1853 человека. Для новоселов была приготовлена 12 971 десятина земли⁴. Переселения происходили из европейской части страны в обжитые районы на свободные земельные фонды. Это способствовало закреплению новоселов. Среди переселенцев наличествовали как направляемые на новое место жительства в организованном властями порядке, так и неплановые («самовольцы») и ходоки⁵. Среди вселившихся преобладали выходцы из районов Украины и Белоруссии. Численно первым уступали новоселы из центральных районов России. Статистика показывает значительную приживаемость новых жителей, при этом внеплановые переселенцы закреплялись лучше. Зарегистрирован выезд из округа всего 38 семей, как переселенцев, так и старожилов. Зарегистрирован единственный случай переезда на Сахалин⁶.

Краевые органы власти проводили обследования и условий приживаемости новоселов, и возможностей для расширения плановых переселений. В Барабинском округе ставились задачи «изучения естественно-исторических условий, техники и экономики сельского хозяйства районов, в которых когда-то бы-

¹ Красильников С. А. Предисловие // Восточный вектор переселенческой политики в СССР, конец 1920-х – конец 1930-х гг.: документ. науч. изд. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. С. 4.

² Юрцовский Н. С. Статистико-экономические работы Сибирской переселенческой организации // Вопросы переселения и колонизации. Новосибирск: Район. переселен. упр. Сибири, 1928. С. 64.

³ Баранский Н. Н. Барабинский окр. // Большая Советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1926. Т. 4. С. 684.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства Барабинского окр. на 1927–1928 гг. Каинск: Бараб. окружком, 1927. С. 54.

⁵ Итоги переселенческого движения через Сибирь // На аграрном фронте. 1927. № 8/9. С. 215.

⁶ Контрольные цифры народного хозяйства Барабинского окр. ... С. 54.

ли проведены значительные гидротехнические работы (выявление эффективности осушительных мероприятий) и районов, из которых поступают требования переселенцев о переводе их в другие местности (Биазинский район, относительно которого состоялось специальное постановление Барабинского окрисполкома), а также в общих целях выявление землепользования (как материал для разработки норм землеобеспечения)». Обследование охватило 66 населенных пунктов округа¹. В 1925–1926 гг., согласно данным обследования, только пять семей переселенцев собирались вернуться обратно². Это составляло 0,6 % от всех семей переселенцев. Другими словами, люди, приехавшие на новое место жительства, довольно успешно закреплялись в округе.

На 1926/27 финансовый год планировалось вселить 791 семью с 4589 членами. Для развития их хозяйств было выделено 32 126 десятин земли, а на 1927/28 финансовый год для 1400 семей и 7000 их членов выделенный земельный фонд составил 49 000 десятин. Барабинский окружком сетовал, что переселения сдерживаются тем фактором, что обследование необжитых районов производится Омской переселенческой партией, а необходимые материалы еще не получены³. В сельские районы Барабы за 1926–1927 гг. фактически было переселено 4,9 тыс. человек, в 1927–1928 гг. – 18 тыс.

В первую пятилетку (1928–1933 гг.) сюда предполагалось переселить 48,5 тыс. человек⁴. Эти данные хорошо согласуются с динамикой населения Барабы, приведенной нами в таблице 2.5. Можно констатировать, что миграционная емкость в округе к началу коллективизации не была исчерпана. В «Сибирской Советской энциклопедии» сообщается: «Колонизационные перспективы и сейчас еще весьма значительны, так как освоенная территория составляет всего лишь 49,4 % со средней обеспеченностью населения удобной землей трудового пользования: на двор 36,3 га, на душу 6,4 га; но огромная площадь неиспользованных земель требует капитальных мелиоративных работ»⁵.

Советские власти считали, что «старое административно-территориальное деление... уже устарело и многие территории, принадлежавшие к различным административным округам, давно экономически тяготеют друг к другу»⁶.

¹ Юрцовский Н. С. Статистико-экономические работы... С. 65.

² Юрцовский Н. С. К вопросу об обратном уходе переселенцев // Вопросы переселения и колонизации. С. 74.

³ Контрольные цифры народного хозяйства Барабинского окр. ... С. 54.

⁴ Н. Ю. Барабинский окр. // Сибирская Советская энциклопедия. 1929. Т. 1. Стб. 229–230.

⁵ Там же. Стб. 229.

⁶ Вопросы экономической географии. М.: ОГИЗ-Соцгиз, 1934. С. 188. Цит. по: Меерович М. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная поли-

На самом деле учитывались сомасштабность размеров территории и «плотность» партийных организаций (численность членов партии), а также численное соотношение партийной и беспартийной частей населения¹.

Перед проведением анализа статистических данных за период 1927–1932 гг. оговоримся, что в эти годы в Барабе произошли существенные административно-территориальные изменения. В ноябре 1928 г. часть территории Купинского района (сельсоветы Арыновский, Бисимбиновский, Идигинский и пос. Кузьминский) были переданы в Павлодарский округ Казахской АССР². В связи с расформированием Тарского округа на основании постановления Сибкрайисполкома от 19 июня 1929 г. из Тарского округа в Барабинский был передан Муромцевский район. Одновременно сюда же из Омского округа передан Еланский район. В справочнике по административному делению Новосибирской области ошибочно указано на передачу в 1929 г. также двух сельсоветов из Болотнинского района³. Но на самом деле Болотнинский район общих границ с Барабинским округом не имел, в состав Барабинского округа были включены Копьевский и Николаевский сельские советы из Большереченского района Тарского округа⁴.

Согласно итогам переписи 1926 г., в Муромцевском районе проживало 23 720 человек, из них мужчин – 11 399 (48,1 %) и женщин 12 321 (51,9 %). В Еланском районе насчитывалось, соответственно, 22 693; 11 037 (48,6 %) и 11 656 (51,4 %) человек⁵. В публикациях 1930 г. динамика населения Барабинского округа в 1927–1930 гг. показана с учетом этих изменений⁶. В равной мере это относится и к сохранившимся архивным материалам периода 1930–1932 гг.⁷ Кроме того, выясняется, что границы между округами были спорными. Например, Барабинский и Омский окружкомы оспаривали границу Татар-

тика в 1930-е гг. // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2007. С. 86.

¹ *Меерович М.* Социалистический город. С. 86.

² Справочник по административно-территориальному устройству Новосибирской обл. 1937–2006 гг. / под ред. В. В. Моисеева, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ГАНО, 2007. С. 14.

³ Там же.

⁴ Административно-территориальное деление Сибири (авг. 1920 – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 – сент. 1937 г.), Новосибирской обл. (с сент. 1937 г.): справ. Новосибирск: Кн. изд-во, 1966. С. 167.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. С. 6, 246, 256.

⁶ Статистика Сибири: сб. стат. материалов. 1930. Вып. 2. С. 139–140; Сибирский край: стат. справ. С. 3.

⁷ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1, 3 – 3 об.

ского района. Село Новокиевка с 177 жителями и пос. Себино с 12 жителями Никулинского сельского совета, с. Китнарва с 218 жителями Степановского сельсовета на территории Омского округа Барабинский окружком считал своими, расположенными на территории Татарского района. В итоге было произведено территориальное размежевание в пользу Барабинского округа¹.

Всё это приводит к необходимости рассматривать динамику сельского населения округа в новых границах (табл. 2.6). Безусловно, эти данные не сопоставимы с границами 1926 г., однако представляют целостный непрерывный ряд показателей численности населения за 1927–1932 гг. и его движения за 1927–1930 гг. по абсолютно идентичной территории. Понятно, что динамические процессы в абсолютном своем значении не могут быть отнесены к территории округа в границах переписи 1926 г., но относительные показатели можно распространить на данную территорию. Тем более, что территориальные изменения увеличили население округа всего на 61 тыс. сельчан, или на 12 %. Демографическая ситуация в «прирезанных» местностях была схожей с основной частью округа, и общую тенденцию развития «прирезка» исказить не могла. Кроме того, статистиками тех лет изменена численность населения Каинска (а его границы не менялись) и всего городского населения округа, хотя в ходе внешних территориальных изменений оно в движении не участвовало. Следовательно, в текущей статистике была сделана поправка на полноту статистического учета переписью 1926 г. Статистики в публикациях тех лет об этом открыто говорят².

Таблица 2.6

**Динамика численности населения в фактических границах
Барабинского окр. 1930 г., чел.***

Дата	Всё население	В том числе		Индекс динамики населения, %		
		Городское	сельское	всего	городского	сельского
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
01.01.1927	564 430	28 914	535 516	100	100	100
01.01.1928	590 884	32 492	558 392	104,7	112,4	104,3
01.01.1929	620 637	36 443	584 194	105,0	121,2	104,6
01.01.1930	636 518	38 548	597 970	102,6	105,8	102,4

¹ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1087. Л. 80.

² *Слуцкий А.* Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928–1929 гг. // Статистика Сибири. Вып. 2. С. 138. Примечание в источнике: «Наиболее высокий показатель рожившихся за 1927 г. по городам наблюдается в Кузнецком округе, но в данном случае, по-видимому, имеется значительный недоучет населения за названный год, а также и за 1928 г.». С. 138.

1	2	3	4	5	6	7
01.01.1931	634 477	34 000	603 477	99,7	88,2	100,9
01.01.1931**	623 476	34 000	589 476	98	88,2	98,6
01.01.1932	648 742	30 000	618 742	102,2	88,2	102,5

* Рассчитано по данным: Статистика Сибири: сб. стат. материалов. Вып. 2. С. 139–140; Сибирский край: стат. справ. С. 3; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1 – 1 об., 3 – 3 об.

** Данные после проведенной органами власти корректировки численности жителей.

В период 1927–1929 гг. население округа быстро прирастало как в городах, так и в сельской местности. В 1927 г. число горожан выросло на 12,4 %, в 1928 г. – на 21,2 %. В селах ежегодный прирост в эти годы составлял 5 %. Очевидно, что такие темпы и в городах, и в сельской местности не могли обеспечиваться только естественным приростом, хотя он был очень высоким. В городах естественный прирост населения составлял 2,3–2,5 %, в селах – 3,1–3,6 % ежегодно. Население округа вошло в период демографического «взрыва», т. е. исключительно быстрого естественного прироста. Наблюдалась снижающаяся смертность населения при сохранении высокой рождаемости. Одновременно это накладывалось на значительный миграционный прирост.

«Великий перелом»: трагедия раскулачивания и ссылки

Год «великого перелома» в СССР – 1929 – ознаменовался замедлением роста численности населения Барабы. Оно увеличилось на 2,6 %, в том числе на 5,8 % в городах и 2,4 % в селах. Общее увеличение было меньше естественного приращения, наблюдавшегося в предшествующие годы. Такие темпы показали, что приток населения в Барабу сошел на нет, одновременно произошли и снижение естественного прироста населения, и его отток за пределы региона. Однако эти выводы не так безоговорочны, как кажется. В Барабинский округ в 1929 г. началось вселение кулацких хозяйств из других регионов страны. В Михайловский район (глубинку даже по меркам Барабы) предполагалось доставить до 500 человек спецпереселенцев¹. Расселяли кулаков небольшими поселками под управлением комендантов. До 1934 г. их именовали спецпере-

¹ Восточный вектор переселенческой политики в СССР. С. 76. Из Европейской России предназначалось к переселению в Сибирь 1000 хозяйств с 5500 людьми. На Михайловский район отводилось 500 долей из 6200, т. е. 8,1 %. Это соответствует 445 лицам. Сколько было реально вселено, неизвестно.

селенцами, с 1934 по 1944 г. – трудпоселенцами, с 1944 г. – снова спецпереселенцами¹.

Сибирь и Казахстан существенной роли в межкраевом перемещении раскулаченных крестьян не играли. В основном спецпереселенцы из южных и центральных районов Европейской России перемещались на Урал и Русский Север². Самых раскулаченных поделили на следующие три группы³.

1) «Контрреволюционный актив». Эту категорию заключали в лагеря и даже расстреливали без суда. Членов семьи могли отправить на спецпоселение в первую очередь, а могли оставить и дома. В 1931–1932 гг. первую группу фактически приравнивали ко второй, дав ее представителям возможность проживать с семьями на спецпоселении.

2) «Остальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полупомещики». Эту категорию выселяли в отдаленные местности страны или отдаленные местности края. В Сибирском крае – «за болото»: в Васюганье, Нарымский край, или северные районы нынешней Томской области.

3) Оставляемые в пределах района кулаки. Это «идеологические кулаки» или «подкулачники», «подпевалы кулачества». Официальная история партии их называла «подголоски»⁴. Представителей группы выселяли за пределы колхозных угодий на худшие участки земли, их имущество конфисковалось, семьи должны были переселяться в дома бедноты и т. д.

В первую группу («занимались контрреволюционной деятельностью») по СССР в целом были отнесены 63 тыс. хозяйств, во вторую («которые не оказывали активного сопротивления») – 150 тыс., третью группу размерами не ограничивали⁵.

Градация способствовала расколу единства деревни как таковой и зажиточных слоев, в частности. Это соответствовало плану властей провести ускоренную индустриализацию страны, так как опасались неизбежного вооруженного нападения со стороны капиталистических государств. Террор, применяемый в советской деревне, привел к обострению отношений с европейскими странами. В первую очередь с Францией и ее союзниками в Восточной Европе – Польшей и государствами Прибалтики. Это толкало правительство СССР к более

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 18.

² Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред.-сост.: Т. Нефёдова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. С. 44.

³ Там же.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М.: Госполитиздат, 1946. С. 294.

⁵ Рощин Ю. В. Миграция населения в судьбе России. М.: Авангард, 2008. С. 128.

решительным шагам в реформировании деревни и требовало модернизации армии¹. «Решающим моментом в деле социалистической реорганизации самого сельского (крестьянского) хозяйства является всё большее усиление связи между городом и деревней, всё большее осуществление высот пролетарского государства на крестьянское хозяйство. Но этот процесс... сопровождается всё более растущим мощным процессом участия самих крестьянских масс под руководством пролетариата в деле реорганизации сельского хозяйства на основе кооперирования и всё большей коллективизации», – говорилось в тезисах Московской губернской конференции ВКП(б)². Однако сельчане на кооперирование смотрели иначе. Так, в 1925 г. в Сибири было создано 36 новых коммун, 14 товариществ по совместной обработке земли, а ликвидировалось 75 коммун и 34 ТОЗа. Только сельхозартелей стало больше: их возникло 122, было ликвидировано же 49³.

Экономист К. Я. Розенталь писал так: «Основной план... заключается в поголовном кооперировании всего трудового крестьянства». Предлагалось применять потребительское, кредитное и производственное кооперирование, которое «не только ослабляет действие рынка... но и парализует эксплуатационные стремления кулака»⁴. На деле выбор остался только на словах. Колхозы были тем инструментом, который позволял взять за бесценок или даже даром основной источник финансирования – хлеб. Внешние займы для большевистского правительства исключались, а проведение индустриализации за счет постепенного развития экономики в расчеты «истых коммунистов» не входило, так как требовало допущения независимого суда, твердых законов, обеспечения прав населения, развития производительных сил и, главное, ограничения или отхода от большевистской диктатуры. Внутренние займы в разоренной стране проведены быть не могли. Оставалось только насильственное изъятие средств из деревни.

Колхозы интересовали большевистское руководство как «коллективный инструмент», передающий полномочия по принятию решений по производству и распределению сельскохозяйственной продукции от крестьян государству и его представителям на селе. Это было удобней, чем заниматься ценообразо-

¹ Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008. С. 163.

² Строительство советской деревни. М.: [б. и.], 1928. С. 8.

³ Колхозы Сибири / под ред. Г. В. Веденяпина, Я. И. Базанова. Новосибирск: Книгосоюз, 1929. С. 21.

⁴ Розенталь К. Я. Состояние сельского хозяйства и расслоение деревни. М.: Молод. гвардия, 1927. С. 80–81.

ванием¹. В проведенном статистиками исследовании за 1928–1929 гг. сообщалось: «В 1929 г. мы имеем распространение усиленного коллективного движения на Южную Украину, Поволжье, Сибирь... Несомненно, что наиболее бурное развитие колхозов мы находим в таких районах, где товарное сельское хозяйство и расслоение крестьянства достигло наибольших ступеней»². Отметим, что беспосевные хозяйства сдавали землю в аренду, как тогда считалось, зажиточным крестьянам. На основании этого критерия и проводилась градация территорий. Так, уже в 1924 г. доля хозяйств на арендованной земле составляла в потребляющем районе 1,8 %, в производящем – 4,3 %, на Северном Кавказе – 5,9, в Киргизской ССР – 6,1, в Сибири – 3,9 %. Вторым критерием являлось применение наемного труда. Число хозяйств, использующих труд батраков, составляло на Украине 4,5 %, на Северном Кавказе – 7,3 %³. На эти территории и пришелся основной удар в ходе коллективизации. Они с точностью совпадают с географией голода 1932–1933 гг.

Колхозы не являлись притягательными для крестьян. Наши информаторы-бабушки отмечают, что в колхозе пить стали больше, а работать хуже. Беднота зачастую трудиться не хотела и в колхозе отлынивала от работы. Это подтверждается и материалами тех лет. В сообщениях, собранных по горячим следам, сообщалось из Новосибирского округа (соседний с Барабинским): «Коммуна является притягательным пунктом развлечений для молодежи окружающих селений и хуторов... Пьянство летом часто, зимой реже»⁴; «В артели... деревенская молодежь больше всего убивает времени на пляску»⁵. Другими словами, в сельскохозяйственный сезон, когда день год кормит, «пьют и пляшут, а не жнут и пахут». Но по цензурным соображениям в печати уверялось, что «ругань... и пьянка массового характера» не имеют⁶.

Демонстрировать новую колхозную жизнь и ее преимущества должны были все колхозники. Особое внимание уделялось критике частной собственности и образа жизни неколхозной деревни. Даже репертуару колхозного драматического кружка предписывали быть предельно политизированным. Например, предлагалось включать к показу в деревнях следующие темы: «По-

¹ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР, 1924–1928. М.: Дело, 2010. С. 222.

² Коллективизация советской деревни: предварительные итоги сплошных обследований 1928–1929 гг. / под ред. А. Гайстер. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1930. С. 13.

³ Розенталь К. Я. Состояние сельского хозяйства... С. 79–80.

⁴ Политпросвет: работа в совхозах и колхозах: опыт работы. М.: Работник просвещения, 1930. С. 21.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 51.

ложение крестьянства в капиталистических странах», «Борьба за изживание мелкособственнических настроений и укрепление колхозов», «О людях, овладевших техникой», «Борьба с религиозными предрассудками», «Женщина в колхозе». Формами проведения являлись живая газета, пьесы, литературный вечер¹.

Крестьяне-единоличники на агитацию за вступление в колхоз отвечали уклончиво (тогда писали – «с завистью»): «Лучше живете и знаете одну работу»². О коммуне пели: «В коммуне жить – от картошки живот больно»³. Коммунарки заявляли студентам-практикантам, проводившим опрос, что «наше положение ничуть не лучше, чем жили раньше. Мы должны стирать, готовить, убирать, возиться с детьми. Все средства бросаем в хозяйство, а быт, говорят, устроим, когда разбогатеем»⁴. На общих собраниях женщины отсиживали тихо. Свое молчание они объясняли так: «Да у нас мужики больше молчат, а что же мы будем говорить» (сообщение из Сибири, коммуна «Первомайская») ⁵. Активность проявлялась только на женских собраниях. «Советская власть, – говорили крестьяне, – организацией колхозов стремится совсем закабалить крестьянство. При царе крестьяне работали на помещиков, а при советской власти на коммунистов»⁶. Коллективизация воспринималась как новое крепостное право.

Даже передовые коммуны, опыт которых рекламировался на всю страну, не могли продемонстрировать превосходство новой формы организации труда. Например, коммуна «Молот» Колыванского района Новосибирского округа зафиксировала в правилах внутреннего распорядка 8-часовой рабочий день, но «на деле он почти не проводится, так как учесть точно количество рабочих часов трудно». Было установлено семь разрядов по оплате труда. Однако на практике все трудились в коммуне летом «с восхода до заката солнца», а зимой с 7 ч 30 мин. до 15–16 часов с перерывом на обед. «Учет труда ведется с точностью до четверти дня», – сообщает официальный пропагандистский справочник⁷. (Заметим, что единоличники зимой столько не работали. Об этом говорит наличие значительного числа праздников народного календаря, приходящихся именно на зимний период). Пропагандисты сухо заметили, что «про-

¹ *Вепринский М.* Драматический кружок в колхозе. М.: Моск. рабочий, 1936. С. 28, 70.

² Политпросвет: работа в совхозах и колхозах. С. 28.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. С. 138.

⁷ Политпросвет: работа в совхозах и колхозах. С. 38–39.

изводительность труда здесь очень низкая»¹. Диссонансом звучат помещенные несколькими страницами позже утверждения о большей производительности труда в коммуне в сравнении с крестьянами с. Мысы, в котором она расположена, и с крестьянством всего Колыванского района, а также о желании жителей села войти в коммуну². Газеты, журналы и книги (даже если покупались) не читались, использовались на самокрутки. Отмечены низкая культура и уровень жизни коммунаров, ветхость и неустроенность жилищ³.

Такая ситуация показывала, что в колхозы можно было согнать людей только силой. Сама жизнь доказывала, что формы кооперации, которые предлагала советская власть, не являются притягательными для крестьян, нежизнеспособны. Число колхозов в Сибири (включая коммуны, товарищества по совместной обработке земли и сельхозартели) со временем сокращалось. Оно составляло в 1921 г. – 2600, в 1922 г. – 200, в 1923 г. – 1600, в 1924 г. – 1262, в 1925 г. – 910, в 1926 г. – 798 и в 1927 г. – 697. В последнее число входили 304 сельхозартели, 213 ТОЗов и 180 коммун⁴.

Одной из эффективных форм проведения коллективизации считалась контрактация, при которой объединенное в кооперацию население деревни по договору обязуется провести в жизнь ряд агрономических и технических улучшений, произвести определенное количество продукции и сдать по определенным ценам государству в определенные сроки⁵. Особое внимание уделялось работе с беднотой, организации ТОЗов и т. д. Однако благие намерения лишь провозглашались с трибун. Только политическое решение и жесточайшее давление власти могло коллективизировать село. Деревню ломали через колено. На XVI съезде партии говорилось: «...Отныне в... СССР деревня делиться на две части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и не колхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит (в относительно короткие сроки) в необходимости вступить на путь коллективизации»⁶. Средняк становился не союзником, а опорой советской власти. Перед партийными, советскими и первичными кооперативно-колхозными ор-

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 58–62.

³ Там же. С. 47–48.

⁴ *Понуров Н.* Семиверстным шагом – к сплошной коллективизации! // За социалистическое земледелие. 1929. № 3. С. 11–12.

⁵ *Демьянов Я. Э.* Первый шаг к колхозу. М.; Л.: Гос. с.-х. изд-во, 1931. С. 23–24.

⁶ Цит. по этому источнику. С. 40.

ганизациями деревни была поставлена задача: «Укрепляя и оживляя деятельность собраний и групп бедноты, активировав бедноту и батрачество вокруг лозунгов партии... превращать их в застрельщиков борьбы с кулаком и авангард социалистического строительства»¹.

Результаты сказались уже в 1928 г., когда число коллективных хозяйств в Сибири утроилось, достигнув 2049. Однако в основном приросло количество ТОЗов – в 5,4 раза (1108). Количество сельхозартелей возросло в два раза (до 616), а коммун – на 70 % (до 325). В 1929 г. нажим на крестьян усилился. Коммун стало 725, сельхозартелей 838, ТОЗов 1919. При этом Сибирский край увеличил заготовки мяса (начался забой скота). поголовье крупного рогатого скота за 1928/29 хозяйственный год сократилось на 8,5 % (хотя до 1928 г. оно постоянно росло). Масла заготовили только 62 % от 1913 г. и даже меньше предыдущего года на 4 %. Об этом с тревогой говорили на пленуме Крайкома ВКП(б), посвященном состоянию животноводства и маслоделия. На пленуме отмечали, что доля Сибири в экспорте масла из СССР составляла 75 %. Только Барабинский округ давал 33 % союзного вывоза масла. Выход находили в расширении машинного производства в животноводстве – мощные животноводческие гиганты (техническое преодоление проблемы), отметив, что колхозы обеспечены хуже коровами на душу населения, чем индивидуальные хозяйства. Предлагалась усилить помощь бедняцко-средняцким слоям деревни в целях разведения коров в них². Другими словами, косвенно было признано, что «коренной перелом» привел к резкому ухудшению в сельском хозяйстве, колхозы не справлялись с возложенными на них задачами. Предлагалось усилить нажим на зажиточную часть деревни, в том числе используя юридические рычаги. Специальные статьи в журналах давали указание активу – как направить удар, используя УК РСФСР, какую статью из одного необходимо применить к крестьянам, не пошедшим безропотно за политикой партии³. Журнал «За социалистическое земледелие» уже в самом первом своем номере призывал: «Вести борьбу с кулаком, в какие “культурные” одежды он бы ни вырядился»⁴.

¹ Там же. С. 41.

² Кузнецов В. Давайте строить мощное социалистическое животноводство // За социалистическое земледелие. 1929. № 4/5. С. 4–8.

³ Петровский. Органы пролетарского правосудия начеку // За социалистическое земледелие. 1929. № 2. С. 6–7.

⁴ Степанов Н. Давайте строить новый боевой сельскохозяйственный журнал «За социалистическое земледелие»! // За социалистическое земледелие. 1929. № 1. С. 4.

С 1928 г. «в ответ на отказ кулачества продавать излишки хлеба государству по твердым ценам партия и правительство провели ряд чрезвычайных мер против кулачества, применили 107 статью Уголовного кодекса о конфискации по суду излишков хлеба у кулаков и спекулянтов... и дали бедноте ряд льгот, в силу которых беднота получала в свое распоряжение 25 процентов конфискованного кулацкого хлеба»¹. Заметим, что статья 107 УК РСФСР (спекуляция продукцией сельского хозяйства, санкционировавшая лишение свободы до 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества) применялась всё же реже, чем статья 61 (отказ от выполнения повинностей, общественных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение), пункты 1–3 которой подвергали судебному преследованию кулаков и середняков по обвинению в невыполнении твердых заданий и предусматривали наложение штрафа судом в порядке особого производства, для кулаков – лишение свободы до двух лет с конфискацией всего или части имущества². В документах, подаваемых в ОГПУ, появились материалы о спекулянтах. Например: «Торговец г. Каинска Сергеев Н. Г., превышая цены на 50–100 %, большую часть заготовок производил ночью и весь заготовленный хлеб не продавал, а держал его у себя в амбарах, выжидая весенней посевной кампании. Во время ареста у Сергеева было обнаружено 868 пудов припрятанных продуктов»³.

Репрессивные меры в равной мере относились и к членам партии: «Многие партийные организации были не только малочисленны, но в идейном отношении не имели достаточной политической закалки. Новая экономическая политика, усилившая мелкобуржуазную идеологию в стране, не прошла, разумеется, бесследно для сельских коммунистов. Мелкобуржуазные хозяйские устремления захватили в свои объятия многих из них... В ряде мест... Сибири сельские коммунисты не только шли в авангарде борьбы за хлеб, но и кое-где оказали противодействие...»⁴. С началом коллективизации было создано «Заготзерно» – организация, монополизировавшая всю хлебную торговлю страны.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 279.

² Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. С. 54–55 (редакция 15 февраля 1931 г. – с. 80–81); *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 85.

³ Сводка ЭКУ ОГПУ о результатах операций против частных хлебозаготовителей, 11 мая 1928 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: докум. и материалы / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1: май 1927 – нояб. 1929 г. С. 265.

⁴ *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1976. Т. 2: Исторический опыт в осуществлении ленинского кооперативного плана. С. 212.

С июня 1934 г. комендантами заготпунктов и элеваторов «Заготзерно» стали назначать сотрудников ОГПУ¹. (С 10 июня 1937 г. ОГПУ было преобразовано в НКВД).

Сколько было «кулаков» в СССР, остается спорным до сих пор. Согласно специальным исследованиям, к 1927 г. в Центральном районе насчитывалось 12 % зажиточных и 1,4 % богатых крестьянских хозяйств. В Сибири таковых было, соответственно, 2,7 и 0,5 %, на Северном Кавказе – 9 и 4,5 %². И. В. Сталин называл такие числа: 4–5 % кулацких хозяйств и 8–10 % зажиточных³. Эти данные вошли в советские справочники и исторические исследования. При этом сам Сталин никаких критериев не обосновал и даже не назвал⁴. Он указал также, что середняков насчитывалось 45–50 %, а бедноты – 35 %⁵. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1930 г. «О сельхозналоге на 1930/31 г.» численность кулаков в целом по СССР определялась в 3 %⁶. Однако в принятом в этот же день постановлении «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» говорится, что число кулацких хозяйств «составляло в среднем, примерно, 3–5 %». При этом специально указывалось: «Настоящее указание (3–5 %) имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и, безусловно, предупредить распространение... на часть середняцких хозяйств»⁷.

Официальная история Компартии рассказывала: «В конце 1929 г., в связи с ростом колхозов и совхозов, советская власть... перешла к политике ликвидации, к политике уничтожения кулачества как класса»⁸. В это время были отменены законы об аренде земли и найме труда, разрешено раскулачивание, кон-

¹ Проценко П. Комментарии // Гойченко Д. Д. Сквозь раскулачивание и голодомор: свидетельства очевидца. М.: Рус. путь, 2006. С. 318.

² Либкинд А. Расслоение и кооперирование деревни на основе ее механизации // На аграрном фронте. 1927. № 8/9. С. 45.

³ Сталин И. В. Речь на Первом Съезде колхозников-ударников, 19 февр. 1933 г. // Соч. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 13. С. 246.

⁴ Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007. Ч. 1. С. 143.

⁵ Сталин И. В. Речь на Первом Съезде колхозников-ударников. С. 246.

⁶ Выписка из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О сельхозналоге на 1930/31 г.», из приложения к протоколу заседания Политбюро № 116, п. 3 от 5 февр. 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930–1940. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. С. 69.

⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», из приложения к протоколу заседания № 116, п. 36 от 5 февр. 1936 г. // Политбюро и крестьянство... Кн. 1. С. 71.

⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 291.

фискация скота, машин и другого инвентаря в пользу колхозов¹. Такое давление не было случайным. За 1926/27 и 1927/28 финансовые годы число едоков в колхозах Сибирского края выросло на 137 % и составило 1,9 % всех сельских жителей региона². Отмечается сильная текучесть членства в колхозах. Так, по коммунам выбыло за 1927 г. 18 % всех семей, вступило 20 %, среди одиночек выбыло 24 %, вступило 15 %. По ТОЗам выбыло 12 % семей и 15 % одиночек, а вступили в них 15 и 19 %, соответственно³. Распада коммун в 1928 и 1929 гг. почти не отмечалось, но распалось 25 % ТОЗов и 10,6 % артелей. Это говорило о давлении властей именно на простейшие формы кооперации, которые позволяли сохранять самостоятельность крестьянскому хозяйству⁴.

Согласно предварительным данным переписи колхозов 1929 г., в Сибири было 3231 машинное товарищество (форма простейшей кооперации) с охватом ими всего 2,8 % всех крестьянских хозяйств, а в колхозах состояло 4,5 % семейных дворов и одиночек. Колхозами были охвачены 3,7 % жителей сибирского села, а обеими коллективными формами – 6,5 % сельчан⁵. В целом по Сибири в общественном секторе оказалось лошадей – 1,8 %, крупного рогатого скота – 1,4, в том числе коров – 1,6, овец – 2,7, свиней – 1,2 %⁶. Такие показатели обозначали провал политики добровольной коллективизации. В докладе руководителя Сибирского края Р. И. Эйхе на собрании новосибирского городского партактива 27 января 1930 г. «Ликвидация кулачества как класса» в особых разделах ставились «боевые задачи»: «сократить срок проведения сплошной коллективизации», «ликвидировать кулачество как класс» и «выселить кулаков из районов сплошной коллективизации»⁷. Эйхе говорил: «Надо решительно нажать на наши аппараты, чтобы... до минимума довести срок окончания сплошной коллективизации в Сибири»⁸. К началу февраля 1930 г. местные органы власти получают инструкции, принятые согласно секретному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января и оговаривающие правила и методы

¹ Там же.

² Ильин Е. И. Колхозы РСФСР и перспективы их развития. М.; Л.: Сельхозгиз, 1930. С. 34.

³ Там же. С. 46.

⁴ Каврайский В., Гальперин А. Колхозы Сибири // За сплошную коллективизацию. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. С. 54.

⁵ Коллективизация советской деревни: предварительные итоги сплошных обследований 1928–1929 гг. С. 58.

⁶ Зарницын В. Экономика Сибирского края // За сплошную коллективизацию. С. 33.

⁷ Эйхе Р. Ликвидация кулачества как класса // За сплошную коллективизацию. С. 3–21.

⁸ Там же. С. 5.

борьбы с кулаками¹. С января 1930 г., согласно статьям 79-1 и 79-3 Уголовного кодекса РСФСР, преступлением стала считаться такая внутривладельческая операция, как забой собственного скота².

Исследователь аграрного сектора экономики СССР, современник событий Л. Н. Литошенко писал о ситуации в деревне накануне коллективизации: «Захвативший... политическую власть городской пролетариат должен был решить труднейшую задачу. Незначительной кучке промышленных рабочих и идеологов предстояло покорить огромную крестьянскую страну. В организационно-производственном отношении это означало ассимиляцию 15,5 миллионов хозяйственных единиц, обладавших... довольно сложным и разнообразным строением. В политическом отношении необходимо было преодолеть сопротивление или примирить с новыми формами хозяйственной жизни 130 млн [человек] полуграмотного населения деревни, в огромном большинстве своем ничего не слышавшего о социализме и не имевшего к нему ни малейшей склонности»³. Страна разбивалась на три группы районов с точки зрения темпов коллективизации. Первая группа – важнейшие зерновые районы. К ней относились Северный Кавказ и Поволжье. Вторая группа включала зерновые районы Украины, Центрально-Черноземную область, Сибирь, Урал, Казахстан и некоторые другие. Все остальные территории составили третью группу. В первой из районных категорий коллективизацию нужно было завершить весной 1931 г., во второй – весной 1932 г., в последней – до 1933 г.⁴

ЦСУ СССР существовало на правах наркомата до 23 января 1930 г., после чего было ликвидировано, а в составе Госплана создан сектор народнохозяйственного учета. Последний не был в состоянии справиться с возложенными на него задачами по сбору статистической информации. Поэтому 17 декабря 1931 г. при Госплане создали Центральное управление народнохозяйственного учета⁵. Эти реорганизации привели к тому, что за 1930–1931 гг. практически отсутствует статистическая информация по демографической тематике.

30 июня 1930 г. был образован Западно-Сибирский край. Официальная ликвидация округов, из которых состоял его предшественник Сибирский край, произошла 10 августа 1930 г.⁶ Администрация Западно-Сибирского края столк-

¹ Соколофф Ж. Бедная держава: история России с 1815 г. до наших дней. М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2008. С. 382.

² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 87.

³ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. С. 87.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 292–293.

⁵ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 24.

⁶ Административно-территориальное деление Сибири... С. 66–67.

нулась с полной неразберихой в учете населения. Поэтому данные через властные окружные структуры продолжали собираться до 1932 г. Продолжалась чехарда с административными границами. Достаточно сказать, что 26 июля 1931 г. Кулябинский сельсовет Муромцевского района отошел к Кыштовскому району¹. 15 ноября 1932 г. Муромцевский район был передан во вновь образованный Тарский округ². 10 декабря 1932 г. упразднили Еланский район, восемь его сельсоветов отходили к Иконниковскому (ныне Горьковскому), а два – к Большереченскому району нынешней Омской области³. Численность населения в 1930 г. на момент образования Западно-Сибирского края представлена в таблице 2.6. Данные таблицы хорошо согласуются с динамикой населения на 1 января 1930 г., которая приведена в статистическом справочнике, и данными на 1 января 1931 г.⁴

В 1930 г. население Барабы сокращается. Населения городов уменьшилось на 11,8 %. Это не удивительно, ибо в статистических отчетах оно указывалось на 1 января и включало в себя временно находящиеся на заработках крестьян. Общее число жителей округа также сократилось на 0,3 %. Статистики показала незначительный рост количества жителей села – на 0,9 %, что находится в границах естественной статистической погрешности. В источнике указана и более поздняя численность жителей села, вписанная карандашом, – 589 476 человек (табл. 2.7). Она отразила изменения в учете без комментариев. Разница составила 14 001 человека. Эта величина, возможно, отражает число переданных в Доволенский район, где их доля составляла примерно ¼ всех жителей.

Таблица 2.7

**Численность сельского населения Барабинского окр.
на 1 июля 1930 г., чел.***

Район	Кол-во жителей
<i>1</i>	<i>2</i>
Баклушевский	26 306
Барабинский	52 540
Верх-Ичинский	17 656
Верх-Назаровский	22 914
Еланский	25 067
Купинский	46 658

¹ Административно-территориальное деление Омской обл. в 1917–2007 гг.: справ. / сост.: Г. Ю. Гурьев, Л. И. Огородникова. Омск: ГАОО, 2008. С. 10.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 10–11.

⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1, 3 – 3 об.; Сибирский край: стат. справ. С. 3.

<i>1</i>	<i>2</i>
Кыштовский	34 821
Малокрасноярский	22 497
Меньшиковский	24 878
Муромцевский	31 304
Нижекаргатский	40 783
Спасский	29 316
Татарский	65 833
Убинский	31 221
Чановский	33 252
Чумаковский	26 052
Юдинский	30 748
Итого в округе:	561 846

* Подсчитано по: Весь Новосибирск. Новосибирск: Сибкрайстат, 1931. С. 4–6.

Само это исправление символично, ибо кардинально меняет вектор увеличения численности населения на противоположный. Вместо микроскопического роста получается снижение на 1,4 %. Сниженная численность, естественно, более верна, так как отражает итог проведенных контрольных мероприятий. С учетом исправления население округа сократилось на 2 %. Часть населения Барабы покинула ее пределы, отправившись на стройки первой пятилетки, на шахты и т. д. Миграция в тот период учитывалась очень плохо. Исправлению не подвергались данные о численности жителей Барабы на 1 июля 1931 и на 1 января 1932 г.

Динамика сельского населения напрямую была связана с изъятием хлеба у «кулаков и зажиточных элементов». Достаточно указать, что для Барабинского округа краевое задание по хлебозаготовкам составляло 100 тыс. пудов. Однако районные власти установили «твердые задания» в размере 345 тыс. пудов, которые были раскиданы на 3772 хозяйства «кулаков». На 20 декабря 1929 г. это непосильное для многих крестьян задание было выполнено на 84 %. Даже репрессивные меры не позволили поднять показатель выполнения для большинства семей выше 77 %. Выполнившие задания получали новые, повышенные его размеры. Это были так называемые «сверхцентрализованные заготовки в Госсортфонд». В результате давления на сельское население к 20 января 1930 г. удалось выполнить данный вид заготовок только на 57 %¹.

¹ Справка хлебофуражного подотдела Сибирского кооперативно-торгового отдела об изъятии хлеба у кулацких и зажиточных хозяйств Сибири в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 г., 30 янв. 1930 г. // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 148–150

Одним из способов воздействия на крестьян с целью сломить их сопротивление являлись выселения в северные районы края. В информационном письме на имя председателя Сибкрайисполкома Клименко от 11 апреля 1930 г. из Барабинского окрисполкома за подписью председателя окружкома Важнова сообщалось: «В селах, где процент коллективизации достиг к 1 апреля 60 %, выселяются все кулацкие хозяйства... Для практического проведения расселения [пришлось] организовать в каждом районе временные переселенческие пункты в составе зав. райЗО, агронома и землемера»¹.

Современные исследователи установили, что к 25 апреля 1930 г. в Сибкрае был завершен один из этапов ликвидации «кулачества». В Барабинском округе подлежало раскулачиванию 4876 семей. Фактически была раскулачена 4731 семья (97 %). Бежали вместе с семьей 41 домохозяин, без семьи – 202². Всего были ликвидировано 4762 кулацких семьи и 202 семьи остались без глав. Таким образом, план выполнили на 102 %. Высылке подверглась 1371 семья – кулаки второй категории. Принимая во внимание среднюю людность кулацкой семьи (8,49 чел.)³, можно предположить, что выслано было гораздо больше людей, чем показано в отчетах чекистов. Кроме того, высылались или подвергались расстрелу кулаки первой категории. Они не отражены в отчете.

Количество семей, подвергшихся высылке, приведенное выше, не означает точного их числа. Так, полномочный представитель ОГПУ по Сибирскому краю Л. М. Заковский в отчете руководству ОГПУ СССР 3 марта 1930 г. приводит данные по Барабинскому округу: 1532 хозяйства кулаков второй категории по внутрикраевому расселению направляются в районы Васюганья, в бассейн реки Чузик Томского округа⁴.

О масштабах раскулачивания можно судить на основании воспоминаний очевидцев событий тех лет. В январе 1930 г. в с. Назарово Верх-Ичинского района (ныне северная часть Куйбышевского района) было сразу раскулачено 28 семей. Высылка происходила ранним утром еще затемно. «Кулакам» даже не дали собраться, многие в лютый мороз поехали в санях без верхней одежды.

¹ Информационное письмо Барабинского окрисполкома о ходе расселения кулацких хозяйств внутри округа, 11 апр. 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 79–82.

² Красильников С. А. Серп и Молох. С. 83. Н. Я. Гуцин приводит эти же цифры, но относит их к середине 1930 г. См.: Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири. С. 156.

³ Красильников С. А. Серп и Молох. С. 75.

⁴ Письмо полпреда ОГПУ по Сибирскому краю Л. М. Заковского руководству ОГПУ о внутрикраевом расселении «кулацких» хозяйств, 3 марта 1930 г. // Политбюро и крестьянство. 2006. Кн. 2. С. 350.

Когда проезжали по селу, родственники и односельчане успели бросить в сани некоторым несчастным хлеб и несколько тулупов¹.

Показательна судьба одной из семей, высланных в этот день. Семью Сильнягиных из 11 человек выслали ранним утром. Мать в ночь только что родила мальчика. По дороге на спецпоселение первым умер новорожденный. Потом еще семь членов семьи. До места ссылки добрались трое. Через несколько лет из мест ссылки сбежала дочь домохозяина Фрося с двумя детьми. Она добралась до родного села, детей спрятала в стогу сена. Рискнула обратиться к родственникам, которые укрыли беглецов. Мальчика взяли «в приемыши» в с. Покровку Чановского района, девочку – в Барабинский район, обоих выдали за неизвестных сирот. Ефросинью некоторое время скрывали, но в колхозе требовались рабочие руки, и начальство на беглянку закрыло глаза. Фрося долгое время жила у родственников, ее в селе считали «чокнутой». К этому времени высланных во время раскулачивания малолетних детей стали освобождать от спецпоселения, и отношение к бывшим «кулакам» стало терпимей².

Январь 1930 г. начался с очередной политической разборки. Перевыборы в советы были отложены. Перед старыми составами советов стояли грандиозные проблемы «наступления на кулака». Орган Сибкрайисполкома газета «На советском посту» извещала читателей, партийный и советский активы в первом же номере за 1930 г.: «С 1 января начинается по всему краю подготовка и чистка низового советского аппарата... Взамен вычищенных надо выдвинуть в наш аппарат передовых рабочих, батраков и бедняков». При этом ставился вопрос о скорейшем завершении кампании: «Самим Советам развернуть работу таким темпом, какой необходим в переживаемый нами период великого перелома на всех фронтах социалистического строительства»³. Отчетная кампания начиналась в Советах с 15 января. В этом же номере требовалось разоблачать классового врага, который «маскируется, сокращая посев, разбазаривая скот, распродавая сельскохозяйственные машины и орудия, снижая свое хозяйство до размеров трудового». Требовалось лишать таких избирательных прав⁴. Статья А. Скобелева посвящалась Каинскому горсовету, призывая к действию: «Нужно устранить некоторых руководителей не только секций, но и горсовета».

¹ Воспоминания Е. И. Бурматовой (1907–1996), жительницы с. Назарово // Личный архив А. А. Бурматова. Бабушка обладала очень хорошей памятью, да и впечатления от увиденного остались сильнейшими. Не стоит слепо доверять сводкам чекистов.

² Воспоминания Е. И. Бурматовой, ее сестры П. И. Григорьевой (1910–2003) и снохи Е. Е. Бурматовой (1904–1995), укрывавших семью Сильнягиных // Личный архив А. А. Бурматова.

³ Очередные задачи Советов // На советском посту. 1930. № 1. С. 2.

⁴ Разоблачайте классового врага // На советском посту. 1930. № 1. С. 3.

«Горсовет может и умеет руководить... и может вышибать с треском... всех вредительствующих и тормозящих»¹. Это было уже началом нового витка репрессий.

Решением бюро Сибкрайисполкома от 1 февраля 1930 г. в Барабинском округе подлежало выселению в необжитые районы Кетско-Чулымского округа 1532 хозяйства, а всего по Сибири предстояло выселить 30 тыс. хозяйств. Специально оговаривалось, что «контрольные цифры не подлежат превышению и изменению без полномочного представителя ОГПУ»². Срок завершения подготовки акции – 25 февраля 1930 г. Сборными пунктами в Барабинском округе были назначены Каинск и Татарск. Операцию нужно было провести до начала весенней распутицы³. С учетом средней людности крестьянской семьи выселке должны были подвергнуться 10–12 тыс. человек. Однако такое количество высланных соответствует той корректировке численности населения округа, которую осуществили административные органы, отняв 14 001 человека. Не исключено, что это число обозначает количество крестьян, депортированных с территории округа. Направление переселяемых из Барабинского округа кулаков было четко оговорено: Кетско-Чулымский район Нарымского края, «за болото», как тогда говорили.

Приведем еще один типичный пример «раскулачивания». Калинин Петр Павлович, житель с. Таганово Ярковского сельсовета Верх-Ичинского района, неоднократно лишался избирательных прав «за эксплуатацию наемного труда», последний раз – 13 ноября 1931 г. Его хозяйство облагалось индивидуальным налогом с надбавкой 60 %. В семью Петра Павловича входили его дочь Анастасия Петровна Шаталова, муж которой погиб на Первой мировой войне, и внучка Пелагея. По реестру – описи, составленной активистами при раскулачивании, в хозяйстве имелись в 1930 г.: косилка, грабли, жатка, 8,26 десятин посева, 3 лошади в возрасте до четырех лет, 5 – старше четырех, коров после первого отела – 9, молочных коров облагаемого возраста – 5, овец и коз перезимовавших – 12, свиней – 1. Общий облагаемый доход – 1052 р. Имущество было изъято и продано за неуплату налогов. Акты об изъятии имущества и продаже его в сохранившейся документации отсутствуют⁴.

П. П. Калинин пытался защитить себя перед законом. Еще до революции он долгое время был присяжным заседателем в суде Каинского уезда (послед-

¹ Скобелев А. Каинский горсовет очистим от балласта // На советском посту. 1930. № 1. С. 10.

² ГАНО. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 311б. Л. 9.

³ Там же. Д. 312. Л. 12.

⁴ ГАНО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 253. Л. 2–3, 5–8, 10, 53; Ф. 398. Оп. 1. Д. 607. Л. 394; Д. 623. Л. 19.

ний раз участвовал в заседании в 1913 г.¹). Юридическая осведомленность позволила ему сослаться на конкретную статью законодательства Союза ССР (ст. 6), которая позволяла использовать в годы нэпа в хозяйстве наемный труд. В своем заявлении в Барабинскую окружную избирательную комиссию Петр Павлович пишет, что «он был другом Советской власти», платил исправно все налоги и платежи, а «теперь стал врагом». В автобиографии заявлял, что имеет награждения при службе в армии еще при Александре II, когда был поощрен за усердие именованным оружием. Однако в реестре наградные вещи отсутствуют. Скот был «изъят еще в 1929 г. по контрактации, и хозяйство пришло в упадок». Крестьянину вменили в вину наем батраков в 1912/13 г. и то, что в семье ранее жили зять Иван, погибший в «германскую войну», и муж внучки Екатерины Яков, т. е. эксплуатацию труда членов семьи.

Судя по воспоминаниям внучки Пелагеи, едва ли половина семейного имущества попала в реестр, согласно которому происходила распродажа нажитого на торгах. Не указано, что дом был перевезен в соседнее с. Назарово, где использовался сначала под школу, а потом – под интернат. Свиной с поросятами на самом деле было до 40, коров с телятами – более 30. Только во время сева и жатвы в хозяйстве помогал один работник – мужчина-бобыль. Всё остальное время Калинины справлялись сами. Все «излишки» были растащены лицами, проводившими раскулачивание. От высылки «за болото», т. е. на спецпоселение, семью спас преклонный возраст Петра Павловича, которому было далеко за 70, и его скорая смерть. Затянула время и его тяжба с властями: старик усердно и толково смог себя защищать на основе советских законов. Пелагея долгое время мыкалась на стройках: то в Сталинске, то на Урале².

В д. Таганово подвергся репрессиям и внучатый племянник П. П. Калинина Дмитрий Ильич Калинин (1892–1974). В годы нэпа молодой человек смог построить мельницу, которую сдал в колхоз в 1929 г. Первый раз он был арестован на непродолжительное время в 1934 г., а его семью выселили из дома. Жена Анастасия Григорьевна с малолетними детьми – дочерью Александрой (1926 г. рождения), сыновьями Геннадием (1929 г.) и Леонтием (1933 г.) вынуждены были ютиться в бане. Второй раз Дмитрий был осужден Западно-Сибирским краевым судом 31 декабря 1934 г. как кулак (за неуплату налога)

¹ Общий список лиц, имеющих право быть присяжными заседателями в 1913 г. по Каинскому уезду // Томские губернские ведомости. 1912. № 88, прил. П. П. Калинин указан здесь под № 437 как крестьянин.

² Воспоминания П. И. Григорьевой (1910–2003), проживавшей в селах Таганово, Назарово Куйбышевского района и Барабинске.

и «бывший троцкист» на 10 лет по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР (за контрреволюционную деятельность). Дом и надворные постройки Калининых были проданы сельским советом на торгах. Дмитрий Ильич находился в заключении 13 лет. От расстрела спасло ходатайство друзей и свидетельство об его участии в революционных событиях на фронте мировой войны¹.

Примеры раскулачивания в Барабинском районе приводятся в книге З. А. Тюриной, посвященной 60-летию района. Прочитируем некоторые из них: «Стафиевский Александр, кулак д. Кармакла. Штраф за натурпоставки – 1000 р. Опись имущества: дом, корова, бычок от 1 до 2 лет, телка, диван, комод, стол, тулуп». Резолюция заведующего райфо (районный финансовый отдел): «На погашение штрафа продать всё, кроме дивана и стола. Скот сдать в Заготскот». Таким же образом потерял скарб Графовский Андрей Осипович – «единоличник д. Новоярково». У Жиманова Василия Ивановича, новоярково-ского кулака, имелся долг по сельхозналогу – 699 р. 04 коп., по самообложению – 419 р. 44 коп. Описали имущество: дом, амбар, завозню, конюшню, хлев, самовар, «авечку и егушку» (так в источнике), зеркало, диван, тулуп².

Обращает внимание применение к крестьянам штрафов за натурпоставки, т. е. поставки государству продуктов домохозяйства, взятых на себя добровольно или по договору контрактации. Если хозяйство не выполняло эти обязательства, то к крестьянину применялась статья 61 УК РСФСР (невыполнение твердых заданий), которая в первый раз предусматривала для нарушителей закона штраф до пятикратного объема невыполненного обязательства. В случае повторного нарушения речь шла об одном годе принудительных работ или лишении свободы. В конце концов хозяйство разорялось или самоликвидировалось, а семья уходила или убегала в город. Потом данная политика распространялась на середняка или бедняка, пока они не вступали в колхоз или не покидали деревню³. Позже к ним стали применять политическую статью 58, ч. 10 – «анти-советская агитация».

Современные исследователи установили методы противодействия крестьян государственному террору. На первом этапе раскулачивания в сводках ОГПУ таковыми являлись: подача заявлений женами «кулаков» о разводе с це-

¹ Воспоминания А. Д. Калининой (1926–2019), проживавшей с конца 1940-х гг. в Куйбыше-ве. Они подтверждаются справками о реабилитации (справка Президиума ВВС РСФСР № 425-ПСО от 25 марта 1960 г.; справка Федеральной службы контрразведки № 4/П-10588 от 18 июня 1995 г.; справка прокуратуры Новосибирской обл. от 5 дек. 1995 г. № 13-1520–95).

² Тюрина З. А. Наше место на земле: к 60-летию Барабинского района. Барабинск: Бараба, 1996. С. 63.

³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 81, 88.

лью избежать высылки; раздача детей по родственникам и знакомым в «приемыши»; использование связей и родства в органах власти; массовое бегство накануне раскулачивания. Появились такие формы, как «самораскулачивание» и продажа всего имущества при угрозе раскулачивания, а также практика разделения семей¹.

Нужно ответить, что распространялась и практика жалоб в вышестоящие органы на неправомерные действия властей и «неправильное» раскулачивание. В ходе проверок были выявлены многочисленные факты нарушений. А, может быть, и сознательного послабления политики репрессий. Так, в докладной записке уполномоченного представителя ОГПУ по Запсибкраю руководству ОГПУ СССР по итогам проверок сообщалось, что «был отмечен целый ряд недоучетов». К перегибам и искажениям относились случаи раскулачивания бывших красных партизан. Такие случаи отмечены в Чановском, Нижнекаргатском, Барабинском и других районах. В итогах указывалось, что от выселения освобождены в Чановском районе 50 семей (49 семей середняков и 1 семья бывшего «активного красного партизана»), в Барабинском – 30 семей. Массовые нарушения отмечены в Татарском районе, где среди выселяемых было много больных, престарелых. Рекордными по выявленным нарушениям стали данные проверки по Нижнекаргатскому (Здвинскому) району, в котором до начала проверки были освобождены от высылки 31 хозяйство, а в ходе проверки еще 104. Все они были возвращены к прежним местам жительства².

Декретом от 1 февраля 1930 г. власть дала права местным властям высылать крестьян в ссылку в любых масштабах³. Стали возможны случаи, подобные тому, что зафиксирован в Томском округе: «Кооперативный инструктор собрал крестьян и держал перед ними два списка: один – в Нарым (ссылка), другой – в колхоз. Выбирай, куда душа желает». Этот вопиющий факт описан даже в органе большевистской власти газете «Правда» от 17 марта 1930 г.⁴ В Барабе ситуация была похожей. Весной 1930 г., пытаясь навести законность или создать ее видимость при проведении раскулачивания, прокуратура издает

¹ Красильников С. А. Репрессии и практика выживания крестьянских семей в условиях спецпоселения 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 9–13.

² Докладная записка ПП ОГПУ по Запсибкраю руководству ОГПУ «Об итогах экспроприации и выселения кулачества Западно-Сибирского края» 5 июня 1931 г. // Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 355, 373.

³ Кузнецова Т. Е. Во имя российского крестьянства // Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007. С. 19.

⁴ Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007. С. 132–133.

одну инструкцию за другой. Само изобилие этих документов говорит о том, что они на практике не выполнялись¹.

На численности населения не могли не сказаться и репрессии, тем более, что они были усилены после попытки вооруженного восстания в Чумаковском (Михайловском) районе. Численность повстанческого отряда превысила 300 человек. Восставшие имели намерение занять районный центр и двинуться на железную дорогу. Восстание было жестоко подавлено. По сообщению ОГПУ, несколько поселков в Михайловском районе было основано бежавшими участниками Колыванского восстания 1920 г.² Следовательно, репрессии коснулись всех жителей этих поселений.

Сохранились и официальные отчеты о восстании в Муромцевском районе Барабинского округа. Заметим, что реально оно захватывало также территории Малокрасноярского и Кыштовского районов этого округа. В источниках указывается о вооруженных столкновениях, о потерях среди обеих сторон. Официальные данные, скорее всего, существенно занижены. Например, в с. Кондратьевском потери восставших составили семь человек убитыми. Погибло шесть человек оперативников. Говорится о захваченных «бандитами» 28 населенных пунктах с населением в 20,5 тыс. человек, о выселениях крестьян. Указывается на 1,5 тыс. восставших³. В письме одного крестьянина к Сталину из с. Надеждинка сообщается, что в с. Разаны против крестьян применили пулемет, и о 50 убитых⁴.

А после подавления восстания у уцелевших был тяжелый выбор: или в колхоз, или «в тайгу к медведям». Безусловно, репрессии по отношению к «бандитам» были проведены с должным усердием. В письме крестьянина П. Е. Емельянова из заимки Трудовое Успенского сельсовета сообщается: «В Малокрасноярском районе идут бессмысленные аресты правого и виноватого. Арестовано свыше 500 крестьян. На дорогах поставлены караульные посты... Из Успенского с/с в ссылку был отправлен в мороз 104-летний умираю-

¹ *Конквест Р.* Жатва скорби. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. С. 202.

² Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской обл., 1921–1991 / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Экор, 1997. С. 117; Новониколаевская губ. – Новосибирская обл., 1921–2000: Хроника. Документы / отв. ред. И. С. Кузнецов. Новосибирск: Адм. Новосиб. обл., 2001. С. 81.

³ Из доклада комиссии Барабинского окружкома ВКП(б) о восстании крестьян в Муромцевском районе Сибири, 28 апр. 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 400–404.

⁴ «Был пущен пулемет на крестьян» // Тепцов Н. В дни великого перелома: история коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям, 1929–1933 гг. М.: Звонница, 2002. С. 117.

щий старик»¹. Именно к этому периоду относятся воспоминания старожилов о расстрелах крестьян в Каинске в районе Старого кладбища и прилегающей к нему березовой рощи.

Массовые выступления крестьян в январе – феврале 1930 г., по данным ОГПУ, охватили в СССР 313 тыс. человек, а в марте 1930 г. количество выступлений превысило 6,5 тыс., в них участвовало 1434 тыс. человек. Во многих районах страны сложилось серьезное положение². В записке секретарю крайкома Р. И. Эйхе председатель Сибирского крайисполкома С. М. Кузнецов сообщал, что «массовыми эксцессами наиболее поражены округа: Барнаульский, Барабинский, Красноярский, Омский, Хакасский, Канский, Ачинский и Рубцовский»³.

«На основе политики ликвидации кулачества как класса и установления сплошной коллективизации развернулось мощное колхозное движение. Крестьяне целыми селами и районами вступали в колхозы и сметали с пути кулачество, освобождаясь от кулацкой кабалы», – так характеризовала этот период официальная история партии⁴. Именно в этот период И. В. Сталин докладывал XVI съезду партии: «Не удивительно, что рабочие и крестьяне живут у нас в общем неплохо, смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36 % по общей и на 42,5 % по детской линии, а ежегодный прирост составляет у нас около 3 миллионов душ»⁵. На негативные изменения обстановки Сталин не обратил внимание, как не обращал и в дальнейшем.

Репрессивные меры дали быстрые результаты. В Барабинском округе на 1 февраля 1930 г. было коллективизировано 45,4 % дворов, к 10 февраля – уже 62,8 %, а к 20 февраля даже 70 %⁶. Пик был достигнут 1 марта. На эту дату кол-

¹ «Арестовано более 500 крестьян» // Тепцов Н. В дни великого перелома. С. 136.

² Кен О. Н. Указ. соч. С. 165; Справка ОГПУ о противодействии кулачества политике коллективизации и его выселении в 1929–1930 гг., 17.11.1930 // Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 703.

³ Записка по прямому проводу председателя Сибирского крайисполкома С. М. Кузнецова секретарю Сибирского крайкома Р. И. Эйхе о продовольственных затруднениях в крае // Голод в СССР, 1929–1934 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932. Кн. 1. С. 199.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 293.

⁵ Сталин И. В. Политический доклад Центрального комитета XVI Съезду ВКП(б), 27 июня 1930 г. // Соч. Т. 12. С. 299.

⁶ Из бюллетеня № 2 Сибкрайзу о проведении посевной кампании и коллективизации // Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.) / гл. ред. А. А. Говорков. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С. 139.

лективизировано было 75,9 % хозяйств¹. Темп «социалистического преобразования» превышал всевозможные ожидания. Он одновременно говорил о масштабах репрессий по отношению к жителям села.

Власть, применив террор к крестьянам, не ожидала, что более половины дворов будет коллективизирована к 20 февраля – «превышен пятилетний план коллективизации почти вдвое»². Но под угрозой оказался ожидаемый к осени урожай, а значительную часть скота крестьяне забили, чтобы не уводить в колхоз. Положение нужно было спасать, и власть пошла на тактический ход. В газете «Правда» – главном рупоре страны – 2 марта 1930 г. появилась статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». В ней говорилось, что были приняты «смехотворные попытки перепрыгнуть через самих себя... Они могли возникнуть лишь в результате того, что у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов, и они лишились на минуту ясности ума и трезвости взгляда»³. Коллективизации временно был дан отбой. Половина бывших колхозников разбежалась. В Барабинском округе на 1 мая в колхозах осталось 22,5 % дворов⁴. Другими словами, число колхозников сократилось в 3,5 раза.

На места были отправлены уполномоченные и корреспонденты с целью разобраться, как такое могло произойти. Орган Западно-Сибирского крайисполкома газета «На советском посту» в мае 1930 г. сообщала о ситуации в с. Малинино (пригородное село у Каинска): «Сельсовет – противник коллективизации». В нем нет «ни одного бедняка и батрака, зато – два явных спекулянта и четыре “крепких середняка” (так они себя сами называют)». Статья А. Скобелева клеймила позором малининцев, которые практически поголовно вышли из колхоза: «Зачем нам колхоз! Нам нужен базар». Негодование автора вызывал тот факт, что село, «обросшее толстым слоем навоза, с кривыми улицами, покосившимися избушками», находилось всего в 8 км от окружного центра (Каинска) и в 15 км от районного (Барабинска). Горе-председатель сельсовета Радохин («подкулачник», по аттестации автора статьи), рассуждает так: «Наша беднота не авторитет для середняков, так как бедняки, хотя и труженики, но все лодыри». Скобелев изобличает враждебную агитацию председателя маслодельной артели Гайдамакина, заместителя председателя сельсовета Шу-

¹ Информация Сибкрайплана о ходе коллективизации в крае по состоянию на май 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). С. 149.

² Сталин И. В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения // Соч. Т. 12. С. 191.

³ Там же. С. 198–199.

⁴ Информация Сибкрайплана о ходе коллективизации в крае по состоянию на май 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). С. 149.

шарина и председателя Радохина. Требуется навести порядок в Малинино. Редакция делала следующее примечание: «Ждем от Барабинского РИКа подробного сообщения о мерах, принятых для устранения малининских безобразий и привлечения к ответственности кого следует»¹. Тем более зловеще звучало название следующей статьи этого же номера: «Еще не все ошибки исправлены» о ситуации в Болотнинском районе².

В строго секретном Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1930 г. о прекращении на время сева расселения кулачества третьей категории специально оговаривалось: «Допустить как временную меру прекращение на время сева расселения третьей категории кулачества и оставление в данном селе, с тем, чтобы данные хозяйства не допускались в колхозы, а пользовались в данном селе отведенной им сельсоветом, РИКом землей»³. Эта мера вместе с хорошими погодными условиями позволила спасти урожай 1930 г., который достиг рекордной величины – 83,5 млн т амбарного зерна⁴. Данное обстоятельство оценили как успех новой политики коллективизации, ибо ранее валовой сбор зерна не превышал 70 млн т, за исключением 1926 г. Тем не менее, советский журналист уже в октябре 1930 г. писал, что в деревнях стали проявляться признаки недоедания и даже голода⁵.

Власть проявила тактическую гибкость, руководствуясь идеями итальянского мыслителя эпохи Возрождения Николо Макиавелли, который писал: «Жестокость применима хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней...»⁶. Иначе подданные не выдержат долгого террора. Как констатирует современный петербургский исследователь О. Н. Кен, «величайшим фактором слабости СССР стала развернутая... форсированная коллективизация, породившая наряду с громадным сокращением поголовья скота, разрушением устойчивых крестьянских хозяйств, арестами и депортациями многочисленные очаги противодействия властям»⁷.

¹ Скобелев А. Переизбрав засоренные кулаками Советы, укрепим коллективизацию // На советском посту. 1930. № 10. С. 2–3.

² Неугомонный И. Еще не все ошибки исправлены // На советском посту. 1930. № 10. С. 3.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о прекращении на время сева расселения «кулачества» третьей категории: из протокола Политбюро № 122, п. 62, от 5 апр. 1930 г. // Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 191.

⁴ Соколофф Ж. Указ. соч. С. 383.

⁵ Маслов С. С. Указ. соч. С. 220.

⁶ Макиавелли Н. Государь. Калининград: Янтар. сказ, 2000. С. 33.

⁷ Кен О. Н. Указ. соч. С. 165.

Даже апологеты проведения коллективизации признают: «Встретившись с ожесточенным сопротивлением коллективизации со стороны кулачества, власть вначале приняла меры к его ограничению, а затем ликвидации как класса. При этом пострадали не только кулаки, но и значительная часть среднего крестьянства, не пользовавшегося трудом наемных рабочих. Кулак был объявлен врагом колхозного строя, а протесты другой части крестьянства – реакцией на допущенные при проведении коллективизации перегибы местных властей»¹.

Следующая волна депортаций началась в середине марта 1931 г. Властные структуры подошли к ней более основательно. Главным изменением было расширение пространства раскулачивания и географии вселения. В расселении спецпереселенцев стали доминировать Сибирь и Казахстан. Существенной оставалась доля Урала. В 1931 г. в целом по стране было раскулачено около 200 тыс. хозяйств – вдвое меньше, чем в первый период. Однако выслали вдвое больше – 163 тыс. семей. Всего в 1930–1931 гг. было выселено с мест постоянного проживания 388 336 семей, или 1,8 млн человек². По данным В. Н. Земскова, раскулачено было несколько меньше семей – 381 173, однако численность членов этих семей – 1 803 392 человека – совпадает с приведенным выше показателем³. Максимальное число пришлось на Украину – 63,7 тыс. семей. На втором месте стояла Западная Сибирь – 52,1 тыс.⁴ По количеству раскулаченных семей и числу их членов по отношению ко всему населению региона последняя вышла на первое место.

В письме Я. Э. Рудзутака И. В. Сталину о ходе хлебозаготовок в Сибири 1 февраля 1931 г. сообщалось: «Барабинский и Ачинский округа идут со значительным превышением заданного плана просто потому, что нормы заготовок для них установлены слишком низкие... Кулак прячет хлеб»⁵. В 1931 г. из районов Новосибирского, Барабинского и Каменского округов было депортировано в комендатуры Нарымского края до 10 тыс. крестьянских хозяйств (семей), что составило четвертую часть тех, кто оказался тогда в спецпоселках Западной Сибири⁶. Высылка производилась на основании решения президиума Западно-Сибирского крайисполкома от 5 мая 1931 г. «О ликвидации кулачества как

¹ Роцин Ю. В. Указ. соч. С. 128.

² Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 46.

³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 16.

⁴ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 46.

⁵ Письмо заместителя Председателя СНК и СТО СССР Я. Э. Рудзутака И. В. Сталину о ходе хлебозаготовок в Сибири // Голод в СССР, 1929–1934. Т. 1, кн. 1. С. 361.

⁶ Наша малая родина. С. 17.

класса»¹. Под выселение попадали все семьи, попавшие под твердое обложение, и кулаки-одиночки. Согласно заключению краевых властей, экономические позиции зажиточного кулачества к весне 1931 г. «были резко подорваны», приобрело значение обеспечение экономики трудовыми ресурсами – «дешевая рабочая сила»². Эти факты хорошо согласуются с данными о динамике численности сельского населения (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Численность сельского населения в Барабе 1931–1932 гг., чел.*

Район	На 1 янв. 1931 г.	На 1 июля 1931 г.	На 1 янв. 1932 г.
Баклушевский	28 420	28 804	29 187
Барабинский	60 029	59 826	60 623
Камский	18 979	19 235	19 491
Верх-Назаровский	25 975	26 326	26 676
Еланский	25 646	25 992	26 338
Купинский	54 586	55 323	56 060
Кыштовский	36 921	37 420	37 918
Малокрасноярский	21 929	22 225	22 521
Меньшиковский	28 239	28 620	29 001
Чумаковский	27 289	27 658	20 026
Муромцевский	27 794	28 169	28 544
Нижекаргатский	39 817	40 355	40 892
Спасский	31 841	32 271	32 701
Татарский	70 193	71 141	72 088
Убинский	35 381	35 859	36 336
Чановский	36 518	37 011	37 504
Юдинский	33 920	34 378	34 836
Итого в округе:	602 477**	610 613	618 742
Итого в округе***:	589 476	–	–

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 3 – 3 об. Территория рассматривается без проведенных впоследствии административных изменений.

** Согласно источнику. Фактически – 603 477.

*** Итог в тексте исправлен от руки.

В 1931 г., когда репрессии против крестьян стали умереннее, численность населения барабинских сел выросла на 3,9 %. Продолжало сокращаться население городов – на 11,8 % (усилились гонения на мелких торговцев и ремесленни-

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск: Экор, 1993. С. 98–101.

² Данилов В. П., Красильников С. А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – начало 1933 г. С. 4.

ков). Их жители стали перемещаться в крупные городские центры, где было легче затеряться. Общее увеличение численности населения округа составило 3,1 %, это меньше, чем естественный прирост в предшествующие годы. Да и сам рост вряд ли имел место.

Скорее всего, он присутствовал только на бумаге, ибо при суммировании общих итогов по районам сумма оказывается меньше, чем указанная по округу. Вероятнее всего, имели место приписка или двойной счет и в сельсоветах, и на районном уровне. Население часто мигрировало, давало ложные сведения о себе, скрывалось, завышался возраст старших членов семьи, чтобы они попали в нетрудоспособные, и занижался возраст детей, что давало возможность получать дополнительные пайки.

О возможности искажения численности населения говорит такой факт. Общая численность населения по Барабинскому району (в него входили два города – Барабинск и Каинск) на 1 января 1931 г. – 103 379 человек, а на 1 апреля этого же года – 100 600 человек. Обе цифры приведены в одном и том же источнике¹. В городах этот источник отметил на 1 января 25 371 человека, а на 1 апреля – 25,8 тыс. На последнюю дату приводится и расшифровка по городам: в Барабинске – 14,6 тыс., в Каинске – 11,2 тыс. человек². Заметим, что последние данные расходятся с публикациями в сборнике «Статистика Сибири», где на эту же дату указано в Барабинске 14 555, в Каинске – 10 816, а всего – 25 371 человек³. Общее завышение составило не менее 400 человек по Каинску и по обоим городам вместе. В результате видно, что в городах рост населения в первом квартале 1931 г. приостановился, а в селах население уменьшилось на 2,8 тыс. душ, или на 2,7 %.

Это исключает возможность прироста населения и в целом за год. Тем более, что в марте 1931 г. было принято решение о «внутрикраевом переселении» 40 тыс. кулацких хозяйств из южных районов края в северные⁴. Необходимо отметить, что новая волна выселений началась в мае – июне 1931 г. и не была учтена в сводках на 1 апреля. Это косвенно подтверждают и статистические отчеты того периода по естественному движению населения. В них указаны абсолютные числа рождений и смертей, но не приводятся ни общая численность сельского населения, ни размещение его по районам, ни коэффициенты

¹ Западно-Сибирский край: материалы по экономике / под ред. Н. Солоницына. Новосибирск: Запсибупр. нархозучета, 1931. С. 81–82.

² Там же. С. 82.

³ Статистика Сибири. Вып. 6. С. 52.

⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – начало 1933 г. С. 309.

естественного движения. Хотя до этого периода это была обычная статистическая практика¹. Показатели естественного движения не рассчитываются даже по городам², по которым к этому времени статистики восстановили динамику численности населения на основе данных налоговых органов. Сами сводные данные подготовлены уже в 1935 г. Наши выводы совпадают с выводами историков в том, что «наиболее масштабные ссылки осуществлялись в 1930–1931 гг.»³.

В перечне районов в списке произошли существенные изменения. Ликвидирован Казанский район. Он был включен в состав Барабинского. Вновь образовался Верх-Назаровский (переименованный в Северный) район. В него влились Биазинский и Новотроицкий районы. Центр Михайловского района был определен в с. Чумаково, а Верх-Ичинского – в с. Каминском (Каме). Соответственно, районы стали называться Чумаковским и Камским. В округ были включены Муромцевский и Еланский районы.

Фактически в 1930–1931 гг. данные пытались собрать через округа. Десятки районов были ликвидированы, населенные пункты и сельские советы переходили из района в район, иногда дважды или даже трижды за год. Исходя из существующих реалий того времени, был составлен итоговый перечень районов с указанием их численности населения на 1 января 1931 г. Сводные данные его не совпадают по сумме с ранее собранными властными структурами, даже при условии, что часть районов была ликвидирована, а численность населения перераспределена по новым административным единицам. Выборка по бывшему округу из итоговой сводки представлена в таблице 2.9. В 1932–1933 гг. на спецпоселение в Западную Сибирь было отправлено 145 тыс. человек, или 42,7 % от общего по стране числа новых спецпоселенцев за эти два года⁴. (В Казахстан повезли 19,6 %, на Урал – 13 %). Эти вселения миновали район Барабы.

Таблица 2.9

**Население районов Барабы на 1 янв. 1931 г.
в границах на 1 июля 1931 г., чел.***

Район	Кол-во жителей
<i>1</i>	<i>2</i>
Барабинский	78 008
Еланский	25 646

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 33. Л. 34 – 36 об. Абсолютные показатели приводятся в территориальных границах, существовавших в 1935 г.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 33. Л. 35 – 35 об.

³ Данилов В. П., Красильников С. А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938. Новосибирск: Экор, 1994. С. 4.

⁴ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 25.

<i>1</i>	<i>2</i>
Купинский	54 586
Кыштовский	48 030
Муромцевский	38 613
Верх-Назаровский	25 975
Спасский	60 080
Татарский	70 193
Убинский	35 181
Чановский	36 518
Чумаковский	27 289
Юдинский	33 920
Итого:	534 939

* Составлено и подсчитано по: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.

В 1932–1933 гг. население Барабы существенно сокращается – на 12 %, а в сельской местности – даже на 27,1 %. В селах продолжались выселения. 2 марта 1932 г. было принято строго секретное постановление бюро Западно-Сибирского крайисполкома о выселении кулаков¹. В постановлении говорилось о необходимости очистить колхозы от «кулацкого элемента» до начала весенней полевой кампании. В то же время в городах был отмечен прирост на 10 %, или на 3,1 тыс. человек, 87 % которого приходится на 1932 г., когда горожанам еще не выдали паспорта.

Произвольное вмешательство в исторически сложившуюся форму расселения и хозяйствования привело к крайне негативным экономическим и демографическим последствиям. О непродуманности и необоснованности такой политики говорит отсутствие долгосрочного прогнозирования и резкое изменение прежнего курса. Всеобщая коллективизация и ликвидация кулачества как класса активно проводились в Барабинском округе. Отметим, что округ не был лидером при проведении сплошной коллективизации: на 1 июля 1930 г. здесь было коллективизировано 16,5 % хозяйств, на 1 января 1931 г. – 24,1 %. В 1931 г. темпы впечатляют: на 1 апреля в колхозы вступило 34 %, на 1 июня – 56, на 20 декабря – 71 % барабинских хозяйств². В целом по Западной Сибири на 1 апреля 1930 г. было коллективизировано 42,9 % дворов, на 1 июля – 20,9, на 1 января 1931 г. – 22,5 %³, на 1 января 1932 г. – 60,7 %¹. Эти показатели немно-

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири, весна 1931 – начало 1933 г. С. 139–141.

² Западно-Сибирский край: материалы по экономике. С. 82.

³ Достижения советской власти за 40 лет в цифрах: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. С. 25.

гим отличались от аналогичных по СССР, в котором на 1 июля 1930 г. в колхозах состояло 23,6 %, на 1 июля 1931 г. – 52,7, а на 1 июля 1932 г. – 61,5 % крестьянских дворов. Негативные результаты не заставили себя ждать. Урожай 1931 г. был рекордно низким. В западных районах Сибири и, в частности, в Барабе он равнялся по зерновым 4,5 ц/га² при обычных 7–8 ц/га.

Народонаселение села в голодные годы

В основных зерновых районах СССР в начале 30-х г. начался массовый голод. В Барабе он был зафиксирован раньше всего, уже в 1931–1932 гг., по большей части в городах. Посольство Великобритании получало донесения о массовом сопротивлении крестьян хлебозаготовкам в Сибири. Специалист по сельскому хозяйству из Канады Эндрю Кэрнс, объехавший большинство крупных зерновых районов летом 1932 г., был встречен в сибирском городе Славгороде (центр одноименного округа, граничащего с Барабинским) толпами людей, сообщившими о том, что деревни пусты и люди в деревнях голодают до смерти³.

В 1931–1932 гг. голод носил очаговый характер. В сводке Сибкрайисполкома за январь 1932 г. сообщалось, что «свыше 50 % колхозов совершенно не имеют продовольственного хлеба». В письме председателя одного из райисполкомов от 27 января 1932 г. говорится: «На почве продовольственных затруднений резко изменилось политическое настроение колхозников... На собраниях говорили: вы насильно заставляете пойти на преступление – разбирать колхозное имущество и продавать скот, дабы купить себе хлеба... Доходило до драки за невыдачу пайка»⁴. В январе было зафиксировано 38 случаев воровства лошадей. Из голодающего Казахстана в Барабу выехало 10 тыс. казахов (грабежи, воровство, ходят по домам, просят хлеба), участились случаи выхода из колхозов⁵. Член ЦКК ВКП(б) В. Г. Фейгин писал 9 апреля 1932 г. о голоде в Барабинском районе: «Ничего колхозник не имеет: ни хлеба, ни молока...

¹ Гуцин Н. Я. Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. С. 50.

² Гуцин Н. Я. Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск: СО РАН, 1992. С. 145.

³ Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 309–310.

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 205. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 41–42.

Люди голодают, питаются суррогатами, обессиливают...»¹. В Убинском районе в д. Каменка крестьянином Киршеевым «за подозрение в краже его лошади убит откочевник и один ранен». В Купинском районе «помощник директора совхоза “Овцевод” Панов (член ВКП(б)), зав. хутором № 7 Прокаев и завхоз Олифер сожгли со всем имуществом аул откочевников, состоящий из 7 юрт, за то, что последние поселились на одном из выпасов совхоза». В этом же районе избит «откочевник» Базарбаев «по подозрению в скотокрадстве». В избивании принимали участие председатель сельсовета Редько и кандидат в партию, член сельсовета Тимошенко, «который возил Базарбаева по колхозным бригадам, и там колхозники продолжали его избивать». В с. Мариновка «откочевник» Телеберген был избит толпой колхозников: «...Избивали палками, пинками, прикладом орудия, поднимали на воздух и сбрасывали на землю, набрасывали на шею веревку и тащили по земле, и так довели до сельсовета». В с. Романовка и д. Метеловой «по подозрению в краже скота избиты 6 откочевников». Всего по району отмечено 30 случаев избивания приезжих казахов².

В 1932 г. коллективизация деревни в Западной Сибири снова приостановилась. При этом число колхозных дворов стало сокращаться. В конце года доля колхозников в совокупной численности населения Западно-Сибирского края составляла 54 %, доля единоличников – 31, прочих категорий – 15 %³.

Головокружение от «успехов» затянулось. Падение производства продолжалось вплоть до 1935 г. В маломощных колхозах и совхозах начался невиданный ранее падеж скота. С 1928 по 1935 г. поголовье лошадей в Сибири сократилось в 2,8 раза, коров – в 2,3 раза, овец – более чем в три раза⁴. Сокращение поголовья скота во всей стране вынужден был признать даже И. В. Сталин⁵. Урожай 1932 г. также оказался гораздо ниже планового прогноза. Одновременно власти страны увеличивают вывоз хлеба за границу: стране нужна была валюта для проведения индустриализации. В условиях мирового экономического

¹ «Всё это я видел собственными глазами»: из письма члена ЦКК ВКП(б) В. Г. Фейгина Г. К. Орджоникидзе, 9 апр. 1932 г. // Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М.: Политиздат, 1989. С. 269, 470–471.

² Спецсправка СПО ОГПУ о положении казахских откочевников в Западно-Сибирском крае, 8 авг. 1932 г. // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 455.

³ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири, конец 1920-х – 1980-е гг. / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 13.

⁴ Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Экор, 1996. С. 133.

⁵ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII Съезду партии о работе ЦК ВКП(б), 26 янв. 1934 г. // Соч. Т. 13. С. 321.

кризиса хлеб продавался за бесценок. Начавшийся голод в стране беспокойства у власть имущих не вызвал. Как пишет историк В. А. Исупов, «машины съели людей», как в Англии в XVI в. «овцы съели людей»¹.

Именно в разгар голода власти усиливают давление на деревню, планируются новые масштабные ссылки. 17 марта 1933 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому выход из колхоза допускался только с разрешения администрации на основе оргнабора рабочей силы. Стройки, транспорт и промышленность испытывали острейший дефицит кадров². Чтобы успокоить население деревни, И. В. Сталин на Первом Всесоюзном съезде колхозников провозгласил: «Наша ближайшая задача – сделать всех колхозников зажиточными»³. Для этого вождь отводил «какие-нибудь 2–3 года»⁴.

Весной 1933 г. процесс коллективизации вновь стал набирать темпы. Местные партийные и советские органы уже не могут справиться с потоками спецпереселенцев. В решении бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) о расселении спецпереселенцев в северных районах края от 9 февраля 1933 г. говорится: «1. Считать совершенно невозможным принять до конца навигации 1933 г. для расселения в северных районах Западной Сибири 1 млн спецпереселенцев, а также 100 тыс. человек из них в зимний период. Считать возможным прием за зимний период 28 тыс. человек, необходимо немедленно выстроить соответствующее количество бараков. 2. Считать возможным расселением в крае в период до конца навигации 1933 г. не более 250–270 тыс. человек»⁵. Первоначальные планы были сорваны.

Власти того времени – партийные и НКВД – территорию Барабинской низменности разбили между Омским и Новосибирским оперативными секторами. О масштабах планируемой высылки людей из этих секторов свидетельствуют данные таблицы 2.10. Реально депортировано было 1228 домохозяйств. С учетом средней численности семей того времени можно говорить о 8 тыс. высланных. Выселению подлежало, в частности, 214 семей, главы которых были уже нетрудоспособными. Особо выделялись и 313 одиночек.

¹ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 83.

² Там же. С. 84–85.

³ Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, 19 февр. 1933 г. // Соч. Т. 13. С. 245, 247.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938 гг. С. 76.

**Количество хозяйств, подлежащих выселению из Барабы
в апреле 1933 г.***

Район	Всего	В том числе		Семей нетрудоспособных
		семейных	одинок	
Омский оперсектор				
Купинский	309	306	3	0
Спасский	68	48	7	13
Чановский	115	32	14	69
Кыштовский	280	140	74	66
Татарский	182	177	5	0
Новосибирский оперсектор				
Верх-Назаровский	174	119	10	45
Здвинский	24	22	2	0
Барабинский	139	52	66	21
Убинский	122	66	56	0
г. Барабинск	128	52	76	0
Итого:	1541	1014	313	214

* ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 362. Л. 443–445.

Наложение на карте тех районов, где проводились репрессии в ходе коллективизации, на территории, на которых отмечались восстания крестьян в ходе Гражданской войны, показывает, что они практически совпадают¹. Следовательно, коллективизация – это продолжение гражданской войны другими способами и средствами. А. Грациози – известный исследователь из Италии, характеризуя события данного периода, пишет: «Летом 1933 г. сталинисты одержали над крестьянами полную победу»².

В разгар голода 8 мая 1933 г. власть в секретных директивах советует местным руководителям «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий»³. Самодурство местных царьков доходило до прямого издевательства над людьми. Жертвами становились не только крестьяне. Так, в феврале 1933 г. в Купинском районе начальник районной милиции Логинов с целью переселения своего сотрудника из одной квартиры в другую выселил учительницу Скородумову, несмотря на ее протесты. Вещи учителя были выброшены на улицу. Районные власти встали на сторону Логинова, заявив, что он выполняет «волю председателя рика (райисполкома Совета де-

¹ Ванюков Д. Предисловие // Голодомор / сост. Д. Ванюков. М.: Кн. клуб «Книгобек», 2011. С. 4.

² Грациози А. Указ. соч. С. 65–66.

³ Соколофф Ж. Указ. соч. С. 386.

путатов трудящихся) А. Б. Шипицына». Только вмешательство прокуратуры и особой инспекции краевого управления милиции позволило остановить произвол¹.

В начале 1930-х гг. произошли значительные изменения в административно-территориальном делении Барабы. 17 января 1931 г. были упразднены: Баклушевский район (пять сельсоветов перешли в Доволенский, остальные – в Нижнекаргатский район), Малокрасноярский район (десять сельсоветов отошли в Муромцевский район, остальные – в Кыштовский). Верх-Ичинский район был включен в Барабинский, Меньшиковский район – в Спасский район². В конце 1932 г., 10 декабря, ликвидировали: Чумаковский район (три его сельсовета отошли в Верх-Назаровский район, один – в Барабинский, остальные – в Убинский), Еланский район (девять сельсоветов вместе с с. Еланка присоединили к Татарскому району, остальные – к Иконниковскому (восемь сельсоветов) и Большереченскому (два сельсовета) районам будущей Омской области)³. Постановлением ВЦИК от 7 июня 1933 г. были переименованы районы: Нижнекаргатский – в Здвинский, Спасский – в Венгеровский, Верх-Назаровский – в Северный⁴. 1 июля 1934 г. один сельсовет Карасукского района передали в Купинский район⁵. Территориальные изменения внутри округа общей численности его населения не меняли. Для нас важна передача населенных местностей за пределы округа. Барабинский округ потерял часть Баклушевского и Малокрасноярского районов, но приобрел часть Еланского и Карасукского районов. Территориальные изменения несколько уменьшили площадь и численность населения округа, поэтому в дальнейших расчетах мы будем принимать 30 % населения Доволенского района в качестве необходимой компенсации потерь. Часть Еланского района, переданная в Барабинский округ из Омского, компенсирует потери населения из-за передачи части Малокрасноярского района в состав Муромского района Тарского округа.

После сплошной коллективизации и большого голода

Насильственные переселения в 1934–1936 гг. имели меньший масштаб, чем в предыдущие годы. В процессе коллективизации наметился очередной за-

¹ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 2002. Т. 4. С. 208.

² Административно-территориальное деление Сибири... С. 172–173.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 172, 175.

⁵ Там же. С. 176.

стой, давление на немногие оставшиеся единоличные хозяйства стало ослабевать. Это позволило несколько стабилизировать численность населения Барабы.

В 1934 г. Бараба показывала еще значительное число единоличных хозяйств. На 31 октября в Здвинском районе таковых было 4003, в Северном – 3930, в Чановском – 1809, в Татарском – 1781, в Венгеровском – 388. Хозяйства эти не были крепкими. Налог, который они выплачивали государству, составлял: в Северном районе 59 р., в Татарском – 57,1, в Чановском – 42,1, в Здвинском – 39,5, в Венгеровском районе – 38,8 р.¹ Налоговое бремя тем не менее росло, и количество единоличников к 1936 г. снизилось более чем в пять раз, до 1602 человек². «Рост классовой сознательности масс» хорошо просматривается по данным Северного района. В 1934–1936 гг. здесь статистически происходило увеличение числа колхозных хозяйств: в 1934 г. их было 2354, в 1935 г. – 3530, в 1936 г. – 3709³. Одновременно происходил массовый отток населения из этого района в другие районы.

Одним из резервов для завершения коллективизации являлись мелкие и хуторские поселения. В записке местных краевых органов власти от 13 мая 1934 г. на имя председателя Совнаркома Молотова и наркома земледелия Чернова сообщалось: «Одним из отрицательно действовавших факторов при организации соц[иалистического] хозяйства в Западной Сибири является хуторское и мелкопоселковое землепользование, которое сохранилось до настоящего времени»⁴. Оговоримся, что большинство хуторов возникло еще до революции. Это преимущественно дворы с «нацменовским» (по терминологии 1930-х гг.) населением, т. е. принадлежащим к национальным меньшинствам: немцы, эстонцы, латыши. В Кыштовском районе, где хуторское хозяйство было представлено сильнее всего, в 1934 г. было выявлено в хуторах 82 хозяйства. К бедняцким относились 75 из них, к «твердозаданцам» – 6, к кулакам – 1. Уровень коллективизации в данном районе был невысок – 39,4 %, на хуторах не было коллективизировано ни одного двора⁵. Кроме того, в Кыштовском районе имелось семь малых поселков с количеством домохозяйств, меньшим 20, в них числилось 135 дворов и 660 жителей. В Венгеровском районе небольших по-

¹ Политика раскрестьянивания в Сибири: хроник.-докум. сб. / отв. ред.: В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ИДМИ, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства, 1930–1940 гг. С. 141–142.

² Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. С. 14.

³ Комментарий // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 2004. Т. 5, кн. 1. С. 406.

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 643. Л. 135.

⁵ Там же. Л. 136–137.

селков было 16, со 175 дворами и 939 «едоками»¹. Власти предполагали произвести сселение мелких деревень и хуторов. Принцип был следующий: мелкие поселки, имеющие до 10 единоличных хозяйств, переселяются туда, откуда их жители когда-то вышли, либо в один из соседних намеченных для укрупнения хуторов или поселков². Для переселения намечалось в Кыштовском районе 7 хозяйств и 66 жителей, в Северном, соответственно, 14 и 129, в Татарском – 6 и 52, в Убинском – 15 и 100, в Чановском районе – 2 двора и 11 их обитателей³.

По данным на 1 июля 1935 г., в районах Барабы коллективизированными оказалось подавляющее большинство хозяйств. В Татарском районе таковыми числились 94,5 %, в Куйбышевском – 93,7, Чановском – 89,1, Убинском – 87, Купинском – 86,5, Венгеровском – 81, Кыштовском – 77, Здвинском – 76, Северном районе – 68,6 %⁴. Таким образом, наиболее высокий уровень коллективизации наблюдался в районах, вплотную примыкавшим к железной дороге, и понижался к югу от нее, где преобладало украинское по происхождению население. Еще менее были коллективизированы районы к северу, где наряду с неблагоприятными почвенно-климатическими условиями отмечалась повышенная доля других национальных меньшинств – белорусов, чувашей, мордвы, татар. Заметим попутно, что голод интенсивней всего распространялся как раз в районах с наибольшим уровнем коллективизации.

О давлении на крестьян в 1934–1935 гг. свидетельствует письмо красного партизана преклонного возраста в «Крестьянскую газету»: «Я, красный партизан Гинько, живу в д. Пахолово Вараксинского сельсовета Кыштовского района Западно-Сибирского края. В 1919 г. мой сын ушел в партизаны, где был убит белыми. Меня захватили белые, пороли. Сейчас у меня сын находится в Красной армии. Я старик 72-х лет, нетрудоспособный. Состою в колхозе, работать не могу. Жена моя находится с ребенком сына. Хлеба мне в колхозе не дали ни фунта. Хотя я сеял хлеб на усадьбе, но приехали председатели колхоза и сельсовета, привезли машину, обмолотили у меня весь хлеб и увезли всё до фунта в сельсовет, а мне дали квитанцию. Мне как партизану не дают никакой помощи.

В настоящее время на меня наложили культналог в 300 р. наравне со всеми, у которых имеется хозяйство. А у меня в хозяйстве всего одна корова. У меня забрали всё до основания, осталась одна изба. Недавно продали всю надворную постройку, потом приехали, взяли свинью, где закололи и сами съе-

¹ Там же. Л. 139.

² Там же. Л. 142.

³ Там же. Л. 146.

⁴ Народное хозяйство Запсибкрая. С. 124–125.

ли. Ходил я к районному прокурору, и он меня направил: передай дело в суд. Я это сделал, но дело до сего времени заглохло. Вот и решил обратиться в “Крестьянскую газету” с просьбой расследовать это дело»¹.

При знакомстве с материалами расследования становится ясно, что факты притеснения Гинько были проверены и решение по ним спущено в низовые органы. В формальном ответе Наркомата финансов СССР на газетную публикацию указывается, что местные органы проводят «недостаточно гибкую работу» и у них «отсутствует внимание» к маломощным хозяйствам. Льготы единоличникам значительно сокращены. В разъяснении министерства указывалось, что «нельзя, например, освобождать [от налога] хозяйство единоличника, имеющего корову»². Решения об освобождении от налога в отступление от закона для хозяйств, состоящих «из стариков и малолетних детей, если они в прошлом были трудовыми и в настоящее время ведут небольшое сельское хозяйство... утверждаются райисполкомами»³.

В это время вся страна пела слова И. В. Сталина, переложенные на песню: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей». Вождь утверждал, что произошло коренное улучшение материального положения рабочих. «А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки»⁴. В то же время, как констатирует современный исследователь Ш. Фицпатрик, «крестьяне ничего хорошего от Сталина не ожидали... Если Сталин и делал какие-то уступки или примирительные шаги, они воспринимались крестьянами с недоверием и подозрительностью»⁵. Впрочем, уступка была дана только в новом Примерном уставе сельхозартели, согласно которому крестьянин мог иметь небольшой приусадебный участок, корову, ограниченное количество другого скота и птицу без ограничения. Устав сельхозартели был принят в феврале 1935 г. на II Съезде колхозников-ударников⁶.

В 1935 г. заметно увеличились размеры приусадебного хозяйства колхозников. С. С. Маслов писал: «Суровый опыт показал колхознику, что доход от работы в колхозе так ничтожен, что он не обеспечивает ему и его семье даже

¹ Сводка крестьянских писем // «Тянут с мужика последние жилы...»: налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.) / отв. ред. Н. А. Ивницкий. М.: РГАЭ: Собрание, 2007. С. 465.

² Заключение НКФ СССР // «Тянут с мужика последние жилы...». С. 467.

³ Заключение НКФ СССР: прил. // «Тянут с мужика последние жилы...». С. 467, 468.

⁴ Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, 17 нояб. 1935 г. // Соч. Т. 14. С. 86.

⁵ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. С. 320, 349.

⁶ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 325.

скромное пропитание, что он и семья обречены жить с постоянным ощущением недоедания, часто сменяемым настоящим голоданием, а порою переходящим и в смертоносный голод»¹.

Население стало приспособляться к новым реалиям. Исследователи отмечают, что в колхозах стала складываться особая практика, позволяющая выжить в условиях жестокого режима. Во время уборки «не обращают внимание на падающие колоски, чтобы после уборки собрать их», так как этот способ давал больше хлеба, чем можно было получить на трудодни. Отмечаются приписки на образцовых полях, на которых урожайность завышалась, а на обычных занижалась. Руководители хозяйств продолжали авансировать колхозников, исходя из 15 % от объема общего обмолота. Наметилась практика простого укрытия хлеба. В Барабинском районе один из колхозов передал своим членам баранов на откорм и «забыл» об этом. Ситуация вскрылась через несколько лет, когда животных уже съели². Согласно бюджетным обследованиям, в июле – декабре 1935 г. колхозники Западной Сибири потребляли 19 кг печеного хлеба на душу в месяц, а в июне 1936 г. – 21,5 кг³. Правда, эти данные вызывают сомнения в достоверности, ибо обследования выполнялись по заказу сверху, их цель заключалась в том, чтобы подтвердить слова Сталина, что колхозники живут «в общем-то неплохо».

На 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае коров не имели 35,9 % колхозных семей, а вообще скота – 16,1 %. В 1938 г. в Новосибирской области доля таковых снизилась и составляла, соответственно, 26,5 и 14,8 %⁴. Эти данные диссонируют с утверждениями Р. И. Эйхе, возглавлявшего Западно-Сибирский край, о зажиточности сибирского села. Эйхе приводил в пример с. Чумаково – центр Михайловского (Чумаковского) района, ранее входившего в Барабинский округ. Согласно утверждениям главы региона, Чумаково «преобразилось» за годы социалистического строительства: укрепилась материально-техническая база деревни, больше стало скота и птицы, «во много раз» выросли доходы жителей. Всё население стало грамотным. Все 137 хозяйств вошли в колхоз «Новый путь». В неблагоприятных погодных-климатических условиях 1936 г. уро-

¹ Маслов С. С. Указ. соч. С. 220.

² Рынков В. М. Способы адаптации сибирского колхозного крестьянства к сталинской политике хлебозаготовок (вторая половина 1930-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 14–18.

³ Гуцин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. С. 178.

⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 150.

жайность зерновых составила 51 пуд/га¹, т. е. около 8,4 ц/га. В указанном году это был исключительный случай.

Неурожай 1936 г. показал всю шаткость колхозного строя. Урожайность составляла в районах, входивших ранее в Барабинский округ, от 1,8 ц/га в Чистоозёрном до 3,9 ц/га в Венгеровском. Средняя урожайность по округу составила 2,6 ц/га. На один трудодень выдавали ничтожное количество хлеба. Меньше 1 кг на трудодень получали в Чановском районе 42 колхоза из 69 (60,8 %); в Здвинском – 42 из 75 (56 %); в Купинском – 58 из 107 (54,2 %); в Венгеровском – 76 из 110 (69,1 %). Согласно официальным отчетам, в Барабинском, Татарском, Куйбышевском, Усть-Таркском районах в большинстве колхозов выдавали больше 1 кг на трудодень², но это не означало, что здесь ситуация была менее напряженной. В 1936 г. в Барабе снова появляются признаки голода, возрастает смертность населения. Эта же тенденция отмечена в целом по СССР³.

В 1936 г. средняя людность семьи колхозников стала превышать людность семьи единоличников. В среде единоличников образовалась значительная доля семей, в которых все члены имели преклонный возраст. В 1937 г. таковых было 14,6 %, в 1938 г. – 24,8 %. В 1939 г. в Новосибирской области их доля составляла 44,1 %. Перепись 1939 г. зафиксировала, что 41,5 % лиц среди занятого населения в единоличном хозяйстве были старше 60 лет. Такие семьи единоличников от налогов освобождались⁴.

Народонаселение накануне переписи 1937 г.

13 февраля 1935 г. Каинск был переименован в Куйбышев, а Барабинский район в Куйбышевский. Постановлением ВЦИК от 20 января 1936 г. Куйбышевский район был разделен на Барабинский и Куйбышевский. Накануне переписи 1937 г. шло лихорадочное преобразование сел в города и поселки городского типа с целью подогнать численность городского населения под провозглашенную вождем установку об удвоении городского населения после 1926 г. В августе 1936 г. с. Купино было преобразовано в рабочий поселок⁵.

¹ Гуцин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Указ. соч. С. 204–205.

² Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 863–864.

³ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 22–25.

⁴ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. С. 18–19.

⁵ Справочник по административно-территориальному устройству... С. 17; Административно-территориальное деление Сибири... С. 176.

В подцензурной советской литературе говорилось о замедлении прироста населения в СССР в первой половине 1930-х гг. В работах известного отечественного демографа Б. Ц. Урланиса отмечалось: «Реорганизация сельского хозяйства на началах коллективизации вызвала миграцию больших масс населения, резкое возрастание численности городского населения, а в отдельных районах снижение уровня жизни. Всё это, конечно, не могло не сказаться на уровне рождаемости и смертности»¹. Урланис сделал пессимистический вывод: «Тридцатые годы не принесли нашей стране заметных сдвигов в уровне смертности. Это объясняется главным образом экономическими трудностями этого периода»². Понятно, что советский ученый не мог писать полную правду о положении дел в демографической сфере.

Изменение общей численности населения Барабы в 1932–1936 гг. представлено в таблице 2.11. Здесь численность населения получена из статистических сводок по районам и городам путем суммирования их данных. Одновременно заметим, что возможные отклонения в текущем учете, производившемся статистиками тех лет, находятся в пределах статистической погрешности, итоги этого учета подтверждаются результатами переписи 1937 г. по Куйбышеву и Куйбышевскому району и общим трендом развития. Критика за плохой учет численности населения в Барабе может быть отнесена к плановым и хозяйственным органам, но не к статистическому ведомству, хотя оно и было подчинено плановикам.

Таблица 2.11

**Динамика численности населения Барабы в 1927–1939 гг.
(в границах Барабинского округа 1929 г.), чел.***

Дата	Всё население	В том числе		Индекс динамики населения, %		
		городское	сельское	всего	городского	сельского
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
01.01.1927	564 430	28 914	535 516	100	100	100
01.01.1928**	590 884	32 492	558 392	104,7	112,4	104,3
01.01.1929	620 637	36 443	584 194	105	121,2	104,6
01.01.1930	636 518	38 548	597 970	102,6	105,8	102,4
01.01.1931***	569 267	34 000	535 267	89,4	88,2	89,5
01.01.1932***	488 000	30 000	458 000	85,7	88,2	85,5
01.01.1933****	499 700	32 600	467 100	102,4	108,7	102
01.01.1934****	496 558	33 100	473 458	99,4	101,5	101,4

¹ Урланис Б. Ц. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. М.: Высш. шк., 1968. С. 23–24.

² Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 88.

1	2	3	4	5	6	7
01.01.1935****	526 300	34 500	491 800	106	104,2	103,9
01.01.1936****	572 700	48 800	532 700	108,8	141,4	108,3
01.01.1937****	559 600	65 000	494 600	97,7	133,2	92,8
01.01.1938****	550 000	70 000	480 000	98,2	107,7	97
17.01.1939****	546 153	76 649	469 504	99,3	109,5	97,8
17.01.1939, коррекция	542 822	76 182	466 640	99,4	99,4	99,4
1939 г. к 1927 г., % (по учету)	–	–	–	96,7	265,1	87,7
1939 г. к 1927 г., % (после коррекции)	-0,61	-0,61	-0,61	96,8	263,5	87,1

* Составлено и рассчитано: Статистика Сибири: сб. стат. материалов. Вып. 2. С. 139–140; Сибирский край: стат. справ. С. 3; Население Новосибирской обл.: (Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.). Новосибирск: Облстат, 1961. С. 11; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М.: Статистика, 1963. С. 37; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–4; Д. 42. Л. 2 – 3 об., 7 – 12 об.; Д. 55. Л. 1 – 2 об., 9 – 12 об.; Д. 72. Л. 1; Д. 73. Л. 5 – 6 об.; Д. 101. Л. 3 – 3 об., 5 – 6 об.; Д. 102. Л. 33 – 39 об.; Д. 351. Л. 16 – 18 об. Данные за 1927 г. существенно расходятся с итогом переписи на 17 дек. 1926 г. По переписи учтено городского населения 27 134 и сельского – 476 065 человек. Всего – 503 199 человек. В 1926 г. в округ не входила территория Еланского района (ныне большая его часть входит в Усть-Тарковский район). В таблице за 1927 г. данные по нему – 22 693 человека по переписи 1926 г. – включены. Кроме того, в итог за 1927–1930 гг. включен Муромцевский район, население которого составляло в 1927 г. 23 720; в 1931 г. – 27 794; в 1932 г. – 28 544 человека. В связи с передачей отдельных местностей из Купинского района в Казахстан мы пренебрегли изменениями, связанными с включением в этот район двух сельсоветов из Большереченского района.

** По предварительным данным, в реальных границах население составило 522,5 тыс. человек. (Вопросы здравоохранения. 1929. № 8. С. 88, бюл. № 12). Таким образом, в округ в дальнейшем были включены территории с 68,3 тыс. жителей.

*** Исключен из приведенного в источнике итога Муромцевский район. Приведенный итог в источнике и сумма по районам не совпадают.

**** В общий итог включено 33 % населения Доволенского района – поправка на территории, ранее входившие в Барабинский окр. Не учтены территории, отошедшие в Павлодарскую обл. Казахстана. Данные за 1937 и 1938 гг. – наша оценка. С августа 1936 г. Купино является рабочим поселком.

При анализе показателей, относящихся к 1932–1936 гг., прослеживается тенденция увеличения численности населения Барабы, особенно городского. Замедление прироста произошло в 1932–1934 гг., это было связано как с голодом, вызвавшим значительные потоки мигрантов, так и с ухудшением качества учета. По целому ряду сельсоветов регистрация демографических событий не велась. Именно улучшением качества учета можно объяснить скачок на 3,9 % численности населения сельской местности к 1935 г. Люди перестали метаться, разыскивая места с лучшими условиями, но за отсутствием паспортов не имея

возможности покинуть сельские территории. Одновременно были произведены хозяйственные переселения в районы Барабы и приостановился процесс выселения «кулацких элементов».

Только такими факторами невозможно объяснить рост численности населения в сельских местностях на 8,3 % в 1936 г. Этот рост во многом фиктивен и вызван бюрократическим низкопоклонством. Местное чиновничество рапортовало о выполнении постановления от 21 сентября 1935 г., в котором критиковалось занижение статистиками роста численности населения в СССР (об этом ниже). Скорее всего, власти на местах после этого искусственно отразили рост численности населения. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в сводках за 1935 г. население городов Барабы выросло сразу на 41,4 %, а за 1936 г. – еще на 33,2 %. На такой рост не могло повлиять изменение статуса с. Купино, которое только в августе 1936 г. получило статус городского поселения. В Купино насчитывалось 11 тыс. жителей, они сразу увеличили численность горожан в Барабе на 23 %.

Для колхозной жизни характерно стремление молодежи уехать, поскольку «только за пределами деревни ей мог выпасть шанс пробиться в жизни»¹. Но разрешение на выезд из родной местности мог дать лишь колхоз. Даже люди, отправлявшиеся с подводами для сдачи хлеба на приемные пункты, получали временные справки, дающие законное основание покинуть колхоз для транспортировки груза. Справки были ограничены по срокам и содержали запись о причинах отлучки. Понятно, что молодежь всеми правдами и неправдами пыталась вырваться из села. Законно это можно было сделать лишь с разрешения правления колхоза или общего собрания колхозников.

Однако государство нуждалось в кадровом обеспечении строек, промышленности и проводило оргнабор рабочей силы. Молодежь могла поступить учиться на специальности, не связанные с сельским хозяйством (например, учитель, инженер) и таким образом вырваться из колхоза. Могли не вернуться в село юноши, отслужившие в Красной армии. По окончании службы, имея на руках справку, позволяющую получить паспорт, они часто оставались в городах. Для девушек оставался еще один шанс – выйти замуж за городского парня и устроить личную жизнь в городе. Бегство из села продолжалось постоянно. Убегали и напрямую, прихватив колхозного быка или корову, сдав живность на мясокомбинат. Так поступали чаще малолетние беглецы, а руководство в городе закрывало на это глаза и покрывало их. Менялись со временем лишь масштабы исхода.

¹ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 21.

ГЛАВА 3.

НАСЕЛЕНИЕ БАРАБЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1937 И 1939 гг.

Интересные материалы о населении Барабы, как и всего Советского Союза, дали Всесоюзные переписи населения, проведенные в 1937 и 1939 гг.

Об итогах переписи 1937 г., к сожалению, у нас мало информации. «Перепись должна была отразить записанные в Конституции СССР исторические достижения... в период первых двух пятилеток и дать материалы для планирования народного хозяйства страны. Однако перепись была проведена с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки и утвержденных инструкций. Изучив порядок переписи и ее итоги, правительство признало организацию переписи неудовлетворительной, а ее итоги дефектными», – писал в 1957 г. один из руководителей статистики населения СССР П. Г. Подъячих¹. Итоги переписи 1937 г. были аннулированы, ее организаторы репрессированы. Но уже в 1967 г. авторы «Курса демографии» писали, что при проведении переписи «были допущены методологические ошибки (однодневный срок проведения, неточности в инструкциях). Однако эти ошибки не давали никаких оснований для обвинения руководителей переписи в сознательном искажении ее данных и объявления их вредителями»².

¹ Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. (методология и организация проведения переписи и разработки итогов). М.: Госстатиздат, 1957. С. 13.

² Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского. М.: Статистика, 1967. С. 63.

По плановым расчетам второй пятилетки, к 1937 г. в стране должно было проживать 180,7 млн человек¹. Перепись показала численность населения гораздо меньшую, чем требовали власти. Еще в 1934 г. И. В. Сталин на XVII съезде ВКП(б) заявил, что население СССР достигло 168 млн². Однако на самом деле из-за голода этого не случилось. Если учесть, что в январе 1933 г., согласно текущему учету, население составляло 165,7 млн³, то это означало бы прирост в голодный год на 2,3 млн человек. Безусловно, такого быть не могло. Перепись 1937 г. проводилась в один день 6 января и учла 162 млн человек⁴, а с учетом поправок на недоучет, сделанных современными исследователями, – 162,7 млн⁵.

В «Статистическом словаре» 1965 г. издания по поводу переписи 1937 г. говорится: «В организации и проведении... имелись недостатки... Это привело к недоучету численности населения...»⁶. Уже в 1960-е гг. начальник ЦСУ СССР В. Н. Старовский писал: «...На самом деле к началу 1937 г. население СССР составило, даже с учетом поправок на неточность переписи, лишь 164 млн человек»⁷. Размер недоучета населения переписью 1937 г., определенный ЦСУ СССР, – 1,2 %. В статистическом сборнике «Население СССР, 1973» была опубликована более точная цифра оценки населения в 1937 г. – 163 772 тыс.⁸ В любом случае все цифры были ниже, чем провозглашал Сталин.

Пытаясь спасти перепись, уже новое руководство ЦУНХУ предложило сделать поправки к результатам переписи в размере 4 %, раскидав их по территориям с учетом потерь населения в предшествующие годы. Поправка по городскому населению составила 2,6 %, а по сельскому – 4,6 %. В результате численность населения страны достигала 168,5 млн человек. Однако и это предло-

¹ Второй пятилетний план. М.: Госплан СССР, 1935. Т. 1. С. 503.

² *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII Съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1948. С. 336.

³ Социалистическое строительство СССР. М.: Союзоргучет, 1936. С. XVI–XVII.

⁴ Всесоюзная перепись 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов / сост.: В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. С. 27.

⁵ *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. С. 29.

⁶ Перепись населения 1937 г. в СССР // Статистический словарь / гл. ред. А. И. Ежов. М.: Статистика, 1965. С. 411.

⁷ *Старовский В. Н.* Методика исследования элементов роста населения // Социология в СССР. М.: Наука, 1965. Т. 1. С. 254. Современное переиздание: *Старовский В. Н.* Избр. стат. тр.: к 100-летию со дня рождения. М.: Статистика России, 2007. С. 213.

⁸ Население СССР (численность, состав и движение населения), 1973. М.: Статистика, 1975. С. 7.

жение было отвергнуто. Материалы переписи засекретили, а саму перепись объявили дефектной¹.

В газете «Правда» 26 сентября 1937 г. было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров от 25 сентября о переписи населения 1937 г. В нем говорилось: «Ввиду того, что Всесоюзная перепись населения 6-го января 1937 г. была проведена Центральным управлением народнохозяйственного учета Госплана СССР с грубейшими нарушениями элементарных основ статистической науки, а также с нарушениями утвержденных правительством инструкций, Совет Народных Комиссаров Союза ССР признал организацию переписи неудовлетворительной и самые материалы переписи дефектными...»². Этим же постановлением новая перепись была назначена на январь 1939 г. В периодической печати были указаны и «ошибки переписи», вызванные «вредительством ее организаторов». Официально в главной газете страны сообщалось: «Счетчикам были даны вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались не внесенными в переписные листы... Вредители... напечатали на каждом переписном листе памятку для счетчика, в которой предложено было вычеркнуть всех внесенных в переписной лист, которые не ночевали дома в ночь с 5 на 6 января»³. Не были внесены в переписные листы лица, передвигавшиеся в товарных поездах, не организован учет людей, передвигавшихся на автобусах, гужом, пешком на значительные расстояния, ожидающих поезда на мелких станциях и разъездах, бывших в лесу за дровами, в степи, на рыбной ловле. В вину вменялось и указание о досрочном окончании переписи⁴.

Население Барабы, согласно «репрессированной» переписи 1937 г.

Публикация данных о населении была возобновлена после переписи населения 1939 г. В рабочих и итоговых таблицах за 1937 и 1938 гг. статистики не рассчитывали численность населения и показатели естественного движения⁵. Историко-демограф М. С. Тольц определил период 1930-х гг. «как период ката-

¹ *Голотик С. И., Минаев В. В.* Население и власть: очерки демографической истории СССР 1930-х гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. С. 109–110.

² Правда. 1937. 26 сент.

³ Правда. 1937. 15 окт.

⁴ Там же.

⁵ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 148, 272.

строфы советской демографической статистики»¹. Он писал, что «материалы, отражающие демографическое развитие страны с начала 30-х гг., ученым стало невозможно получить даже в служебном порядке. Оставшиеся специалисты вынуждены отказаться от исследования современной проблематики»².

Современные исследователи оценили степень точности учета населения переписью 1937 г. Согласно их расчетам, недоучет населения составлял статистически незначительную величину. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова оценили недоучет в 700 тыс. человек, или 0,4 %³; Ф. Д. Лившиц – в 450 тыс., или 0,3 %⁴.

Своим распоряжением от 23 декабря 1936 г. ЦУНХУ разрешило представлять сведения о количестве населения в секретном порядке секретарям районных и областных комитетов ВКП(б), председателям районных и областных Советов депутатов трудящихся. Однако после окончания переписных работ было предписано «не сообщать, кому бы то ни было, данные переписи 1937 г.». 21 июня 1937 г. в секретном письме требовалась сдача в спецсектор ЦУНХУ всех черновых материалов переписи⁵.

Тем не менее, имеются данные об общей численности сельского населения Куйбышевского района на дату переписи. Административные органы остро нуждались в информации о населении. Куйбышевский райком партии уделил большое внимание организации и проведению переписи населения 1937 г. 13 декабря 1936 г. на повестке бюро стоял вопрос «О ходе подготовки к проведению Всесоюзной переписи населения 1937 г.». На заседании рассматривались итоги проверки готовности к важнейшему мероприятию. «Проверкой установлено [состояние] явно неудовлетворительной хозяйственной подготовки к проведению Всесоюзной переписи населения 1937 г.», – говорилось в решении бюро. Были указаны недостатки: ряд председателей сельсоветов и директоров предприятий «не уделили должного внимания качественному подбору переписных кадров, не развернули необходимой большевистской массово-политической работы... не обеспечили... помещений и не закрепили потребных средств передвижения. Кроме того, имели место случаи срыва подготовитель-

¹ *Тольц М. С.* Недоступное измерение // В человеческом измерении. М.: Прогресс, 1989. С. 326.

² Там же. С. 331.

³ *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991 гг. С. 29.

⁴ *Лившиц Ф. Д.* Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 197.

⁵ *Голотик С. И., Минаев В. В.* Указ. соч. С. 110.

ной работы в переписи, как то: задержка переписных кадров, отказ им являться на инструкторские совещания...». Намечались конкретные меры для устранения недостатков¹. Аналогичные решения принимались в других районах, например, в Кыштовском². Серьезный подход говорит о достаточно качественном проведении и самой переписи.

Данные были получены сразу по окончании переписи. Поэтому напечатанный статистический справочник об экономике Куйбышевского района содержит некоторые сведения об итогах переписи населения 1937 г. В нем приводится размер естественного прироста населения в районе за первый квартал 1937 г. – до 400 человек. Отмечается, что естественный прирост увеличился на 6 % по сравнению с предыдущим годом. Специально указывается, что рождаемость возросла после принятого 27 июня 1936 г. постановления о запрещении аборт³. Такие сведения говорят о том, что справочник был напечатан до 21 июня 1937 г., но не ранее мая 1937 г., так как отчетность за первые три месяца были получены не ранее конца апреля.

В «Народнохозяйственном плане Куйбышевского района Западно-Сибирского края на 1937 г.» сообщается, что «учет населения... на 01.01.1937 г. указан на основе данных переписи в разрезе секторов»⁴. Данные переписи были предварительными. В соответствии с ними, общая численность населения района составила 53 227 человек, в том числе сельского – 40 682 души⁵. В итогах приведена численность населения г. Куйбышева – 12 318 человек, а также по ряду сельских населенных пунктов: Мошнино – 2424 человека, Гжатск – 1160, Каминское – 946 человек. По этим населенным пунктам и по Куйбышеву можно сравнить изменение численности населения за период 1926–1937 гг. (табл. 3.1). Прирост населения имели в это время районный центр и пригородное с. Мошнино. Увеличение численности населения с. Гжатск было незначительным. Старинное старообрядческое село Кама сильно пострадало от раскулачивания и репрессий, что сократило численность жителей на 1/5. В итогах отмечается, что основное население района – русские, но имеются небольшие поселки с мордовским, польским, чувашским, казахским и татарским населением. Всего

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 137. Л. 12–13.

² Там же. Д. 138. Л. 6.

³ Народнохозяйственный план Куйбышевского района Западно-Сибирского края на 1937 г. [Рукопись]. Куйбышев, 1937. С. 6 // Куйбышевский краеведческий музей. КП-4181/ДМ б/н. С. 3, 6, 8, 9.

⁴ Там же. С. 3, 6.

⁵ Там же. С. 10.

в районе зафиксировано 113 населенных пунктов. Эти же данные воспроизведены в сборнике, посвященном 60-летию района¹.

Таблица 3.1

**Количество жителей в ряде населенных пунктов
Куйбышевского района по переписям 1926 и 1937 гг., чел.***

Населенный пункт	Перепись 1926 г.	Перепись 1937 г.	Индекс динамики, %
Куйбышев	7606	12 318	162
Мошнино	1616	2424	150
Гжатск	1129	1160	102,7
Каминское (Кама)	1186	946	79,8

* Составлено по: Список населенных мест Сибкрая. Новосибирск: Сибкрайстат, 1928. Вып. 3: Барабинский окр. С. 2, 6, 12; Народнохозяйственный план Куйбышевского района... С. 3, 6, 10.

Неизвестно, производили ли районные статистики и власти обработку данных о распределении населения по этническому признаку. Это в значительной степени противоречило бы инструкциям, которые гласили: «При публикации материалов переписи 1937 г. распределение по национальному составу в мелких территориальных единицах (отдельные горпоселения и по сельской местности каждого района) будет показываться не по полному списку национальностей, а по главным национальностям отдельной республики, края, области. Установлен... список главных национальностей... Отмеченные звездочкой национальности предлагаются Бюро переписи ЦУНХУ в качестве выделяемых при публикации... Число национальностей по каждой территории не должно превышать 10... Необходимо проверить правильность выделения указанных национальностей по вашей территории...»². Циркуляр был датирован 5 ноября 1936 г.

В архиве сохранилась телеграмма, в которой приводятся итоги переписи по Черепановскому району Западно-Сибирского края, который не входил в состав Барабинского округа. Из нее следует, что в Черепановском районе было образовано 416 переписных участков, учтено 63 708 жителей. Перепись осуществляли 614 членов партийного и 794 представителя колхозного актива, в резерве было еще 310 человек, в том числе в г. Черепаново – 189 человек. В переписной отдел позже было подано всего 31 заявление о пропуске счетчиками лиц, подлежащих регистрации³.

¹ Отчий край: к 60-летию Куйбышевского района / под ред. И. И. Быкова. Новосибирск: [б. и.], 1996. С. 8, 10.

² ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1087. Л. 40.

³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3469. Л. 17–20.

7 января был проведен сплошной обход квартир и домов по проверке точности учета населения счетчиками. 10 января 1937 г. получены срочные донесения от всех районов Западно-Сибирского края о количестве переписанного населения¹. Это лишний раз свидетельствует о стремлении к точному учету населения в ходе переписи 1937 г.

Численность населения субрегиона по переписи 1939 г.

В связи с аннулированием результатов переписи 1937 г. было принято решение о проведении новой переписи 17 января 1939 г. Еще до подведения ее результатов в своем докладе на XVIII Съезде партии И. В. Сталин заявил, что население СССР составляет сейчас 170 млн человек². Таким образом, статистиков четко известили, какой показатель от них хотела бы получить власть.

Переписи 1939 г. власти придавали политический характер. Поэтому, работая с материалами переписи, требуется производить коррекцию численности населения, завышенную по конъюнктурным соображениям. Как доказала В. Б. Жиромская, необходимо итог по данным переписи уменьшить на 2,1 %, в том числе применительно к городскому населению – на 1,9 %, к сельскому – на 2,9 %. Следует учесть, что по Новосибирской области проводились изъятия численности спецконтингента для перераспределения по другим территориям. Поэтому к результату, полученному после коррекции, нужно прибавить численность изъятого спецконтингента. В Новосибирской области разработчиками переписи было добавлено 88,6 тыс. человек, а изъято для перераспределения 76 тыс. Значит, итоговая поправка должна составлять минус 0,3 %³. Рассчитанная по данной методике общая численность населения Новосибирской области в границах 1939 г. составляла 4037,7 тыс. человек. Это означает, что завышение численности населения было незначительным.

Разные опубликованные версии итогов переписи 1939 г. по Новосибирской области указывают общую численность ее населения в диапазоне от 4022,7 тыс. человек (данные С. С. Сулькевича, которые соответствуют опубликованным в официальном статистическом справочнике) до 4050,3 тыс. (офици-

¹ Там же. Л. 22.

² *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII Съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1952. С. 617.

³ *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 9.

альные итоги переписи)¹. Крайние варианты различаются на незначительную величину – 0,68 %. Для дополнительной проверки можно использовать методику расчета Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской, которые установили, что завышение численности населения было пропорциональным по всей стране. Коррекция составляла по данным ЦСУ СССР 1,68 %, а по данным Е. М. Андреева и его соавторов – 0,68 %². Таким образом, поправка Андреева не отличается от разницы между официальными данными переписи и данными расчетов Сулькевича. Эта поправка в 0,68 % близка также к поправке по городу в 0,61 %, выявленной нами.

Обратный пересчет от итоговых данных переписи дает следующие результаты. По методике ЦСУ первоначальная численность населения Новосибирской области составила 3983,4 тыс. человек, по методике Е. М. Андреева и его коллег – 4022,9 тыс. Последняя оценка отличается от сделанной в 1940 г. С. С. Сулькевичем на 0,2 тыс. Этим подтверждается вывод, сделанный многими исследователями: материалами переписи 1939 г. можно пользоваться, несмотря на целый ряд их недостатков, при условии коррекции итогов³.

Данные переписи 1939 г. по Новосибирской области почти не публиковались. Немного сохранилось информации в архивах и сборниках, изданных областным статистическим управлением для внутреннего пользования. Выявлены общая численность населения городов и райцентров, распределение его по полу в тысячах человек. Согласно этим данным, в райцентрах проживало: в Венгерово – 4630 человек, в Здвинске – 3371, в Кыштовке – 3105, в Михайловке – 418, в Северном – 2372, в Убинском – 5220, в Усть-Тарке – 1745, в Чанах – 5872, в Чистоозёрном – 4150 человек⁴. Изменение количества жителей в этих и иных населенных пунктах в период 1926–1939 гг. представлено в таблице 3.2.

¹ Сулькевич С. С. Территория и население СССР. М.: Политиздат, 1940. С. 11; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). М.; Л.: Госпланиздат, 1939. С. 11; Всесоюзная перепись 1937 г: общие итоги. С. 239.

² Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. С. 33.

³ Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 13.

⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1183. Л. 1.

**Динамика численности населения городов, районных центров
и отдельных населенных пунктов Барабы в 1926–1939 гг.***

Населенный пункт	Кол-во жителей, чел.		1939 г. к 1926 г., %
	1926 г.	1939 г.	
Барабинск	9822	29 988	305,3
Куйбышев	7606	12 930	170
Купино	1515 + 3846** = 5361	12 328	230
Татарск	9706	21 403	220,5
Венгерово	2198	4630	210,6
Здвинск	2470	3371	136,5
Михайловка	402	418	104
Мошнино	1616	2590	160,3
Кыштовка	1432	3105	216,8
Северное	637	2372	372,4
Убинское	118 + 1631** = 1749	5220	298,5
Усть-Тарка	1565	1745	111,5
Чаны	1948	5872	301,4
Чистоозёрное	351	4150	1338,7
Новопокровка	407	531	130,5
Старотатарское	789	827	104,8

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1183. Л. 1; Д. 8350. Л. 1; Список населенных мест Сибкрая. Вып. 3. С. 2–4, 18, 22, 24, 38, 42, 48, 50, 56, 64, 49, 72.

** Станция и село.

Иногда о численности жителей можно узнать по ошибкам статистиков. Например, в одном из запросов к составителям динамических рядов по естественному движению населения Новосибирской области (материалы уже были опубликованы в сборнике для внутреннего пользования в структуре областного управления статистики) руководство ЦСУ РСФСР и Облстата Новосибирской области вопрошало: «Почему изменена численность населения в 1939 г. по Барабинску, Куйбышеву и Татарску на 531, 2590 и 827 чел.? Административные преобразования были позже, в 1946, 1949, 1957 гг.»¹. В 1946 г. с. Старотатарское стало частью г. Татарска, в 1949 г. в черту г. Куйбышева включено с. Мошнино, в 1957 г. с. Новопокровка административно стало находиться в городской черте г. Барабинска². Данные по этим населенным пунктам также включены в таблицу.

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 8350. Л. 1.

² Справочник по административно-территориальному устройству Новосибирской обл., 1937–2006 гг. / под ред. В. В. Моисеева, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ГАНО, 2007. С. 86, 264, 404.

Из данных таблицы 3.2 видно, что наибольший прирост населения в 1926–1939 гг. пришелся на новый районный центр Чистоозёрное – в 13,4 раза. Другие населенные пункты показали умеренный рост: Северное (бывшее Верх-Назарово) – 3,7 раза, Барабинск, Чаны, Убинское – в три раза. Удвоили свое население Купино, Татарск, Венгерово (бывшее Спасское), Кыштовка. Медленно росли пригородные села: Новопокровское (предместье Барабинска), Старотатарское. Статуправление ошибочно показало центром Михайловского района с. Михайловское (оно и приведено в таблице), фактически таковым было с. Чумаково. Медленно росли Усть-Тарка (новый районный центр), Здвинск (бывшее Нижнекаргатское). Резко снизили темпы прироста старый уездный и окружной центр Куйбышев (бывший Каинск) и его пригородное с. Мошнино. Прирост населения в них был почти одинаковым: 60–70 %.

Куйбышев стал расти быстрее только в 1936–1938 гг., когда стал районным центром. Так, с 1937 по 1939 г. он увеличил свое население на 5 %, а Мошнино – на 6,8 %. Это практически соответствовало естественному приросту в них. Учетный абсолютный естественный прирост в Куйбышеве составил в 1937 г. – 268 человек¹, в 1938 г. – 207 душ². За первые две недели 1939 г. он составил 18 человек, а за весь год – 493 человек. Весь прирост (естественный вместе с миграционным) равнялся $12\,930 - 12\,318 = 612$ душам. Таким образом, 80,6 % всего прироста составила естественная разница между количеством родившихся и умерших куйбышевцев. Если взять прирост в загсомесях (когда демографические события привязаны к моменту их регистрации, а не ко времени их свершения), то он составит в 1937 г. – 263 человека, в 1938 г. – 140³. Всего 403 человека. В архиве ЗАГС учтены все регистрации поздних событий, включая восстановленные уже в настоящее время. Доля естественного прироста сокращается в общем приросте населения до 68,8 %.

В межпереписной период 1926–1939 гг. после 1929 г. росла доля женщин в населении. Хотя до этого по 1929 г. включительно происходил противоположный процесс. Это было хорошо известно властям, как и причины данного явления, но никакой озабоченности не вызывало. Мало того, в текущей статистике официально завышались абсолютные показатели численности населения. Можно проследить эту тенденцию на примере центральной части Барабы. По данным властей, в 1938 г. в Барабинском районе (включая Барабинск) обитало

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 14. Л. 6 об.

² Там же. Д. 27. Л. 29 об.

³ Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. С. 73.

70,5 тыс. жителей, из них 33,7 тыс. мужчин и 36,8 тыс. женщин¹. В соседнем Куйбышевском районе вместе с городом числилось 61,4 тыс. жителей: 29,5 тыс. мужчин и 31,9 тыс. женщин². Всего в двух районах жило 63,2 тыс. лиц мужского пола (47,9 %) и 68,7 тыс. женщин (52,1 %). В 1926 г. на территории этих будущих районов размещались: г. Каинск, г. Барабинск, Барабинский, Верх-Ичинский и Казанский районы. Территория была абсолютно идентичная. В 1926 г. в этих районах проживало в городах 8768 мужчин и 8660 женщин, в сельской местности – 35 272 и 37 162, соответственно³. Всего мужчин – 44 040 (49 %), женщин – 45 822 человека (51 %). Значит, между 1926 и 1938 гг. произошло существенное увеличение доли женщин в населении.

Перепись 1939 г. скорректировала данные текущего статистического учета за 1938 г. Выяснилось, что на самом деле удельный вес женщин увеличился сильнее, чем предполагалось. Согласно итогам переписи, в названных выше районах и городах численность мужчин составила 54,1 тыс. (47,3 %), а женщин – 60,2 тыс. (52,7 %)⁴. Доля мужчин оказалась ниже расчетной на 0,6 процентных пункта. И общая численность населения оказалась равной не 131,9 тыс., а 114,3 тыс. человек, т. е. на 13,3 % меньшей, чем показывал текущий учет населения.

По имеющимся данным соответствующую работу можно проделать по остальным районам Барабы (табл. 3.3). Видно, что существенное завышение общей численности населения при его текущем учете присутствовало во всех административных единицах и в целом по Барабе. По всей территории завышение составило 12,6 %, в городах – 14,5, в селах – 12,3 %. Особенно сильно завышалась численность населения в Куйбышеве (на 29,7 %), Купинском (на 31,2 %) и Северном (на 21,1 %) районах. Небольшим отклонение было в районах Чановском – 1,3 %, Убинском (с Михайловским) – 2,7 %. Только Купино, которое стало городом в 1936 г., показало нормальное увеличение численности населения. Показательно, что районы с наибольшим завышением численности жителей в текущем административном учете были наиболее пострадавшими во время массового голода 1932–1933 гг. и репрессий.

¹ Новосибирская обл.: экономико-географическое описание / под ред. М. С. Бурлакова. Новосибирск: Обл. изд-во, 1939. С. 132.

² Там же. С. 140.

³ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. С. 266–267.

⁴ Население Новосибирской обл.: (итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.). Новосибирск: Облстат, 1961. С. 11; Женщины и дети Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1961. С. 2–3.

**Сравнение итогов переписи 1939 г.
с данными текущего административного учета***

Город, район	Численность населения, чел.		1939 г. к 1938 г., %
	1938 г. (оценка)	1939 г. (перепись)	
Барабинск	34 200	29 988	87,7
Куйбышев	18 400	12 930	70,3
Татарск	25 500	21 403	83,9
Купино	11 500	12 328	107,2
Итого в городах:	89 600	76 649	85,5
Барабинский	36 300	31 713	87,4
Венгеровский	51 200	46 782	91,4
Здвинский	44 500	38 165	85,8
Куйбышевский	43 000	39 615	92,1
Купинский	61 000	41 940	68,8
Кыштовский	52 000	46 024	88,5
Михайловский**	...	20 513	97,3
Северный	25 800	20 352	78,9
Татарский	49 200	42 146	85,7
Убинский	59 000	36 874	97,3
Усть-Таркский	24 600	21 610	87,8
Чановский	37 900	37 417	98,7
Чистоозёрный	35 000	32 601	93,1
Итого в районах:	519 500	455 752	87,7
Итого во всей Барабе:	609 100	532 401	87,4

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 48–51. Данные несколько отличаются от показателей таблицы 3.2 из-за уточнения результатов переписи 1939 г.

** Включался в Убинский и частично в Северный район.

Понятно, что статистиков, обвиненных во вредительстве, никто не слушал. Наверх подавались самые невероятные данные. Административные структуры пытались «большевистские темпы» роста экономики или уровня грамотности распространить на динамику численности населения. В результате осуществлялась фальсификация. И. В. Сталин говорил: «Некоторые работники Госплана старого состава... считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составлять три – четыре миллиона человек или даже больше этого. Это... фантастика, если не хуже»¹. Тем самым Сталин фактически подтвердил данные переписи 1937 г. и материалы текущей статистики, фигурировавшие до 1936 г. Но результаты Всесоюзной пе-

¹ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII Съезде партии... С. 618–619.

реписи населения 1939 г. противоречили этим данным. Поэтому она осталась полулегальной до конца существования СССР. Официально было объявлено, что подведению ее окончательных итогов помешала война.

Половая структура населения по данным переписи 1939 г.

Рассмотрим теперь данные переписи 1939 г. о распределении населения по полу в районном разрезе (табл. 3.4). Они представлены в официальных итогах даже в сборниках, ранее предназначавшихся только для служебного пользования, округленно в тысячах человек с первой цифрой после запятой, а также в процентах. Небольшая численность населения районов при обратном пересчете дает ошибку в пределах 10–20 человек. Этой погрешностью можно пренебречь. По городам Барабы численность мужчин и женщин по переписи 1939 г. была обнародована вскоре после переписи. Публикация содержит абсолютные показатели общей численности населения, количества мужчин и женщин также округленно в тысячах¹.

Таблица 3.4

Половой состав населения Барабы по переписи 1939 г.*

Город, район	Всё население, тыс. чел.	В том числе		Мужчин, %	Женщин, %	Мужчин, % в 1926 г.	Женщин, % в 1926 г.
		мужчины	женщины				
Барабинск	30	14,5	15,5	48,3	51,7	48	52
Куйбышев	12,9	5,9	7	45,7	54,3	53,3	46,7
Татарск	21,4	10,2	11,2	47,7	52,3	52,2	47,8
Барабинский	31,9	15	16,9	47	53	48,7	51,3
Венгеровский	46,7	21,9	24,8	46,9	53,1	48,3	51,7
Здвинский	38,1	17,8	20,3	46,7	53,3	48,3	51,7
Куйбышевский	39,5	18,7	20,8	47,3	52,7	48,6	51,4
Купинский	54,1	26	28,1	48,1	51,9	49,9	50,1
Кыштовский	45,9	21,4	24,5	46,6	53,4	48	52
Северный	21,1	9,9	11,2	46,9	53,1	48,9	51,1
Татарский	42	19,8	22,2	47,1	52,9	49	51
Убинский	56,1	27,1	29	48,3	51,7	49,3	50,7
Усть-Таркский	21,6	10,1	11,5	46,8	53,2
Чановский	37,3	17,8	19,5	47,7	52,3	49,2	50,8
Чистоозёрный	32,5	15,7	16,8	48,3	51,7	49,2	50,8
Итого:	531,1	251,8	279,3	47,5	52,5	48,8	51,2

¹ Новосибирская обл.: справочник по хозяйству и культуре районов области. Новосибирск: ОГИЗ, 1940. С. 44–45.

* Подсчитано по: Население Новосибирской обл.: (итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.). С. 11; Женщины и дети Новосибирской обл. С. 2–3; Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: СО ОГИЗ, 1929. Т. 1. Стб. 229–230; Список населенных мест Сибкрая. Вып. 3. С. 1–85; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 35. Л. 16 – 18 об. Данные по части Доволенского района, ранее входившей в состав Каинского (Барабинского) округа, в 1939 г. не учтены, поскольку включены данные по бывшему Еланскому району. Эти данные соразмерны. Границы территорий даны по состоянию на 1959 г.

Сравнивая данные 1939 г. с материалами переписи 1926 г., обнаруживаем, что во всех без исключения районах Барабы выросла доля женщин. В целом по субрегиону удельный вес женщин увеличился с 51,2 до 52,5 %. Особенно сократилась доля мужчин в городах Куйбышеве (7,6 процентных пункта) и Татарске (4,5), в районах Северном (2,0), Татарском (1,9), Купинском (1,8 процентных пункта). Жители этих местностей, в первую очередь мужчины, в наибольшей степени подвергались репрессиям в 1930–1938 гг.

В Куйбышеве с 1929 по 1939 г. численность женщин выросла на 2101 человека, или на 42,7 %. Мужчин больше стало на 361 человека, или на 6,3 %. В результате 85,3 % всего прироста населения города обеспечивалось увеличением числа женщин¹. В Барабинске доля мужчин выросла на 0,3 процентных пункта, что можно объяснить притоком мужчин на промышленное производство и железную дорогу, а также большей величиной приписки к итогам переписи у мужчин в 1939 г. Заметим, что это увеличение не превышает величины статистической погрешности.

Демографические потери от репрессий 1937–1938 гг., их влияние на итоги переписи 1939 г.

Анализируя демографическую ситуацию 1930-х гг., необходимо рассмотреть репрессии тех лет. Косвенно о масштабах их влияния на динамику численности населения и уровень его смертности можно судить по сведениям о реабилитированных по некоторым районам Барабы. В нашем распоряжении имеются далеко не полные данные о репрессиях по Куйбышевскому, Кыштовскому, Северному районам и г. Куйбышеву².

В поименном мартирологе по Северному району перечислено 339 фамилий репрессированных. Из них 337 были расстреляны в Куйбышеве в 1937–1938 гг.

¹ Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева... С. 69.

² Помнить их поименно: списки репрессированных // От Каинска до Колымы. Тема политических репрессий 20–50-х гг. XX в. в воспоминаниях и документах. Куйбышев: Дом-музей В. В. Куйбышева, 2002. С. 96–140.

По половому составу это 331 (98,2 %) мужчина и 6 женщин (1,8 %). В 1937 г. были расстреляны 213 мужчин и 4 женщины, т. е. 64,4 %. В 1938 г., соответственно, 118 и 2 (36,6 %). Эти данные подтверждают мнение о массовых репрессиях преимущественно именно в 1937 г. В материалах, дошедших до нашего времени и опубликованных в последние годы, эти выводы иллюстрируются конкретными фактами. Так, в Северном районе была якобы «вскрыта шпионско-диверсионная группа», деятельность которой была пресечена крайне жестокими средствами¹. При этом район был самым отсталым в социально-экономическом отношении даже по меркам Барабы.

Соотнесем эти цифры из мартиролога с численностью населения Северного района по переписи 1939 г. По предварительным данным переписи, здесь проживало 21 137 человек². Получается, что в 1937 г. было убито и затем реабилитировано, в расчете на каждую 1000 жителей, 10,3, а в 1938 г. – 5,7 человек. По окончательным итогам переписи (в несколько измененных границах уже в 1939 г.) в данном районе насчитывалось 20 352 жителя³. Реабилитация же относится к границам после изменений территории района, и показатели соответственно возрастают до 10,5 и 5,8 ‰.

Такие данные свидетельствуют о том, что недоучет смертности в статистике тех лет связан не с плохой работой загсов, а с репрессиями, жертвы которых в общегражданскую регистрацию не попали. Кроме того, увеличение половой диспропорции в составе населения также связано с массовыми репрессиями. При уничтожении в Северном районе за два года 1,6 % населения, в основном мужского, диспропорция полов могла усилиться или сложиться только из-за этого фактора.

Данные по Куйбышеву и Куйбышевскому району подтверждают, что репрессиям подвергались в основном мужчины. В мартирологе (далеко не полном) фамилии 203 человек, в том числе 201 мужчины и 2 женщин. В 1937 г. был расстрелян 61 человек, в 1938 г. – 91. Погибли в другое время или были освобождены при жизни 48 человек. По этим данным в Куйбышевском районе в 1937 г. погибли от репрессий 1,2 ‰ и в 1938 г. 1,8 ‰ населения. Данные далеко не полны и касаются только реабилитированных в официальном порядке,

¹ Письмо второго секретаря Северного райкома партии секретарю Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе о «вскрытии в районе шпионско-диверсионной группы» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: докум. и материалы. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5, кн. 1. С. 396–399.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 351. Л. 17.

³ Там же. Д. 607. Л. 50.

выявленных работниками музеев. Все приведенные в мартирологе 18 жителей Кыштовского района были мужчинами и погибли в Куйбышеве в 1938 г.

В 1937 г. в Куйбышеве наиболее массовые аресты происходили в ночь с 3 на 4 июля. Число арестованных было так велико, что они не помещались в четырех зданиях районного отдела НКВД и содержались под открытым небом¹. По воспоминаниям куйбышевских старожилов, арестованных избивали и выводили группами и поодиночке к местам расстрелов, особенно измученных вывозили плохо прикрытыми на телегах. Местами расправ стали Старое городское кладбище, Савкина грива² (район нынешних Барабинской ТЭЦ и химзавода, во время строительства и расширения которых неоднократно находили массовые захоронения), районы очистных сооружений и поселка Энергетик³. В 1974 г. во время строительства пристройки к зданию районного отдела внутренних дел были обнаружены замурованные в подвале трупы в одеждах 30-х гг. Они были погружены на четыре или пять грузовых машин и увезены за город⁴.

Савелий Яковлевич Труш, который лично производил аресты и допросы, участвовал в казнях, оставил нам свои воспоминания⁵. Особенно преуспел Труш в массовых расстрелах 1933 г.⁶ Документально доказано: работники оперативного сектора НКВД Куйбышевского района в 1937–1938 гг. расстреляли и удушили 2000 жителей Куйбышевского и соседних районов Барабы⁷.

Поименный список репрессированных и в дальнейшем реабилитированных свидетельствует, что маховик террора сильно ударил не только по русскому населению, но и по национальным меньшинствам. Например, поголовно было репрессировано мужское население пос. Корпушатского в Куйбышевском районе, где проживали латгальцы. Террору подвергались многие поляки, литовцы, евреи, что не могло не повлиять на количественное представительство этих народов в населении Барабы, отраженное в последующих переписях.

¹ Воспоминания Е. Ф. Кочергиной (1903–2000), жительницы г. Куйбышева // Личный архив А. А. Бурматова.

² Куликовский Г. С. Грива загадок // Трудовая жизнь. 1990. 3 февр.

³ Сведения Музейного комплекса г. Куйбышева.

⁴ Бурматов А. А. О чем молчала статистика: [личное свидетельство автора] // Трудовая жизнь. 1990. 28 марта.

⁵ Труш С. Я. Воспоминания [Рукопись]. Кн. 2 // Музейный комплекс г. Куйбышева. Науч. вспомогат. фонд. Ед. хр. 1477.

⁶ Тепляков А. Г. Машина террора: НКВД-ОГПУ Сибири в 1929–1941 гг. М.: Нов. хронограф, 2008. С. 71–72.

⁷ Там же. С. 54.

Репрессии проводились в основном с целью запугать население. Доказательства мнимой вины просто фабриковались. Нарком внутренних дел Н. И. Ежов провозглашал: «Лучше пострадают десять невинных, чем ускользнет один шпион», «в такой широкомасштабной операции ошибки неизбежны»¹.

Сохранилась справка начальника оперативного секретариата УНКВД А. Колчина об арестованных и осужденных тройкой при Западно-Сибирском УНКВД и приведенных в исполнение приговорах. Справка датирована 5 октября 1937 г. и отражает первый этап выполнения приказа по НКВД № 0447 «Об операции по репрессированию кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», согласно плану, утвержденному Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г. Эта операция началась в ночь на 5 августа 1937 г., в современной историографии она получила название «Большой террор». Согласно справке, в Куйбышевском районе тройкой НКВД подлежали осуждению по «лимиту» 350 кулаков первой категории (активные противники советской власти), 529 лиц второй категории. Всего 879 человек. Кроме того, был установлен лимит для уголовников: первой категории 100 человек, второй категории 303 человека, всего 403. Итого репрессиям должны были подвергнуться 1282 человека. Но планы стремились перевыполнять. Было расстреляно 366 «кулаков», 110 уголовников, 52 представителя прочих «социально опасных элементов». Всего высшая мера применена к 528 гражданам. Осуждены: к 10 годам лагерей – 91 кулак, 33 уголовника, 12 прочих; на 8 лет лагерей, соответственно, – 103, 33 и 12 человек; на 5 лет – 1, 12 и 4 человека. Кроме того, было сфабриковано дело о Российском общевоинском воинском союзе, который относили к фашистским антисоветским организациям. По этому делу было арестовано 480 человек, расстреляно 343 из них, осуждено на 10 лет 46 «членов союза», осуждено на 8 лет лагерей 8 человек и на 5 лет – 4 гражданина.

Итак, в период Большого террора 1937–1938 гг. репрессии коснулись 1256 жителей Куйбышевского района Новосибирской области. К высшей мере был приговорен 871 человек². Практика тех лет показывала, что приговор приводился в исполнение в ближайшую ночь. Это означало, что физически уничтожено было 1,63 % населения района, зафиксированного в переписи 1937 г.

Нужно понимать, что материалы советской статистики изучаемого периода не отражают смертность населения в ходе репрессий. Такие смерти учиты-

¹ *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 222.

² *Юнге М., Бордюков Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. М.: Нов. ронограф: АИРО-XXI, 2008. С. 10, 212.

вались репрессивными органами отдельно и неполно. О масштабах недоучета разговор пойдет в следующей главе монографии.

В такой обстановке перепись 1939 г. отразила перемены в составе населения, происшедшие с 1926 г.: результаты демографического развития в 1930-е гг. были плачевными. Перепись не подтвердила ожидаемые и провозглашенные с высоких трибун достижения социалистического строительства, поэтому ее материалы и не публиковались в полном объеме.

Перепись 1939 г. в Барабе показала сокращение за предыдущие 12 лет численности населения в сельской местности на 1,4 % и увеличение количества горожан в 2,8 раза (табл. 3.5). Общий прирост численности населения Барабы не превысил 8,5 %. Можно предположить, что в итогах, опубликованных в «Статистике Сибири», данные приведены в более поздних границах, с включением Муромцевского района и части Еланского района, которые в 1939 г. не входили в состав Усть-Таркского района. Пересчитаем население в границах 1939 г. и очистим данные переписи 1939 г. от приписки (минимально взятой по Куйбышеву в размере 0,61 %). Это заставит нас скорректировать индексы динамики численности населения (см. последнюю строку в табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Сравнение данных переписей 1926 и 1939 гг. в Барабе
в границах на момент проведения переписей***

Год	Всё население, чел.	В том числе		Индекс динамики населения, %		
		Городское	сельское	всего	городского	сельского
1926	503 371	27 134	476 237	100	100	100
1939	546 153	76 649	469 504	108,4	282,5	98,6
1939, коррекция	542 822	76 182	466 640	107,8	280,8	98

* Составлено и подсчитано: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 4, 8; Население Новосибирской обл.: (Итоги всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.). С. 11.

Скорректированный вариант расчета показывает весьма умеренный прирост населения Барабы в 1926–1939 гг. Он равнялся 7,8 % для всего населения и 180,8 % для городов (в границах переписи 1926 г., т. е. без поздних изменений городских границ). В сельской местности фиксируется сокращение на 2 %. Это вполне соответствует миграционным тенденциям межпереписного периода. Если учесть, что в сельской местности приписки были выше и существовал двойной счет, например, студентов, обучающихся в городах, то сокращение было выше. Кроме того, выяснено, что перепись населения 1926 г. недоучла примерно 1 % населения СССР. Косвенно недоучет подтверждают сибирские стати-

стики тех лет. Они изменили численность городского населения к началу 1927 г., хотя с критического момента проведения переписи прошло всего 14 дней.

Общая динамика численности населения в Барабе в 1926–1939 гг. по направлению вектора движения соответствует тенденциям, наблюдавшимся в стране. Сокращение количества сельских жителей составило: в РСФСР – 5,5 %, в Западной Сибири – 3,2, в Барабе – 2 %. Прирост численности городского населения составил: в РСФСР – 120,6 %, в Западной Сибири – 194,4 %, в Барабе – 180,8 %. Общий прирост численности барабинского населения (7,8 %) был в 2–2,5 раза ниже, чем по СССР (16 %), РСФСР (16,9) и Западной Сибири (20,1 %) ¹, хотя показатели естественного движения населения были благоприятней, чем в других местностях. Это говорит о повышенном миграционном оттоке из региона.

Не имея почти никаких данных о миграции, мы не можем с точностью говорить о масштабе исхода жителей из Барабы в 30-е гг. Очевидно, что он сопоставим со всем естественным приростом населения Барабы за эти годы, а с учетом вселений в 1927–1930 гг. и хозяйственных переселений 1937–1938 гг. значительно превышает его. Для Барабы мы оценивали предварительно сверхсмертность в годы коллективизации и голода для 1930 г. примерно в 10 %, 1931 г. – в 15, 1932 г. – в 35–40, 1933 г. – в 50–55 % по отношению к относительно благополучным годам нэпа ².

Возрастная структура населения по переписи 1939 г.

Обратимся к возрастной структуре населения по данным переписи населения 1939 г. В нашем распоряжении данные на сей счет имеются только по всей Новосибирской области в целом. В контексте темы монографии наиболее интересны данные о численности детей, родившихся в годы нэпа и позже вплоть до момента переписи. Эта категория населения была рождена в 1924–1938 гг. и имела во время переписи возраст от 0 до 14 лет (табл. 3.6).

¹ Население СССР, 1973: стат. сб. М.: Статистика, 1975. С. 14, 16; Население России, 1999: Седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. М.: Кн. дом «Университет», 2000. С. 20; Население России в XX в. / отв. ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 1991. Т. 1. С. 156; *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 30-е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 48.

² *Бурматов А. А.* Динамика населения Барабы в 1926–1939 гг. // *Пишем времена и случаи.* Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 39.

**Количество лиц в возрасте 0–14 лет в Новосибирской обл.
по итогам переписи населения 1939 г.***

Возраст, лет	Год рождения	Кол-во лиц, чел.	Доля в населении, %	Индекс динамики, %	Индекс к 1932 г. рождения, %
0	1938	68 133	3,7	–	173,2
1	1937	59 477	3,2	87,3	151,2
2	1936	45 048	2,4	75,7	114,5
3	1935	41 453	2,2	92	105,4
4	1934	45 288	2,4	109,5	115,1
0–4	1934–1938	259 399	13,9	–	–
5	1933	39 880	2,1	88,1	101,4
6	1932	39 331	2,1	98,6	100
7	1931	46 215	2,5	117,5	117,5
8	1930	50 972	2,7	110,3	129,6
9	1929	49 773	2,7	97,6	126,5
5–9	1929–1933	226 171	12,1	–	–
10	1928	56 190	3	112,9	142,9
11	1927	54 146	2,9	96,4	137,7
12	1926	59 798	3,2	110,4	152
13	1925	52 479	2,8	87,8	133,4
14	1924	47 729	2,6	90,9	121,5
10–14	1924–1928	270 342	14,5	–	–

* Составлено и рассчитано по: Население Новосибирской обл.: (итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.). С. 18.

Из данных таблицы видно, что наименьшая численность приходится на возраст 6 лет, т. е. на лиц 1932 г. рождения. Это дети, родившиеся и прожившие первый год своей жизни в самый тяжелый период голода. Их родилось и выжило меньше, чем в любой другой возрастной когорте детей. Немногим от них по численности, всего на 1,4 %, отличается число лиц, родившихся в 1933 г. – тоже в голодное время. Эта величина почти не выходит за пределы статистической погрешности в 1 %. Дети, родившиеся в 1933 г., находились в момент переписи в возрасте 5 лет. Поэтому не исключено искажение их численности вследствие возрастной аккумуляции – включения в их когорту детей в возрасте 4 и 6 лет.

Число лиц, родившихся в 1932 и 1933 гг., меньше, чем количество родившихся в благополучный период нэпа и доживших до возраста 10 и более лет, в 1,3–1,5 раза. Даже число родившихся в 1924 г. – полуголодном, с самыми высокими за годы нэпа показателями младенческой смертности, численно

больше их на 22 %. Яма в возрастной пирамиде для поколения 1932–1933 гг. рождения будет просматриваться на протяжении всей их жизни.

При рассмотрении возрастной структуры населения, взятой по одногодичным возрастным когортам, можно увидеть еще один провал – в возрасте 3 лет (1935 г. рождения). Это последствие «миниголода» 1935–1936 гг., ознаменовавшегося подъемом смертности детей младших возрастов в 1935 и последующие годы от эпидемических заболеваний. Это же в равной степени относится к детям, родившимся в 1936 г., которых немногим меньше, чем родившихся в 1931 г. Последних численно больше всего на 3 %. При рождении разрыв был более существенным, ведь рожденные в 1931 г. прожили на пять лет дольше, пережили голод 1932–1933 гг. в возрасте 1–2 года, и потери среди них были значительными. Кроме того, на их численности сказался подъем эпидемических заболеваний середины и конца периода, так как летальность оставалась высокой, а после голодного младшего детства их организм еще не успел окрепнуть.

Дети, рожденные в 1926 г. (им было 12 лет), по численности равнялись числу рожденных в 1937 г. (они находились в возрасте 1 год). Для первых многолюдность поколения, несмотря на потери первых 12 лет жизни, связана с тем, что они появились на свет в период высокой рождаемости периода нэпа, когда к тому же снижалась младенческая смертность. Поколение 1937 г. рождения было относительно многолюдным вследствие запрещения аборт в 1936 г. Младенческая смертность у них несколько снизилась по сравнению с предшествующими годами. Население еще не успело адаптироваться к новым реалиям, сложившимся после запрета абортов, и поэтому самым многолюдной в детских возрастах является когорта 1938 г. рождения. Ее представители еще только появились на свет, не дожили до первого своего дня рождения. Младенческая смертность не успела полностью собрать дань с этой когорты.

Малочисленность лиц, родившихся в 1929–1933 гг. и имеющих в 1939 г. возраст 5–9 лет, сохраняется и на фоне пятилетних возрастных групп. Таких лиц насчитывалось в Новосибирской области 226,2 тыс. человек, или 12,1 % всего населения. В то же время в возрасте 0–4 года находилось 259,4 тыс. человек, или 13,9 % населения. В возрастной группе 10–14 лет переписью учтено 270,3 тыс. человек, или 14,5 % жителей области. Доля в населении детей 10–14 лет была больше, чем у всех других пятилетних возрастных групп, не только у детских. Когорта детей, родившихся в период нэпа, – самая многочисленная, несмотря на включение в нее относительно малолюдной группы 1924 г. рождения.

В целом возрастная структура населения области в 1939 г. сохраняла характерную для традиционного типа воспроизводства молодую возрастную структуру. Доля детей до 14 лет во всем населении достигала 40,5 %. В то же время в возрасте 50–59 лет находилось только 5,5 % жителей области. А доля лиц, перешагнувших возрастной рубеж в 60 лет, составила 6,8 %¹.

Механический прирост населения в 1939–1940 гг.

В 1939 и особенно в 1940 г. для Барабы были характерны значительные вселения людей извне. Новых жителей именовали «хозпереселенцами». Иммиграция носила плановый характер и была вызвана постановлениями о развитии животноводства в Барабинской степи. Решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 20 апреля 1940 г. «О мероприятиях по подъему зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР» имело специальный раздел, который предписывал Барабе 17-кратное увеличение площадей под кормовые культуры. Новосибирская область, образованная в сентябре 1937 г., должна была стать третьей среди республик и областей страны по производству продукции животноводства – после Украины и Белоруссии².

В 1939 г. из Чувашии в Барабу прибыло 68 семей переселенцев³. Для 1940 г. характерны ускоренные темпы прибытия плановых переселенцев в область⁴. В 1940 г. 27 мая правительством было принято решение о вселении в сельскую местность области из европейских районов страны 20 тыс. хозяйств⁵. В Кыштовский район в первом квартале этого года было вселено 69 семей. Обратного возвратились две семьи, так как для переселенцев не хватило жилья⁶. Вселения происходили во все районы Барабы. Наблюдалось и обратное передвижение части мигрантов, не удовлетворенных условиями жизни на новых местах.

Итоги переписи населения 1939 г., несмотря на все их недостатки, являются важной точкой отсчета для исследования динамики народонаселения в нашей стране и, в частности, в сибирских субрегионах. Численность населения Новосибирской области в ее современных границах чаще всего по итогам

¹ Рассчитано по: Население Новосибирской обл.: (итоги Всесоюзной переписи населения на 15 янв. 1959 г.). С. 18–20.

² *Безрядин Н. В.* К 100-летию начала освоения Барабинской низменности // Страницы истории Новосибирской обл.: люди, события, культура: Первая Обл. науч.-практ. конф. краеведов. М.: ИСПИ РАН, 1995. Ч. 1. С. 8.

³ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 83. Л. 75.

⁶ Там же. Л. 77.

переписи оценивают в 1861,7 тыс. человек. Доля сельских жителей составляла, по данным переписи, 68,8 %, а в 1940 г. – 67,4 %. Стоит отметить быстрый рост числа жителей Новосибирской области в 1939 г.: количество горожан увеличилось на 10,2 % (с 582,4 тыс. до 641,9 тыс. человек), а жителей села – на 3,5 % (с 1279,3 тыс. до 1324,2 тыс. душ)¹. Общее увеличение населения существенно превышает естественный прирост как у городского, так и у сельского населения. Это свидетельствует о значительном миграционном притоке не только в города, но и в сельскую местность. К 1940 г. количество жителей области достигло 1966,1 тыс. человек, т. е. стало на 104,4 тыс. больше, чем в 1939 г. Этот факт соответствует установке партии в годы третьей пятилетки, которая предполагала ускоренное развитие восточных районов страны.

¹ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1959. С. 3; Здравоохранение в Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1970. С. 9.

ГЛАВА 4.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ В 1925–1940 гг.

В период Первой мировой войны, революционных потрясений 1917 г., Гражданской войны и осуществления политики «военного коммунизма» в России разразилась демографическая катастрофа: резко сократились брачность и рождаемость, увеличилась смертность, распались брачные союзы и семейные ячейки... И только в годы нэпа, в ходе восстановления народного хозяйства и социального порядка в СССР произошло улучшение показателей воспроизводства населения. В 1923–1929 гг. в стране действовала тенденция подъема рождаемости. В Западной Сибири показатели рождаемости и естественного прироста населения в это время превосходили средние по стране. Повсеместно наблюдалась компенсаторная волна, связанная с реализацией рождений, не осуществленных в предшествующие годы политических потрясений. В Западной Сибири эту тенденцию дополнительно поддерживали другие факторы: высокая доля сельского населения¹, миграционный приток (среди мигрантов преобладали молодые), отсутствие в большинстве семей регулирования деторождения. Экономической предпосылкой слабо ограниченной рождаемости являлось то обстоятельство, что в доколхозный период после появления ребенка семье «прирезали» землю, так как распределение земельного фонда шло по

¹ Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск: СО РАН, 1997. С. 70.

числу едоков. В мелкотоварном хозяйстве труд ребенка используется рано, затраты на воспроизводство рабочей силы окупаются довольно быстро.

Порядок и качество учета демографических событий.

Основным источником для конкретно-исторического изучения естественного движения населения в СССР являлись, как известно, материалы текущего статистического учета. Качество статистического учета демографических событий во второй половине 20-х – 30-х гг. в целом по стране можно считать удовлетворительным, но за Уралом оно уступало общероссийскому уровню. Сибирь была охвачена статистическим учетом лучше, чем Казахстан и Киргизия, входившие тогда в РСФСР, тем не менее, качество учета не было должным и здесь. В полной мере относится это и к Барабе. В 1926 г. ЦСУ РСФСР вносило поправки на недоучет естественного движения населения в азиатской части республики (включая территорию, не охваченную регистрацией демографических событий) в размере 63,8 % по числу умерших и 66,7 % по числу родившихся¹. В указанном году сведения о регистрации не предоставили шесть районов Барабинского округа: Биазинский, Казанский, Спасский, Татарский, Чановский и Юдинский (Чистоозёрный)². В то же время, судя по материалам ГАНУ, в первом полугодии регистрация не производилась только в Казанском районе. В остальных регионах органы ЗАГС собирали сведения о рождаемости и смертности и передавали в статистическую службу³. Неполная регистрация или отсутствие отчетов о ее результатах наблюдались даже в городах. Барабинск (самый крупный в то время город округа) не имел регистрации в органах ЗАГС с июля по декабрь 1926 г.⁴, хотя в первом полугодии сведения были собраны⁵.

В статистических сводках по Сибири специально оговаривалось, что в 1925–1927 гг. в Барабинском округе данные учета неполные, так как не включены в итог материалы по Биазинскому, Казанскому, Спасскому, Татарскому, Чановскому и Юдинскому районам, целостные сведения по которым собрать не удалось. Согласно этим публикациям, в округе родилось в 1925 г. 21 285 человек, в 1926 г. – 19 551, в 1927 г. – 17 636. На каждую тысячу жителей приходи-

¹ *Песчанский В.* Основные показатели естественного движения населения РСФСР // Статистика и народное хозяйство. М.: ЦСУ РСФСР, 1928. Вып. 1. С. 14.

² Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 38–39.

³ ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 12. Л. 15 – 15 об.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 43 – 43 об.

⁵ Там же. Д. 12. Л. 15.

лось, соответственно, 46,5; 41,6 и 56,9 родившихся. Число умерших было следующим: в 1925 г. – 11 216, в 1926 г. – 8187, в 1927 г. – 7802 человека, или 24,5 %, 17,4 и 25,2 %, соответственно¹. Расчеты относятся к территориям, охваченным регистрацией. По территориям, где таковая не производилась или была неполной, общие коэффициенты рождаемости и смертности вряд ли значительно отличались.

Законодательно были установлены следующие сроки регистрации демографических событий в отделах ЗАГС: для рождений – двухнедельный срок (губернским, краевым и областным загсам предоставлялось право удлинять для отдельных местностей этот срок до шести недель), для регистрации смертей – трехдневный срок². С 1925 г. в СССР была установлена обязательная врачебная регистрация причин смерти в городах и поселениях городского типа, а также в значительном числе сел. Во всех этих местностях смерть регистрировали в загсах только на основании «Врачебного свидетельства о смерти». Выдавали такие свидетельства врачи, лечившие больных перед смертью. Если человек умер внезапно и медик не видел умершего перед смертью, то свидетельство должен был выдать врач, производивший осмотр трупа или вскрытие. Если имелись основания подозревать, что смерть последовала в результате насилия, то обязательным считалось вскрытие трупа судебно-медицинским экспертом, который выдавал «Врачебное свидетельство о смерти» на основании результатов вскрытия³.

Однако на практике такой порядок утвердился не сразу – не хватало квалифицированных медицинских кадров, осмотр часто производился формально. Этим объясняется значительная доля умерших с зарегистрированной причиной летального исхода «старость» или «дряхлость». При этом амплитуда колебания возраста наступления старости велика, достигая нижней границы чуть старше 50 лет. Материалы учета смертности грешили и другими ошибками. В них часто неправильно указывали не только причины смерти, но и возраст, и даже пол умершего⁴. Исследователь периода нэпа Н. Гонсович так писал о качестве заполнения учетных карточек загсов: «Диагноз большей частью ставится на ос-

¹ Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. С. 38–39.

² Уипль Дж., Новосельский С. А. Основы демографической и санитарной статистики. М.: Госмедиздат, 1929. С. 278, 284.

³ Мерков А. М. Демографическая статистика (статистика населения): краткое пособие для врачей. М.: Медгиз, 1959. С. 66–67.

⁴ Исупов В. А. Смертность и продолжительность жизни населения Сибирского края (1925–1930 гг.): неудавшаяся попытка модернизации // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск: ИИ СО РАН: Параллель, 2010. Вып. 1. С. 110.

новании наблюдения родственников или даже самого регистратора из ЗАГСа. Для нас не редкость читать самые невероятные с медицинской точки зрения диагнозы: “умер от пяток”, “от ноги”, “от жару”, “от кашля в легких”»¹. Данные, приводимые в цитате, относятся к начальному периоду нэпа, но ситуация почти не изменилась к концу 20-х гг. Сельсоветские материалы Куйбышевского районного загса содержат аналогичные записи. К сожалению, материалы по Каинску о регистрации смертей за 1926–1935 гг. не сохранились. Они были изъяты в ходе проверок качества работы загсов в середине 30-х гг.

Высокая рождаемость в 1926–1929 гг.

В период 1926–1929 гг. в сельском населении округа сохранялась традиционно высокая репродуктивная активность. Рождаемость составляла в эти годы 53–58 человек на 1000 жителей. В 1928–1929 гг. ее уровень возрос по отношению к 1927 г. примерно на 10 %. В некоторой степени это связано с улучшением качества учета. Число родившихся увеличилось также вследствие молодой возрастной структуры населения и значительного миграционного притока в округ. Хлебозаготовительный кризис 1926–1927 гг. понизил уровень рождаемости в 1927 г., но в следующем году его последствия уже не ощущались. На 100 женщин фертильного возраста 15–49 лет в округе в 1926 г. приходилось 67,3 % замужних². Ранний возраст вступления в брак и высокий уровень брачности населения способствовали высоким показателям рождаемости.

Статистики отметили любопытный факт завышения числа родившихся у русского населения Сибири. Это явление объясняли тем, что «народности, живущие не в местах основной оседлости, регистрируют детей не по своей народности»³. Поэтому у них фиксируются очень низкие показатели рождаемости. Так, в 1926 г. на территории Украинской ССР среди украинцев было зарегистрировано 43,7 рождений на 1000 жителей. В Барабинском же округе рождаемость у украинцев составила всего 19 ‰. У белорусов в Белоруссии общий коэффициент рождаемости равнялся 42,9 ‰, а в Барабинском округе – только 5,4 ‰. Это свидетельствовало о далеко зашедших в округе ассимиляционных процессах.

Любопытно, что замужних женщин в возрасте 15–49 лет у украинцев было 70,2 %, т. е. больше, чем во всей совокупности населения округа, у Белору-

¹ Цит. по: Дробижев В. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987. С. 44.

² Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. С. 11.

³ Там же. С. 10.

сов уровень брачности был также выше, чем у русского населения¹. Отчасти это может быть вызвано национальными традициями: у белорусок и украинок возраст выхода замуж был немного меньшим, чем у русских девушек. В то же время статистики тех лет считали, что в среде представителей этих двух национальностей происходит недоучет рождений². Впрочем, такой недоучет был универсальным явлением. Сведения о естественном движении населения подавались не в полном объеме, позже требуемых сроков и грешили пропусками. Этот факт просматривается и по архивным материалам³.

Рассмотрим естественное движение населения в городах Каинского (Барабинского) округа (табл. 4.1). В ходе переписи 1926 г. в городах Барабы было учтено наличного населения больше, чем постоянного. В Барабинске постоянного населения было меньше, чем наличного, на 93 человека (0,9 % от общей численности), в Татарске – на 791 (8,4 %), в Каинске – на 1143 человека (15 %)⁴ (табл. 4.2). Поэтому показатели естественного движения, рассчитанные на наличное население (они приведены в табл. 4.1) и постоянное, будут существенно отличаться. Это особенно относится к Каинску, где разрыв был наиболее ярко выражен. Если рассматривать показатели для наличного населения, то Каинск показывает невысокие по меркам тех лет показатели рождаемости и естественного прироста, которые свидетельствуют о регулировании рождаемости значительной частью здешних городских семей.

Таблица 4.1

**Естественное движение наличного населения в городах Барабы
в 1927–1929 гг.***

Показатель	Кол-во родившихся			Кол-во умерших			Естественный прирост		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
<i>I</i>	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Каинск									
Абс., чел.	275	356	368	201	246	248	74	110	120
‰	33,4	37,5	33,8	24,4	25,9	22,8	9	11,6	11
Барабинск									
Абс., чел.	624	659	696	272	230	264	352	429	432
‰	57,7	52,4	48,9	25,2	18,3	18,5	32,5	34,1	30,3

¹ Там же. С. 10–13.

² Там же. С. 12.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 12. Л. 15 – 15 об.; Д. 13. Л. 43 – 43 об.

⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. С. 8.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Татарск									
Абс., чел.	460	435	520	165	199	156	295	236	364
‰	46,7	41,8	45,9	16,7	19,1	13,8	29,9	22,7	32,1
Во всех городах									
Абс., чел.	1359	1450	1584	638	675	668	721	775	916
‰	47	44,6	43,5	22,1	20,8	18,3	24,9	23,9	25,1

* Составлено и рассчитано по: Сибирский край: стат. справ. Новосибирск: Сибкрайстат, 1930. С. 4–5.

Этого не скажешь о Барабинске, показатели рождаемости и естественного прироста населения в котором были очень высокими. Количества наличного населения отличалось от постоянного здесь менее чем на 1 %, что не превышает пределов естественной статистической погрешности. Поэтому произведенный перерасчет показателей естественного движения только подтверждает высказанное выше положение. Показатели рождаемости в постоянном населении Барабинска составляли: в 1927 г. – 57,7, в 1928 г. – 52,9, в 1929 г. – 49,9 ‰. Видно, что по сравнению с данными, приведенными в таблице 4.1, расхождение составляет всего 0,5 ‰ для 1928 г. и 1 ‰ для 1929 г.

Таблица 4.2

**Численность постоянного населения городов Барабы
на начало года, чел.***

Город	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Каинск	6499	7696	8930	10 469
Барабинск	9828	11 801	13 096	14 825
Татарск	8920	9215	10 041	11 044
Итого:	25 247	28 722	32 067	36 338

* Рассчитано по: Сибирский край: стат. справ. С. 4–5; Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 8.

В Татарске, где разница между наличным и постоянным населением составляла 8,4 %, показатели рождаемости, рассчитанные на наличное население, говорят о начале регулирования деторождения семьями. Если рассчитать показатели на постоянное население, то они составят в 1927 г. – 50,7 ‰, в 1928 г. – 44, в 1929 г. – 46,6 ‰. Это говорит о том, что процессы регулирования рождаемости в Татарске еще не приняли сколько-нибудь значимого масштаба. Некоторое снижение рождаемости в 1928 г., возможно, связано с принятием в 1926 г. нового Кодекса РСФСР о семье, который запрещал прерывание гестации у первобеременных и женщин, сделавших аборт менее полугодом

назад¹. Это могло повысить рождаемость в 1927 г., но к 1928 г. население адаптировалось к новому закону.

Криминальные аборты, нередко заканчивавшиеся смертью роженицы, становились в середине 20-х гг. серьезным бичом советского общества. Появились стишки: «После повитух быстро испустишь дух». Врачи забили тревогу, провели анкетирование распространения аборта в деревне. Официально Наркомат здравоохранения констатировал на основании ответов, полученных от половины врачебных участков: «До сих пор наша политика по отношению к деревне заключалась в том, что мы как бы “не пускали” аборт в деревню... всё равно крестьянка ищет своих путей и находит их у бабок... Больницы вынуждены были принять 66 тысяч загрязненных больных... потеряли свыше 3000 женщин»². IV Съезд врачей в 1926 г. уделил большое внимание борьбе с абортами. В основном докладе говорилось: «Вести линию на полное запрещение абортов в частной практике. В дополнение к имеющимся бесплатным койкам встать на путь разрешения платных коек для абортов в городах... Средства, полученные от эксплуатации этих абортных коек, направлять в специальный фонд ОММ³ и тратить их исключительно на борьбу с абортами, исключив мотив получения прибыли»⁴.

Рассмотрим ситуацию с рождаемостью в Каинске. Сделанный нами расчет постоянного населения Каинска (см. табл. 4.2) подтверждается данными, приведенными в «Сибирской Советской энциклопедии», где указано, что население Каинска в 1929 г. составило 10 468 человек⁵. Это число отличается от результата наших расчетов всего на одного человека. Данные в энциклопедии приведены на конец года, хотя об этом не сообщается. Общие коэффициенты рождаемости, рассчитанные на постоянное население, будут следующими: 1927 г. – 38,7 ‰, 1928 г. – 42,7, 1929 г. – 37,8 ‰. Эти пониженные, по сравнению с соседними городами Барабы, показатели говорят о том, что в 1927–1929 гг. внутрисемейное регулирование прокреации началось сказываться на уровне

¹ *Лебина Н.* «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...»: абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2007. С. 232.

² *Лебедева В.* Предисловие // Генс А. Б. Аборт в деревне. М.: НКЗ «Охрана материнства и младенчества», 1926. С. 5.

³ Охрана материнства и младенчества.

⁴ *Конюс Э. М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940). М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. С. 214–215.

⁵ *Горнунг В.* Каинск // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: СО ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 452.

рождаемости только в Каинске, где было больше интеллигенции и торговцев. Сказывался также и национальный состав населения города. У многочисленных каинских еврейской и польско-литовской диаспор процессы модернизации в сфере семейных отношений начались раньше, развивались быстрее и находились уже на качественно другом уровне, чем у окружающего населения.

Этот факт еще более проявляется, если обратиться к данным регистрации рождаемости в загсах. Судя по этим данным, в 1926 г. в Каинске родилось 379 человек, в 1927 г. – 368, в 1928 г. – 333, в 1929 г. – 416 человек¹. В комментарии к справке, составленной заведующей ОЗАГС г. Куйбышева Г. В. Кархардиной, говорится: «Зарегистрировано рождение детей не только жителей г. Каинска (затем г. Куйбышева), но и жителей деревень и сел уезда (затем района), а также иногородних жителей»². Разница с данными статистики достигает 10–15 %. Частично отличие можно объяснить методикой сбора информации органами ЗАГС. Отдел приписывает события к моменту совершения регистрации (в загсомесяцах), а в статистике они приурочиваются к тому времени, когда реально происходили. В исследовательской практике те и другие данные сопоставимы. Данные отделов ЗАГС подтверждают ранее сделанные нами выводы о начавшемся снижении рождаемости у жителей Каинска во второй половине 20-х гг.

Снижение смертности в 1926–1929 гг.

Высокая рождаемость сочеталась со снижением смертности населения. В 1926 г. в городах Западной Сибири общий коэффициент смертности (количество умерших на каждую тысячу человек в населении) составил 24,5 ‰, в 1927 г. – 23,3, в 1928 г. – 21, в 1929 г. – 22 ‰. У сельского населения соответствующие показатели равнялись 25,9; 25,4; 22 и 23 ‰³. В селах смертность была выше вследствие более высокой рождаемости (была высокой младенческая смертность), худшего медицинского обслуживания и более низкого уровня грамотности, который коррелировал с низким уровнем санитарно-гигиени-

¹ ОЗАГС Администрации г. Куйбышева Новосибирской обл. Текущий архив.

² Справка заведующей отделом ЗАГС Администрации г. Куйбышева Г. В. Кархардиной // Личный архив А. А. Бурматова.

³ Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. С. 4; *Слуцкий А.* Предварительные итоги естественного движения в Сибкрае за 1928–1929 гг. // Статистика Сибири: сб. ст. и материалов. Новосибирск: Сибкрайплан, 1930. Вып. 2. С. 137.

ческой культуры населения. Вывод о важном влиянии грамотности на смертность в России был сделан еще в годы нэпа¹.

Смертность населения Барабинского округа в 1927–1929 гг. находилась на высоком уровне – 21–22 ‰ (табл. 4.3). Некоторое ее повышение в 1928 г., а также увеличение в этом году показателей рождаемости и смертности детей в возрасте до года могут свидетельствовать о недоучете демографических событий в 1927 г.² Младенцы составляли значительную долю в числе умерших. В 1927 г. число не доживших до года составило 46,7 %, а в 1928 г. – 60,4 % от всех скончавшихся в барабинской деревне. Если сопоставить количество умерших младенцев с общей численностью барабинцев, то «вклад» этой возрастной группы в общий коэффициент смертности в 1927 г. составит 10,1 ‰, в 1928 г. – 13,5 ‰. В 1929 г. общая смертность снизилась вследствие сокращения количества умерших младенцев.

Таблица 4.3

**Естественное движение населения в границах Барабинского округа
в 1927–1939 гг., ‰***

Год	Рождаемость			Общая смертность			Младенческая смертность**		
	всё население	город	село	всё население	город	село	всё население	город	село
1927	52,3	44,3	52,8	21,6	20,8	21,6	196,7	296	191
1928	57,7	42,1	58,6	22,1	19,6	22,3	229,8	226	230
1929	57,1	42,2	57,4	19,8	17,8	21,1
1932	43,5	51	43	24	35,7	23,2	202,2	187,3	203,4
1933а	36,5	31,1	36,5	20,1	28,1	19,3	155,2	172,1	154,1
1933б	36,9	33,8	36,9	...	36,7	19,4	154,4	178,5	153
1933в	...	33,8	36,7
1934а	39,7	41,9	39,6	18	27,5	17,1	142,2	176,7	140,1
1934в	...	41,9	27,5
1935	41,2	40,7	41,3	20,3	22,7	20,1	164,2	195,7	160,6
1936	43,7	41,1	44	23,3	26,6	22,9	213	252,5	209,1
1937	43	53,7	41,5	24,8	23,4	25	210,5	184,8	214,4
1938	42,7	48,7	41,9	21	22,7	20,7	193,2	173,7	190,4
1939	46,1	45,6	46,1	20	19,6	20	194,9	174,5	198,3

* Рассчитано по: Статистика Сибири. Вып. 2. С. 139–140; Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. С. 53; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–4; Д. 33. Л. 35; Д. 42. Л. 2 – 3 об.,

¹ Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 73.

² Статистика в Сибири. Вып. 1. С. 139–140; Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. С. 53.

7 – 12 об.; Д. 55. Л. 1 – 2 об., 9 – 12 об.; Д. 72. Л. 1; Д. 73. Л. 5 – 6 об.; Д. 101. Л. 3 – 3 об., 5 – 6 об.; Д. 102. Л. 33 – 39 об.; Д. 272. Л. 29 – 31 об.; Д. 351. Л. 16 – 18 об. 1933а, 1934а – данные по тем территориям, где проводилась регистрация (постоянное население, без респондентов). 1933б – данные регистрации с включением иногородних респондентов. 1933в., 1934в – данные с произведенной нами поправкой на неохваченные учетом территории, включены данные по респондентам на территории, где проводилась регистрация.

** Рассчитано по формуле Ратса для регионов с высокой младенческой смертностью с весами родившихся 1/3 и 2/3.

Для сравнения скажем, что коэффициент младенческой смертности у населения СССР, взятого в целом, составлял в 1926 г. 174 ‰, в 1927 г. – 193,4, в 1928 г. – 182,5 ‰¹. В европейской части РСФСР смертность детей до года составляла в 1925 г. – 229 ‰, в 1926 г. – 193, в 1927 г. – 217 ‰. В Украинской республике, соответственно, – 146; 141; 148 ‰². На Русском Севере у младенцев на первый месяц жизни приходилось смертных случаев в два с лишним раза больше, чем в среднем за месяц на первом году жизни³. Уровень того же высокого порядка и сходные колебания смертности наблюдались и в целом по РСФСР. Справедливости ради отметим, что во второй половине 20-х гг. отмечается значительное снижение младенческой смертности по сравнению с дореволюционными годами. В 1913 г. в Российской империи она составляла 268,6 ‰⁴. С 1909 по 1926 г. сокращение ее уровня составило 25 %⁵.

Статистическое наблюдение показывает, что чаще всего показатели младенческой смертности у детей мужского пола были выше, чем у женского. Исследователи отмечают: «Как общее правило, во все годы наблюдается более высокая смертность мальчиков сравнительно с девочками. Правило это не имеет исключения во всех государствах... Приходится ввиду этого принять, что новорожденные мальчики повсюду появляются на свет более слабыми и менее жизнеспособными, чем девочки»⁶. Демограф В. Паевский добавлял: «Все причины смерти поражают сильнее детей мужского пола, чем женского... Одной из наиболее специфических неблагоприятных причин смерти мальчиков является врожденная слабость родившихся»⁷. Однако в 1928 г. в Каинске показате-

¹ Смертность детского населения России / ред.: А. А. Баранов, В. Ю. Альбицкий. М.: Литтерра, 2007. С. 73.

² Статистический справочник СССР, 1928 г. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. С. 75.

³ Синкевич Г. П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.: Госмедиздат, 1929. С. 64.

⁴ Воспроизводство населения СССР. С. 88.

⁵ Смертность детского населения России. С. 68, 73.

⁶ Куркин П. И. Смертность грудных детей: (стат. очерк) // Куркин П. И. Вопросы санитарной статистики. М.: Госстатиздат, 1961. С. 300–301.

⁷ Цит. по тому же источнику. С. 301.

ли смертности младенцев по полу не отличались, а в 1929 г. смертность младенцев-мальчиков была ниже, чем у младенцев-девочек, на 16,2 %. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о недоучете младенческой смертности, с другой – о большей важности в традиционной семье мужчины-наследника, будущего кормильца. Как правило, уход за мальчиками был лучше, чем за девочками.

Рассмотрим ситуацию со смертностью городского населения Барабы. По данным, рассчитанным на наличное население, показатели смертности здесь были относительно низкими. В 1927 г. умерло 22 человека на каждую тысячу жителей. Показатель варьировался от 17 ‰ в Татарске до 25 ‰ в Барабинске. Почти таким же, как в Барабинске, он был в Каинске. В 1928 г. значительное снижение смертности (на 27 %) отмечено в Барабинске. Одновременно в Татарске (на 14,4 %) и Каинске (на 6,1 %) регистрируется увеличение показателя. В Каинске смертность достигла уровня 26 человек на тысячу жителей. В целом у городского населения Барабинского округа смертность сократилась на 6 %. В 1929 г. снижение смертности в Барабинске было закреплено. Ее показатель стабилизировался на уровне 18 ‰. В Каинске смертность сократилась на 12 %. В Татарске снижение было еще более значительным. Оно составило 27,7 %. В целом 1929 г. показал общее уменьшение смертности городского населения на 12 %. Наиболее высокие показатели смертности в период 1927–1929 гг. отмечались в Каинске, а наименьшие – в Татарске. В последнем снижении смертности происходило быстрее.

Как и в сельской местности, в городах большую долю умерших составляли младенцы. В 1928 г. дети, скончавшиеся, не дожив до года, в Каинске составляли 25,5 % всех умерших, в 1929 г. – 31,3 %. В Барабинске, соответственно, – 46,7 и 46,8 %. В Татарске аналогичные показатели равнялись 35,3 и 33,3 %¹. Высокая смертность младенцев обуславливала и повышенную общую смертность населения.

Отмеченная выше позитивная тенденция снижения смертности развивалась, несмотря на неблагоприятные для нее условия. В городах Барабы была слабая сеть медицинских учреждений. В Каинске функционировало две больницы на 115 коек, один венерологический диспансер, амбулатория, родильный дом на 17 кроватей, консультация для беременных и детей с молочной кухней². Если учитывать, что они обслуживали еще и сельскую округу, то этого количества было явно недостаточно. Неудивительно, что младенческая смертность

¹ Рассчитано по: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 3–4.

² Горнунг В. Указ. соч. Стб. 453.

в Каинске в 1928 г. составляла 177 человек на тысячу родившихся (по 177 у обоих полов), в 1929 г. – 207 ‰ (у мальчиков – 192, у девочек – 223 ‰)¹.

В Барабинске ситуация с медицинским обслуживанием была еще хуже. Здесь имелись только одна больница и аптека². В 1928 г. младенческая смертность составила в Барабинске 162 ‰, у мальчиков – 175, у девочек – 150 ‰. В 1929 г. ситуация ухудшилась – смертность у детей в возрасте до года возросла до 204 ‰ (у мальчиков она составила – 218, у девочек – 188 ‰)³.

В Татарске были в наличии больница, амбулатория, аптека. Младенческая смертность в данном городе в 1928 г. равнялась 163 ‰, в том числе у мальчиков – 193 ‰, у девочек – 139 ‰. В 1929 г. было отмечено значительное снижение смертности детей на первом году жизни: для обоих полов она составила 100 ‰ (у мальчиков – 114, у девочек – 66 ‰)⁴. Это событие как раз и обеспечило снижение общей смертности в Татарске.

При пересчете смертности на постоянное население показатели в Каинске ухудшаются. Общие коэффициенты составляют в 1927 г. – 28,3 ‰; в 1928 г. – 29,5; в 1929 г. – 25,5 ‰. Примерно такой же уровень смертности был характерен для городов Западной Сибири накануне Первой мировой войны, в 1912–1914 гг.⁵ В динамике смертности прослеживаются колебания по годам, характерные для ситуации до начала демографического перехода. В Татарске показатели равнялись 18,2 ‰ в 1927 г., 20,7 в 1928 г. и 14,8 ‰ в 1929 г. В этом городе прослеживается тенденция снижения смертности, но данный факт в основном зависит от числа родившихся и умерших младенцев. В Барабинске показатели до и после пересчета почти не отличаются. Они составляли (в пересчете на постоянное население): в 1927 г. – 25,2 ‰, а в 1929 г. – только 18,9 ‰. Таким образом, тенденция снижения смертности в Барабинске уже закрепились. В этом городе в 1929 г. повысилась младенческая смертность, но это почти не отразилось на показателе общей смертности.

Отмечая относительно низкий уровень смертности в Барабинске и Татарске второй половины 20-х гг., необходимо оговориться, что численность населения в этих городах была невелика, а наблюдаемый период слишком короткий, чтобы делать категорические выводы. Не исключено, что это игра малых чисел. О возможности случайных колебаний показателей младенческой смер-

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 3.

² Барабинск // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: СО ОГИЗ, 1929. Т. 1. Стб. 223.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Зверев В. А. Динамика воспроизводства городского населения в регионах Азиатской России начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 7.

ности для районов с малой численностью жителей говорят многие исследователи. С целью нивелирования данного явления можно исчислять показатель за три года, увеличивая тем самым число наблюдений, а, следовательно, и повышая его достоверность. Этот прием пригоден лишь для ориентировочного анализа, ибо не дает надежных результатов из-за искажения тенденции, связанной с сущностью годовых показателей¹.

Есть основания сомневаться в полноте учета смертности в городах Барабы в 20-х гг. Качество статистического наблюдения было выше в Каинске с его многолетней традицией административного центра (с 1782 г.) Заметим, что часть смертей была зарегистрирована в религиозных общинах, и не факт, что она отразилась в документации органов ЗАГС. В Каинске регистрация в Спасском православном соборе и костеле продолжалась до 1930 г., а в церкви Рождества Иоанна Предтечи – до 1929 г. Барабинск и Татарск, расположенные на железной дороге, быстро увеличивали население в изучаемый период. Пришлое население имело относительно молодой возраст, поэтому в нем были выше показатели рождаемости и естественного прироста, пониженная общая смертность.

Представляет интерес распределение смертности по сезонам. Советские медики по данным специальных исследований середины 1920-х гг. так распределяли сезонную смертность младенцев: в летние месяцы уходило из жизни 46 % из них, в осенние – 20 %, на весенние и зимние приходилось по 17 %. Статистики заметили, что «общий ход детской смертности в течение года таков, что лишь три летних месяца – июнь, июль и август – она превышает среднюю смертность всего года; однако за эти месяцы она достигает колоссального подъема (1600–1800, принимая годовую среднюю за 1000)»². В летнее время повышалась и смертность детей младшего возраста до 3–5 лет. Из-за высокой рождаемости доля таковых в населении была значительной. Особенно много детских жизней уносила эпидемия желудочно-кишечных расстройств (по народной терминологии, «детская холера», «кровавый понос»), которая наступала в условиях жаркого и сухого лета³. Другими словами, колебания младенческой и общей смертности зависели от метеорологических факторов. Но также сказывалось ослабление присмотра за детьми со стороны старших в семье во время интенсивных полевых и огородных работ, опасность употребления летом детьми незрелых и невымытых овощей и ягод.

¹ Смертность детского населения России. С. 36.

² Куркин П. И. Указ. соч. С. 301.

³ Там же.

Сведения о сезонной смертности, оставленные статистиками Западной Сибири в 20-е гг., небогаты. На сводных статистических ведомостях встречаются пометы: «Разработка по отдельным месяцам не представлена»¹. Но в докладах медицинских работников заинтересовавший нас феномен получает четкую характеристику: «В жаркое летнее время среди детей грудного возраста отмечается значительное учащение желудочно-кишечных заболеваний... резко выраженная сезонность и массовость этого явления дает высокий процент летней смертности детей раннего возраста»². Воспроизводилась (возможно, в несколько более мягкой форме) ситуация, описанная одним из авторов настоящей монографии применительно к концу имперского периода. В Сибири в сезон летнего «разгула» смертности ее месячная доля могла в 1,5–2 раза превышать среднегодовой показатель, главным образом вследствие сверхвысокой смертности детей, не доживших до года³.

Сами крестьяне хорошо отреагировали повышение смертности детей летом, особенно в июле – августе. Так, жительница д. Ефремовка Верх-Ичинского (ныне Куйбышевского) района Елена (Алена) Яковлевна Клименок (белоруска по национальности, как и большинство жителей этого населенного пункта) сообщила А. А. Бурматову, одному из авторов монографии: «Як дрыстун (паслен горько-сладкий, ядовиты все части растения, цветет в середине июля – августе) зацвяте – мыт (изнуряющий понос) нападзе. Идзеш з поля – там скрынка (детский гробик), там». В селениях Западной Сибири бытовала такая примета: ребенка, благополучно пережившего первый в его жизни август, ожидает долгая жизнь.

Основными причинами смертности в крупных и промышленных городах Сибири в 1928–1929 гг. являлись инфекционные и паразитарные заболевания (более 25 % всех смертных случаев), болезни органов дыхания (16–17 %) и пищеварения (16 %). Относительно редкими были летальные последствия сердечно-сосудистых (8 %) и онкологических (5–6 %) недугов. Смертность от внешних причин составляла 5,2 % всех смертей, от старческой дряхлости – 3,2–3,5 %, от преждевременных родов и пороков развития новорожденных – 4,9–5,5 %⁴. Таким образом, структура причин смертности населения соответствовала началу эпидемиологического перехода.

¹ См., например: ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 513. Л. 15 об.

² ИАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 24. Л. 127а.

³ *Зверев В. А.* Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 108–109.

⁴ *Слуцкий А.* Причины смертности по городам Сибири // Статистика Сибири. Вып. 2. С. 64.

В небольших городах ситуация со смертностью была хуже. В них наличествовала тенденция к увеличению показателя в 1929 г. по отношению к 1928 г.¹ Повышенная смертность в значительной степени являлась «прежде всего, спутницей повышенной рождаемости, так как среди умерших значительная доля приходится на детские возрасты»². Уровень и условия жизни населения в 1929–1930 гг. в связи с началом сплошной коллективизации заметно ухудшились, что не могло не отразиться на смертности населения, а в 1930 г. и на рождаемости. Статистики говорят о плохом качестве представленных относительно 1930 г. демографических данных. Речь идет как о диагностике причин смертности, так и полноте ее учета³. В равной степени это относится и к полноте учета миграционного движения⁴.

Динамика заболеваемости и состояние системы здравоохранения.

Посмотрим, как статистика второй половины 20-х гг. характеризует распространение в Барабинском округе заразных и прочих заболеваний, влиявших на уровень смертности. В 1928 г. было зарегистрировано 289 случаев заболевания брюшным тифом, в том числе в Каинске – 27. Зафиксировано также случаев сыпного тифа – 7, возвратного тифа – 11, неопределенного тифа – 54, оспы натуральной – 12, кори – 986, в том числе в Каинске – 100, скарлатины – 424 (в Каинске – 29), коклюша – 1715 (81), дифтерии – 142 (19), дизентерии – 907 (292). Настоящим бичом заболоченной Барабы являлась малярия. Только учтенных случаев заболевания в 1928 г. было 3405 (из них в Каинске – 349). Страшными недугами являлись трахома – 6851 случай (304 из них в Каинске), туберкулез легких – 2688 (170), туберкулез прочих органов 7219 (22). Отмечено 1109 случаев гонореи (в Каинске – 1800), 811 заболеваний сифилисом (20). Отмечались заболевания менингитом – 8 случаев (в Каинске – 1), энцефалитом – 7, сибирской язвой – 10 (в Каинске – 7). Гриппом переболело 8355 человек, из них в Каинске – 365. Было зафиксировано 67 случаев укуса людей бешеными животными (из них в Каинске – 13), при этом бешенством заболело 2 человека⁵. Отметим, что при нехватке лекарств и медперсонала инфекционные заболевания по-

¹ Там же. С. 61.

² Там же.

³ Там же. С. 60–69.

⁴ *Слуцкий А.* К вопросу о постановке учета механического движения населения по горпоселениям // Статистика Сибири. Вып. 2. С. 106–108.

⁵ Там же. С. 778–783.

казывали высокую летальность. Например, из 100 заболевших оспой умирало 30–40 человек¹.

К концу 1928 г. стали сказываться первые негативные последствия натиска властей на крестьянство с целью коллективизации деревни. В Барабинском округе вследствие недостаточного питания определенной части населения за год было отмечено 285 случаев заболевания цингой, в том числе в декабре 46 случаев².

Несмотря на хорошо рассчитанные в 1928 г. таблицы заболеваемости и кажущуюся полноту отчетности, бросается в глаза повышенная доля Каинска в числе регистрируемых недугов. В этом городе проживало 1,5 % населения округа, но отмечено 10–40 % случаев заболеваемости. Такое соотношение свидетельствует о неполной регистрации заболеваемости в округе, на большей части территории которого врачебной и квалифицированной медицинской помощи не оказывалось, регистрации не проводилось.

Тем не менее, специалисты констатировали постоянное улучшение качества учета острозаразных заболеваний в Сибирском крае. Такой недуг, как брюшной тиф, в 1923 г. был зарегистрирован у 11 822 человек, в 1926 г. – у 10 879, в 1927 г. – у 12 967, в 1928 г. – у 11 719. При этом число зафиксированных заболеваний в городах снижалось (за исключением 1928 г.), а в сельской местности постоянно росло. Но данный факт свидетельствует об улучшении учета, а не о фактическом росте заболеваемости. Тем не менее, заболеваемость сыпным и возвратным тифами постоянно снижалась. Отмечено снижение заболеваемости малярией с 1925 по 1928 г. в 3,2 раза, оспой – в три раза. С 1926 по 1928 г. почти вдвое уменьшилась количество людей, заболевших коклюшем, на 1/3 – дизентерией. Отмечался рост заболеваемости гриппом, туберкулезом всех форм, столбняком и особенно трахомой (ее распространенность увеличилась вдвое)³. Это свидетельствовало об улучшении учета, распознаваемости заболеваний, а не о фактическом увеличении их распространенности. Например, в целом по СССР с 1922 по 1927 г. учет зафиксировал нереальный рост заболеваемости гриппом с 64 до 326 случаев на 10 тыс. жителей, т. е. больше, чем в пять раз. Специалисты говорили «о постепенном из года в год нарастании обнаруженной

¹ Западно-Сибирский краевой отдел здравоохранения. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. отд. здравоохранения, 1932. С. 1.

² *Слуцкий А.* К вопросу о постановке учета... С. 783; О движении заразных заболеваний в СССР в дек. 1928 г. по данным статотдела Народного комиссариата здравоохранения на 4 марта 1929 г.: бюл. № 12 // Вопросы здравоохранения. 1929. № 8. С. 87–88.

³ Сибирский край: стат. справ. С. 786–789.

заболеваемости»¹. Медики периода нэпа отмечали, что к основным опасным с социальной точки зрения относятся «заразные» болезни: тифы, холера, скарлатина, оспа, туберкулез, сифилис. Указывалось, что борьба с ними является наиболее важной. Кроме острозаразных заболеваний, социально опасным признавался алкоголизм².

Более высокий уровень смертности в Сибири, чем в целом по СССР и РСФСР, был напрямую связан с худшими социально-бытовыми условиями и медико-санитарным обслуживанием, низким уровнем грамотности населения³. Эти факторы в совокупности вполне могли нивелировать влияние более высокого уровня зажиточности жителей Сибири. По данным 1925 г., в РСФСР насчитывался 4271 врачебный участок. По сравнению с дореволюционным периодом число врачебных участков возросло на 12 %, больниц – на 8 %, коек в них – на 9 %⁴. Однако в 21,3 % волостей не имелось врачей, а в 42,3 % – больниц. Лозунг «Ни одной волости без врача» не был реализован. Наибольшее число волостей, не имевших квалифицированных медицинских кадров, приходилось на Сибирь. Это подтверждается данными А. Б. Генса, который, анализируя собранные анкеты о распространении и последствиях абортов в деревнях, указывал в итоговых материалах, что в Новониколаевской губернии из 27 существующих врачебных участков данные предоставили лишь 9, в Томской – 10 из 37, в Иркутской – 6 из 28, в Енисейской – 19 из 43. Все участки смогли предоставить результаты анкетирования только в Омской (43 участка) и Алтайской (31) губерниях⁵.

В середине 20-х гг. в Барабинском округе функционировали: одна окружная и 11 районных больниц, курорт «Озеро Карачи», три амбулатории в городах и четыре в районах. Насчитывалось фельдшерских пунктов: в городах – один, в районах – семь⁶. Учитывая сибирское бездорожье, большие расстояния и пассивное отношение населения к своему здоровью, можно констатировать, что достаточной медицинской помощи население не получало. Согласно официальным требованиям того времени к врачебным участкам, для нормального функционирования требовалось: для врачебно-амбулаторного участка,

¹ Блох И. Эпидемия гриппа в СССР и за границей // Вопросы здравоохранения. 1929. № 8. С. 27.

² Меллерштейн С. И. Социальная гигиена // Руководство по санитарной грамоте. М.: Нов. Москва, 1925. С. 209–220.

³ Население Западной Сибири в XX в. С. 70.

⁴ Конюс Э. М. Указ. соч. С. 200.

⁵ Генс А. Б. Аборт в деревне. М.: НКЗ «Охрана материнства и младенчества», 1926. С. 19.

⁶ Н. Ю. Барабинский окр. // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 234.

в котором отсутствовала больница – врач, санитарный врач, два представителя среднего медперсонала, акушерка и сестра-обследовательница; для врачебно-больничного участка – не менее двух врачей, зубной врач, санитарный врач, три лица среднего медицинского персонала, две акушерки, две сестры-обследовательницы, ухаживающий и хозяйственный персонал. В больнице полагалось иметь не менее 16 коек (из них восемь общего, хирургического и терапевтического профиля, четыре родильных и четыре инфекционных)¹. Статистика по Барабинскому округу свидетельствует, что медицинское обслуживание населения здесь не соответствовало этим требованиям.

Нехватку врачей, медперсонала и денежных средств признавали наверху. Крупный специалист по социальной гигиене, заместитель наркома здравоохранения СССР З. П. Соловьёв писал: «Первым и главным лозунгом, осуществление которого даже при слабости материальных ресурсов дает возможность проводить профилактические начала в деревне, будет жизненный и важный лозунг – второй врач на участок»². С мест от населения поступали в Москву запросы с предложениями об улучшении медицинского обслуживания. «Удовлетворение насущных нужд деревни считаем мы первоочередной задачей; но оздоровление населения одним только лечением без широкого участия самого населения в деле здравоохранения никогда не будет достигнуто, а это участие прежде всего можно вызвать только санитарным просвещением. Поэтому надобность в удовлетворении как лечением, так и организацией санитарного просвещения жизненно необходима», – такие цитаты из писем с мест привел З. П. Соловьёв в своем докладе на Втором Съезде участковых врачей 8–16 декабря 1925 г.³

Местные власти реагировали на плохое медицинское обслуживание своеобразно. Например, на пленуме Барабинского окрисполкома 5 июня 1927 г. рассматривался вопрос о состоянии здравоохранения в округе. В речи заведующего окружным здравотделом были отмечены расширение сети учреждений и увеличение числа медработников. Доклад подвергся критике со стороны представителей с мест. В частности, делегат Кыштовского района заявил: «Вам здесь в городе хорошо, ибо у вас медпомощь оказывается более или менее удовлетворительно, не то совсем у нас в урмане, когда на 60 тысяч [человек] населения насчитывается всего два фельдшера и два акушера, а об аптеках и гово-

¹ Горфин Д. Врачебный участок // Большая Советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1929. Т. 13. Стб. 412–415.

² Соловьёв З. П. Профилактические основы лечебного дела в деревне // Соловьёв З. П. Строительство советского здравоохранения. М.: Медгиз, 1932. С. 109.

³ Там же. С. 108.

рять нечего. За десятки верст приходится ездить за касторкой и бинтом». В ответ на критику было сказано, что проблему можно решить увеличением бюджетных ассигнований на лечебное дело, а также путем «изжития известного зажима средств здравоохранения со стороны некоторых РИКов», т. е. райисполкомов¹. Другими словами, недостаточное финансирование объяснили неправильным распределением средств на местах.

Тем не менее, система здравоохранения в Западной Сибири быстро прогрессировала. Об этом, в частности, свидетельствуют статистические данные по Барабинскому округу. На 1 января 1930 г. здесь функционировало четыре больницы городского типа, в которых работали 9 врачей, 33 человека среднего медперсонала и 88 младшего; имелось три амбулатории городского типа с 20 врачами, 9 работниками среднего и 15 младшего медперсонала. Сельских фельдшерских пунктов было 15, в них трудилось 17 работников среднего и 13 младшего медицинского персонала. Наличествовали также пункт первой помощи на предприятии, где имелся врач; диспансер с двумя врачами, тремя работниками среднего звена и тремя представителями младшего персонала; бальнеологическое учреждение. В округе имелось: восемь консультаций с 14 врачами, в них по одному работнику среднего и младшего звена; четыре санитарно-эпидемических станции, в которых трудились шесть врачей и пять работников среднего звена; малярийная станция с двумя врачами и работником младшего медперсонала; восемь аптек. Координировал работу инструкторский отдел здравоохранения, в котором имелся врач и три фельдшера. Имелось 38 яслей для детей младшего возраста, дом младенца. В округе существовали бюро экспертно-трудовой комиссии и судмедэкспертиза. Всего учреждений здравоохранения было 113, врачей в них – 88, работников среднего звена – 174, младшего – 304².

Медицинские работники старались отслеживать распространение заболеваемости и оперативно реагировать на нее. Принимались срочные, хотя и не всегда эффективные меры по устранению причин, вызывающих недуги. Одной из главных забот провозглашалась охрана материнства и детства. Кроме медицинских мероприятий, здесь упор делался на просвещение населения и ознакомление его с основами социальной грамотности. Руководство всей работой по охране материнства и младенчества в СССР было поручено центральному отделу Народного комиссариата здравоохранения, который имел на местах соответствующие подотделы. Создавались комиссии содействия с целью широ-

¹ Новониколаевская губ. – Новосибирская обл., 1921–2000: Хроника. Документы / отв. ред. И. С. Кузнецов. Новосибирск: Адм. Новосиб. обл., 2001. С. 55–56.

² Сибирский край: стат. справ. С. 766–776.

кой пропаганды идеи охраны материнства и детства среди работниц и крестьянок¹. Проблем в этой сфере было множество. Так, исследователь Г. П. Синкевич отмечал, что в селениях младенцы находятся летом в темной и душной избе, и ребенок «становится рахитиком», а ребенку нужны свежий воздух и солнце. Убедить молодых в необходимости прогулок ребенка на свежем воздухе еще удастся, но старуху-няню не представляется возможным: «Бабушка находится в избе безвылазно». Мать трудится целый день на поле, а вечером у нее «молоко перегорелое». Няня – ребенок лет 6–8, заигравшись, оставляет младенца без присмотра. «Летние (младенцы, родившиеся летом. – Авт.) помирают, а осенние живут», – отмечали русские крестьянки².

Санитарная культура населения и качество питания

Распространенность в России эпидемических (тифы, дифтерия, дизентерия, малярия, оспа и др.) и социальных (туберкулез, трахома, сифилис и пр.) заболеваний в 1920-е гг. являлась во многом следствием бедности, неблагоприятных санитарно-гигиенических условий жизни, низкого культурного уровня, и, в частности, невысокой санитарно-гигиенической грамотности населения, особенно сельского. Быстро решить все эти проблемы в комплексе не представлялось возможным. Властные инстанции и медицинские работники немало усилий предпринимали для улучшения санитарных условий повседневной жизни людей, в том числе путем санитарно-гигиенического просвещения населения.

Существенными факторами, сдерживающими снижение смертности, являлись антисанитария и скученность людей в жилищах сельского населения. Воздействовать на санитарное состояние жилищ крестьян-единоличников было труднее, чем вести работу в коллективизированном секторе села. Идеология тоже требовала отдать приоритет охране «обобществленного» труда и быта. В условиях разворачивавшейся коллективизации задача санитарного просвещения легла на колхозные здравячейки. Задачи перед ними ставились на первый взгляд простые и конкретные. Например: «...Прежде всего, следует отучить колхозника от пользования общей посудой, от привычки садиться за стол с невымытыми руками и от привычки есть всухомятку»³, «нужно позаботиться, чтобы

¹ Гинзбург Б. С. Охрана материнства и младенчества // Руководство по санитарной грамоте. С. 231–232.

² Синкевич Г. П. Указ. соч. С. 66–77.

³ Там же. С. 23.

общественным ведром не пользовались для водопоя скота»¹. Особое внимание уделялось вопросу питания в колхозах, устройству общежитий для колхозников, заботе о детстве (освободить беременных женщин от тяжелых работ, просвещать кормящих матерей, организовать колхозные ясли)². Ставя такие задачи перед здравячейками, заботилось государство о сохранении и приумножении трудовых ресурсов, о повышении производительности труда, но проводимые мероприятия объективно способствовали и снижению смертности населения.

Коммуны и колхозы не были притягательными для большинства крестьян. Уровень и качество жизни коммунаров были крайне низкими. В быту царил антисанитария: «Жилища коммунаров представляют собою отдельные маленькие крестьянские ветхие избы. Живут коммунары очень тесно, например, семья из 10 человек живет в двух небольших комнатах площадью приблизительно в 12 кв. метров; на этой площади расположена и русская печь. Света в избах днем достаточно, но во всем остальном – полное отсутствие благоустроенности. Отсутствуют форточки для проветривания комнат. С пола и дверей всегда дует. Двери даже примерзают внутри. Нет теплых уборных, нет хороших колодцев, квартиры в большинстве отапливаются русскими печками, но во многих домах стоят даже железные печки, от которых температура воздуха бывает очень высокая во время топки и с прекращением ее быстро падает, что вредно отражается на здоровье коммунаров»³. Отмечается, что «в квартирах холостяков, где живут исключительно коммунары, пришедшие с военной службы... грязно, хотя стены часто подбеливаются. Кровати остаются не заправленными. Грязные тюфяки беспорядочно свернуты. Воздух везде спертый, и накурено. Практикуется даже плевание на пол и бросание окурков. Грязь и спертость воздуха можно объяснить отчасти и теснотой помещения, в котором приходится жить и работать»⁴, ибо на площади в 12 м² живут 12 человек и на этой площади зачастую проводятся собрания. Отсутствует смена белья, нет места для его сушки и т. д. Однако «отчасти грязь надо отнести и за счет недостаточной культурности самих коммунаров». В квартирах семейных «очень много тараканов и клопов»⁵. Донесениями отмечается сплошная неграмотность колхозников и коммунаров⁶.

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 30–41.

³ Политпросветработа в совхозах и колхозах: опыт работы. М.: Работник просвещения, 1930. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 11.

Жилища, равно как и усадьбы, поселения не обобщественного крестьянства – большинства жителей советской деревни до 1930 г., тоже несли в себе немало опасностей для здоровья их обитателей. В 1924 г. крупный ученый-гигиенист К. М. Гречищев категорично пишет: «Всё сельское население Сибири... доселе остается вне какого бы то ни было влияния санитарной культуры». И далее: «...У сельского населения Сибири нет запросов к гигиенической жизни и нет к этому навыков»¹. В середине 20-х гг. медицинские и землеустроительные органы Сибирского края провели массовые обследования сельского жилого фонда, населенных пунктов и гидротехнических сооружений во всех основных субрегионах Сибири, в том числе в Барабинском и соседних с ним Новосибирском, Славгородском и Омском округах. Повсеместно были зафиксированы совершенно неудовлетворительные в санитарно-гигиеническом отношении качества крестьянских четырехстенков и пятистенков – основных типов здешних жилищ. Усадьбы и улицы поселений, источники водоснабжения были сильно загрязнены. Самой серьезной критике были подвергнуты условия жизни людей в переселенческих поселках Барабы, основанных уже в начале XX в. Почти все они были заболочены, нерационально спланированы, не имели свалочных мест и источников снабжения чистой водой. Жилища строились здесь из березовых или осиновых бревен и пропускали холод зимой, многие были глиняными или саманными и кишели вшами, клопами и тараканами, в сырых подпольях плодились малярийные комары². Объем жилых помещений, по хлесткому замечанию доктора К. М. Гречищева, обобщавшего материалы обследований, «нередко приближается к гробовому размеру»³.

Оздоровление жилищного фонда крестьянин-единоличников для медицинских кадров СССР становилось второй задачей после охраны обобщественного труда⁴. В сельской местности Сибири врачи настаивали на обязательном устройстве в крестьянских домах сеней, фундаментов, прочных крыш и су-

¹ Гречищев К. М. Санитарное состояние Сибири и главнейшие условия его улучшения // Лечебно-санитарное состояние Сибири за 1923 г. Новониколаевск: Упр. уполнаркомздрава по Сибири, 1924. С. 451.

² Подробнее о результатах обследований см.: Зверев В. А.: 1) Крестьянское жилище глазами санитарных врачей и инженеров (Новосибирское Приобье и Бараба, 1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 87–91; 2) О санитарной культуре доколхозной деревни: поселения и дворы наших земляков // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской обл. Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 153–163.

³ Гречищев К. М. Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск: Сибкрайздрав, 1928. С. 13.

⁴ Степанов С. А. Задачи здравячек в колхозах. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1930. С. 9, 13.

хих подполий, печей улучшенной конструкции, форточек и антималярийных сеток в окнах. Считали необходимым исключить содержание молодняка скота и домашней птицы в жилых помещениях. В домашнем обиходе обязательно должны быть умывальники, отдельные полотенца для каждого члена домохозяйства, постели с чистым бельем. Призывали на усадьбах изолировать скотный двор, устроить специальную яму для хозяйственных отходов и нужник, проводить их регулярную дезинфекцию. Нормативы требовали очищать усадьбу от навоза, хоронить павших домашних животных в стороне от селения в специальном скотомогильнике и т. д.¹ Со временем в результате работы медицинских учреждений, усилий местных Советов, сельской общественности санитарное состояние городских и сельских поселений, усадеб и жилищ, хотя и медленно, но менялось к лучшему, и это, несомненно, было одной из причин сокращения смертности населения.

Состояние здоровья людей везде в значительной степени зависит от качества воды, потребной для питья, приготовления пищи, содержания в чистоте тела, жилища и белья. Качество воды и санитарное состояние водоразбора в Барабе в изучаемый период оставляло желать лучшего. В Татарском уезде, находившемся в 1921–1925 гг. в составе Омской губернии, для 304 селений источником водоснабжения являлись: реки – в 26,4 % населенных пунктов, озера – в 21,9 %, колодцы – в 33,1 %, одновременно водоемы и колодцы – в 14,9 %, болота – в 3,7 %. При этом в Татарске за питьевую воду жители платили 4,5 коп. золотом за ведро. Это было тяжелым бременем для небогатых слоев населения города². Открытые водоемы загрязнялись хозяйственными отходами и полосканием белья; в колодцах редко имелись прочный сруб и общественная бадья, воду из них забирали своими ведрами, не всегда чистыми. Это вызывало болезни, неоднократно принимавшие характер эпидемии. Плохое санитарно-гигиеническое состояние водоемов во многом объяснялось низкой культурой населения. 17 июня 1927 г. Каинский горсовет принял постановление «О мерах против загрязнения источников», в котором запрещалось вываливать мусор и вывозить навоз на берега реки, полоскать в ней белье и т. д.³ Однако не предусматривалось никаких альтернативных мер по водоснабжению, очистке

¹ *Зверев В. А.* Санитарная наука в России и народная санитарно-гигиеническая культура сибиряков: проблемы сосуществования в конце XIX – первой трети XX в. // *Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX в.: теория, история, практика.* Новосибирск: ИИ СО РАН, 2000. С. 104.

² *Волк В.* Гидрография губернии // *Омская губ.: материалы к познанию производительных сил губернии.* Омск: Губ. экон. совещание, 1923. С. 32.

³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 513. Л. 21–22.

водоемов. Например, отмечалось, что в Каинске «водокачка берет нефильтрованную воду из реки Оми (в документе указано ошибочно «Оби». – *Авт.*), вода, которой не отличается высокими качествами»¹. Водокачка была маломощной с сильно изношенным оборудованием².

О питании городского населения можно судить по данным обследования, проведенного в 1925–1926 гг. Сибирским краевым статистическим отделом. Основную долю в рационе горожан составляли хлеб и хлебобродуки. В 1925 г. «группа хлебных продуктов» составляла в меню рабочих семейств 69,2 %, у служащих – 61,6, у прочих – 63 %. В феврале 1926 г. ситуация почти не изменилась: доля хлебобродуков в питании составляла, соответственно, 71,2; 60,2; 63,9 %³. Доля овощей по калорийности была невысока: 6–7 % в ноябре 1925 г. и 5–6 % в феврале 1926 г. Основным продуктом растительного происхождения являлся картофель (60–70 % от овощного рациона). Сахара потреблялось 25–30 г в день на человека. Использовалось немного растительного масла. Из продуктов животного происхождения на молочные продукты приходилось 52–54 %, на мясные – 41–43 %. Яйца и рыба составляли 3–5 % среднего рациона семьи. Составители оговаривали возможность ошибки малой численностью выборки и всего лишь недельным сроком наблюдения⁴.

Рассмотрим ситуацию у сельского населения Барабинского округа. В 1925–1926 гг. хозяйственном году в рационе здешних жителей доминировали хлеб и хлебные продукты. Средний дневной паек включал свыше 0,8 кг на человека. Даже члены хозяйств, не производивших посев, съедали в день более 0,7 кг хлеба, что превышало потребление горожан (0,6–0,7 кг). Овощи по питательным качествам занимали 13 % дневного рациона, но по объему превышали четверть всех потребляемых продуктов. Потребление растительного масла было немногим выше, чем у горожан. Сахара съедали в 2,5 раза меньше, чем жители городов. Однако семьи, не производившие посев, потребляли сахара в три раза больше, чем остальные, по уровню потребления они превосходили все городские слои. Большинство семейств, не имевших посева, занимались различными ремеслами, коневодством, извозом, которые были доходнее традиционных отраслей сельского хозяйства. В суточном рационе продукты растительного происхождения давали 75–80 % калорий. Мясных продуктов сельчане в Ба-

¹ Там же. Л. 23.

² Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск: Сибкрайстат, 1928. Вып. 2: Промышленность. С. 143.

³ Рязановский Ф. И. Состояние питания населения Сибирского края в 1925–1926 хозяйственном году // Статистический бюллетень / Сибкрайстат. 1927. № 7/8 (сент. – дек. 1926 г.). С. 37.

⁴ Там же. С. 22–24, 37–42.

рабе съедали меньше, чем сибирские горожане – примерно 160 г в день. Рыбы в их рационе было в 10 раз меньше, чем мяса, а яиц – в 36 раз меньше¹.

Перед началом коллективизации в сельских районах Барабинского округа сложилась следующая картина с потреблением продовольствия. На одного человека в год приходилось хлебопродуктов: всего – 195,2 кг (в том числе: муки ржаной – 50,4, пшеничной – 138,2, прочей – 0,4 кг); крупы овсяной – 0,1 кг, ячменной – 0,4, гречневой – 0,7, пшеницы – 3,1 кг. Кроме того, жители села поедали по 1,7 кг гороха и 0,2 кг прочего зерна. Итого барабинец-сельчанин за год съедал хлебопродуктов на 13,6 кг меньше, чем средний сибиряк. В зерновых районах объемы потребления хлеба были такими: в Рубцовском округе – 226,7 кг в год на человека, в Славгородском – 221,8, в Каменском – 217,2 кг. В Сибири хлеба приходилось меньше только на жителя Омского округа – 182,1 кг². Хлебные цены в Западной Сибири, продолжая дореволюционную традицию³, оставались самыми низкими в стране.

Ситуация с потреблением мяса и мясопродуктов была в округе противоположной. Среди жителей Сибирского края средний обыватель Барабинского округа съедал самый большой объем этих продуктов – 37,5 кг за год, уступая всего 0,4 кг жителям Красноярского округа. Средний сельский житель округа поедал 14,1 кг говядины, 0,2 кг телятины, 7,3 кг баранины, 8,1 кг свинины. Всего мяса – 29,7 кг. Кроме того, потреблялось 2,7 кг сала и 5,1 кг голья (субпродукты: печень, сердце, ноги). Если к этим данным добавить потребление мяса битой птицы – 1,6 кг, то жители округа обгоняли по использованию в пищу мясных продуктов красноярцев на 0,6 кг. Всего в Барабе поедали 39,1 кг, а красноярцы – 38,5 кг. Битой домашней птицы больше в рационе имели в Славгородском, Рубцовском и Омском округах (2,1–3 кг). В Барабинском округе было одно из самых больших животноводческих хозяйств в Сибири, ступавшее лишь чисто животноводческим Хакасскому округу и Ойротии (Горному Алтаю). На один двор приходилось 18,7 голов скота. В 1925 г. насчитывалось в общей сложности 1528 тыс. голов, в том числе 225 тыс. лошадей, 451 тыс. голов крупного рогатого скота, 720 тыс. овец и коз, 132 тыс. свиней⁴.

¹ Там же. С. 53–59. Русские меры переведены в метрические.

² Гензель С. Нормы потребления продуктов питания сельским населением в 1928–1929 гг. // Статистика Сибири. 1930. Вып. 1. С. 50.

³ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 94–95.

⁴ Баранский Н. Н. Барабинский окр. // Большая Советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1926. С. 685.

Барабинцы выпивали в год на человека 109,3 л молока (в целом по Сибири – 118,6 л), поедали 3,8 кг сметаны (в Сибири – 2,7), 1,5 кг масла (1,4 кг) и 3,1 кг творога (в Сибири – 2,7). В год на каждого человека приходилось 59 яиц, что было больше среднесибирского уровня на 4 штуки¹. И всё же такие показатели не были рекордными для Сибири. Жителей Барабы опережали по всем этим позициям красноярцы, по большинству позиций – жители Ачинского, Иркутского, Канского и Минусинского округов. Но уступали барабинцам обыватели Омского, Рубцовского, Каменского, Кузнецкого округов².

Такой уровень потребления продовольствия мог с лихвой обеспечить жизненно необходимые потребности населения. Излишки шли на рынок, в том числе на внешний (масло, шкуры, зерно). О том, что питание было достаточным, говорит и физическое развитие призывников Барабинского округа. Согласно отчетам призывных комиссий, средний рост городского парня-призывника составлял в округе 167,8 см, сельского – 167,5 см, при весе, соответственно, 62,9 и 62,8 кг, при окружности груди, равной 87,8 и 89,6 см. Такие показатели были близки к средним по стране и Сибири³.

Исследователи периода нэпа проследили и распространение алкоголя в сибирской деревне в 1927 г. Результаты анкетного обследования говорят, что мужчины и женщины в это время пили больше, чем в 1914 г. Три четверти респондентов сообщали, что в их местности малолетние пьют теперь больше⁴. Не случайно алкоголизм признавался врачами как одна из самых опасных социальных болезней, наряду с туберкулезом и сифилисом, получившими широкое распространение⁵.

Высокий естественный прирост населения: демографический «взрыв» второй половины 1920-х гг.

После разговора о рождаемости и смертности самое время поговорить о естественном приросте населения, который интегрирует два этих демографических процесса. В период 1925–1929 гг. в Барабинском (Каинском) округе существовали традиционно высокие рождаемость и смертность. Однако последняя имела тенденцию к быстрому снижению. Население округа быстро прирас-

¹ Гензель С. Указ. соч. С. 54.

² Там же.

³ Статистический справочник СССР, 1928 г. С. 905.

⁴ Локтин А. Распространение спиртных напитков в сибирской деревне // Статистика в Сибири. 1931. Вып. 1/2. С. 143.

⁵ Меллерштейн С. И. Указ. соч. С. 209–220.

тало как в городах, так и в сельской местности. В 1927 г. население городов выросло на 12,4 %, в 1928 г. – еще на 21,2 %. В селах общий ежегодный прирост в эти годы составлял 5 %. Такие темпы увеличения числа жителей не могли обеспечиваться только превышением смертности рождаемостью, играла свою роль и миграция людей в субрегион, однако естественный прирост населения был исключительно высоким. Таблица 4.3 свидетельствует, что в городах он колебался по годам от 22 до 25 ‰, в селениях – от 31 до 36 ‰. Расчеты показывают, что период удвоения численности населения при таких темпах приращення составлял для сельского населения Барабы 19–23 года, а для городов – 28–32 года¹.

Таким образом, в годы нэпа население Барабинского округа вошло в период демографического «взрыва», т. е. исключительно высокого естественного прироста. Исследователи тех лет считали, что увеличение темпов прироста населения вызвано уступками большевистского правительства традиционному образу жизни населения страны, как бы шагом назад от революционного времени². На самом деле наблюдаемый феномен свидетельствовал о прогрессивной общественной тенденции – о втягивании субрегиона вместе со всей страной в начальную фазу демографического перехода.

Для сравнения укажем, что в СССР, взятом в целом, в годы нэпа также отмечался высокий естественный прирост. В 1926 г. он составлял 25 ‰, в 1927 г. – 22, в 1928 г. – 24 и в 1929 г. – 20 ‰³. В среднем, согласно данным Г. А. Баткиса, в период 1927–1929 гг. естественный прирост населения в стране равнялся 22 ‰. В 1928 г. количество советских людей увеличилось на 3,6 млн человек⁴. По расчетам ЦСУ СССР, в 1926 г. абсолютный прирост составил 3,4 млн, в 1927 г. – 3,3 млн, в 1928 г. – 3,5 млн человек. Естественный прирост в европейской части страны в 1928 г. составлял 22,2 ‰, а в европейской части РСФСР – 21,9 ‰⁵. Правда, считается, что реальные масштабы прироста здесь завышены: нет оснований утверждать, что ежегодно численность населения страны увеличивалась более чем на 3 млн душ.

¹ *Stempell D.* Weltbolkerung 2000. Ursachen und Tendenzen der Bevolkerungsentwicklung. Leipzig, Yena, Berlin: Urania-Verlag, 1985. S. 66.

² *Dyadkin I.* Unnatural Deaths in the USSR, 1928–1954. New Brunswick (USA); L. (UK): Transaction Books, 1983. P. 23.

³ *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М.: Высш. шк., 1973. С. 279.

⁴ *Баткис Г. А.* Социальная гигиена: санитарное состояние населения и санитарная статистика. М.; Л.: Биомедгиз, 1936. С. 86, 129.

⁵ Статистический справочник СССР, 1928 г. С. 18–19, 77.

Еще одно сравнение. Уровень естественного прироста населения в сельской местности Барабы второй половины 1920-х гг. приближался к уровню, достигнутому странами Азии и Африки через полвека, в 1960–1970-х гг. В 1980 г. естественный прирост в 36 ‰ был зафиксирован у аборигенного населения Родезии (Зимбабве)¹. В Алжире в 1960–1990 гг. среднегодовые темпы прироста держались на уровне 31–34,5 ‰².

Повышенные рождаемость и естественный прирост не означают, что властные структуры проводили политику поддержания данных тенденций. Еще до проведения коллективизации репрессии по отношению к крестьянам в ходе хлебных заготовок свидетельствуют о противоположном. Крестьян, не сдавших хлеб, пороли, водили к прорубям топить, уполномоченные бесчинствовали и пьянствовали в селениях, занимались грабежами. Не выполнивших полностью продналог топтали лошаадьми, сажали голыми в холодные амбары. Многих женщин избивали до потери сознания, закапывали обнаженными в снег, насиловали³. Соответствующие данные относятся к началу и середине 20-х гг., но в ходе более поздних хлебозаготовительных кризисов и сплошной коллективизации террор снова применялся к населению сел и деревень. Использовались самые разнообразные методы – от психологического давления до физических расправ⁴ и судебных процессов.

Снижение качества демографического учета в начале 1930-х гг.

В начале 1930-х гг. в условиях сплошной коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания в нашей стране произошло существенное ухудшение качества регистрации естественного движения населения. О состоянии учета населения того периода говорит докладная записка начальника сектора населения и здравоохранения Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР Каплуна, направленная заместителю начальника ЦУНХУ И. А. Кравалю. В ней констатируется: «Начиная с 1930 г., отмечается ухудшение дела организации ЗАГС и учета явлений рождаемости и смертности, главным образом в сельских местностях»⁵. Указанный факт подтвердила

¹ *Stempell D.* Op. cit. S. 97.

² *Die Weltbolkerung in Zahlen / Herausgegeben von P. Khalatbari.* Berlin: Akademie-Verlag, 1983. S. 88–89.

³ *Климин И. И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007. Ч. 1. С. 82–83.

⁴ *Иванов Ю. М.* В сталинском «фраю». М.: [б. и.], 2005. С. 10–13.

⁵ *Население России в XX в.* Т. 1. С. 336.

и специальная комиссия Госплана, ЦУНХУ и Управления народнохозяйственного учета РСФСР в 1932 г.¹

Источники тех лет не отражают адекватно последствия текущих трагических событий – массовой гибели людей в ходе коллективизации и голода 1932–1933 гг.² Начальник Западно-Сибирского краевого управления нархозучета Ф. В. Мачульский писал: «Концентрация в... городских пунктах больших мигрирующих масс населения, в значительной своей части не приспособленного к условиям городской жизни, сопровождается высокой смертностью, резко повышающей общий показатель смертности городского населения, и искажает действительную картину естественного роста постоянного городского населения»³. Как констатирует историк В. А. Исупов, «статистики сбились со счета из-за указаний партийного руководства»⁴. От них требовали показывать быстрый рост населения, которого на деле уже не было.

Анализ сохранившихся архивных материалов свидетельствует о том, что работа по уточнению данных статистического учета не прекращалась в статистических органах, хотя итоговые расчеты оставались лишь в недрах статистического ведомства. В одной из статей А. А. Бурматова рассмотрены корректировки текущей статистики в статистическом отделе Западно-Сибирского края⁵. Об аналогичной работе в ЦСУ СССР, проводимой для всей страны, говорится в работах французского исследователя А. Блюма⁶. Его взгляд – это как бы взгляд со стороны. Блюм пишет, что внутри статистического ведомства полученные цифры «являлись предметом постоянной обработки и исследований»⁷.

Данные загсов, попавшие в статистические сводки 30-х гг., содержат сведения о крупных поселениях, где условия жизни были, как правило, лучше⁸. Однако анализ сведений по территории Барабы показывает, что это не совсем так. Доля населения, охваченного регистрацией, была выше в Кыштовском, Се-

¹ Там же.

² *Тольц М. С.* О достоверности статистических источников по демографической истории 30-х гг. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989. Вып. 2. С. 34.

³ ГАНО. Ф. П-11. Оп. 3. Д. 382. Л. 18.

⁴ *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 19–22, 77–100.

⁵ *Бурматов А. А.* 1933 г.: что смогли сказать статистики // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Ч. 1. С. 117–120.

⁶ *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Нов. изд-во, 2005. С. 38.

⁷ Там же.

⁸ *Тольц М. С.* О достоверности статистических источников... С. 34.

верном районах, где население жило в небольших по численности населенных пунктах, и в Доволенском районе, где поселения были самыми крупными в Барабе. Первые из них размещались в подтаежной зоне, где пищевой рацион существенно обогащали собирательство и охота. В этих же районах процент коллективизации был ниже, чем в целом по округу. В Доволенском районе преобладало украинское население, более приученное к порядку в документации. Украинцы отличались повышенным уровнем грамотности¹. В Татарском, Купинском и Барабинском районах, вплотную примыкавших к железной дороге, процент охваченных регистрацией был ниже (см. табл. 4.4 и 4.6). Это можно объяснить и более тяжелыми последствиями голода, когда регистрация прекращалась вообще, и небрежным отношением населения к статистическому учету. Например, в документах органов ЗАГС путают фамилию, пишут с ошибками имя, отчество, дату рождения. Известны случаи, когда дети регистрировались без отчества.

Сверхсмертность в условиях хронического голода

Судя по официальным статистическим данным, в городах Барабы в период с 1929 по 1933 г. смертность выросла в 1,6 раза, а с учетом иногородних – крестьян, укрывающихся в городах от голода и раскулачивания – более чем в два раза. Статистически можно рассчитать демографические коэффициенты за 1932 г. (см. табл. 4.3). В этом году в Барабинске, Каинске и Татарске рождаемость всё же перекрывала смертность, естественный прирост составил 15,3 ‰. Однако в докладной записке Ф. В. Мачульского сообщается, что число умерших в Каинске за 1932 г. превышало число родившихся на 8 %². Это согласуется с источниками, приводимыми выше. Стоит согласиться с замечанием А. Грациози по поводу оценок динамики смертности в СССР начала 30-х гг., предложенных специалистами Госкомстата Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским, Т. Л. Харьковской. Грациози писал: «Эти оценки считаются лучшими из имеющихся... Однако... возможно, занижено количество смертей в 1931 и 1932 гг. путем отнесения их к 1933 г.»³. Действительно, авторы этих оценок считают, что голод нигде не начинался ранее конца зимы и не заканчивался позднее лета 1933 г. Однако в Сибири, особенно в Барабе, голод отмечался уже в конце 1931 и в 1932 г. Например, в 48-м совхозе Маслотреста Барабинского района (это

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 116–117.

² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18.

³ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 63.

пригородное с. Нагорное у современного Куйбышева) в декабре 1931 г. хлеба не было совершенно¹. Тревожные явления не были секретом для властей. Сигналы с мест регулярно фиксировались органами безопасности. Например, аноним из Барабинского округа сообщал: «В 1931 г. в Западной Сибири случился недород, но хлебозаготовки хуже недорода очистили крестьян от зерна, и в ряде сельских мест начался голод. Тов. Молотов на XVII партконференции говорил, что повышается благосостояние масс. Признаем, что хорошо живется рабочим в Москве, Ленинграде, в промышленных городах, но на громадной территории Советского Союза, в провинции и деревне – нужда и разорение, сравнить которое можно только [с] 1920 г.». Следовательно, начало голода населением осознавалось². Трудями историка В. В. Кондрашина доказано, что голод начался с территории России в 1929 г., в 1930–1931 гг. он уже охватил Поволжье, Северный Кавказ, Западную Сибирь и Казахстан³.

Е. М. Андреев и его соавторы высчитали для 1933 г. сверхсмертность в СССР от голода в 10 %, взяв за норму среднее за 1932 и 1934 гг.⁴ Однако 1932 г. в Сибири, например, был уже совсем голодным. Регистрируемая смертность в 1933 г. была выше, чем в 1932 г., всего на 2 %⁵. Трудно не согласиться с мнением С. Уиткрофта, что часть демографических событий (особенно смертей), отнесенных Е. М. Андреевым и его коллегами к 1933 г., на самом деле случилась на протяжении 1930–1932 и 1934–1936 гг.⁶ Не подтверждается и мнение указанных авторов, что население страны в 30-х гг. мало регулировало внутрисемейное деторождение. Э. М. Конюс приводит данные о том, что уже в 1925 г. половина участковых врачей на селе проводила работу по охране материнства и детства⁷.

В начале 1932 г. случаи опухания и заболеваний от недоедания, попыток самоубийств и смертей от голода отмечались во многих районах юга Западной

¹ Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 230; ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 149. Л. 102.

² Политическая сводка неопубликованных писем, полученных газетой «Известия» в февр. – марте 1932 г. // Голод в СССР, 1929–1934. М.: МФД, 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932. Кн. 2. С. 52.

³ Население России в XX в. 2011. Т. 3, кн. 2: 1980–1990. С. 82.

⁴ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России, 1927–1959. М.: Информатика, 1998. С. 79.

⁵ Там же.

⁶ Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933. Прил. 2. С. 860–862.

⁷ Конюс Э. М. Указ. соч. С. 200.

Сибири. В пищу пошли не только суррогаты, но и мясо собак, павших животных. Население извлекало это мясо даже из скотомогильников¹. На территории современного Куйбышевского района Новосибирской области такие факты отмечены в селениях Сергино, Красногорка, Чекуново и др.

В конце января 1932 г. в Чановском районе во всех 12 татарских колхозах «уже второй месяц не видят продовольственного хлеба»². К февралю свыше 50 % колхозов не имели продовольственного хлеба и расходовали семенной материал. В некоторых из них закончились уже и семена. Отмечались случаи заболеваний от голода и опухания, отмечены случаи самоубийств на почве голода³. В январе 1932 г. в Западно-Сибирском крае продовольственные затруднения были зафиксированы в 50 районах, в феврале – в 75, при этом в 56 районах в острой форме. В феврале 1932 г. в крае забили 781 голову крупного рогатого скота, 5870 овец, 471 теленка и 96 лошадей⁴.

Секретарь Татарского райкома А. К. Ботов в конце апреля 1932 г. обратился за помощью к Р. И. Эйхе, возглавлявшему Западно-Сибирский край. Он привел ужасающие факты: «1) Сидят колхозники голодные по 5–6–7 дней. 2) Пухнут в ряде сельсоветов. 3) Едят падаль, хомяков и сусликов. 4) Уходят по миру (побираться) десятками из колхозов. 5) Бросают работу из-за немощи (К[азачий] Мыс и др.), [существует] угроза слома замков у амбаров с сем[енным] материалом. 6) Скот [колхозный] беспризорный, творится воровство»⁵. Тяжелое положение с продовольствием в апреле 1932 г. было признано на самом верху, и для Западной Сибири была отпущена продовольственная ссуда в размере 24 тыс. т зерна (16 тыс. т пшеницы и 8 тыс. т проса)⁶. Помощь была запоздалой и недостаточной. 26 мая 1932 г. в письме колхозников из сельхозартели «Новое дело» в Запсибкрайком ВКП(б) отмечалось: «Идет посевная, и рабочие, которые на пашне, варят суп – которая лошадь издыхать будет, они ее прирежут. А хлеба нет нисколько. Народ с голоду начал опухать, многие без движения, елидохлых лошадей... едят мякину, всевозможные репки, на камне растут которые, картофельную ботву... Дайте скорее помощи». В Чановском районе поедали сусликов и мясо павших животных. Отмечены случаи использования

¹ Познанский В. С. Указ. соч. С. 232–234.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 232.

⁴ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг. в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собр., 2009. С. 232.

⁵ Цит. по: Познанский В. С. Указ. соч. С. 238.

⁶ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг. в СССР. С. 232.

в пищу собак, смертей от голода¹. В Усть-Пристанском районе только за две недели июня 1932 г. от голода умерло 194 человека, 254 человека опухло от голода. Случаи смерти от голода имели место в колхозах Троицкого, Покровского, Быстроистокского районов края².

Такие факты не могли не сказаться на эпидемической обстановке в регионе. В 1932 г. в Западно-Сибирском крае стало повышаться число зарегистрированных случаев инфекционных заболеваний. Например, сыпным тифом в августе заболело 935 человек, в сентябре – 997, в октябре – 1961, а в ноябре – 3442 человека. За четыре месяца произошел рост в 3,7 раза³. В 1933 г. за те же месяцы число заболевших этим страшным недугом выросло в 2,2 раза: от 1839 случаев в августе до 4032 в ноябре, с временным снижением в сентябре. В августе – сентябре 1933 г. количество зафиксированных заболеваний сыпным тифом было вдвое больше, чем в эти же месяцы 1932 г., в октябре – в 1,5 раза, в ноябре – в 1,2 раза. Основными местами распространения недуга оказались города и рабочие поселки, где регистрация была налажена лучше⁴. В официальных документах констатировалось: «Отток крестьянского населения из городов в колхозы и совхозы... способствовал заносу и образованию очагов сыпного тифа во всех населенных точках края». В колхозах и совхозах эпидемическая обстановка осложнялась недостатком лечебных средств и медицинских кадров⁵.

В это же время регистрируется распространение возвратного тифа, оспы, септической ангины, авитаминоза⁶. Как свидетельствуют конъюнктурные данные о заболеваемости, предоставляемые каждые 10 дней, рост заболеваемости, проявившийся в начале 1932 г., весной усилился. Это было связано как с фактором сезонности, так и с недоеданием и голодом. В первую декаду января 1932 г. учтено в Кыштовском районе оспы 27 случаев, брюшного тифа – 4; в Барабинском районе брюшного тифа – 3, сыпного тифа – 5, оспы – 5; в Татарском районе 5 случаев сыпного тифа, 6 случаев оспы⁷. В феврале за первую и вторую декаду сыпной и брюшной тиф регистрируется в Кыштовском, Доволенском районах, оспа – в Спасском, Кыштовском, Еланском районах⁸. В марте

¹ Познанский В. С. Указ. соч. С. 242–243.

² Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг. в СССР. С. 232.

³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 12, 14, 251.

⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 6, 15.

тиф стал практически повсеместным. В Барабинском районе брюшного тифа 4 случая, сыпного – 55, оспы – 27; в Убинском: брюшного – 1, сыпного – 2, оспы – 22 случая¹. В мае был превышен эпидемический порог заболеваемости и в других районах. Например, в Барабинском районе за первую декаду мая зафиксировано 7 случаев брюшного тифа, сыпного – 25, оспы – 3, скарлатины – 6, дифтерии – 1. Во вторую декаду в Чановском районе – 5 случаев брюшного тифа, сыпного – 10, скарлатины и оспы – по 5². В третью декаду мая в Барабинском районе появилось 58 больных сыпным тифом, 9 – брюшным, 8 – оспой. За этот же период отмечены в Татарском районе 23 новых заболевания сыпным тифом, в Убинском – 5 больных брюшным тифом, 14 сыпным³. Работники здравоохранения констатируют прирост по всем городам и промышленным центрам. Неблагоприятными по сыпному тифу в Западной Сибири признаны Барабинск, Омск, Новосибирск, Исилькуль, Славгород⁴.

Медиками принимаются титанические усилия: при скудности средств и медпрепаратов удается добиться снижения заболеваемости оспой уже в мае. Заметим, что перед органами здравоохранения была «поставлена задача полностью ликвидировать заболевания натуральной оспой по краю не позднее середины 1932 г.»⁵. «Оспа снижается, но медленно», – отмечается в отчете⁶. Использовались все имеющиеся возможности – от народных средств до организации карантинных и увеличения количества бань. Однако в июле наблюдается скачок желудочно-кишечных заболеваний. Проводятся санитарно-эпидемические проверки пищевых комбинатов, предприятий общественного питания. В Убинском районе наказаны даже руководители местного районного управления милиции «за антисанитарное состояние арестного дома»⁷.

Возможности системы Наркомхоза, в ведомстве которого находились бани, были ограничены. Так, в городах Барабы в 1932 г. имелась одна общественная баня в Каинске на 50 мест (на каждую тысячу жителей приходилось 3,2 места). Необходимо было срочно формировать банную систему. К 1935 г. были открыты бани в Татарске на 35 мест и Барабинске на 104 места. В Татарске на

¹ Там же. Л. 19, 27.

² Там же. Л. 32.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ Западно-Сибирский краевой отдел здравоохранения. С. 44.

⁶ Там же. Л. 33 об.

⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 176.

тысячу жителей приходилось теперь 4,1 места, в Барабинске – 7 мест¹. Плохое качество воды в Барабе и неразвитая система водоснабжения также способствовали распространению инфекционных заболеваний. В Татарске водопровод системы Наркомхоза в 1932 г. имел протяженность 700 м. В Барабинске и Каинске система централизованного водоснабжения тогда отсутствовала как таковая. К 1935 г. водопровод длиной в 400 м появился в Каинске. В Татарске водопровод стал длиннее на 100 м². Больницы зачастую были лишены снабжения топливом, что приводило к отказу населения от госпитализации³.

В 1933 г. во врачебных отчетах говорится об эпидемии сыпного тифа, септической ангины, фиксируются случаи смерти от этих заболеваний⁴. Например, в Барабинском районе за первую декаду мая зарегистрировано 80 случаев сыпного тифа⁵, а в Северном – 4⁶. Летом ситуацию с заболеваемостью не удалось стабилизировать. За первую декаду июля 1933 г. в Венгеровском (Спасском) районе учтено 23 случая брюшного тифа, в Чановском – 32, во второй декаде – по 15 случаев⁷. По показателям эпидемической заболеваемости Западно-Сибирский край в конце 1933 г. лидировал в РСФСР⁸.

В условиях хронического голода справиться с эпидемиями было нелегко. М. Г. Тракман, заведующий райздравотделом из Западной Сибири, докладывал в Наркомздрав РСФСР: «В 1933 г. эпидемия сыпного тифа в Западно-Сибирском крае носит диссеминированный (рассеянный, очаговый. – *Авт.*) характер с преимущественным поражением точек наибольшего притока населения... в районах, расположенных по железнодорожным путям». К маю «не осталось ни одного района, не имевшего вспышки сыпного тифа». Среди наиболее пораженных названы Барабинский и Убинский районы Барабы⁹.

Усилия врачей и медперсонала, спецотрядов медиков и студентов, посланных из городов, так называемых «десантов», позволили переломить ситуацию, эпидемии пошли на спад. «Эпидемическое состояние ЗСК (Западно-Сибирского края. – *Авт.*) в июле 1933 г.: снижение заболеваемости скарлати-

¹ Народное хозяйство Запсибкрая / отв. ред. В. Г. Вильрот. Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1936. С. 353.

² Там же. С. 352.

³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 156.

⁴ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2333. Л. 121, 129, 148, 156, 251.

⁵ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 211.

⁶ Там же. Л. 212.

⁷ Там же. Л. 222.

⁸ Население Западной Сибири в XX в. С. 54.

⁹ Познанский В. С. Указ. соч. С. 258.

ной, оспой, дифтерией, сыпным тифом, малярией и усиление дифтеритом по сравнению с июлем 1932 г.», – сообщается в официальном отчете¹. Попутно заметим, что медиков местные власти часто не кормили, как, например, в Убинском районе, и пришлось решать этот вопрос на уровне краевого руководства². В 1944 г. в официальном печатном органе для медиков страны сообщалось, что в Сибири в годы первой пятилетки отмечались вспышки инфекционных заболеваний³.

По расчетам ученых-аналитиков, сделанных в Госкомстате СССР, средняя ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных в стране в 1933 г. составляла всего 11,6 года для обоих полов, в том числе у мужчин – 10,3, у женщин – 13 лет. Младенческая смертность равнялась 317 ‰, а недоучет смертности за 1932–1936 гг. составил 26,6 %⁴. Правда, не исключено, что авторы приводимого здесь анализа несколько завысили смертность в 1933 г., сконцентрировав ее на коротком временном отрезке.

Между тем, официальная пропаганда утверждала, что «коренной перелом деревни к социализму можно считать уже обеспеченным»⁵. Мировая общественность считала по-другому. Газета «Нью-Йорк таймс» писала в ноябре 1932 г.: «Коллективизация позорно провалилась. Она привела Россию на грань голода». Итальянский журнал «Политика» отмечал: «Катастрофа налицо. Она является фактом». Сталин, приведя эти цитаты в докладе «Итоги первой пятилетки» 7 января 1933 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), назвал их авторов «твердолобыми»⁶. Как пишет историк В. А. Исупов, «И. В. Сталин и его окружение... индифферентно отнеслись к кризисным явлениям в демографической сфере. <...> Во всяком случае, не удалось обнаружить в выступлениях как самого вождя, так и его приверженцев хотя бы нотку тревоги за обстановку в стране»⁷.

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 243.

² Там же. Л. 155.

³ *Исупов В. А.* Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг. (исторический опыт и современные проблемы). Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1991. С. 12.

⁴ *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Опыт оценки численности населения СССР в 1926–1941 гг.: (краткие результаты исследований) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 39–43.

⁵ *Сталин И. В.* Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Соч. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 12. С. 121.

⁶ *Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки: доклад на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 янв. 1933 г. // Соч. Т. 13. С. 164–165.

⁷ *Исупов В. А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 187.

В 1932 г., когда стало ясно, что урожай будет невысок, был принят закон от 7 августа, прозванным населением «законом о пяти колосках». Автором его являлся сам Сталин¹. Отсюда второе народное название: «дедушкин указ»². Документ имел невинное официальное наименование: «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»³. В своей реферативной части этот закон приравнивал имущество колхозов и кооперативов к государственному и далее гласил: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Не применять амнистии к преступникам...»⁴.

Цель такого закона ясна: не допустить голодающих крестьян к урожаю, ими же выращенному. В первую очередь это ударило по старикам и немощным людям, которых заставили убирать с полей. На поля отправили пионеров – собирать колоски, оставшиеся после уборки. Это затем назвали «пионерским вкладом в битву за урожай»⁵.

По оценке иностранных специалистов, сделанных по горячим следам еще в середине 1930-х гг., в СССР от голода 1932–1933 гг. умерло от 3 до 5 млн человек⁶. Эти оценки принципиально не изменились и до сего времени. Современные исследователи расширяютвилку, оценивая избыточную смертность в 1933 г. до 6,7 млн человек⁷.

При этом около 4 млн умерших приходится на Украину, где на черноземах рабочим скотом являлись не маломощные лошади, как в Европейской России и Сибири, а волы (кастрированные быки), около половины которых было забито в конце 1932 г. и затем съедено в знак протеста против насильственной коллективизации. Из-за недостатка тяглового скота весной 1933 г. было вспа-

¹ Биографическая хроника: июль 1930 – янв. 1934 // Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 409.

² Базаров А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004. С. 109.

³ Закон об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1932. № 62. Ст. 360.

⁴ Цит. по: Базаров А. Указ. соч. С. 110.

⁵ Там же.

⁶ Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007. С. 220.

⁷ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. С. 118, 120.

хано мало земли, что привело к большому недобору урожая. Недобор в условиях жесткого плана сдачи хлеба привел к изъятию продовольственного фонда крестьян, их неизбежному голоду и гибели.

Православные конину не едят, поэтому лошади пострадали меньше, и масштабы голода оказались сравнительно меньшими в тех регионах, где пахали лошадьми. В Поволжье много мусульман, поэтому там забивали и лошадей. Западная Сибирь от голода пострадала меньше, чем Украина, Северный Кавказ и Поволжье. Согласно данным статистического учета, в Западно-Сибирском крае в 1933 г. умерло 220 тыс. человек – в 1,5 раза больше, чем в 1928 г. В городских поселениях скончалось 53,1 тыс. человек, или в 2,8 раза больше¹. Смертность в городах края возросла с 1928 по 1933 г. с 21 до 31 ‰. В сельской местности, соответственно, – с 23 до 28,4 ‰. Младенческая смертность достигла 202 ‰ (в городах – 218,5, в селениях – 198,1 ‰)². Для всего населения смертность в 1933 г. составила 29,1 ‰³. По данным современных исследователей, население всей Западной Сибири в 1932–1933 гг. сократилось за счет «естественной» убыли на 5 ‰⁴.

Статистики того времени указывали на недоучет демографических событий. Они внесли в итоговые данные за 1933 г. поправку в 3 % (1,6 тыс. душ), что увеличивает количество умерших в городах с 51,5 тыс. до 53,1 тыс. человек⁵. Поправка в 3 % примерно соответствовала установке ЦУНХУ о величине недоучета смертности в стране в 2,4 %. При этом для рождений статистика считалась полной и поправок не вносилось⁶. Даже в советский период признавалось, что в городах европейской части СССР в 1933 г. наблюдался отрицательный естественный прирост⁷. В Западной Сибири голод был растянут во времени с 1930 по 1934 г., и в процентном отношении это приводит к не к меньшим человеческим жертвам, чем в Поволжье и Украине. Затумшевается данное обстоятельство полным отсутствием каких-либо сведений за 1930–1931 гг., когда катастрофа была реальной, но статистикам (и нам также) недоступна для наблюдения, и плохим качеством учета в 1932–1934 г., что заметно занижает масштабы демографических потерь. Это просматривается и на материалах Барабы (табл. 4.4 и 4.5).

¹ Население Западной Сибири в XX в. С. 71.

² Там же.

³ Там же. С. 72.

⁴ Население России в XX в. Т. 3, кн. 2. С. 82.

⁵ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1, 11 об. – 12 об.

⁶ См. подробнее: *Бурматов А. А.* 1933 г.: что смогли сказать статистики. С. 117–120.

⁷ *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Указ. соч. С. 279.

Таблица 4.4

Естественное движение населения Барабы в 1932–1934 гг., %*

Район, город	Рождаемость			Смертность		
	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Барабинский р-н	40,5	35,3	47,6	23	22,3	21,7
В том числе						
Барабинск	41,3	30,5/33,5	46,4	28,5	30,7/32,6	30
Каинск	40,5	25	32,4	43,6	27,6/40,1	24,9
Селения	40,5	37,9	50,4	19,6	19,7	19,3
Татарский р-н	41,9	33,2	35,3	20,8	16,3/17,1	12,5
В том числе						
Татарск	48,8	37,6	45,3	25,2	22,8/29,1	26,9
Селения	40,5	32,6	33,8	19,9	15,2	10,4
Прочие районы						
Венгеровский	62,1	33,5	40,4	22,6	14,7	28,7
Здвинский	49,7	42,7	50	35,3	30	23,3
Купинский	45,9	34,8	48,3	21,4	15,8	15,3
Кыштовский	48	47,6	43,8	21	21,7	23,1
Северный	52,1	49	50,1	34	30,1	19,4
Убинский	44,3	33,6	43,9	28,4	18	19
Чановский	33,5	38	44,1	22,4	14,9	14,1
Итого в Барабе:	43,5	36,5/36,9	39,7	24	20,1/20,2	18

* Рассчитано по: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–4; Д. 33. Л. 35 – 35 об.; Д. 42. Л. 2 – 12 об.; Д. 55. Л. 1 – 12 об. Через дробь в 1933 г. указаны показатели, вычисленные с учетом иногородних лиц – крестьян, укравшихся в городе от раскулачивания и голода.

Согласно данным официального учета, в Барабе в 1932 г. естественное движение населения оставалось относительно благополучным. Рождаемость в городах даже несколько возросла по сравнению с периодом нэпа. В сельской местности ее уровень сохранялся высоким, хотя и существенно (почти на 22 %) ниже, чем в конце 20-х гг. Уровень смертности в сельской местности увеличился на 10 % по отношению к 1929 г. Хотя при значительном сокращении числа родившихся при высоком уровне младенческой смертности это говорит о значительном росте ее уровня в старших и средних возрастных группах. В городах смертность уже увеличилась по отношению к 1929 г. вдвое: с 17,8 до 35,7 ‰. Это говорило о начавшемся демографическом кризисе. Статистика отметила и сокращение младенческой смертности у городского и сельского населения на 12–13 %. Такая динамика смертности детей в возрасте до года свидетельствует о ее недоучете. Следовательно, недоучитывались как рождения, так и смерти у всего населения.

Голод продолжается: естественное движение населения в 1933 г.

В 1933 г. с точки зрения статистического учета ситуация меняется к лучшему (табл. 4.5). В сельской местности происходит существенное сокращение смертности: на 32 % у младенцев и на 16,6 % у всего населения. В городах смертность снизилась на 20 %, в том числе младенческая на 8,8 %. Правда, это относится к местному населению. Картину портили иногородние – люди, бежавшие из сел от коллективизации. Они увеличили показатель смертности всего населения городов до 36,7 ‰, т. е. превысили данные 1932 г. В первом полугодии 1933 г. превышение смертности над рождаемостью было «в больших размерах, чем в 1932 г.»¹.

Таблица 4.5

Полнота регистрации естественного движения населения Барабы в 1933 г.*

Район	Население, тыс. чел.	Население, охваченное регистрацией, тыс. чел.	Доля населения, охваченного регистрацией, %	Доля не охваченных регистрацией, %
Барабинский	68	59	86,8 (41)	13,2 (6)
Венгеровский	51,6	43	83,3 (31)	16,7 (6)
Здвинский	39,4	36,6	93,9 (18)	6,1 (2)
Купинский	63,5	54,7	86,1 (28)	13,9 (5)
Кыштовский	47,3	45,4	96 (26)	96 (1)
Северный	30,2	29,6	98 (21)	2 (1)
Татарский	65,9	59,2	88,3 (37)	11,7 (8)
Убинский	59	54,7	82,7 (32)	7,3 (2)
Чановский	36,6	33,8	92,4 (26)	7,7 (2)
Доволенский	45,2	44,2	97,8 (22)	2,3 (1)
Итого:	461,5 (476,5)	416	90,1 (260)	9,9 (33)

* Рассчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 3 – 11 об. В скобках в двух последних столбцах указано количество сельских советов.

Об ухудшении социальной обстановки в регионе свидетельствовало существенное сокращение числа родившихся: в селениях – на 1/7, в городах – на 2/5. Положение не спасла даже регистрация иногородних. В городах она увеличила рождаемость на 7 %, в селах на 1 %. Кроме того, на территории, охваченной хоть каким-то учетом, проживало лишь 90,1 % от всех жителей. Следовательно, качество учета стало несравненно хуже. Справедливости ради нужно заметить, что сохранившиеся источники не позволяют определить размер охва-

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18 об.

та учетом территорий в 1932 г. Сама динамика рождений и смертей по районам свидетельствует о плохом качестве учета естественного движения. Особенно это касается Татарского, Купинского и Убинского районов в 1932–1934 гг., когда наличествует значительное колебание количества рождений и смертей. Оно свидетельствует о недоучете демографических событий. Особенно показательны чрезвычайно низкие показатели смертности в Купинском и сельских местностях Татарского района в 1933 г. Одновременно уменьшается и количество сельсоветов, предоставивших сведения из названных районов. Показательно, что в разгар голода 1933 г. смертность по целому ряду районов оказалась ниже, чем в 1932 г. Это только подтверждает тезис о резком ухудшении качества статистического учета. В 1933 г. смертность превысила рождаемость в Каинске и Барабинске.

Положение смягчалось выдачей пайков работающим на железной дороге и выдворением голодающих крестьян из города. Отношение официальных властей к прибывающим в города крестьянам было негативным. Советские газеты называли крестьянский голодомор спектаклем, уловкой, призванной вызвать сочувствие. Жертвы якобы «пытались инсценировать ”голод”», занимались «симуляцией голода и голодания», «выдавали себя за разоренных колхозников»¹.

По данным официальной регистрации, в Барабинске рождаемость составляла в 1933 г. 33,5 ‰, общая смертность – 32,6 ‰, а младенческая – 255,1 ‰. Статистические органы тех лет оценили недоучет смертей в 6 %, а рождений в 10 %². Современный расчет показывает, что было неучтено сверх той оценки не менее 15,8 % рождений, а смертей – 31,8 %.

Тем не менее, скрыть высокую смертность населения не удалось. В 1933 г. в Каинске текущий учет показал смертность, равную 27,6 ‰, но органы статистики внесли умерших в городе иногородних, и общий итог увеличился до 40 ‰. Рождаемость достигла 25 ‰³. Современный анализ повышает рождаемость до 33,5 ‰, смертность, включая иногородних, – до 56,1 ‰.

В городах Барабы, небольших по численности населения, количество скончавшихся иногородних было велико по отношению к местным жителям. В Барабинске органами ЗАГС было учтено 35 случаев смерти крестьян, бежавших в город из окрестных селений, из них в возрасте до года – 8 (по 4 мальчика

¹ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. С. 90.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 9 – 10 об.

³ Там же.

и девочки). В Каинске было 149 таких случаев (скончалось 138 мужчин и 11 женщин), в Татарске, соответственно, 97, 55 и 42 случая¹ (табл. 4.6). Всё городское население показывает увеличение смертности после учета иногородних с 28,1 до 36,7 ‰, т. е. прирост составляет 30,6 ‰. Обращает на себя внимание небольшое число умерших иногородних в Барабинске. Это связано как с включением незаконных мигрантов непосредственно в число городских жителей (рабочих рук на железной дороге не хватало), так и с выдворением иногородних за пределы города. Частично последним фактором объясняется значительное количество смертей неместных уроженцев в соседнем Каинске, входившем тогда в Барабинский район. В Каинске число смертей иногородних лиц составляло почти треть от всего учтенного в городе количества смертельных случаев.

Таблица 4.6

Смертность населения в городах Барабы в 1933 г.*

Город	Кол-во умерших, чел.				Соотношение, %	
	Местных жителей		Иногородних		Стб. 4 к стб. 2	Стб. 5 к стб. 3
	всего	младенцев	всего	младенцев		
Барабинск	442	112	27	8	6,1	7,1
Каинск	284	60	138	11	48,6	18,3
Татарск	198	37	55	42	27,7	113,5
Кол-во умерших на 1000 местных жителей						
Барабинск	30,8	255,1	1,9	...	6,1	...
Каинск	27,6	233,4	13,5	...	48,6	...
Татарск	22,7	113,1	6,3	...	27,7	...

* Составлено и рассчитано: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 4, 5 об., 7, 9 об.

Число зафиксированных смертей младенцев в иногородних семьях Барабинска тоже было невелико. Безусловно, это факт, свидетельствующий о статистическом недоучете событий. Но они составили 1/3 от регистрации умерших иногородних лиц. Взрослых, умерших в городе, не регистрировали, или еще живых выдворяли из города, или они успевали устроиться на производство. Регистрация летальности детей в возрасте до года у иногородних – факт, отмеченный только в Барабинске. В других районах и городах Барабы таких фактов не зафиксировано статистическим наблюдением. Это свидетельствует о более качественном учете демографических событий в Барабинске, связанном с сильными полицейскими контрольными функциями администрации города. Кроме того, не выяснено, включались ли случаи смерти на территории «зоны отчуж-

¹ Там же. Л. 7, 9 об.

дения» железной дороги, административно не подчиненной местной администрации, в общегражданскую регистрацию.

В Каинске ситуация несколько иная. Иногородние, умершие в городе, составляли 1/3 зарегистрированных смертельных случаев. Это свидетельствовало как о более бедственном положении населения Каинска, так и о сокрытии части смертей от регистрации. Именно в это время фигурируют такие актовые записи: «неизвестный», «найден на станции», «найден на берегу реки», «истощен при ходьбе» и т. д. Число зарегистрированных смертей иногородних не отражало фактического их количества. Кроме того, в Каинске не учтено ни одного случая смерти младенца в иногороднем населении. Много фактов свидетельствует о недоучете смертности, но всё же в первом полугодии 1933 г. число зарегистрированных смертей в городе превышало количество родившихся на 80 %¹. В 1933 г. в Каинске отмечается значительный удельный вес умерших от инфекционных заболеваний: 11,8 %².

В Татарске ситуация оказалась самая противоречивая. С одной стороны, число умерших беглецов из деревни составило 1/5 всех зарегистрированных смертей. Однако и здесь нет регистрации смертей младенцев в иногородних семьях. Неполно фиксировалась и смертность «местных» младенцев. Вообще недоучет смертности в Татарске был существенно выше, чем в Каинске и Барабинске. Масштабы бедствия в период голода занижались. Кроме того, как и в Барабинске, не выяснено, включались ли случаи смерти на территории «зоны отчуждения» железной дороги, административно не подчиненной местной администрации, в общегражданскую регистрацию.

Анализ сохранившихся архивных материалов показывает, что число умерших иногородних при расчете показателей смертности в статистических отчетах неполное. Так, при расчете смертности по г. Каинску за 1933 г. показатель числа умерших должен составлять 42,2 %, а указано 40 %. В Барабинске, соответственно, 33,4 и 32,3 %³ (табл. 4.6). В то же время учтенный естественный прирост для городов Барабы составлял в 1933 г. 3 %, а с учетом иногородних случаев должен быть равным минус 3 %. Это без учета случаев прямого пропуска рождений и особенно смертей; частота последних была, несомненно, выше. Статистические органы в аналитических материалах отмечали, что «материалы ЗАГСов из-за плохой регистрации не позволяют нам установить, в какой мере высокая смертность касается основной массы постоянных жителей...

¹ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18.

² Там же. Л. 18 об.

³ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 4, 7 об.

городов»¹. Ими отмечается, что при пользовании данными нужно учитывать «явную несвоевременность регистрации фактов как естественного, так и в особенности механического движения». Надежным источником для определения численности городского населения «могла бы послужить проводимая паспортизация населения городов»².

В городах Западно-Сибирского края в 1933 г. было учтено умерших местных 8494 мужчины и 7664 женщины. Всего 16 158 человек, в том числе 1204 младенца. В Прокопьевске смертей иногородних зарегистрировано 2596, в Омске – 1960, в Сталинске – 1728, в Томске – 4922, в Анжеро-Судженске – 1096, в Новосибирске – 2295. В статистической отчетности такие случаи отмечались в особой графе. Вследствие значительного числа умерших иногородних общие коэффициенты смертности были увеличены: в Анжеро-Судженске на 5,4 ‰; в Омске – на 4,4; в Новосибирске – на 3,8; в Прокопьевске – на 12,9; в Томске – на 19 ‰. При этом в расчет были включены только 50 % иногородних. В Сталинске (ныне Новокузнецк) поправка не вносилась вообще. Если бы ее внесли, то вместо провозглашенного естественного прироста в 6 ‰ в этом символе сталинизма, воспетом В. В. Маяковским «городе-саде», регистрировалась бы естественная убыль (-2,5 ‰). Фактически уровень смертности нужно увеличить сильнее: в Томске – на 38 ‰; в Прокопьевске – на 25,6; в Омске – на 8,6; в Новосибирске – на 8,1; в Анжеро-Судженске – на 10,3 ‰. Показатель смертности в городах края с полным учетом таковых достигнет 35 ‰. Ее уровень равнялся: в Томске – 64,9 ‰; в Прокопьевске – 61,2; в Рубцовске – 48,5; в Омске – 40 ‰³. При этом не учитываются еще случаи прямого пропуска регистрации смертей. О занесении в регион инфекционных заболеваний свидетельствуют данные о национальном составе родившихся и умерших. Это в первую очередь касается «нехарактерных национальностей». Так, в городах Западной Сибири в семьях казахов появилось 257 новорожденных, а умерло 1297 представителей этой национальности⁴.

В городах в Западной Сибири в 1933 г. было зарегистрировано всего 338 рождений у иногородних. Статистики не могли не изменить (правда, через дробь) и показатели естественного движения населения городов. Показатель рождаемости был увеличен с 25,6 до 25,9 ‰, т. е. всего на 1 ‰⁵. Официально

¹ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18 об.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 8 – 11 об.

⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18 об.

⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1, 7, 8, 9 – 11 об.

отмечена естественная убыль в 2 тыс. человек, или 1 ‰¹. Уровень смертности статистики повысили с 26,6 до 31 ‰, или на 16,5 %. Автоматически уровень естественной убыли вырастает до 5,1 на каждую тысячу жителей. Статистики признали этот факт. Однако, зная ситуацию того периода, к этому признанию нужно отнестись осторожно. Статистические органы существенно занизили показатели смертности. Видимо, их работники пытались спасти профессиональную репутацию (привели точную статистику учтенных смертей), но под прессингом государства существенно занижали расчетные показатели в городах, где положение со смертностью было особенно напряженным, ибо методология расчетов требовала брать для отчетности половину смертей иногородних лиц. Факт, что ЦСУ разрешили в отчетах выделять отдельной строкой смерти крестьян, укрывающихся от голода в городах, говорит о тяжелой демографической ситуации и закулисной бюрократической войне. Искажения выявлены нами и в сельской местности. В ходе проверок правильности учета во многих районах органами госбезопасности тех лет были изъяты книги учета смертей в загсах, что существенно затрудняет сегодня исследование проблемы.

На недоучет демографических событий указывают материалы по младенческой смертности и численности мертворожденных, данные о так называемых фетоинфантильных потерях². Они дают возможность комплексно оценить потери всех жизнеспособных детей в возрасте до одного года. В статистике имеет место «переброс» умерших в первые дни жизни в мертворожденные. Кроме того, по ним можно судить о степени недоучета демографических событий. Например, в 1932 г. на весь округ зарегистрировано всего шесть случаев мертворождения, в том числе на Барабинск падает один случай, а на села Барабинского района (заметим, уже пораженного голодом) – три. По одному случаю учтено в Усть-Таркском и Кыштовском районах³.

В 1933 г., когда разгулялся наиболее сильный голод, статистика учла девять случаев мертворожденности. В Барабинске таковых было пять (два мальчика и три девочки), в Чановском районе – два, в Кыштовском и Северном районах по одному случаю⁴. В 1934 г. в регистрацию попали шесть случаев мертворождения: в Кушаговском (Усть-Таркском) районе – три, в Северном – два, в Чановском районе – один⁵. Отсутствие регистрации мертворождаемости

¹ Там же. Л. 11 об.

² К фетоинфантильным потерям относятся мертворожденные и младенцы, умершие в течение первого года жизни. См.: Смертность детского населения России. С. 21.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 33. Л. 34, 36 об.

⁴ Там же. Д. 42. Л. 2–3.

⁵ Там же. Д. 55. Л. 1–2.

в других районах говорит о недоучете событий. Заметим, что мертворожденность учитывалась в Доволенском районе в 1933 г. – одна регистрация, в 1934 г. – четыре случая¹. Однако этот район лишь частично входил в Барабинский округ, и разнести события по территориям сельских советов этого района невозможно. Качество учета в нем всегда была выше, чем в среднем по округу. О дальнейшем ухудшении статистического учета в СССР и РСФСР в период 1933–1934 гг. говорится и в исследованиях других ученых².

В актовых записях голод как причина смерти указывается редко. Чаще используются такие диагнозы, как истощение, пеллагра, недоедание. Неполный перечень номинаций смерти от голода в актовых записях изучаемого периода следующий: голод, от голода, с голоду, голодовка, голодной смертью, от голодания, от истощения, недоедание, общее истощение, истощение и общая слабость, упадок сил, переутомление ходьбой, истощение в дороге, от слабости питания, от плохого питания, от бесхлебья, от голодного отека, пеллагра, от опухоли живота, от поноса, брюшная болезнь, отек живота, отравление суррогатным хлебом, острый катар кишечника, отощение желудка, боль живота, острый понос, колит, цинга, тиф, сыпной тиф, от ненормального питания, от чихотки и истощения, истощение и воспаление и др.³

Половая диспропорция демографических событий в голодные годы

Рассмотрим половые различия рождаемости и смертности в момент голода 1932–1933 гг. и в последующий период (прил. 1). При распределении родившихся по полу обращает на себя внимание то, что в 1932 г. биологическая пропорция между мальчиками и девочками при рождении не была нарушена. Доля лиц мужского пола составила 51 %. Это вполне соответствует биологическим нормативам для человека. В 1933 г. удельный вес мальчиков в числе младенцев возрастает до 52,7 %. Это свидетельствует о повышенной смертности младенцев. Естественно, среди детей, погибающих в возрасте до года, должны были лидировать мальчики. Однако статистически прослеживается обратное. Следовательно, резко увеличилось число умирающих младенцев обоего пола, но в силу сложившихся традиций (сын – будущий кормилец семьи и продолжатель рода) в условиях жестокого голода спасали чаще мальчиков. Кроме того,

¹ Там же. Д. 33. Л. 36 об.; Д. 55. Л. 1.

² Население России в XX в. Т. 1. С. 337.

³ ОЗАГС Администрации г. Куйбышева. Текущий архив; ОЗАГС Администрации Куйбышевского района Новосибирской обл.

погибающих вскоре после рождения младенцев женского пола не регистрировали вообще.

Еще сильнее выражена половая диспропорция демографических событий, зарегистрированных в среде иногородних. Здесь доля мальчиков в числе родившихся повышается до 57 %, в сельской местности она составляет 56,5 %. В 1934–1935 гг. этот показатель сокращается до 51,4–51,6 %, он всё еще несколько повышен по сравнению с биологическими весами. В 1936 г. доля мальчиков среди родившихся вновь возрастает до 53 %. Такие факты свидетельствуют о повышении смертности младенцев и о недоучете данного явления в статистике, особенно применительно к девочкам. Ярче всего это проявилось в сельской местности. И только в 1937–1939 гг. младенцы мужского пола снова составили нормальную пропорцию: около 51 %.

Среди умерших весь период 1930-х гг. преобладали мужчины. Факт, не вызывающий никаких сомнений, ибо и в обычные спокойные периоды их доля в смертности повышена из-за более низкой продолжительности жизни у лиц данного пола. Однако 1933 г. выделяется ярко выраженной половой диспропорцией. Среди умерших лица мужского пола составили 55 %, а в городах – 56,1 %. У иногородних удельный вес мужчин повышается до 77,6 %, в том числе в городах до 78,3 %. Диссонансом выглядит ситуация в сельской местности. Здесь в числе скончавшихся преобладают женщины. При этом соотношение обратное: доля женщин достигает 62,2 %. Отсюда можно сделать вывод, что в условиях голода в города бежали в первую очередь мужчины, надеясь найти заработок в сферах, отличных от сельского хозяйства. Женщины обычно возвращались к родственникам, надеясь пережить голодный период вместе с ними.

Однако только этим женский перевес 1933 г. в деревенской смертности вряд ли объяснишь. Нужно принять во внимание недоучет смертности мужчин, в том числе погибших при репрессиях. Например, 30 апреля 1933 г. уполномоченный Барабинского райотдела ОГПУ А. Н. Заев лично участвовал в расстреле 19 крестьян, осужденных по «заговору в сельском хозяйстве»¹. Прославился своими участиями в массовых расстрелах в 1933 г. и С. Я. Труш². Ясно, что таких случаев было много. Расстрелянные крестьяне в статистику смертей не попали, но ведь все они были мужчинами.

Повышенная доля мужчин среди зарегистрированных умерших (54–55 %) наблюдалась в 1934–1935 гг. После этого она опускается до 52–53 %.

¹ *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Нов. хронограф, 2008. С. 233.

² Там же. С. 71–72.

1936–1939 гг. – это период массовых репрессий, и часть возможных смертей среди мужчин произошла в заключении или сразу после суда. Такие случаи в общегражданскую регистрацию не попали, что создало иллюзию возвращения к нормальному соотношению полов среди умерших.

За голодом с временным лагом в 7–9 месяцев следовало и снижение рождаемости. Это можно проследить на примере Каинска. Здесь в 1929 г. родилось 416 детей, в 1931 г. – 457, в 1932 г. – 415, в 1933 г. – 257, в 1934 г. – 331 и в 1935 г. – 403 человека¹. Видно, что рождаемость снизилась по отношению к 1931 г. на 9,2 % уже в 1932 г., в начале которого отмечался голод. В 1933 г. снижение стало катастрофическим – число родившихся уменьшилось на 39,1 %. В 1934 г. рождаемость стала увеличиваться, рост составил 28,8 %. В 1935 г., когда последствия голода были в основном преодолены, прирост рождений составил еще 21,7 %. Снижение количества зарегистрированных рождений в 1932–1934 гг. происходило не только за счет уменьшения числа зачатий в условиях голода, но и в силу недоучета младенцев, умерших вскоре после рождения. В голодные годы возросло количество выкидышей и смертей беременных женщин. Лишь в 1936 г. число родившихся (519²) превысило количество таковых в 1931 г., однако в это время в Каинске жило уже более многочисленное население.

Статистический недоучет и печальные демографические итоги голода 1930-х гг.

Полнота статистического учета в 1934 г. существенно снизилась даже по отношению к 1933 г. В последнем данные о регистрации предоставили 90 % сельсоветов, а в 1934 г. – 86 % (табл. 4.7). В некоторых сельсоветах регистрация продолжалась не весь год, а в общей статистической сводке сельсовет присутствовал как подавший сведения. Это также искажало статистическую картину. В 1934 г. доля населения, охваченного статистическим учетом, снизилась в Венгеровском районе на 4,4 процентных пункта, в Чановском – на 9,4, но сильнее всего в Татарском – на 37,4 %. В последнем доля жителей, охваченных регистрацией, составила лишь 50,9 %. Это уже означало недостоверность материалов учета. Справедливости ради надо заметить, что полнота населения, охваченного статистическим учетом, в других районах возросла. Особенно в Убинском (на 15,5 %) и Барабинском (на 1,5 %) районах, в прочих прирост составил доли процента.

¹ ОЗАГС Администрации г. Куйбышева. Текущий архив. Для 1933 г.: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 2.

² ОЗАГС Администрации г. Куйбышева. Текущий архив.

**Полнота регистрации естественного движения населения Барабы
в 1934 г.***

Район	Численность населения, чел.	Кол-во лиц, охваченных регистрацией		Кол-во лиц, не охваченных регистрацией, %
		абс.	%	
Барабинский	61 538	54 301	88,2 (34)	11,8 (5)
Венгеровский	54 813	43 850	79,9 (28)	20,1 (7)
Здвинский	43 088	40 212	93,3 (19)	6,7 (1)
Купинский	75 605	65 217	86,3 (32)	13,7 (5)
Кыштовский	50 734	49 105	96,8 (25)	3,2 (1)
Северный	29 614	29 233	98,7 (19)	1,3 (1)
Татарский	58 366	29 732	50,9 (22)	49,1 (22)
Убинский	54 523	53 280	97,7 (32)	2,3 (1)
Чановский	30 542	25 323	82,9 (22)	17,1 (4)
Доволенский**	51 770	51 770	100 (23)	0
Итого:	510 593	442 023	86,6 (256)	13,4 (47)
Итого без Доволенского района:	458 823	390 253	85,1 (233)	15 (47)

* Рассчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 55. Л. 2, 9–12. В скобках указано количество сельских советов.

** Доволенский район только частично входил в Барабинский окр. (бывший Баклушинский район). Вычленив долю Баклушинского района не представляется возможным.

Статистика отмечает очень низкие показатели смертности в сельской местности как следствие огромного недоучета статистических событий. Незарегистрированных смертей было больше, чем рождений. Шло значительное преувеличение естественного прироста. Это накладывалось на плохой учет миграций. Произошло не только завышение численности населения субрегиона, но исказилась и картина его территориального размещения.

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень рождаемости в сельской местности в 1932–1934 гг. был ниже, чем в городах. В 1935–1936 гг. по уровню рождаемости лидируют уже жители села, горожане немногим (на 2–7 %) отстают от них. В 1937–1938 гг. (после запрещения абортов 27 июня 1936 г.) уровень прокреации в городах существенно, на 20–30 %, превышал показатели рождаемости в селах. Это свидетельствует как о распространенности абортов в городах, так и о более качественном учете в них демографических событий. В 1939 г. показатели у обеих категорий населения сравнялись. В сельской местности качество учета улучшилось к концу 30-х гг.

Именно к этому моменту показатели смертности достигли уровня конца 20-х гг., что свидетельствует об улучшении качества работы загсов. Следует отметить, что число родившихся в сельской местности существенно сократилось по отношению к годам нэпа, а именно эта категория имеет максимальные показатели смертности и существенно влияет на общий уровень смертности. Следовательно, выросла смертность в старших возрастах.

В народной памяти голод 1932–1933 гг. зафиксировался навсегда черной страницей истории. В фольклоре отложились грустные частушки и поговорки о страшном годе: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу»¹; «Пошла плясать – дома нечего кусать. Были хоть бы корки, да на ногах опорки». Е. И. Бурматова (бабушка одного из авторов данной монографии) рассказывала: «Всю траву переели. Спасло то, что мужики сплошь охотники были, да рыбаки. Дичь и рыба помогли пережить голод. Свекор, чтоб не раскулачили, выделил обоих сыновей» (в самостоятельные хозяйства)². М. А. Бурдыко (другая бабушка А. А. Бурматова) поведала о голоде 1933 г. так: «Голодовка яка була. Поили усю траву, кору с деревьев. Щоб тому Ленину и Сталину пусто було. Люды ходылы, як тени. Нэма сылы було, щоб поховаты (похоронить) добрэ. В могылу по тры людыны клалы. Другой раз не зналы, кого. Ходыло багато народу. А хто воны, и никто не знав. От голоду хотилы поховатыся (спрятаться), бо нэма ни хлиба, ни молока. Ни у кого ничего нэма. Та и домовыну (гроб) не давалы зробіты (сделать). У нашей деревне Чекуново пала вид (от) сапу кобыла. Пока възлы по вулыци, за нею, як за покойныком, бабы шлы. Як увэзлы за сило, разом усю порозидралы (разделали). Одной жинке не досталося – выла, як белуга. В хате чотыри мальчика. Дома ж нэма ничего исты було. Усэ позабыралы. Свои мордувалы, писля и самы голудовалы. Що ни голый, то друг власти большевичей. Уси – голытьба. Працюваты (трудиться) ни хотилы, думалы, что Сталын накормыть. Вот и мордувалы. А Сталын за тридцять рокив (лет) ни разу досыту ни накормыв. А кыргызы (казахи по терминологии тех лет) на верблюдах издылы по деревням. Воны у соби усю худобу и животноу забилы. Та помыралы кучамы. До нас воны ни доихалы». На вопрос, считал ли кто-нибудь, сколько людей умерло, ответила: «У нашой Чекуново тилькы одын хлопчык. А по инкшым (другим селениям) – хто знае! Никому ни нужно и никому ни трэба було их порушаты (посчитать).

¹ Воспоминания Е. И. Бурматовой (1907–1996), жительницы с. Назарово Куйбышевского района // Личный архив А. А. Бурматова.

² Там же.

Самы б хочь пережылы. Опухалы многи»¹. Хоронили, видимо, сбежавших из спецпоселений, голодавших и бродивших в поисках пропитания.

В книге В. В. Кондрашина приводятся подобные материалы по районам Поволжья и центра европейской части России². Аналогичные свидетельства опубликованы по Украине³. У колхозников и единоличников «забирали весь хлеб подчистую, как в годы продразверстки, с тем, однако, отличием, что теперь забирали всё и у заведомых бедняков», – пишет историк Н. А. Ивницкий⁴.

В целом по РСФСР в 1930-е гг. избыточная смертность составила около 3,7 млн человек. Смерти распределялись следующим образом. В основных районах, пораженных голодом 1932–1933 гг. – 1,5 млн, в местах заключения – 1 млн, смертность середины и второй половины 30-х гг. – 1,2 млн душ⁵. И. Дядькин оценивает избыточную смертность для всего СССР за 1929–1936 гг. в 15,2 млн человек⁶. Дядькин принимает для отчета данные о численности населения в стране на 1937 г. в 163,8 млн человек⁷, опубликованные в справочнике в 1975 г. Но итог переписи 1937 г. – 162 млн. Таким образом, Дядькин будто бы несколько занижает число потерь. Учитывая, что в 1929 г. данные текущей статистики были завышены на 0,8 млн человек, расчеты Дядькина занижены примерно на 800 тыс.

Было бы неверно относить всю разницу между численности расчетного и реального населения СССР на потери в ходе голода и репрессий. Сказывался и фактор снижения рождаемости (не менее чем на 6 млн человек), и эмиграция за рубеж. Последняя, впрочем, не превышала 200 тыс. человек⁸. Кроме того, могла сказаться неточность итогов переписи 1937 г. Современные исследовате-

¹ Воспоминания М. А. Бурдыко (1913–2000), в 30-е гг. – жительницы сел Чекуново, Коноваловка, Ефремовка Куйбышевского района и позже г. Куйбышева. Записано в 1989 г. // Личный архив А. А. Бурматова.

² Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. С. 507–514.

³ Харькова Т. Вспоминая о голодоморе: прил. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 101/102. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/tema01.php> (дата обращения: 03.10.2019); Гойченко Д. Сквозь раскулачивание и голодомор: свидетельство очевидца. М.: Рус. путь, 2006.

⁴ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. 353.

⁵ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31.

⁶ Dyadkin I. Op. cit. P. 25.

⁷ Ibid. P. 24.

⁸ Марианський А. Современные миграции населения. М.: Статистика, 1969. С. 102.

ли оценивают ее погрешность в 0,4 %, или 700 тыс. человек¹. Видимо, потери населения СССР из-за повышенной смертности за 1929–1936 гг. располагались в пределах 8–9 млн человек. Но это тоже очень много.

Попутно заметим, что цифру избыточной смертности в годы коллективизации, близкую к оценке И. Дядькина, приводит и английский исследователь Р. Конквест. Его расчеты в 14,5 млн распределяются примерно поровну между жертвами раскулачивания и голодомора. Жертвами голодомора, по его мнению, являются 6 млн, жертвы раскулачивания – 5 млн; 3,5 млн умерли в лагерях после 1937 г.² Эти оценки сильно преувеличены. Такое мнение высказал еще эмигрант С. Максудов (А. Бабенышев)³. Он приводит важные аргументы против преувеличения сверхгибели украинцев от голода, объясняя сокращение их численности сменой этнической идентичности. Максудов оценивает повышенную смертность в СССР в 1926–1938 гг. для лиц, родившихся до 1926 г., в 5,7 млн человек. Для всего населения в 1926–1938 гг. – 9,8 млн (5,9 млн мужчин и 3,9 млн женщин)⁴. Эта оценка заслуживает доверия. Польский исследователь П. Эберхардт, специально рассматривавший вопрос о количестве погибших от голода в СССР в 1932–1933 гг., указывает, что число умерших от голода и коллективизации на Украине не могло превышать 4 млн⁵. Стала популярной оценка сверхсмертности в 1927–1938 гг. для СССР в 7,9 млн человек⁶. Это соответствовало, по замечанию И. Дядькина, численности населения Кубы или Швеции⁷.

Замедление прироста русского населения отмечается по всей стране. По данным статистического наблюдения, в 1926 г. естественный прирост составлял в России 23,2 ‰, в 1927 г. – 22,4, в 1928 г. – 18,8 ‰. В 20-е гг. прирост населения в России и СССР был самым высоким в Европе. Начиная с 1929 г., он резко замедляется. В 1933 г. отмечается естественная убыль русского населения⁸. Отмечается и общее сокращение численности жителей страны. На это указывал

¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. С. 29.

² Конквест Р. Жатва скорби. L.: Overseas Publications interchange ltd, 1988. С. 438–440.

³ Максудов С. Потери населения СССР. Venson (Vermont): Chalidze publications, 1989. С. 226–228.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Эберхардт П. География населения России. СПб.: Невск. простор, 2003. С. 24.

⁶ Там же.

⁷ Dyadkin I. Op. cit. P. 7.

⁸ Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1996. С. 220; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 14–15.

Б. Ц. Урланис еще в 1974 г., но в зашифрованном виде, рассматривая численность населения по прогнозу Госплана на первую пятилетку¹.

Резкое и быстрое снижение рождаемости происходит в 30-е гг.² и является результатом ее регулирования (главным образом вследствие огромного числа аборт³). Оно распространяется на Украину, Белоруссию и большую часть России⁴. В условиях индустриализации и коллективизации, когда усилились процессы, деформирующие семейные отношения, население стало ограничивать число детей в семье. Естественный прирост снизился, а на многих территориях в течение нескольких лет был даже отрицательным. Лишь ассимиляционные процессы в СССР не позволили сократиться доле русского этноса в населении страны⁴. По данным ЦСУ и Р. И. Сифман, рождаемость в 30-е гг. XX в. сократилась на 20–30 %⁵. Аборты достигли значительной величины, снижая рождаемость в городах на 2,8 ‰, в деревнях – на 0,5 ‰⁶. Исследования показали, что у матерей, совмещающих домашнее хозяйство и уход за детьми с производственным трудом, плодовитость была ниже среднего уровня уже в 1930-х гг.⁷

Массовая гибель миллионов людей не беспокоила советское руководство. Историк В. А. Исупов пишет: «Рационалист и технократ, Сталин стремился спасти не людей, а рабочую силу (“кадры”, по его выражению) и тем самым обеспечить максимально высокие темпы индустриализации»⁸. Для обеспечения прорыва власть решила подкормить и колхозников. Тем из них, которые были заняты на работах, стали выдавать по 400 г хлеба в день. Это было названо «производственной помощью»⁹. Объективно такая мера могла помочь некоторому снижению смертности. Власти зорко следили, чтобы выдаваемый паек работники не уносили домой покормить детей¹⁰.

¹ Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. С. 319.

² Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 11–12.

³ Кабузан В. М. Русские в мире. С. 221.

⁴ Там же. С. 222; Козлов В. И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 105–116, 165–174.

⁵ Сифман Р. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М.: Статистика, 1974. С. 43; Максудов С. Потери населения СССР. С. 137, 148.

⁶ Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. С. 30.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 108.

⁹ Гойченко Д. Указ. соч. С. 286.

¹⁰ Воспоминания Е. И. Бурматовой.

Факторы и масштабы высокой смертности населения в 1934–1939 гг.

По данным исследователей, от недоедания люди продолжали умирать и в 1934 г.¹ В этот год смертность несколько понизилась, величина естественного прироста становится положительной повсеместно, хотя величина его была невысокой². Демографические последствия голода ощущались даже в 1935 г., когда показатели еще были искажены пониженным естественным приростом. В 1935 г. в Западной Сибири уровень рождаемости составил 35,8 ‰, в том числе в городах – 29,1, в селениях – 38,3 ‰³. Ее пониженный уровень свидетельствовал о тяжести пережитого голода. Естественный прирост всего населения региона был зарегистрирован на уровне 13,9 ‰, у горожан он составил 9,1, у сельских жителей – 16,5 ‰⁴. Эти величины больше чем в два раза меньше уровня, характерного для периода нэпа. В Барабе ситуация оказалась лучше, чем по Западной Сибири в целом. Естественный прирост составлял в городах около 20 ‰, а у сельского населения – 21 ‰. Однако и эти показатели были ниже наблюдаемых в годы нэпа.

В 1935 г. о неблагоприятном состоянии здравоохранения в Куйбышевском районе (бывшем Барабинском) сообщает председатель Куйбышевского райисполкома Коссаковский (в дальнейшем он был репрессирован и расстрелян): «...Тяжелое положение в медицинском отношении... Немыслимо положение больницы г. Куйбышева, дальнейшее [ее] функционирование невыносимо из-за финансирования...»⁵. На 1 января 1935 г. в Куйбышевском районе имелось 15 врачей и 17 человек среднего медицинского персонала, из них в городах (Куйбышев и Барабинск), соответственно, 14 и 5. Таким образом, в сельской местности с почти 70-тысячным населением работали только один врач, 12 фельдшеров и акушерок. В Татарском районе трудились 8 врачей и 7 специалистов среднего медицинского звена, из них в городе Татарске – 6 и 5, соответственно. На 66 тыс. сельских жителей района приходились лишь два врача и два их помощника. Не лучше обстояло дело в других районах Барабы. В Венгеровском наличествовало 4 врача и 2 представителя среднего медперсонала. В Здвинском, соответственно, 1 и 2, в Кыштовском – 3 и 6, в Северном – 1 и 4, в Убинском – 4 и 8. В Чистоозёрном районе врачей не было вообще. Здесь ра-

¹ Боффа Дж. История Советского Союза. М.: Междунар. отношения, 1990. Т. 1: От революции до Второй мировой войны, Ленин и Сталин. С. 372.

² Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 13.

³ Население Западной Сибири в XX в. С. 72.

⁴ Рассчитано по тому же источнику.

⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2836. Л. 210, 212.

ботало только два специалиста среднего медицинского звена. Больше повезло Купинскому району: на его территории выполняли свои функции 4 врача, но без специалистов среднего медицинского звена¹.

В 1935 г., как отмечалось в официальном рапорте, в Западной Сибири «были достигнуты успехи в сфере здравоохранения». По сравнению с 1913 г., заболеваемость на тысячу жителей снизилась: брюшным тифом – с 24,2 до 9,4 случая, оспой – с 7,1 до 0,2, скарлатиной – с 25,7 до 8,3, дифтерией – с 15,6 до 4,5 ‰. Общий коэффициент смертности составлял в 1911–1912 гг. 31,7 ‰, а в 1935 г. – 22,3 ‰². При этом отмечается острый недостаток медикаментов. Власти не указывали, что по сравнению с годами нэпа смертность перестала снижаться, а в начале 1930-х гг. имел место ее скачок. Даже в 1935 г. показатели смертности были выше или равнялись смертности середины 20-х гг. Хотя, как известно, после пережитого голода смертность существенно падает вследствие преждевременного вымирания людей с ослабленным здоровьем и понижения общего уровня рождаемости – у детей младших возрастов смертность существенно выше, чем у населения в целом. Мортальность сельчан в Западной Сибири с 1933 по 1935 г. сократилась с 28,4 до 22,8 ‰, т. е. на 1/5. В городах, согласно официальным статистическим данным, снижение смертности было более значительным: с 31 до 20 ‰, т. е. на 1/3³.

Во второй половине 30-х гг. выросли показатели заболеваемости от инфекционных заболеваний: от дифтерии и коклюша – в 2 раза, кори – в 2,5 раза, скарлатины – в 4,6 раза, дизентерии и гемоколита – в 17,2 раза⁴. Это связано с ухудшением питания населения и его длительным нахождением в условиях постоянного стресса, снижением уровня жизни. Сказались также более точное распознавание заболеваний и улучшение качества учета.

В зимний период 1936–1937 гг. крестьянство России снова переживает настоящий голод⁵, хотя масштабы его были намного меньшими, чем в 1932–1933 гг. Население Барабы в этом отношении не являлось исключением. Данное обстоятельство не могло не отразиться на масштабах естественного движения населения. В 1936 г. в РСФСР показатели смертности снова стали повышаться. Прирост числа учтенных смертей составил почти 22 %⁶. Именно в 1936 г. из-за вспышки скарлатины и дифтерии обе бабушки А. А. Бурматова,

¹ Народное хозяйство Запсибкрая. С. 422–424.

² ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2836. Л. 60–61.

³ Население Западной Сибири в XX в. С. 72.

⁴ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 44. Л. 16.

⁵ Маслов С. С. Указ. соч. С. 220.

⁶ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. С. 12, 14.

одного из авторов настоящей монографии, потеряли по одному ребенку. Одна из них – девочку Аню 1,5 лет, вторая – мальчика Костю, который не дожил до года. М. А. Бурдыко свидетельствовала, что в их д. Чекуново в момент эпидемии ежедневно от скарлатины умирало до трех детей¹. Значительную долю в смертности составляли детские смерти от дизентерии. Неблагоприятную ситуацию в смертности детей подтверждают и данные медицинских органов. На Пятом Всесоюзном съезде педиатров говорилось: «Никак нельзя мириться с громадными недочетами, которые имеются в нашем деле... В борьбе с летними поносами нельзя увлекаться только лечебными мерами, а надо идти ясным, определенным путем предупреждения болезни»².

Большой вред приносила малярия (болотная лихорадка), широко распространенная в болотистых местностях Барабы. Отметим, что ее эпидемии регулярно повторялись, нанося вред экономике и унося тысячи человеческих жизней. Медики показывали большой подъем заболеваемости в 1922–1924 гг., но об эпидемии середины 1930-х гг. говорилось глухо. В отчетах для широкой общественности говорили однобоко – как о факторе, не позволяющем выработать трудодни. Отмечалось широкое распространение малярии весной – осенью, когда идут полевые работы. В популярном очерке о малярии, распространяемом бесплатно в виде брошюры с массовым тиражом (важное свидетельство критической ситуации), говорилось: «В текущую эпидемию малярии наблюдались среди детей тяжелые мозговые формы, нередко оканчивающиеся смертью спустя несколько часов после начала заболевания»³. Предусматривались разные меры борьбы с напастью – от современных медицинских до народных (окуривание, сооружение пологов, санитарная обработка водоемов, просвещение населения).

Динамика острозаразных заболеваний в Новосибирской области в 1934–1939 гг. представлена в таблице 4.8. Из ее данных видно, что целый ряд заболеваний переживал тенденцию к росту. Видно, что эпидемия малярии отмечается в 1934–1936 гг. Несомненно, что по некоторым заболеваниям имеется не фактический прирост числа заболевших, а лучшее распознавание недугов и включение случаев в медицинскую статистику.

¹ Воспоминания Е. И. Бурматовой, М. А. Бурдыко.

² Конюс Э. М. Указ. соч. С. 386.

³ Шахматов А. П., Ферри Л. В., Шипова А. А. Малярия и борьба с ней: научно-популярный очерк. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. отд. здравоохранения, 1936. С. 5.

**Динамика зарегистрированных случаев поражения острозаразными инфекциями
в Новосибирской обл. (в границах 1940 г.), чел.***

Заболевание	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Тиф брюшной	5380	4168	2549	3018	1765	2222
Тиф сыпной	2016	5286	3668	3631	2432	1139
Корь	7995	4850	21 425	22 307	17 999	18 962
Скарлатина	1571	4415	7794	10 269	8940	7216
Дифтерия	2082	2061	1820	1821	2345	4120
Малярия	138 582	178 942	23 4931	90 440	61 748	47 487
Коклюш	6391	9103	3994	7931	8105	12 033
Дизентерия и гемоколит	8008	26 348	58 005	61 733	144 961	137 365
Дизентерия бациллярная	...	13 565	2683	6026	8056	843
Гемоколиты	4565	5849
Детский понос	...	8920	1946	13 980	52 568	59 168

* ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 44. Л. 16.

О постоянных вспышках инфекций напоминает нам обилие постановлений, принятых на самом высоком уровне с целью борьбы с эпидемиями и повышения качества медицинской службы. Например, постановление СНК СССР от 28 апреля 1938 г. (об укреплении сельского врачебного участка) поставило задачу – улучшить медицинское обслуживание сельского населения. Положение о сельском врачебном участке, утвержденное Наркомздравом СССР 5 июня 1938 г., предписывало «предупреждение и улучшение санитарного состояния обслуживаемого участка». Постановление СНК СССР от 16 декабря 1939 г. «О мероприятиях по развитию и укреплению дезинфекционного дела» обязало Наркомздрав оборудовать всю сеть сельских врачебных участков дезинфекционными камерами, инструментом, ввести в штат этих учреждений дезинфектора¹.

Статистическое управление до середины 1937 г. продолжало направлять доклады о демографическом положении, в которых подчеркивалось повышение рождаемости, как в 1936 г. В этих же документах сигнализировалось и о повышении смертности². Но в городском населении Барабы в 1936 г. прирост населения снова стал замедляться. В городах и сельской местности продолжалось

¹ Сборник материалов по проведению противоэпидемических мероприятий на сельском врачебном участке / под ред. С. А. Колесникова. М.: Медгиз, 1943. С. 155.

² Блюм А., Месуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. С. 99.

увеличение количества рождений и смертей. При этом в городах смертность росла быстрее рождаемости, что и уменьшило естественный прирост.

Смертность в сельской местности продолжала существенно увеличиваться и в 1937, и в 1938 г., что показывало улучшение статистического учета. Однако вследствие репрессий 1937–1938 гг. доля учтенных случаев смерти снижается. В общегражданской статистической регистрации случаи смерти арестованных не фиксировались. Как показывают известные теперь данные о числе погибших репрессированных лиц по Северному и Куйбышевскому районам (см. главу 2), даже частичное включение их в общегражданскую регистрацию увеличивает смертность населения в 1,5 раза. Для Куйбышева наша оценка смертности для 1937–1938 гг. показывает увеличение смертности до уровня 40 человек на каждую тысячу жителей¹.

Отметим и усиление гонений на верующих, которые стали массовыми к концу «безбожной» пятилетки. Установлено по данным архивов, что эта категория населения смогла организовано и методами, не запрещенными властями, противостоять натиску бюрократической машины. В Каинске на закрытие церкви понадобилось несколько лет. Активно защищались и православные храмы (Спасский собор², церковь Рождества Иоанна Предтечи), и католический собор³. Конечно, не обошлось без арестов наиболее активных прихожан и членов общины, что следует из материалов дел. Например, арестован и бесследно исчез Вавилов, возглавлявший общину православных прихожан Спасского собора. Судя по данным, даже находящимся в открытом доступе, на верующих оказывалось жесткое давление: их вызывали в органы НКВД, партийные и советские комиссии; к ним применялись административное задержание, избивание, были арестованы десятки верующих. Католический храм был закрыт в 1936 г., а Спасский собор окончательно в феврале 1938 г. и вскоре взорван. Это событие получило большой негативный общественный резонанс, ибо планировалось передать кирпичи на строительство тюрьмы и водочного завода, а при взрыве погибло двое заключенных.

Плохо снабжались обитатели детских учреждений. Так, в Куйбышеве в детском доме для детей репрессированных родителей предусматривалось 100 мест. Отношение к детям было отвратительным. Воспитанников били, жестоко наказывали, морили голодом по два – три дня, предназначенные для них

¹ Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. С. 130.

² ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3381. Л. 1–147.

³ Там же. Д. 1820. Л. 1–74.

продукты разворовывались и т. д. Многие дети были истощены. Все эти факты потребовали вмешательства властей. На заседании бюро Куйбышевского комитета партии рассматривалась ситуация в детском доме. Установили, что директор Король «грубо обращался с детьми», выявили хозяйственные злоупотребления. Решено было «директора Короля от работы отстранить, проверить факты избиения детей в детском доме и издевательского отношения к детям»¹. Имелись случаи смерти детей. В 1938 г., когда положение в доме улучшилось, умерли два мальчика, 11 и 12 лет².

О резком ухудшении продовольственного снабжения в районах Западной Сибири говорят данные архивов. Например, в датированных концом октября 1936 г. материалах о валовых сборах зерна и урожайности в западных и юго-западных районах Западно-Сибирского края. Согласно этим материалам, урожайность зерновых составляла от 1,8 (в Чистоозёрном районе) до 3,9 (в Венгеровском районе) ц/га. В большинстве других районов она не превышала 3 ц/га. Менее 1 кг хлеба на трудодень выдавали в Здвинском районе в 42 колхозах из 75; в Чановском – в 42 из 69, в Венгеровском – в 76 из 110, в Купинском – в 58 из 107. Судя по отчетам, ситуация была более благоприятной в Татарском районе, где выдавали на трудодень менее 1 кг в 15 хозяйствах из 101, в Усть-Таркском – в 15 из 51, в Барабинском – в 19 из 44 и особенно в Куйбышевском районе, где таких колхозов было всего 5 из 90³. В то же время власти применяли репрессивные меры к руководству и членам колхозов, обвиняя их в саботаже. Согласно информационному сообщению исполняющего обязанности прокурора Западно-Сибирского края Позднякова о борьбе с «саботажем» хлебоуборки и зернопоставок, расхищением и порчей зерна от 14 сентября 1936 г., на 5 сентября было осуждено 42 человека⁴.

В 1937 г., когда была образована Новосибирская область, смертность в регионе оставалась высокой. Главным фактором, определявшим ситуацию, являлась заболеваемость. Динамика острозаразных болезней была противоречивой. По целому ряду недугов заболеваемость последовательно снижалась. Например, число заболевших малярией в 1936 г. на каждые 10 тыс. жителей составило 646 человек, в 1937 г. – 231, в 1938 г. – 158, в 1939 г. – 111⁵. В то же время по ряду других недугов отмечался рост числа заболевших, причем ле-

¹ Там же. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 137. Л. 245.

² ОЗАГС Администрации г. Куйбышева. Текущий архив.

³ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4: 1934–1936. С. 862–864.

⁴ Там же. С. 833.

⁵ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

тальность оставалась высокой. От инфекционных заболеваний в области умирало немало людей, особенно это касалось младенцев. В Сибири в 1938–1940 гг. смертность стабилизировалась на уровне 20 ‰¹, тогда как в целом по СССР, по данным регистрации, она была ниже: 17–18 ‰². Значительный рост смертности в 1940 г. по стране частично был связан с высокой смертностью заключенных и их включением в общегражданскую регистрацию. В Сибири в большинстве субрегионов гибель заключенных не учитывали: сюда «новые веяния... не дошли»³.

В Новосибирской области в ее современных границах, по данным регистрации, смертность составляла в 1939 г. – 20,3, а в 1940 г. – 21,5 ‰. Это превышало показатели СССР, РСФСР и всей Сибири⁴. Младенческая смертность тоже имела тенденцию к увеличению. В 1926 г. число детей, скончавшихся, не дожив до года, по СССР в целом составляло 174 ‰, в 1937 г. – 170, в 1940 г. – 182 ‰⁵. В Новосибирской области ситуация была более тяжелой. В 1939 г. до года не дожили 15 593 младенца, или 196 ‰. В 1940 г. таковых было 16 313, или 217,5 ‰. В этом году в селах младенческая смертность составила 221 ‰, в городах – 209,2 ‰⁶. Смертность младенцев в области на 6 % превышала общероссийскую (205,2 ‰)⁷. При повышенной рождаемости число умерших младенцев в области существенно повышало общую смертность. В 1939 г. удельный вес детей, не доживших до года, в Новосибирской области составлял 41,2 % от всего числа умерших, в 1940 г. – 39,6 %⁸. В СССР доля умерших младенцев равнялась 33 %⁹. Стабилизация и некоторое снижение удельного веса умерших детей в общей смертности были вызваны снижением числа родившихся и повышением смертности в старших возрастах.

¹ *Исупов В. А.* Демографическая ситуация в Сибири накануне Великой Отечественной войны // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1997. С. 104.

² *Население СССР* / под ред. А. Я. Боярского. М.: Политиздат, 1974. С. 9.

³ *Современная демография* / под ред. А. Я. Кваши, В. А. Ионцева. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 46.

⁴ *Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.* М.: Статистика, 1965. С. 19; *Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл.* Новосибирск: Облстат, 1968. С. 2; *Население СССР: численность, состав, движение, 1973.* М.: Статистика, 1975. С. 69–70.

⁵ *Население СССР* / под ред. А. Я. Боярского. С. 9.

⁶ *Естественное и механическое движение населения Новосибирской обл.* С. 17, 22–23.

⁷ *Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.* М.: Финансы и статистика, 1988. С. 349.

⁸ *Естественное и механическое движение населения Новосибирской обл.* С. 1–2, 17, 22.

⁹ *Население СССР.* М.: Статистика, 1973. С. 41; *Население СССР, 1987.* М.: Финансы и статистика, 1988. С. 110, 344.

В 1939 г. минимальный показатель младенческой смертности в области наблюдался в Карасукском районе – 93,2 ‰. Максимальные показатели отмечались в Чистоозёрном районе – 241,9, Кыштовском – 249,2 ‰. В областном центре младенческая смертность была выше среднеобластного показателя на 7,1 % и составляла 210 ‰¹. В 1939 г. ни в одном районе Барабы младенческая смертность не превышала уровень дореволюционной России – 269 ‰. Средний показатель по области был превышен в Чистоозёрном, Здвинском, Кыштовском, Северном районах. Еще в четырех районах он равнялся среднеобластному показателю. Минимальные величины зарегистрированы в г. Куйбышеве и Чановском районе (табл. 4.9).

Таблица 4.9

Естественное движение населения в Барабе в 1939 г., ‰*

Район, город	Рождаемость	Общая смертность	Младенческая смертность	Естественный прирост
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Барабинск	47,7	21,8	179	25,9
Куйбышев	50,8	25	149,6	25,8
Татарск	47,9	20,1	185,5	27,8
Барабинский	49,5	17,4	194,9	32,1
Венгеровский	45,5	17,8	189,4	27
Здвинский	46,8	25,8	230,5	21
Куйбышевский	41,9	17	196,1	24,9
Купинский	46,7	19,2	178,8	27,5
Кыштовский	45,9	22,2	249,2	23,7
Северный	41,8	19,4	205,2	22,4
Татарский	48,7	18,9	167,2	29,9
Убинский	46,9	19,8	196,5	27,1
Усть-Таркский	46,9	19,8	198,6	27,1
Чановский	46,9	18,1	159	28,8
Чистоозёрный	50,6	25,3	241,9	25,3
Новосибирская обл.	42,7	20,3	196	22,4

* Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. Новосибирск: Обл-стат, 1968. С. 14, 16, 23.

В 1940 г. почти повсеместно регистрировалось увеличение числа умерших детей. В целом по области прирост составил 11 %. Существенно изменилась ситуация на местах. Минимум младенческой смертности был достигнут

¹ Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. С. 21.

в г. Искитиме – 100 ‰. Показатели свыше 300 ‰ зафиксированы в Кыштовском районе – 337, Михайловском – 306, Краснозерском – 305, Северном – 303 ‰¹.

Показатели младенческой смертности рассчитаны здесь по формуле Ратса для регионов с высокой младенческой смертностью. Они отражают тенденцию ее развития достаточно точно. Резкие колебания показателей смертности частично вызваны игрой малых цифр, т. е. стечением множества случайных факторов. Отчетливо проявилось общее увеличение смертности при небольшой численности родившихся из-за ухудшения условий жизни. В десяти районах области ее показатели превысили уровень, наблюдавшийся в дореволюционной России (269 ‰). Общероссийский показатель младенческой смертности 1940 г. (205,2 ‰) превышался в 21 административной единице Новосибирской области из 45 (в современных границах)².

О доле умерших детей в общем числе смертей можно судить по данным таблицы 4.10. Сведенные и рассчитанные нами данные за 1932–1939 гг. показывают, что удельный вес младенческой смертности в общей редко опускался ниже 30 %. Минимальный процент отмечен в 1933 г., однако, принимая во внимание недоучет смертей, когда смертность новорожденных учитывалась хуже всего, можно констатировать, что это просто результат плохого качества учета. Доля умерших младенцев колебалась от 1/3 до 2/5 в общем числе умерших. Практически всегда данный показатель был выше среди мужчин. Исключение составляет 1933 г., когда доля умерших младенцев мужского пола в городах оказалась ниже, чем у женщин. Это опять объясняется качеством учета. Кроме того, мужчины во время голода гибли чаще женщин, а регистрировали их лучше. Этого не скажешь о младенцах как мужского, так и женского пола. Рассматривая долю умерших младенцев, нельзя не отметить, что она в городах всегда была ниже, чем в селах, причем для обоих полов это явление прослеживается без всяких исключений. Объяснить его можно двояко: как более частой гибелью детей в возрасте до года в сельской местности, где медицинское обслуживание было поставлено хуже, так и более высоким уровнем рождаемости в сельской местности. После запрещения аборт в 1936 г. разрыв между городской и сельской местностью стал минимальным.

¹ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1959. С. 22–23.

² Там же.

**Доля младенческой смертности в общей смертности населения Барабы
(1932–1939 гг.), %***

Год	Всё население	В том числе		Городское население			Сельское население		
		Мужчины	женщины	всё	мужское	женское	всё	мужское	женское
1932	36,6	37,7	35,4	26,8	26,6	27	37,7	38,9	36,4
1933	29,9	30,2	29,6	22,6	20,5	25,4	30,7	31,3	30
1934	33,2	33,6	32,8	24,4	24,6	21,1	34,2	34,6	33,8
1935	33,3	33,4	33,2	32,1	30,8	33,7	33,5	33,7	33,1
1936	39	40,3	37,6	36,6	34,7	38,6	39,3	41	37,4
1937	37,1	37	37,2	37,3	38,7	35,6	37,1	36,8	37,5
1938	38,4	39,2	37,5	35,6	36,4	34,5	38,9	39,7	38
1939	43,6	44,2	42,9	38,8	39,5	37,9	44,4	45	43,7

* Рассчитано по: ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–4; Д. 33. Л. 35; Д. 42. Л. 2–3 об., 7–12 об.; Д. 55. Л. 1–2 об., 9–12 об.; Д. 72. Л. 1; Д. 73. Л. 5–6 об.; Д. 101. Л. 3–3 об., 5–6 об.; Д. 102. Л. 33–39 об.; Д. 272. Л. 29–31 об.; Д. 351. Л. 16–18 об.

В СССР в 1930-х гг. существовал значительный недоучет смертности населения. Приходится констатировать, что реальный уровень общей и младенческой смертности находился выше уровня официального. В 1940 г. в СССР было зарегистрировано 18 умерших на каждую 1000 жителей, а младенческая смертность составила 181,5 ‰¹. По расчетам Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, фактические показатели равнялись, соответственно, 21,7 и 184 ‰². Таким образом, выявлен недоучет общей смертности на 20,6 %, младенческой – на 1,7 %. По стране наиболее некачественный учет велся в республиках Средней Азии и Закавказья. Там он таким сохранялся до конца существования СССР.

В Новосибирской области недоучет имел меньшие масштабы, что было вызвано несколькими причинами. В области осуществлялся более строгий контроль за работой загсов. Показатели за 1940 г. в целом по стране были рассчитаны на завышенную численность населения. В Новосибирской области переписью 1939 г. население было учтено достаточно точно. Данные за 1940 г. скорректированы работниками областного статистического управления при явном указании свыше. Разночтения встречаются в материалах для служебного пользования. По варианту 1959 г. показатели за 1940 г. составляли: рождаемость – 37 ‰, смертность – 21, в том числе младенческая – 218 ‰³. Более поздние

¹ Население СССР, 1988. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 56, 473.

² Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Опыт оценки численности населения СССР... С. 41–43.

³ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 6, 21.

скорректированы и составили, соответственно, 37,9; 21,5 и 217,5 ‰¹. Абсолютные числа родившихся и умерших не менялись. Следовательно, изменения произошли за счет уточнения числа жителей за 1940 г. Окончательные данные официально опубликованы ЦСУ РСФСР². Уточнение составило 2,4 ‰. Официальными данными оперируют в своем исследовании В. В. Алексеев и В. А. Исупов³. Они отмечают, что не стремились к получению абсолютно точных цифр, ибо считали это принципиально невозможным. Ими ставилась задача выявления характеристик и тенденций эволюции народонаселения⁴.

На недоучет событий в предвоенные годы косвенно указывают взятые отдельно данные по области и по Новосибирску. В области в 1940 г. зарегистрирован показатель смертности 21,5 ‰. В городах он составил 21,4, в сельской местности – 21,5 ‰. Уровень младенческой смертности в городах – 209,2, в селах – 221 ‰⁵. В Новосибирске, где качество учета и медицинское обслуживание были наилучшими в субрегионе, общее число смертей в расчете на тысячу жителей составило 22,8, а уровень младенческой смертности зарегистрирован в 219 ‰⁶. Эти данные свидетельствуют о неизбежности пропуска регистрации части событий за пределами областного центра. Вряд ли уровень смертности детей в возрасте до года в селениях равнялся показателю в Новосибирске. В изучаемый период он был, скорее всего, выше. В более поздние годы смертность младенцев в Новосибирске регистрировалась выше среднеобластного уровня: тогда на показатель областного центра отрицательно влияли техногенные и экологические причины.

О величине недоучета можно судить по диапазону колебания коэффициентов по районам и городам области. Видимо, масштаб недоучета был примерно вдвое ниже, чем по стране: 7 ‰ по рождаемости и 9 ‰ по смертности. Величина младенческой смертности по всем источникам одинакова. О более качественном учете в России и нашей области свидетельствуют повышенные показатели смертности в РСФСР по сравнению с общесоюзными. В 1940 г. они были на 14,4 ‰ выше. Это превосходило уровни смертности в тех регионах страны, где, вне сомнения, существовал недоучет демографических событий (Казахстан, Закавказье, Средняя Азия и ряд других). В дальнейшем имеет смысл

¹ Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. С. 2, 17.

² Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М.: Статистика, 1966. С. 22–23.

³ Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. С. 37, 115.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. С. 2, 17.

⁶ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 7, 23.

пользоваться официальными итогами без коррекции. Такая постановка вопроса дает возможность проследить все тенденции в развитии населения области.

Высокую смертность населения Новосибирской области в предвоенный период подтверждают данные о доле умерших младенцев в структуре смертности (табл. 4.11). О том, что ситуация в предвоенный период не улучшалась, свидетельствуют и другие источники. В конце 1939 г. страна столкнулась с продовольственными трудностями,¹ а в 1940 г. они заметно усилились. В последний предвоенный год снижение потребления продуктов питания было особенно большим – снова появились признаки голода².

Таблица 4.11

Масштабы младенческой смертности на фоне общей смертности населения Новосибирской обл.*

Год	Количество умерших, чел.		Доля умерших младенцев в общей смертности, %
	Всего	в том числе до 1 года	
Во всём населении области			
1939	37 856	15 593	41,1
1940	41 240	16 313	39,6
В городском населении			
1940	12 283	4639	37,8
В сельском населении			
1940	25 573	11 674	45,6
В населении Новосибирска			
1939	9027	3261	36,1
1940	9996	3320	33,2

* Составлено и рассчитано по: Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 15, 19, 21; Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. С. 1, 15, 17, 22.

Об этом говорит, в частности, письмо в редакцию газеты «Известия» П. Г. Кочергина, жителя Куйбышева. Вот что он писал в феврале 1940 г. (сохранен стиль документа): «Имеется довольно большой вопрос политического значения. Это вопрос в отношении продовольствия. Мне хорошо помнится... речь тов. Молотова во время освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии... Он говорил, что... гражданское население стремится запасти больше продуктов питания... на этот счет я разъясняю, что у нас всех продуктов питания хватит, и запастись их не следует. Но так ли на самом деле... Факты говорят обратное. Войну (Советско-финскую. – Авт.)... мы ведем примерно 7–8 меся-

¹ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 82. Л. 3, 7–13.

² Исупов В. А. Демографическая ситуация в Сибири... С. 107–109.

цев... 2 месяца, как я вернулся из МНР и 2 месяца испытываю кошмар с продовольствием. Работаю на производстве один, а семья 5 человек, получаю по книжке 1 кг хлеба... Как будто карточную систему похоронили еще в 1935 г. ...Уже ничего в магазинах нет... Взять хлеба больше негде. И если бы это было только у нас в Куйбышеве (Новосибирской области), но ведь такая же самая картина и в Новосибирске, и в Омске, и в других городах, и... по всему Союзу...»¹. Письмо напечатано газетой не было, но по нему проводилось дознание, в ходе которого выяснилось, что фактически автором являлся сосед Кочергина Иван Иванович Исаев, комсомолец, 1918 г. рождения².

Нехватка продовольствия отмечается и в официальных документах Исполкома Советов депутатов трудящихся Новосибирской области. В начале 1940 г. сообщается, что в области «фонды по хлебу перерасходованы на 10–12 тыс. тонн». С мест поступают запросы о недостаточных объемах хлеба, выделенных для продажи населению. На 1939 г. было выделено на 105 тыс. т меньше, чем на 1938 г., в том числе на декабрь – на 5 тыс. т меньше. На январь 1940 г. было отпущено на 3300 т меньше, чем на декабрь 1939 г. Введена жесткая экономия хлеба³. Вину на дефицит хлеба власти возлагали на колхозников и само население: «Хлеб пошел на корм скоту. Колхозник имеет свой хлеб... не знает, где смолоть – из 26 мельниц не работают 12» (Чановский район)⁴; «Цена на хлеб была 10–15 рублей, сейчас 50. Люди ездят по селам, скупают хлеб. Борьба со спекуляцией не ведется... Враждебные элементы сушат по 23 кг хлеба⁵»; «...В магазинах отдельные случаи, когда отпускаются по 90–80 кг, при норме 2 кг. Осуждено по ст. 107 (спекуляция. – *Авт.*) – 2 чел., за скупку – 5 чел.»⁶. В качестве другой меры противодействия голоду предлагалась организация колхозной торговли⁷.

Напряжение с продовольствием отмечено и в соседних местностях. Так, весной 1941 г. в Азовском районе Омской области, в Тобольском округе и в окрестностях Тюмени было отмечено употребление в пищу мяса павших животных⁸. Власти на местах и врачебные освидетельствования подтвердили эти факты. В актах проверки указывалось, что в селениях «хлеб и другие продукты отсутствуют, состояние здоровья [жителей] слабое...», «в пищу употреб-

¹ ГАКР. Ф. 1. Оп. 1. Д. б/н. Л. 18–19.

² Там же. Л. 20 об.

³ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 82. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 8, 10.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2701. Л. 2–4, 6–9.

ляется зелень (медунки, которые сушат, толкут на муку и стряпают лепешки)»¹. Однако областные парторганы квалифицировали подобные факты как саботаж и попытки скрыть воровство в общественном секторе².

Отмечается и плохое состояние скотоводства в Новосибирской области: «В западных районах скот отошал, большая заболеваемость... Тяжелое положение в отношении фуража... Кормовая база в исключительно неблагоприятном состоянии, снижается маточное поголовье. “Безкормица” (так в документе. – *Авт.*)... в Усть-Таркском, Кыштовском, Венгеровском [районах]... Угрожающее положение. Плохой учет в колхозах»³. В постановлениях по животноводству и актах проверок состояния последнего тревога за положение скота ярко выражена. За население советская власть не беспокоится. В 1940 г. делегаты облсовета, прослушав доклад о состоянии здравоохранения в области, в прениях отмечали, что о падеже козлят и телят они знают куда лучше, чем о смертности малышей.

Напряженность с продовольственным снабжением не могла не сказаться на уровне жизни и способствовала повышению смертности населения. Санитарную ситуацию ухудшали и массовые плановые переселения в область. Факт для примера: когда в 1939 г. из Чувашии прибыло 68 семей переселенцев, все новоселы оказались больными трахомой.

Борьба с таким заболеванием, как трахома, велась «силами отрядов и посланных врачей»⁴. В Куйбышеве существовал специальный пункт для приема больных трахомой. Наиболее неблагополучными по зараженности трахомой являлись Татарский, Пихтовский, Убинский, Куйбышевский, Северный районы, а также города Новосибирск, Томск, Кемерово, Сталинск, Прокопьевск. Большинство больных трахомой проживало в селах. В среде национальных меньшинств заболеваемость была выше, чем у русских. В Кыштовском, Куйбышевском, Северном и других районах существовали целые поселки, пораженные трахомой. Там жили чуваша и мордва. Лечение было малоэффективным – не доставало медработников, лекарств и лечебных учреждений. Из 13 452 заболевших в 1939 г. трахомой в Новосибирской области к середине 1940 г. было излечено всего 20,1 %⁵.

¹ Там же. Л. 2–3, 6–8.

² Там же. Л. 9.

³ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 79. Л. 33, 57, 66, 90.

⁴ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2860. Л. 28.

⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

Другим заболеванием, свидетельствующим о социально-экономическом неблагополучии в обществе, являлся туберкулез. Всего за 1939 г. в диспансеры области было помещено 29 224 больных туберкулезом. Это на 1266 человек больше, чем в 1938 г. В Новосибирске впервые заболело 7800 человек. В Черепановском районе зарегистрировано 1458 новых больных. В г. Анжерке болело 3727 человек, Томске – 3999, Куйбышеве – 62. Тубдиспансеров не было в Северном, Сузунском, Венгеровском, Доволенском, Здвинском, Искитимском, Ирменском, Колыванском, Кыштовском, Убинском, Усть-Таркском, Чановском и Тогучинском районах, взятых в современных границах области¹.

Росту числа инфекционных заболеваний способствовало плохое водоснабжение, особенно в западных районах области. Вода здесь была совершенно неудовлетворительной². Повсеместно фиксировалось антисанитарное состояние строений и участков. Например, в Куйбышеве в постановлении горсовета говорилось: «Улицы и усадьбы в антисанитарном состоянии. Нет надлежащей чистоты в столовых педтехникума, зооветтехникума, школ»³. В городе случаи инфекционных заболеваний стали обычными. В 1939 г. токсической диспепсией переболело 40 детей, а в 1940 г. – в пять раз больше. Однако отмечалось сильное снижение числа больных детскими поносами, у детей в возрасте до двух лет – с 3260 до 70 человек⁴.

Положение усугублялось острой нехваткой медицинских кадров. В 1940 г. в Куйбышеве работало всего 15 врачей и 55 представителей среднего и младшего медперсонала. В больницах имелось 145 коек «общего пользования». Эта скудная база предназначалась для обслуживания города и района с населением в 53 тыс. человек. В детском приемнике-распределителе НКВД имелось еще 100 коек для детей, у которых были репрессированы родители⁵. Здесь было учтено в 1938 г. две смерти воспитанников – мальчиков 11 и 12 лет. В 1937 г. смертей детей в общегражданской регистрации не зафиксировано⁶. Работа органов здравоохранения Куйбышевского района в 1940 г. была признана неудовлетворительной⁷.

Высокая заболеваемость детскими поносами отмечалась в большинстве районов области. В Барабе наиболее неблагоприятными в этом плане являлись

¹ Там же. Л. 23–24.

² Там же. Л. 89.

³ ГАКР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

⁴ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 72.

⁵ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 41.

⁶ ОЗАГС Администрации г. Куйбышева. Текущий архив.

⁷ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 79. Л. 204 – 204 об.

Венгеровский, Татарский, Убинский, Барабинский и особенно Чистоозёрный районы¹. В последнем отмечено в 1939 и 1940 гг. по 342 случая указанного недуга на каждые 10 тыс. человек населения. В прочих районах уровень заболеваемости был в 2–3,5 раза ниже, и отмечалось его уменьшение за год на 5–40 %. Особенно положительные результаты были достигнуты в Убинском районе, где заболеваемость сократилась за 1939–1940 гг. в три раза². Всего в области было зарегистрировано на 10 тыс. человек населения в 1939 г.: поносов у детей в возрасте до двух лет – 146; дизентерии – 13,3; гемоколитов – 14,4; токсической диспепсии – 11,5. В 1940 г. положение почти не улучшилось. Число случаев, учтенных статистикой, составило, соответственно, 138,8; 12,7; 15,9 и 15,2 на каждые 10 тыс. человек. Госпитализировано было 15–47,5 % заболевших³.

В Новосибирской области в 1937 г. насчитывался 871 врач, в 1940 г. – 1046 (без учета стоматологов). Из них в Новосибирске работало, соответственно, 604 и 825, что составляло 69,3 и 78,9 % всех врачей в области. В это время в областном центре проживало ок. 22 % жителей области⁴. В этих цифрах отражается социальная политика властей: рабочему классу, специалистам как проводникам индустриализации отдавалось предпочтение перед крестьянами. Источником средств для индустриализации были колхозы, а других средств ее проведения почти не было.

В некоторых районах трудились всего один – два врача. В Куйбышевском (сельском) районе один врач приходился на 39,6 тыс. жителей, в Татарском (сельском) – на 42 тыс. В селах Барабинского района, где проживало 31,9 тыс. человек, врачей вообще не было⁵. Не случайно уровень смертности в сельской местности колебался в 1939 г. от 16,2 ‰ в Маслянинском районе до 25,3 ‰ в Чистоозёрном. В 1940 г. положение ухудшилось. Амплитуда колебания общего коэффициента смертности составляла от 16,7 ‰ в Болотнинском районе до 31,2 ‰ в Карасукском⁶.

Государство уделяло здравоохранению недостаточно внимания. Хотя с 1934 по 1938 г. количество больничных коек в области увеличилось на 63,7 %,

¹ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 75–77, 79, 82, 84.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Д. 244. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 44. Л. 23–24; Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 3, 5, 40.

⁵ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 41; Развитие здравоохранения Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1967. С. 2.

⁶ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 20; Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. С. 16.

фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов – в три раза, переломить ситуацию с заболеваемостью и смертностью не удавалось¹. Инфекционные и желудочно-кишечные заболевания в удельном весе причин смертности в городах области в 1939 г. составляли 48,8 %, заболевания органов дыхания – 18,2 %².

Высокая смертность признавалась и статистиками того времени, и работниками НКВД. В комментарии начальника учреждения записи актов гражданского состояния к итогам естественного движения населения в 1939 г. подчеркивалось: «Детская смертность до 1 года по отношению к общей смертности дает высокий процент и имеет тенденцию роста... Все приведенные цифровые данные наглядно показывают, что работа органов здравоохранения по предупреждению детских заболеваний и по борьбе с детской смертностью поставлена неудовлетворительно и в городе, и особенно в селе. Размах проводимых органами здравоохранения мероприятий совершенно недостаточен»³.

Статистика отмечала высокие показатели младенческой смертности. Основными причинами смертности детей до года являлись в 1940 г.: желудочно-кишечные заболевания – в 34,1 % случаев, воспаление легких – в 26,8, острые детские инфекции – в 10,8, врожденная слабость и пороки развития – в 4,6 %⁴. Таким образом, инфекции и заболевания органов дыхания составляли 71,7 %.

В сельской местности картина распределения смертности по причинам была крайне искажена статистикой. Здесь имело место большое число недиагностированных смертей или указывался диагноз, нелепый с точки зрения медицины: «от жару», «от пяток», «от кашля в легких», «от сглазу», «от ноги», «расслабленный». Поэтому использовать статистику смертности сельского населения этого периода для анализа невозможно. Выводы, сделанные на основе данных текущего учета того времени, не будут соответствовать действительности.

В 1937 г. в районах Барабы трудились 22 врача (включая зубных) в сельской местности и 18 в городах. При этом в сельских местностях Куйбышевского, Михайловского и Татарского районов врачей не было вообще. В Барабинском, Кыштовском районах работало по одному врачу. В Здвинском, Купинском, Северном, Убинском, Усть-Таркском, Чистоозёрном учтено по два врача, в Венгеровском – три, в Чановском – пять. В Куйбышеве было десять врачей,

¹ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 83. Л. 86.

² *Исупов В. А.* Демографическая ситуация в Сибири... С. 104, 109–112.

³ Цит. по: *Блюм А., Меспуле М.* Указ. соч. С. 181.

⁴ ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 244. Л. 8.

в Татарске – пять, в Барабинске – три врача разной специальности¹. В 1940 г. число врачей существенно увеличилось и составило в городах – 41 (в Барабинске – 12, в Куйбышеве – 16, в Татарске – 13). Врачей не было в Барабинском и Татарском сельских районах. В сельских местностях Куйбышевского района работал один врач. В Михайловском районе – два, в Здвинском, Усть-Таркском, Чистоозёрном – по три, в Кыштовском, Северном и Убинском – по четыре, в Венгеровском – пять, в Чановском – восемь. Всего сельских врачей в области стало 37, а с работающими в городах бывшего Барабинского округа – 88².

В 1939 г. в Барабинске имелись больница на 15 коек и амбулатория; в сельской местности одноименного района – две больницы на 38 коек, две амбулатории и фельдшерский пункт³. В Куйбышеве содержали трахоматозный пункт на 78 мест, две больницы на 116 мест, амбулаторию, физиотерапевтическую лечебницу, рентгеновский кабинет. В сельской местности района имела больница на 15 коек, амбулатория и семь фельдшерских пунктов⁴. Число больничных коек составило по районам: в Венгеровском – 75, в Здвинском – 45, в Купинском – 52, в Кыштовском – 51, в Северном – 27, в Татарском – 111, в Убинском – 50, в Усть-Таркском – 24, в Чановском – 40, в Чистоозёрном – 36⁵.

Как следует из анализа архивных материалов, не нужно слепо доверять официальным источникам. Увеличение числа врачей и количества больничных учреждений и коек в них отражало увеличение затрат на здравоохранение, но не показывало эффективности их работы. В Чановском районе работало больше медработников, чем в ряде иных, но район занимал по состоянию здравоохранения последнее место в области: «В больнице пациентов не кормили, не выдавали белья», «”антипаразитарные мероприятия” не проведены»⁶.

Низкое качество медицинского обслуживания в Барабе подтверждает и структура смертности. В Куйбышеве в 1939 г. умерло, согласно официальным данным, в которых указана причина смерти, 315 человек, среди них 87 младенцев (27,6 %). Структура смертности по причинам была следующей: скончалось от туберкулеза органов дыхания 53 человека (16,8 %), туберкулеза прочих органов – 8 душ (2,5 %), от бронхита и пневмонии – 30 человек (9,5 %), от кру-

¹ Народное хозяйство Новосибирской обл. и г. Новосибирска. Новосибирск: Статистика, 1957. С. 188–189.

² Там же.

³ Новосибирская обл.: экономико-географическое описание. Новосибирск: Обл. изд-во, 1939. С. 183.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Новосибирская обл.: экономико-географическое описание. С. 227, 229, 231, 233.

⁶ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 79. Л. 173–174.

позной пневмонии – 5 (1,6 %), от энтероколита, диареи и диспепсии детей до двух лет – 46 человек (14,6 %), от малярии – 4 (1,3 %), от кори – 7 (2,2 %). Редко регистрировался рак. Он отмечен в 9 случаях (2,9 %). От болезней сердца скончалось 30 человек, или 9,5 %. Среди детей до года врожденная слабость как причина смерти была зарегистрирована в 18 случаях (они дали 5,7 % всех смертей в городе и 20,7 % умерших детей); болезни детей раннего возраста – в 8 случаях (2,5 и 9,2 %, соответственно), энтероколит и диарея – в 30 (9,5 и 34,5 %)¹. Таким образом, от инфекционных и паразитарных болезней скончалось более половины всех умерших.

Запрещение аборт и отложенное снижение рождаемости в 1936–1940 гг.

26 мая 1936 г. был опубликован проект декрета «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам...»². В нем намечалась обширная программа строительства родильных домов, яслей, молочных кухонь, детских садов. В 1936 г. на эти мероприятия было ассигновано 2174 млн р., против 875 млн р. в 1935 г. Особым законом была установлена значительная помощь многодетным семьям. На основании этого закона было выдано пособий свыше миллиарда рублей³. К сентябрю 1937 г. (момент образования Новосибирской области) стал проявляться эффект от постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. Оно «по настоятельным просьбам трудящихся» запрещало аборты и вводило уголовную ответственность для женщин, делающих их, а также для лиц, совершающих беременным аборты и понуждающих к их совершению⁴. В постановлении говорилось: «Только в условиях социализма, где отсутствует эксплуатация человека человеком и где женщина является полноценным членом общества, а прогрессирующее повышение материального благосостояния является законом общественного развития, можно ставить борьбу с абортами, в том числе и путем запретительных законов. В этом правительство идет навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин»⁵. В официальном курсе истории партии так идеологически обосновывалась необходи-

¹ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 353. Л. 17 – 17 об.

² Правда. 1936. 26 мая.

³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. С. 325.

⁴ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1956. М.: Верховный Совет, 1956. С. 401–402; Известия. 1936. 28 июня.

⁵ Цит. по: *Лебина Н.* «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...». С. 236.

мость запрещения аборт: «В 1936 году, в связи с ростом благосостояния народных масс, правительство издало закон о запрещении абортов».

О распространенности прерывания беременности в СССР говорит тот факт, что с 1926 г. повсеместно стали создаваться особые абортные комиссии, дающие разрешения на производство искусственного прерывания беременности. В Ленинграде в 1934 г. на свет появилось всего 15,5 малышей в расчете на тысячу жителей, т. е. меньше, чем в 1918 г. За производство аборта взималась дифференцированная плата – примерно четверть дохода семьи. В первом квартале 1935 г. в этом городе «доход от производства абортов» составил 3,6 млн р.¹ Подробнее эти вопросы рассмотрены в целом ряде исследований².

Результат постановления от 27 июня 1936 г. должен был сказаться не ранее первого квартала 1937 г. И результат появился: в частности, рождаемость в Куйбышеве и в одноименном районе Новосибирской области в первом квартале 1937 г. увеличилась на 35 %³. Пик «охраняемых» рождений пришелся на 1938–1939 гг. Как показывает практика многих стран, эффект от аналогичных мер длится примерно два – три года. После этого рождаемость снова начинает снижаться. Она может опуститься до уровня, существовавшего до запрета абортов или даже ниже его. Так что закономерно именно 1937–1939 гг. отмечены в РСФСР⁴ и Новосибирской области относительно высокой рождаемостью.

Одновременно с юридическим запретом абортов предусматривалась материальная помощь многодетным семьям. Для матерей, имеющих шесть детей, при рождении каждого следующего ребенка предусматривалось денежное пособие в размере 2 тыс. р. ежегодно в течение пяти лет со дня рождения. Матерям, имеющим десять детей, предусматривалась выплата единовременного пособия при рождении каждого следующего ребенка в размере 5 тыс. р. Таким женщинам, начиная со второго года жизни ребенка, в течение четырех лет, т. е. до достижения ребенком пятилетнего возраста, выплачивалось ежегодно по 3 тыс. р.⁵ Семья, насчитывающая ко времени издания декрета семь детей, получала ежегодное пособие в 2 тыс. р. вплоть до достижения последним ре-

¹ *Лебина Н.* «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...». С. 234, 236.

² Там же. С. 228–241; *Садвокасова Е. А.* Указ. соч. С. 43–45; и др.

³ Народнохозяйственный план Куйбышевского района Западно-Сибирского края на 1937 г. [Рукопись]. Куйбышев, 1937. С. 6 // Куйбышевский краеведческий музей. КП-4181/ДМ б/н. С. 6.

⁴ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. С. 15.

⁵ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1961 гг. М.: Изв. Советов депутатов трудящихся СССР, 1961. С. 722; Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. С. 291–292.

бенком пяти лет. В целом по стране в 1937 г. было выдано пособий на сумму 1 млрд, а в 1940 г. – 1,1 млрд р.¹

Как констатирует В. А. Исупов, материальное стимулирование коснулось рождения детей лишь высокой очередности, начиная с седьмого. Не оказывалось никакого экономического воздействия на рождение вторых – четвертых детей, которые доминировали в структуре родившихся². По сути это означало, что правительство было озабочено не поддержкой семьи как таковой, а только тем, чтобы самые многодетные семьи отодвинуть от явной нищеты, которая негативно сказалась бы на ожиданиях от советской власти, обещавшей трудящимся светлое будущее. Лишь в начале 1980-х гг. стали применяться стимулирующие меры в отношении малодетных семей.

Таким образом, в конце 1930-х гг. процесс падения рождаемости был на краткое время приостановлен. Наряду с перечисленными причинами, в этот период действовал фактор реализации рождений, отложенных ранее в ходе происходивших катаклизмов (коллективизация, голод и т. д.). В Новосибирске за первое полугодие 1937 г. рождаемость возросла на 68,2 %, в Анжеро-Судженске – на 50,9, в Кемерове – на 63,9 %³.

Более подробно рассмотрим ситуацию на примере Куйбышева (бывшего Каинска). В первом квартале 1937 г. число рождений в городе выросло на 35 %⁴. В 1936 г. родилось 519 человек, а в 1937 г. – 701. Коэффициент рождаемости увеличился с 43,2 до 56,1 ‰, т. е. на 30 %⁵. Он достиг величины, близкой к максимальному уровню неограниченной рождаемости. В 1938 г. число рождений в городе составило (в загсомесяцах) 558. По данным статуправления области – 635⁶. Несмотря на то, что в загсе часть документации была утрачена, показатель рождаемости остался на высоком уровне – 50,4 ‰. В 1939 г. он даже возрос до 50,8 ‰⁷.

Показатель рождаемости в Куйбышеве в 1940 г. по разным данным ЦСУ СССР отличается очень сильно: по источнику, опубликованному в 1959 г., он составил 26,6 ‰⁸, по публикации 1961 г. – 39,4 ‰¹. Разнобой в цифрах есте-

¹ Конюс Э. М. Указ. соч. С. 302.

² Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. С. 151.

³ Там же.

⁴ Народнохозяйственный план Куйбышевского района... С. 3.

⁵ Рассчитано по: ОЗАГС Администрации Куйбышевского района. Текущий архив.

⁶ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 272. Л. 29 об.

⁷ Здравоохранение Новосибирской обл. Новосибирск: Облстат, 1969. С. 7.

⁸ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 11–12, 19–20.

ственного движения за 1940 г. объясняется в записке, которая хранится в фонде облстатуправления ГАНУ. Записка призвана ответить на запрос, требующий объяснить, почему уменьшилась численность населения по переписи 1939 г.: по Барабинску – на 531 человека, по Куйбышеву – на 2590, Татарску – на 827 человек. Оказалось, что исключение данных было вызвано ошибочным учетом административных изменений, которые коснулись более позднего времени – 1948–1949 и 1957 гг.² В результате изменилась численность населения, для которого были произведены расчеты.

Падение рождаемости в 1940 г. по сравнению с 1938–1939 гг. произошло в целом по стране и в области. Это методом демографического баланса подтвердили Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. По основному варианту сделанных ими расчетов, рождаемость в СССР в 1937 г. составляла 39,9 ‰. В 1938 г. она равнялась 39 ‰, в 1939 г. – 40, в 1940 г. – 36,1 ‰³. Подтвердилось также увеличение числа рождений в 1939 г.

Роль фактора, понижающего рождаемость, сыграл принятый 1 сентября 1939 г. Верховным Советом СССР закон «О всеобщей воинской обязанности». Вооруженные силы стали комплектоваться кадровыми военными, и в них было призвано значительное число молодых мужчин. В октябре 1939 г. началась Советско-финская война, сопровождавшаяся резким ухудшением продовольственного снабжения. Нехватка продовольствия наблюдалась во многих районах. Особенно это проявилось на селе.

Снижение рождаемости в 1940 г. подтверждается материалами последующих переписей о численности лиц этого года рождения. Последних, взятых по одногодичной возрастной когорте, меньше, чем лиц предшествующих лет рождения. Следовательно, в 1940 г. снижение числа рождений наблюдалось повсеместно.

Власти вмешивались в личную жизнь граждан, вторгаясь даже в сферу интимных отношений. Применялись крутые меры для наказания лиц, совершавших аборты. Но падение рождаемости и рост числа криминальных абортов они сдержать не могли. Подпольные прерывания беременности приводили иногда к печальным последствиям. После запрещения прерывания гестации по социальным показаниям в 1936 г. за август – ноябрь в Новосибирске от криминальных абортов скончалось почти столько же женщин, что за весь 1935 г. А за первое полугодие 1937 г. в данном городе умерло от прерывания геста-

¹ Естественное и механическое движения населения Новосибирской обл. С. 3–4.

² ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 8350. Л. 1.

³ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. С. 120.

ции в 2,5 раза больше, чем за весь 1935 г.¹ Кроме летального исхода, подпольный аборт калечил женщин, которые зачастую стали терять способность к деторождению, приводил к рождению уродливых и умственно неполноценных детей.

По данным медицинской статистики, число операций по искусственному прерыванию беременности в 1940 г. в Новосибирской области значительно возросло. Существовало 34 комиссии, дающие разрешение на аборт. По данным 23 из них, было подано 643 заявления о разрешении на аборт. Получено 364 положительных ответа. Основаниями для прерывания беременности являлись порок сердца (39,3 % случаев), туберкулез всех форм (24,5 %), болезни почек (6 %), печени (2,2 %), эпилепсия (3,8 %), сифилис (2 %), базедова болезнь, шизофрения, неврозы, злокачественные новообразования и др.²

При существовавшей системе разрешения аборт по медицинским показаниям только 56,6 % заявлений оказались удовлетворены. В то же время общее число выявленных криминальных аборт было больше, чем разрешенных. В Куйбышевском районе из 669 аборт начались вне больничного учреждения 153, из них 107 на дому. В этом районе было зарегистрировано пять криминальных аборт, по ним возбуждено три уголовных дела³. По данным лечебных учреждений, в Куйбышевской горбольнице было произведено 195 аборт, а на селе – 76. Всего выдано 8 разрешений на аборт, а было начато вне лечебного учреждения 102 аборт⁴. В Кыштовском районе зафиксировано 242 аборт, из них начались вне больницы 163, в прокуратуру были переданы данные о 12 случаях⁵. В Барабинском районе в прокуратуру передано четыре дела, в Венгеровском районе – 22⁶. В последнем районе выявлено 422 аборт, из них в колхозах – 65. На дому начались 63 аборт, 2 из них были признаны криминальными⁷.

От криминальных аборт в 1939 г. в Новосибирске скончалось 30 женщин и еще две умерли от поздних аборт, которые квалифицировались как преждевременные роды⁸. За производство аборт в областном центре было

¹ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. С. 30.

² ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 175. Л. 123.

³ Там же. Л. 21–22.

⁴ Там же. Д. 97. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 175. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 2, 6.

⁷ Там же. Д. 97. Л. 5.

⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 351. Л. 102.

осуждено 263 человека¹. Для проверки правильности осуждения прокуратура востребовала 107 дел, в эти дела было вовлечено 124 человека. За «самоаборт» (ст. 140 «б» УК РСФСР) осуждено 102 человека, за «производство аборта» (ст. 140, ч. 3 УК) – 15, за «соучастие в производстве аборта» (ст. 17, 140) – 6 человек². Среди женщин, совершивших самоаборт, 76 % имели возраст до 30 лет. Основными способами прерывания беременности являлись механический (98 случаев) и использование медпрепаратов (4 случая)³.

К основным мерам наказания относились исправительные работы и общественное порицание. В 41 случае применялось лишение свободы на срок от года и выше, в большинстве случаев – на срок от двух до пяти лет⁴. Показательным является судебный процесс в Октябрьском районе Новосибирска, где в 1940 г. была осуждена гражданка В. к шести годам лишения свободы за производство нелегальных внебольничных абортов 50 женщинам. Стоимость одной операции достигала 50 р.⁵ Комментируя этот факт со ссылкой на орган прокуратуры СССР журнал «Социалистическая законность», В. А. Исупов пишет: «Аборт, после того как он был запрещен, превратился в дорого оплачиваемое удовольствие»⁶.

Стоит отметить, что некоторые медработники пытались спасти женщин от тюремного заключения. Этим объясняется тот факт, что много внебольничных абортов было квалифицировано как несчастные случаи.

Подобная ситуация наблюдалась и в других регионах страны. В 1935 г. в крупных городах России смертность от абортов была невелика: в Москве – 53 случая за год, в Новосибирске – 12, Сталинграде – 10, Смоленске – 5. Только в Ленинграде было зафиксировано 108 смертей от абортов. В 1936 г., после принятия закона о запрете абортов, смертность начинает возрастать. В ряде городов в августе – ноябре смертность от них возросла в 2–2,5 раза по сравнению со всем предыдущим годом. В 1937 г. рост смертности от абортов был повсеместным и составлял 2–6 раз⁷. Появились случаи убийства новорожденных младенцев. В 1940 г. в городах РСФСР было убито 133 мальчика и 132 девочки в возрасте до года. В официальных документах констатировалось, что основ-

¹ Там же. Ф. 1199. Оп. 1а. Д. 14. Л. 171.

² Там же.

³ Там же. Л. 171–172.

⁴ Там же. Л. 181.

⁵ Там же. Л. 174.

⁶ *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы... С. 133.

⁷ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. С. 30.

ными причинами детоубийств является «нежелание иметь детей и платить алименты»¹.

Административное воздействие в предвоенные годы не могло оказать существенного влияния на рождаемость. Ухудшение условий жизни, политический сыск и гонения способствовали откладыванию и сокращению деторождения. Репрессии, ударившие по мужчинам в возрасте 20–50 лет, сужали возможности брачной рождаемости, приводили к психологическому дискомфорту. Негативно отразились на рождаемости призыв в войска, а также военные действия второй половины 1939 – начала 1940 г. Это отмечали статистики провинциальных статуправлений. Столичные статистики были осторожней и акцентировали внимание на структурном факторе, т. е. на вступлении в фазу активного деторождения малолюдных поколений 1915–1921 гг. рождения².

Конечно, понижающее воздействие на рождаемость структурного фактора имело место. Население к 1940 г. уже приспособилось к запрету аборт. Объективные факторы демографического развития способствовали понижению числа детей в семьях. Заместитель начальника ЦУНХУ Госплана СССР отмечал в секретном документе: «Не меньшее, а, вероятно, большее влияние на снижение рождений оказало развитие незаконных аборт»³.

Об общем некачественном учете свидетельствуют данные медицинской статистики о родовспоможениях в Новосибирской области. По данным отчетов, во время родов помощь получили в 1933 г. 60 % рожениц, в 1934 г. – 36,6, в 1936 г. – 74, в 1937 г. – 75, в 1938 г. – 80,1, в 1939 г. – 83,4 %. С учетом задекларированного участия в этом деле санитарной части железной дороги медицинская помощь была оказана в 1939 г. 95,6 % рожениц⁴. Эти данные призваны показать, что медицинская помощь улучшилась, однако они мало соответствуют действительности. В сельской местности показатель родовспоможения не мог достигать таких огромных величин из-за нехватки медперсонала, он указывает лишь на значительный недоучет рождений.

Существенно повлияло на уровень рождаемости снижение брачности населения. В Новосибирской области в 1938 г. было зарегистрировано (в границах того времени) 164 317 родившихся и 23 659 браков. В 1939 г. число регистра-

¹ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 133.

² Исупов В. А. Демографическая ситуация в Сибири... С. 105–106.

³ Цит. по тому же источнику. С. 107.

⁴ Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 102; Естественное и механическое движение населения Новосибирской обл. С. 7–8; ГАНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 44. Л. 56 об.

ций составило, соответственно, 166 813 и 23 888, в 1940 г. – 152 851 и 19 403¹. В современных границах области в 1939 г. родилось 79 740, в 1940 г. – 72 811 человек. Количество заключенных браков понизилось: в 1939 г. их было 9442, в 1940 г. – 8437, т. е. число регистрируемых событий сократилось на 8–11 %².

Безотрадные демографические итоги предвоенного периода

К началу Великой Отечественной войны в Новосибирской области, как и в целом по стране, отмечалось уменьшение демографических показателей, что свидетельствовало об ухудшении ситуации в народонаселении. Несмотря на большие погрешности учета, статистическое наблюдение верно показало тенденцию развития в демографической сфере. Прежде всего, значительно уменьшилось число рождений. В 1940 г. уровень рождаемости в области сократился на 11,2 % по сравнению с 1939 г. В городах падение составило 13,6, в селах – 10,2 %. Несмотря на то, что показатель в селе снизился меньше, чем в городе, он опустился до уровня, более низкого, чем в городах годом ранее. В Новосибирске рождаемость уменьшилась с 38,3 ‰ в 1939 г. до 34,2 ‰ в 1940, т. е. на 10 %³. Снижение было меньшим, чем в целом по области. Данное явление связано с меньшими размерами мобилизации в армию и лучшим снабжением населения крупных городов. Иногда в областном центре регистрировали детей, родившихся в других местах.

С 1939 по 1940 г. наибольшее падение рождаемости отмечалось в Куйбышеве – на 47,4 % и в Татарске – на 47,8, в Барабинске произошло сокращение на 22 %. Здесь нами принят вариант расчетов 1959 г., так как вариант 1961 г. имел ошибочные данные о численности жителей области по переписи 1939 г.⁴ (об этом шла речь выше).

Областное статуправление имело разные варианты расчетов показателей рождаемости по городам Новосибирской области за 1940 г. Но все они фиксируют тенденцию к понижению в предвоенном году во всех городах. Отметим, что статуправление после 1961 г. не публиковало расшифровку динамики рож-

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 272. Л. 29–32; Д. 351. Л. 1–17.

² *Исупов В. А.* Демографическая ситуация в Сибири... С. 106; Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 6, 24; Естественное и механическое движение населения Новосибирской обл. С. 2, 27.

³ Естественное и механическое движение населения Новосибирской обл. С. 7; Численность населения и развитие здравоохранения в Новосибирской обл. С. 7.

⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 8350. Л. 1.

дений и смертей за 1940 г. в разрезе городов и районов, даже в материалах, использовавшихся ранее для служебного пользования.

В настоящее время имеются оценки недоучета демографических событий в России 30-х гг., сделанные работниками Госкомстата¹. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова проделали большую работу, особенно ценную в методологическом плане. Согласно расчетам этих авторов, недоучет демографических событий не был равномерным на протяжении периода 1927–1940 гг. (табл. 4.12). Максимум недоучета рождений (19 %) приходился на 1930–1931 гг., когда ЦСУ было ликвидировано и статистическая служба переподчинена плановым органам. Этот показатель немного снижается в 1932 г., но в 1933 г. почти возвращается к уровню 1930 г. В оставшиеся годы качество учета было относительно стабильным, недоучитывалось до 10 %, а в конце периода – 4–6 % рождений. Аналогичная тенденция отмечалась и в Барабе. Материалы органов ЗАГС указывают, что в условиях большого перевеса сельского населения здесь масштабы недоучета были больше. В конце 1930-х гг. он достигал 8–10 %.

Таблица 4.12

**Количество неучтенных демографических событий в России
в 1927–1940 гг., %***

Год	Рождаемость	Смертность			Младенческая смертность
		всего населения	мужчин	женщин	
1927	11,1	23,1	21,6	24,7	...
1928	9,5	28,9	27,8	30	39,8
1929	10,7	25,5	24,9	26,2	35,7
1930	18,9	31,5	30	33,1	43,2
1931	19	34,6	33,6	35,8	46,8
1932	17,7	33,8	32,7	35	45
1933	18,4	44,5	42,2	47,1	...
1934	10,1	25	23,5	26,6	45
1935	6,6	23	22	24,1	36,3
1936	6,4	16,8	16,5	17,2	30,6
1937	4,1	21	26,9	13,2	26,9
1938	4,7	22,8	29,4	13,5	27,7
1939	4	17,6	20,2	14,6	25,9
1940	4	10,9	11,1	10,7	22

* Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. С. 163.

¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. С. 163.

Что касается смертности, то стоит согласиться с отнесением максимального недоучета именно к периоду 1931–1933 гг. При этом нужно отнести пиковое значение к 1933 г., в котором, согласно официальному учету, смертность снизилась. Относительно малые показатели в 1933 г. как раз говорят об ухудшении качества гражданской регистрации. Не имеет смысла оспаривать данные Е. М. Андреева и его коллег относительно больших масштабов недоучета смертности в СССР. Для 1933 г. эти авторы оценивают недоучет в 44,5 %. Наша оценка смертности в Каинске в 1933 г. – 56,1 ‰ в сравнении с официальной оценкой в 40 ‰ – указывает на недоучет, равный 40,2 %. Оценка Андреева и его соавторов по стране и наша оценка по Каинску отличаются незначительно. Может быть, они целиком объясняются тем, что в городах качество учета было выше.

В то же время для 1940 г. итоги сделанного нами перерасчета общего коэффициента смертности по Куйбышеву отличаются от приведенных в таблице 4.12 данных Андреева и его соавторов по стране в целом. Согласно официальным данным, смертность в Куйбышеве составила в 1940 г. 24,4 ‰, а наш перерасчет показывает 28,9 ‰, т. е. на 18,4 % выше¹. Можно утверждать, что в 1940 г. в нашем крае наблюдалась новая волна ухудшения качества учета смертности населения.

¹ Бурматов А. А.: 1) Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. С. 72–73; 2) 1933 г.: что смогли сказать статистики. С. 117–120.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1925–1940 гг. является исключительно важным для понимания истории нашей страны в XX в. Это время, когда закладывалось могущество СССР, подготавливались потенциал и силы для будущей победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это период ускоренной модернизации страны по мобилизационному сценарию. Модернизация проявилась в различных сферах жизни населения. Для темы нашей монографии особенно значимы модернизационные проявления в демографическом (детородном, жизнеохрительном, смертельном, миграционном) поведении населения. Их результатом являлась трансформация режима воспроизводства населения: менялись показатели смертности, рождаемости, естественного и миграционного прироста населения.

Процессы, отмеченные выше, со своими особенностями протекали в разных регионах огромной страны. Не могли они миновать и Барабу – обширный преимущественно аграрный субрегион, расположенный в центре Западной Сибири. В изучаемый период можно выделить несколько этапов развития ситуации в народонаселенческой сфере Барабы, которые в целом совпадают с этапами демографической истории СССР, РСФСР, Западной Сибири этого периода.

Первый этап (1925–1929 гг.) – время относительно спокойного, эволюционного развития народонаселения, на которое наложили отпечаток сравнительно благоприятные условия новой экономической политики советского государства. В это время в Барабе, как и в целом по стране, после политических, экономических, ментальных потрясений 1914–1922 гг., принесших огромные де-

мографические потери, уничтоживших едва наметившиеся ранее, на рубеже XIX–XX вв., весьма слабые проявления начальной фазы демографического перехода, появились признаки возобновления модернизационных тенденций. Главный из этих признаков – последовательное снижение уровня смертности населения при сохранении высоких показателей рождаемости, которые могут и не обнаруживать тенденции к сокращению. Такое соотношение масштабов рождаемости и смертности порождало ситуацию демографического «взрыва» – очень высоких темпов естественного прироста численности населения.

Смертность населения Барабы в годы нэпа снижалась медленно, но факт ее снижения не вызывает сомнений. Причем к концу этапа темпы снижения стали ускоряться. За 1926–1929 гг. в городах Барабинского округа общий коэффициент смертности уменьшился на 18 %, в том числе в Барабинске – на четверть (здесь снижение было постоянным), в Татарске – на 18 %, Каинске – на 7 %. На 10 % снизилась смертность и в сельской местности Барабы. В Каинске и Татарске, в селениях снижение как господствующая тенденция сочеталась с повышением смертности населения в отдельные годы. В значительной степени такие «качели» общей смертности были предопределены высоким уровнем младенческой смертности, которая колебалась по годам. Качество учета смертельных случаев со временем улучшалось, значит, количество зарегистрированных смертей увеличивалось, но предпринятые властными структурами и общественными организациями меры – профилактика эпидемий, усиление доступности медицинских услуг, пропаганда гигиенических навыков – смогли обеспечить и сокращение показателей смертности, и прирост продолжительности жизни людей.

Рождаемость в годы нэпа в Барабинском округе оставалась очень высокой. В сельской местности она была лишь немногим ниже биологического максимума, составляя 54–58 ‰. В городском населении общий коэффициент рождаемости был на 20–25 % ниже, чем у жителей сельской округи, но устойчиво превышал 40 ‰. Почти неконтролируемая прокреация в России обеспечивалась господством традиционных демографических порядков и общинными аграрными взаимоотношениями. Последние проявлялись в правиле, согласно которому при рождении ребенка крестьянская семья получала дополнительный надел земли (в том числе и на девочку, чего не было в досоветский период). Высокий уровень рождаемости в 1920-х гг. в некоторой степени объяснялся также компенсаторным ее подъемом после бедствий революции и гражданской войны.

Устойчивые признаки снижения рождаемости, характерные для более поздней фазы демографического перехода, в годы нэпа в Барабе проявились только у жителей окружного центра Каинска с его многонациональным населением: процессы модернизации здесь пошли быстрее. Снижению рождаемости в некоторой степени способствовала легализация аборт, хотя в годы нэпа они имели правовые ограничения. В качестве радикального средства регулирования прокреации аборт получили заметное распространение преимущественно в городах.

В целом период нэпа показывал постоянный и быстрый рост численности населения Барабинского округа. Население прирастало как в городах, так и в сельской местности. Имели место и высокий естественный прирост, поскольку уровень рождаемости сильно превышал размеры смертности, и вселения жителей со стороны, в том числе организованные государственной властью. К 1929 г. города Барабы показали значительный рост населения: Каинск и Барабинск приросли на 50 %, Татарск на 20 %. В сельской местности прирост составил 12 %.

Второй этап (1930–1934 гг.) – годы сплошной коллективизации, период голода и катастрофы в области народонаселения. Это время больших трансформаций во всех сферах жизни общества, отразившихся на процессах динамики и естественного воспроизводства населения, его миграционных потоках, в том числе в Барабе.

«Великий перелом» в обществе прервал тренд снижения смертности, и в начале 30-х гг. смертность существенно увеличилась, достигнув пиковых значений в 1932–1933 гг., в период массового голода. Смертность в годы коллективизации увеличилась в Барабе повсеместно. Особенно это отмечалось в городах, где качество регистрации демографических событий было выше, чем в сельской местности. Падение рождаемости в годы коллективизации и голода в начале 1930-х гг. носило скачкообразный характер: в селах общий коэффициент рождаемости снизился примерно на 40 %, а в городах на четверть.

3-й этап (1935–1940 гг.) – время эволюционного демографического развития, на которое наложили негативный отпечаток массовые политические и экономические репрессии тех лет, локальные голодовки 1936 и 1940 гг.

После окончания голода начала 30-х гг. в 1935–1940 гг. снова началось снижение смертности, но ее планка не смогла опуститься до относительно низких показателей периода нэпа. В городах учтенная смертность оказалась на 5–12 % выше, чем в 1927–1929 гг., в сельской местности – на 5–8 % больше уровня 1928–1929 гг. Реальные масштабы смертности были наверняка еще

большими: случаи гибели людей в ходе репрессий не отражались в гражданской статистике. Единственным успехом, достигнутым к концу 1930-х гг. в районах Барабы, являлось снижение младенческой смертности на 10–15 %. Но это было неустойчивым явлением (уже в 1940 г. смертность младенцев превысила на 2–4 % уровень конца 20-х гг.), что может вызывать сомнение в точности регистрации смертей детей, не доживающих до года.

В 1936–1939 гг. в обстановке стабилизации экономики в Барабе, как и по всей стране, произошел непродолжительный подъем уровня рождаемости населения. Это явление было подкреплено юридическим запрещением аборт в 1936 г. Аборты, уже ставшими довольно привычным явлением в демографическом поведении россиян, государство запретило, пытаясь остановить объективный, естественный для демографического перехода процесс снижения рождаемости и скрыть потери населения в ходе коллективизации и голода. Запрещение аборт оказалось неожиданным для населения, и в первое время после вмешательства государства в частную жизнь граждан (до 1939 г.) прокреация поднялась выше уровня 1935 г. Однако масштабов рождаемости, наблюдавшихся в годы нэпа, достичь уже не удалось ни в целом по стране, ни в Барабе. В последней рождаемость в 1939 г. составила 90–92 % от уровня 1927–1929 гг.

Как бы то ни было, во второй половине 30-х гг. Барабинск и Татарск ускорили демографический рост и увеличили число своих обитателей к 1939 г. вдвое. Население Каинска до 1934 г. численно уменьшалось и стало снова возрастать только с 1935 г., но особенно с 1936 г., когда был образован Куйбышевский район с одноименным центром (Каинск переименован в Куйбышев в 1935 г.). К 1939 г. количество куйбышевцев приросло по сравнению с 1926 г. только на 57 %, и этот город стал аутсайдером среди городов субрегиона.

Таким образом, в итоге за период между Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг., давшими наиболее качественные материалы для расчетов, произошел рост численности населения городов Барабы в 2,8 раза. Этот показатель был больше, чем в городах всего СССР и РСФСР, где отмечен рост в 2,1 и 2,2 раза, соответственно. В то же время в Барабе (взятой в границах округа на 1929 г.), как и во всей стране, имело место сокращение количества сельских жителей. Здешний показатель сокращения – 12,3 % оказался большим, чем в РСФСР (5,3 %) и СССР (5,1 %). Доминирование сельского населения в аграрном регионе Барабинской низменности стало решающим фактором уменьшения общей численности населения всей Барабы на 3,3 %.

Впрочем, не всё так однозначно. Если мы будем рассматривать Барабу в других границах, привязанных к моментам всесоюзных переписей, то обна-

ружим здесь увеличение численности населения за 1926–1939 гг. на 8,4 % (по официальным данным, в РСФСР количество жителей увеличилось на 16,9 %, а в СССР – на 15,9 %). Сельское население округа уменьшилось и при этом варианте подсчетов, но только на 2 %. Сбалансировав обе версии, скажем, что фактическое сокращение численности сельского населения составляло примерно 8,4 %. Некоторое приращение сельского населения в 1936–1937 гг. носило статистический характер (стало следствием улучшения учета) и не было подтверждено данными переписи 1939 г., которая показала, что тренд снижения численности жителей села в предыдущие годы не прерывался.

Итак, возобновившаяся было в годы нэпа в городах и частично в сельской местности Барабы демографическая модернизация уже вторично в нашей стране под решающим влиянием политического фактора была свернута в первой половине 1930-х гг. Позже в предвоенный период она так и не смогла развиваться, хотя модернизационные процессы в сфере промышленного производства, культуры протекали довольно успешно.

Форсированная модернизация общества в СССР принесла, наряду с прогрессом в некоторых сферах, и весьма негативные плоды. В селе были уничтожены крепкие зажиточные крестьянские хозяйства, которые могли служить опорой государству еще длительный период. Сами зажиточные крестьяне были разорены, высланы, бежали с родных мест и даже частично физически уничтожены. Пострадало и хозяйство всех остальных категорий крестьян. Бедняк, получив возможность командовать, воспользовался ею крайне негативно. Активисты гуляли за счет бывших односельчан, резали не принадлежавший им скот, в том числе и стельный. Многое, что было растащено, пропито или сгнило в тот период, даже не учитывалось официально. Сократились и производительность труда, и количество работников. Многие из раскулаченных до предписанных мест не добрались, ибо погибли по дороге. Масштабы экономических и демографических потерь велики, но точные их масштабы невозможно оценить. Обрисованная в официальной статистике тех лет динамика народонаселения в целом по стране и в ее регионах (в том числе и в Барабе) вызывает большие дискуссии и сомнения.

Самым жестоким следствием коллективизации являлся массовый голод, охвативший страну и ее регионы в начале 1930-х гг. Демографические потери от голода трудно учесть, а косвенные и отдаленные его последствия сказываются до сих пор. Вторым фактором, который существенно повлиял на демографическое развитие страны в предвоенный период – это репрессии, проводившиеся и в ходе коллективизации, массовых выселок крестьян на спецпоселе-

ние, и позже, особенно в 1937–1938 гг. Анализ материалов статистики тех лет, относящихся, в частности, к Барабе, показал, что недоучет смертности в те годы был связан не с плохой работой загсов, а с невключением в число умерших лиц, погибших в заключении. Именно репрессиями объясняется и большой рост в населении удельного веса женщин в межпереписной период 1926–1939 гг.

Потери населения в ходе коллективизации и массовых репрессий вызвали падение рождаемости и в соответствии с этим – естественного прироста населения (вплоть до отрицательных значений), деформировали возрастную и половую структуру населения. Пытаясь скрыть негативные явления в демографической сфере, власть запретила аборты. Не случайно перепись 1939 г. зафиксировала многочисленную возрастную группу 1937–1938 гг. рождения – как следствие действия нового закона.

Если с точки зрения модернизации период 1925–1940 гг. предстает как противоречивый период развития, то с демографической точки зрения – это период перманентных катастроф. Исключение составляет только короткое время 1925–1929 гг. Установившаяся тогда тенденция снижения смертности в регионе была прервана в период репрессий и не смогла полностью восстановиться к концу 30-х гг. Напротив, снижение рождаемости имело более быстрые темпы, чем при возможном эволюционном развитии демографической сферы. Это отчетливо проявилось и в Барабе, сильно пострадавшей от голода и репрессий.

Власти смогли в годы первых пятилеток, хотя и не без проблем, обеспечить кадрами создаваемые и растущие промышленные предприятия. Сначала кадры были малоквалифицированными, но сами лозунги 30-х гг. – «кадры решают всё» и «техника решает всё» – свидетельствуют об особом внимании государства к этим проблемам. Не исключено, что молчаливое согласие властей на исход жителей села в города и на стройки имело целью получение перспективных кадров. Вероятно, власти считали, что трудолюбивые и смекалистые, более грамотные выходцы из зажиточных сельских слоев быстрее, чем деревенская беднота и городские маргиналы, адаптируются к работе в промышленности.

Безусловно, не все аспекты поступательного демографического развития сообщества жителей Барабы рассмотрены нами в этой монографии. Не претендуют авторы и на доскональное, абсолютно точное вычисление количества жертв, понесенных субрегионом в изучаемый период. Однако проделана нелегкая и трудоемкая работа, и авторы не оставляют надежды внести свой посильный вклад в последующее изучение демографической истории родного края.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ В ВОСТОЧНОЙ БАРАБЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

В истории русского населения Западной Сибири в последнее время благодаря трудам П. Е. Бардиной, В. А. Липинской, А. Ю. Майничевой, Л. А. Скрыбиной, О. Н. Шелегиной, Т. К. Щегловой и других ученых значительно продвинулось вперед исследование сельских поселенческих комплексов, крестьянских усадеб и жилищ. В то же время остаются слабоизученными некоторые важные аспекты этой темы. Среди них – санитарно-гигиеническое состояние жилищных и поселенческих комплексов, которое непосредственно влияет на демографическую сферу общественной жизни (конкретно – на заболеваемость и смертность населения), будучи отражением жизнесохранительной культуры народа. Один из авторов настоящей монографии – В. А. Зверев – издал серию статей по этой проблеме, ввел в научный оборот комплекс материалов массовых обследований, проведенных в 1920-е гг. медицинскими и земельными органами сибирских губерний, а затем администрации Сибирского края¹.

¹ См.: Зверев В. А. 1) Историческая эволюция крестьянских жилищ в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // Сибирь в XVI–XX вв.: экономика, обществен-

Обследования охватили в 1924–1929 гг. большинство субрегионов Сибири, в том числе интересующий нас в данной монографии Барабинский округ и граничащие с ним округа – Новосибирский, Омский, Славгородский, Томский и др. Они проводились путем сочетания методов анкетирования и выборочного осмотра жилищ и поселений на местах силами экспедиционных отрядов, возглавляемых санитарными врачами и инженерами. Обобщенные материалы обследований частично опубликованы в виде обзорных брошюр и статей в «Сибирском медицинском журнале» за 1926–1930 гг. Часть полученных материалов хранится в центральных и региональных архивах, она нуждается в дальнейшем выявлении, обработке и публикации.

Здесь публикуется основная часть отчета, подготовленного по результатам осмотра в 1927 г. санитарного состояния селений и жилищ в восточно-барабинской части Новосибирского округа – в Каргатском и Индерском районах. Система водоснабжения здесь была обследована в 1926 г. Южная часть данной местности до 1917 г. входила в состав Барнаульского уезда Алтайского горного округа. Автор отчета – руководитель обследования, заведующий санитарно-эпидемиологическим подотделом Новосибирского окружного отдела здравоохранения, профессиональный врач М. Л. Айзин. При публикации нами исправлены немногие имеющиеся в оригинале явные ошибки и опечатки, путем пересчета уточнен ряд количественных показателей.

но-политическая жизнь и культура: к 70-летию чл.-кор. РАН Л. М. Горюшкина. Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 139–154; 2) Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е гг. как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX в.). – Новосибирск : Изд-во СО РАН : НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 130–154; 3) Поселения и жилища у русских крестьян Алтая в первой трети XX в. // Этнография Алтая: (материалы II Науч.-практ. конф.). Барнаул: Науч.-произв. центр «Наследие» и др., 1996. С. 88–93; 4) Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XX в.) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 13–32; *Зверев В. А., Зверева К. Е.* Крестьянские усадьбы Томско-Кузнецкого края (по материалам массовых обследований конца XIX – первой трети XX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 2. С. 184–192; и др.

**Санитарное состояние населенных пунктов и сельских жилищ
Барабинской зоны [Новосибирского округа]
по данным выборочного обследования**

[г. Новосибирск]

[1927 г.]

С целью изучения современного санитарного состояния населенных пунктов и жилищ санитарная организация [Новосибирского окружного отдела здравоохранения] приступила к плановому обследованию, и приводимый ниже очерк является разработанным на материале, собранном за 1927 год.

Санитарным обследованием населенных пунктов был охвачен главным образом Каргатский район, который с 1893 года стал местом широко проводимого переселенческого вселения. Из обследованных 34 населенных пунктов, что составляет 24,1 % всех селений района, обследовано 3 старожильческих селения, 27 созданных в порядке переселения в годы с 1893 по 1908 и 4 организованных уже в порядке планового переселения в годы послевоенного времени, с 1918 по 1921. Главным контингентом переселившихся являются крестьяне центральной части России – Тамбовской, Воронежской, Смоленской и Калужской губерний, а также Западного края – Минской, Ковенской и Гродненской губерний, т. е. население наиболее обезземеленное в прошлом, а, следовательно, и экономически слабое, которое в места нового вселения перенесло свою культуру, санитарно-гигиенические навыки и быт. Основными занятиями населения являются земледелие и скотоводство. Отхожий промысел неразвит, подсобными в редких случаях являются рыболовство и охота.

Населенные пункты разбросаны частью вдоль реки Каргат – 11 пунктов, остальные 23 стоят на «колодцах». Выбор места для населенного пункта был предоставлен во всех почти без исключения случаях ходакам, от вкуса и привычек которых в дальнейшем зависела организация поселка. Главным образом этим и объясняется исключительно неудовлетворительный выбор в санитарном отношении мест для заселения; так, 26 селений расположены вблизи болот, площадь которых в среднем 1/2–2 кв. версты, на солонцах. Такое расположение уже вело к тому, что создавались весьма неблагоприятные как санитарные, так и климатические условия: высокая влажность, частые туманы, как следствие этого – высокое стояние почвенных вод. Отсутствие доброкачественной воды ввиду солончаковости почвы [является] и благоприятным условием для развития заболеваемости, главным образом малярии, которая в этих условиях становится социальным бедствием. Селения, расположенные вдоль рек, представля-

ются вытянутыми в одну – две улицы... остальные представляют большую фантазию рисунка в общем плане. Все селения, за исключением расположенных по реке, вытянуты направлением с запада на восток, что в условиях постоянных западных и юго-западных ветров создает, особенно зимой, тяжелые условия для жителей, дома которых почти целиком заносятся снегом.

Отбросы сельской жизни, которые в большинстве своем представляют навоз от животных, представляя высокоценный удобрительный материал, совершенно почти не используются для этих целей, а наоборот, служат постоянным источником загрязнения населенного пункта.

В обследованных селениях только в 7-ми отведены специальные свалочные места, в остальных же селениях, т. е. в 80 %, свалок не имеется, и навоз или вывозится на улицу селения, или же годами копится на дворе усадьбы, а в расположенных на реке в 100 % вывозится на берег... летом, зимой на лед; и река используется в качестве удобного и дешевого транспортера, когда в весеннюю пору полый водой и льдом [навоз] уносится, загрязняя последнюю на всем ее протяжении.

В селениях, где скотоводчество является преобладающим занятием в сельском хозяйстве, из года в год навоз накапливается на дворах усадьбы, образует целые горы, на вершине которых возвышается скотный двор, служащий приютом для скота и местом оправления естественных потребностей населения. С наступлением весны, когда под влиянием теплых лучей солнца образуются весело журчащие ручейки, последние несут навозную жижицу, смешанную с человеческими экскрементами, на двор усадьбы, загрязняя почву жилища и, главным образом, источники водоснабжения – колодцы, которые обычно располагаются посреди усадьбы, недостаточно защищены от попадания сточных вод. И в весеннюю пору население испытывает тяжкие страдания от недостатка воды, которая к тому же становится совершенно непригодной к употреблению.

Другой фактор, характеризующий благоустройство населенных пунктов, отражающий в достаточной степени гигиенические навыки населения – это банно-прачечное дело.

Бани – это обычно небольшой сруб размером 3,5 × 3 м, [они] очень низкие – [высотой] в среднем – 1 метр 60 сантиметров. Устроенные по-черному, темные, грязные, редко с плотным деревянным полом. Обогревателем в бане служит «каменка» – печь весьма примитивного устройства, основание которой устроено из кирпича, а иногда – битой глины; дымохода нет, для выхода дыма

устроена дыра в стене, или же двери открываются во время топки; вода греется в чугунах.

В селениях, расположенных на реке, бани устраиваются преимущественно на берегу последней. Это практически выгодно: близко вода и близок удобный путь для удаления грязных вод. В остальных селениях бани расположены в задку усадьбы. В селениях первого порядка бань больше – в среднем одна баня на 4–5 дворов, в остальных – [на] 10–15. Бани, [устроенные] по-белому, составляют 2 % общего числа бань. Моется население в среднем 3–4 раза в месяц, мыло употребляется редко, его заменяет щелок. В поселке Калужском население моется в среднем один раз в месяц и совершенно не употребляет мыло. Помимо своего прямого назначения, баня одновременно служит местом стирки белья (53 %). Полосканье [постиранного белья] производится на реке или же вблизи колодцев.

Промышленные предприятия, главным образом маслодельные заводы, благодаря примитивному устройству, а иногда полному отсутствию сооружений для сточных вод, служат источником загрязнения почвы.

Что касается наиболее важного вопроса, имеющего первостепенное значение в деле санитарного состояния в селении и его благоустройства, удовлетворения элементарных жизненных удобств, а также потребностей, вытекающих из экономики сельского хозяйства, – вопроса о водоснабжении, то и здесь дело обстоит не лучше.

Лучшим источником водоснабжения является грунтовая вода – колодцы; в этом отношении из обследуемых селений [пользуются] исключительно колодезной водой 20 селений, или 59 %. Колодезной и речной – 12, или 35 %. Колодезной и озерной – 2 селения, или 6 %.

Принимая во внимание большую заболоченность почв вблизи населенных пунктов, солончаковость почвы, высокое стояние почвенных вод, особо важное значение приобретает глубина колодцев. Из обследованных 127 колодцев [оказались] с глубиной от 3 до 4 м 113 колодцев, или 89 %, с глубиной от 5 до 7 м – 14, или 11 %.

Таким образом, видно, что население пользуется в подавляющем большинстве «верховодкой», т. е. водой в санитарном отношении весьма недоброкачественной, загрязненной и по своему химическому составу далеко не удовлетворительной: содержание хлора колеблется от 200 до 380 мг на литр, жесткость [составляет] 25–40 (немецкой жесткости). Вода рек в летнее время для личного употребления не идет и лишь только зимой используется для этой цели лед, который население растаивает.

Материалом для устройства колодцев служат: береза в 100 случаях, или 78,7 %, плетень ивовый – в 27 случаях, или 21,3 %. Таким образом, и здесь мы видим далеко не удовлетворительное устройство, когда уже одно наличие плетня в качестве сруба красноречиво свидетельствует о проникновении поверхностных вод в колодцы.

Признаки загрязнения колодцев обнаружены в 87 [случаях], или 68,5 %. Стирка и полоскание белья у колодцев производится в 73 [случаях], или 57,5 %. Водопой [скота практикуется] в 109 [случаях], или 85,8 %.

Из общего числа 127 колодцев общественных насчитывается 9, или 7 %, из которых 2 пришли в полную негодность. Вода, годная для питья, [содержится] в 32 колодцах... Таким образом, только 25,2 % общего числа колодцев дают, при весьма скромных требованиях сельского жителя, воду, годную для питья.

Приведенные данные в достаточной степени характеризуют тяжелое положение сельского населения как в части источников водоснабжения, так и в водопользовании, и в первую очередь должны привлечь внимание как самого населения, так и общественных организаций, в том числе и санитарных. В деле улучшения этого вопроса необходимо использовать максимальную общественную самодеятельность путем постройки общественных колодцев, удовлетворяющих санитарно-техническим требованиям, предоставления долгосрочного кредита, отпуска специальных средств в сметном порядке по райбюджетам санпросвета.

В новых поселках, созданных в порядке планового переселения с 1918 по 1921 год, повторяются старые ошибки в деле благоустройства, и проводимому в настоящее время переселению, рассчитанному на десятилетия, необходимо из прошлых ошибок сделать соответствующий вывод при практическом осуществлении этого вопроса. <...>

Теперь остается рассмотреть несколько подробнее важнейшую часть благоустройства – это крестьянское жилище. Санитарное обследование жилищ было произведено в 5 селениях – наиболее характерных, в районе, обслуживаемом санитарным врачом.

Обычным материалом для постройки деревенской избы служит дерево – береза, и только там, где население совершенно лишено последнего (главным образом Индерский район), на строительство идет верхний растительный слой почвы – «дерно». Из обследованных нами 516 жилищ пластовых [изготовленных из дерна] изб – 44, или 8,5 %, причем последние преимущественно встречаются в поселке Калужском Индерского района, образовавшемся в 1921 году

в порядке планового переселения из крестьян Калужской губернии, Козельского уезда. Из всех 53 жилищ пластовых [здесь насчитывается] 39, или 73,6 %.

Типичными жилыми постройками являются 4-стенки, или однокомнатные избы, [а также] 5-стенки 2-комнатные, реже встречаются 6-стенные дома и в единичных случаях – крестовые, владельцами которых является наиболее зажиточный элемент деревни. Так, в обследованных нами селениях встречаются:

Общее число жилищ	4-стенных		5-стенных		6-стенных		Крестовых	
	абс. число	% от- нош.	абс. число	% от- нош.	абс. Число	% от- нош.	абс. число	% от- нош.
516	208	40,3	267	51,7	35	6,8	6	1,2

Архитектура домов весьма проста и [не]затейлива. Дома строятся без фундамента, вместо него под нижнее звено подкладываются толстые прокладки, или сруб устанавливается на утопленных по углам столбах.

Законопачивание щелей в стенах производится мхом; верхний слой почвы из болота способен быстро гнить, [поэтому] последний окончатке не подвергается, а слегка затыкается в пазы, пока еще сруб недостаточно осел, а затем, если вся хата не обмазывается, пазы тщательно проходят толстым слоем (смесь солонца с навозом) внутри и снаружи.

Крыши обыкновенно устраиваются из [наи]более доступного и дешевого материала – соломы или дерна, причем в селениях со скотоводческим уклоном в сельском хозяйстве встречаются [крыши] преимущественно пластовые (солома идет на корм животным), [а там, где занимаются в основном] земледелием – соломенные. Деревянные и железные крыши встречаются редко.

Так, из общего числа [516 жилищ] имеют крыши:

Пластовые		Соломенные		Берестяные		Железные		Деревянные		Огнестойкие	
абс. чис- ло	% от- нош.	абс. чис- ло	% от- нош.	абс. чис- ло	% от- нош.	абс. чис- ло	% от- нош.	абс. чис- ло	% от- нош.	абс. чис- ло	% от- нош.
377	73,1	108	20,9	15	2,9	8	1,5	5	1,0	3	0,6

Таким образом, наиболее частым материалом для крыш используется весьма дешевый и быстро приходящий в негодность – дерн, за ним следует солома и далее береста, встречающаяся исключительно в старожильческом селе Каргане; 73 % крыш протекает.

В устройстве полов преобладающим материалом является дерево, преимущественно береза. Полы недостаточно плотно пригнаны, образуют широкие щели, которые в обиходе сельского жителя используются для сметания в них

сора, крашенные полы встречаются только в старожильческом селе Каргане; во всех селениях полы одинарные. Так, с деревянными полами 450 жилищ, или 87,2 %, с земляными – 66, или 12,8 %. В поселке Калужском из 53 домов земляные полы встречаются в 51, или 96,2 %.

Благодаря тому, что растительный верхний слой под жилым помещением не убирается, через пол попадают всякие отбросы и вода, всё это вызывает быстрое загнивание низших венцов, и запах гнили постоянно проникает в избу, портя и без того тяжелый воздух.

Санитарные значения и качества земляных полов общеизвестны – это самая благоприятная почва для развития всяких микробов, в том числе и болезнетворных, источник постоянной сырости, а если добавить к этому, что из 516 обслед[ованных] жилищ телята, ягнята, маленькие поросята, а иногда и отелившаяся корова помещаются в 378 избах, или 75 % всех жилищ, нетрудно будет представить ту санитарно-гигиеническую обстановку, в которой сельскому жителю приходится проводить почти половину своей жизни, а хрупкому организму ребенка – первые годы своей жизни.

Кроме того, наличие сырости в жилищах с земляными полами и деревянных с сырым подпольем благоприятствует, при всех прочих условиях, развитию насекомых, особенно блох в осеннюю пору. Иногда обилие насекомых достигает такого количества, что для непривычного человека пребывание в таком жилье становится совершенно невозможным. Так, во время обследования поселка Калужского в сентябре м[еся]це с[его] г[ода] я вынужден был ночевать на открытом воздухе, чтобы не быть заеденным блохами. По заявлению хозяев, насекомые – блохи, клопы, вши платяные – встречаются в 460 домах, или 89 % всех обследованных жилищ. Показатель, достаточно характеризующий как санитарную обстановку сельского жителя, так и его гигиенический навык.

Из дальнейшего устройства в сельском жилище – отопительные приборы, печи. Обыкновенно каждая изба имеет русскую печь, которая с давних пор пользуется большой любовью и, быть может, вполне заслуженным вниманием. Ничто в сельском жилище не выполняет так много обязанностей и различных назначений, как русская печь: она обогревает жилище, в ней варят пищу, пекут хлеба, греют воду, сушат зимнюю одежду, а иногда это единственное теплое место, где обогреваются обитатели и спят маленькие дети.

В соответствии с возложенными на нее обязанностями она занимает довольно внушительное место в жилище. Так, в среднем размеры ее равны: длина – 1,8–2 метра, ширина – 1,5–1,6 метра, высота от пола – 1,3–1,5 метра, соот-

ветственно с этим объемом печей колеблется от 3,5... до 4,8 куб. метров; последние в малых избах 4-стенных занимают до 25 % всего объема жилища.

Печи устраиваются или сплошь из кирпича, или глинобитные, причем основание их несколько ниже пола, деревянное. Голландские печи встречаются в избах 5-стенных, довольно часто... из 267 пятистенков в 110, или в 41 %.

Размеры изб 4-стенных колеблются от 15 до 20 куб. мет[ров], в 5-стенных [они], соответственно, больше в 2 раза. Таким образом, в избах с меньшими размерами приходится на одного живущего меньше воздуха. Так, в 4-стенных на одного живущего – 5–7 куб. метр[ов], т. е. почти в 3 раза меньше гигиенической нормы, в 5-стенных [объем воздуха на каждого жителя] увеличивается в 1 1/2 – 2 раза – от 9 до 12 куб. метров, и в 6-стенных он колеблется в пределах нормы; в крестовых домах эта норма не увеличивается: жилищная потребность уступает хозяйственным нуждам и, как правило, 4-я комната используется как кладовая.

Таким образом, количество воздуха является далеко не достаточным... к этому [следует] прибавить совершенное отсутствие искусственной вентиляции, наличие в 73 % [жилищ в зимнее время года] животных, которые, помимо потребления кислорода, отправляют здесь же естественные потребности, окончательно портя воздух. В избах с земляными и щелистыми полами эта порча достигает крайних пределов. Это и есть тот сказочный «русский дух», который везде различишь, в котором, по народной поговорке, «хоть топор вешай».

Что касается освещения изб, то в этом отношении сказывается особенно деревенский практицизм. «Окна пускают холод», – так говорит крестьянин, а потому все его стремления сводятся к уменьшению размеров последних. Рамы встречаются преимущественно одинарные, которые особенно в зимнюю пору служат источником сырости, т[ак] к[ак] на холодной поверхности стекла постоянно осаждаются пары из воздуха жилья; замерзая на стекле и подоконниках толстым слоем, с повышением температуры в комнате всё это тает, льется на стены и на пол. Рамы обычно прямоугольные, [их] высота – 68 сант[иметров] в среднем, ширина – 40–60 сант[иметров]; в соответствии с этим световая площадь колеблется от 0,25 до 0,4 кв. мет[ра]. В среднем отношение световой площади к площади пола равно 1 : 20, однако амплитуда колебаний довольно значительна: от 1 : 10... исключительно в селениях старожильческих... до 1 : 40 и более главным образом в пос. Калужском.

Итак, освещение в сельской избе является далеко не достаточным.

Нижеприведенная табличка показывает зависимость жилища от зажиточности владельца.

[Социальный слой]	Общее число жилищ	В 1 комнату		В 2 комнаты		В 3 комнаты		В 4 комнаты	
		абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.
Бедняк	180	126	70,0	54	30,0	–	–	–	–
Средняк	237	58	24,5	158	66,7	20	8,4	1	0,4
Зажиточный	41	–	–	24	58,5	14	34,2	3	7,3

Из таблицы видно, что беднейшее население является обладателем преимущественно жилищ в 1 комнату, средняк – 5-стенков (36,7 %), и крестовыми [домами пользуются] исключительно зажиточные. Считаясь с тем, что элемент зажиточных составляет всего лишь 9 % всех владельцев жилищ, это распределение будет характерным для сельских местностей.

Общий жилищный индекс, согласно формуле, предложенной доктором ПУЛЬКИС[ОМ] (т. е. среднее количество стен в каждом доме), будет для всех обследованных поселений равен 4,7, колеблясь от 4,9 в сибирском старожильческом селении (близок к норме) до 4 в пос. Калужском.

Таково в общих чертах санитарное состояние жилищ: они тесны, темны, грязны, без всякой вентиляции, малы по объему воздуха.

[Основные итоговые] положения

1. Выбор места для населенных пунктов проводился без учета факторов, влияющих на санитарное состояние населения, и предоставлен последнему; то же положение встречается в селениях, организованных в порядке планового переселения в первые годы после революции.

2. Фактором, постоянно угрожающим общему благополучию сельского населения, является загрязнение почвы и источников водоснабжения; навоз – главный источник этого загрязнения – представляет ценный удобрительный материал, [но] рационально не используется. Поощрение выделения [части жителей из нынешних населенных пунктов] и создания новых мелких поселков вблизи обрабатываемых полей даст возможность целесообразно использовать удобрение, повысить санитарное и экономическое благосостояние сельского населения.

3. Водоснабжение сельского населения как в качественном, так и в количественном отношении далеко не удовлетворительно и постоянно угрожает развитием, главным образом, желудочно-кишечных заболеваний. Культурно-просветительная работа, самодеятельность населения в деле устройства хороших колодцев, доступная санитарно-техническая помощь, специальное долгосрочное кредитование, предварительные гидротехнические изыскания во вновь

организуемых селениях – мероприятия, которые должны повысить и улучшить... [качество водоснабжения].

4. Дело сельского строительства носит регрессивный характер (пос. Калужский). Санитарное состояние сельских жилищ неудовлетворительное, гигиенические нормы низки, что обуславливает весь уклад санитарно-гигиенического быта сельского жителя. Мероприятия, ведущие к улучшению жилища, должны базироваться на определенно выработанной программе: 1) культурно-просветительная работа; 2) организация технико-материальной помощи и 3) премирование здорового жилища.

5. Санитарное обследование населенных пунктов и жилищ играет выдающуюся роль в деле выяснения [состояния] сельского благоустройства и строительства; желательно продолжение этой работы на основе быстро следующих вслед за обследованием практических мероприятий.

Санврач АЙЗИН.

ГАНУ. Ф. Р-2008. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–6. Машинописная копия.

Имеется личная подпись М. Л. Айзина.

ТАБЛИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ДИНАМИКУ РОЖДАЕМОСТИ
И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В БАРАБЕ 1932–1939 гг.

Таблица I – Распределение родившихся и умерших по полу, %*

Год	Всё население		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Родившиеся						
1932	51	49	50,3	41,7	51,1	48,9
1933**	52,7	47,3	51,3	48,7	52,7	47,3
1933а***	57	43	100	–	56,5	43,5
1933б****	52,7	47,3	51,4	48,6	52,8	47,2
1934	51,6	48,4	53,2	46,8	51,5	48,5
1935	51,4	48,6	50,7	49,3	51,5	48,5
1936	53	47	50,3	49,7	53,3	46,7
1937	51,2	48,8	53,2	46,8	50,8	49,2
1938	51,2	48,8	50,9	49,1	51,3	48,7
1939	50,8	49,2	50,9	49,1	50,8	49,2
Все умершие						
1932	53,3	46,7	55,2	44,8	53,1	46,9
1933**	55	45	56,1	43,9	54,9	45,1
1933а***	77,6	26,4	78,3	21,7	37,8	62,2
1933б****	55,6	44,4	61,2	38,8	54,9	45,1
1934	54	46	55	45	54,6	45,4
1935	55,1	44,9	54,3	45,7	55,1	44,9
1936	52,6	47,4	51,3	48,7	52,8	47,2
1937	52,8	47,2	54,3	45,7	52,6	47,4
1938	53,3	46,7	56,2	43,8	52,8	47,2
1939	52,9	47,1	54,8	45,2	52,6	47,4
Младенцы, умершие в возрасте до 1 года						
1932	54,8	45,2	54,8	45,2	54,7	46,3
1933**	55,6	44,4	50,7	49,3	55,9	44,1
1933а***	50	50	50	50	–	–
1933б****	55,6	44,4	50,7	49,3	55,9	44,1
1934	55,2	44,8	55,5	44,5	55,2	44,8
1935	55,2	44,8	52,1	47,9	55,9	44,1
1936	54,4	45,6	48,6	51,4	55,1	44,9
1937	52,6	47,4	56,3	43,7	52,1	47,9
1938	54,5	45,5	57,5	42,5	54	46
1939	53,7	46,3	55,8	44,2	53,4	46,6

* Подсчитано по данным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–4; Д. 33. Л. 35; Д. 42. Л. 2 – 3 об., 7 – 12 об.; Д. 55. Л. 1 – 2 об., 9 – 12 об.; Д. 72. Л. 1; Д. 73. Л. 5 – 6 об.; Д. 101. Л. 3 – 3 об., 5 – 6 об.; Д. 102. Л. 33 – 39 об.; Д. 272. Л. 29 – 31 об.; Д. 351. Л. 16 – 18 об.

** Данные по территориям, где проводилась регистрация (постоянное население, без респондентов).

*** Респонденты по территориям, где проводилась регистрация.

**** Данные регистрации с включением иногородних респондентов.

Таблица II – Распределение родившихся и умерших по полу, чел.*

Год	Всё население		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Родившиеся						
1932	10 967	10 520	803	793	10 164	9727
1933**	9573	8599	525	498	9048	8101
1933а***	106	80	2	–	104	80
1933б****	9679	8679	527	498	9152	8181
1934	11 902	11 153	754	662	11 148	10 491
1935	11 867	11 200	963	935	10 904	10 265
1936	13 220	11 723	1176	1160	12 044	10 563
1937	12 106	11 546	1932	1697	10 174	9849
1938	11 979	11 412	1674	1615	10 305	9797
1939	13 144	12 720	1856	1793	11 285	10 927
Все умершие						
1932	6314	5532	616	500	5698	5032
1933**	5498	4493	518	406	4980	4087
1933а***	234	84	220	61	14	23
1933б****	5732	4577	738	467	4994	4110
1934	5010	4166	512	419	4498	3747
1935	6255	5105	575	483	5680	4622
1936	6984	6289	776	735	6208	5554
1937	7202	6446	861	725	6341	5721
1938	6126	5360	934	727	5192	4633
1939	5926	5266	870	717	5056	4549
Младенцы, умершие в возрасте до 1 года						
1932	2379	1956	164	135	2215	1831
1933**	1663	1329	106	103	1557	1226
1933а***	4	4	4	4	–	–
1933б****	1667	1333	110	107	1557	1226
1934	1682	1366	126	101	1556	1265
1935	2092	1695	177	163	1915	1532
1936	2817	2362	269	284	2548	2078

1	2	3	4	5	6	7
1937	2668	2401	333	258	2335	2143
1938	2403	2010	340	251	2063	1759
1939	2621	2259	344	272	2277	1987

* Подсчитано по тем же данным, что и показатели таблицы I.

** Данные по территориям, где проводилась регистрация (постоянное население, без респондентов).

*** Респонденты по территориям, где проводилась регистрация.

**** Данные регистрации с включением иногородних респондентов.

Таблица III – Младенческая смертность, %*

Год	Всё население			Городское население			Сельское население		
	муж- чины	женщи- ны	всего	мужчи- ны	жен- щины	всего	мужчи- ны	жен- щины	всего
1932	216,9	185,9	202,2	204,2	170,2	187,3	217,9	188,2	203,4
1933**	165,7	143,8	155,2	171,5	172,8	172,1	165,3	141,8	154,1
1933а***	164,9	143,5	154,4	177,4	179,5	178,5	165	141	153
1934	151,2	132,6	142,2	185,8	166,4	176,7	148,9	130,5	140,1
1935	176,1	151,5	164,2	198,2	193,1	195,7	174,3	148,2	160,6
1936	220,6	204,5	213	243,4	261,8	252,5	218,4	198,6	209,1
1937	213,8	206,9	210,5	198,2	170	184,8	216,3	212,5	214,4
1938	199,9	175,2	188	193,2	152,9	173,7	201,1	179,2	190,4
1939	205,5	183,8	194,9	191,4	157	174,5	207,8	188,3	198,3

* Подсчитано по тем же данным, что и показатели таблицы I.

** Данные по территориям, где проводилась регистрация (постоянное население, без респондентов).

*** Данные регистрации с включением иногородних респондентов.

Таблица IV – Доля младенческой смертности в общей смертности населения, %*

Год	Всё насе- ление	Муж- чины	Жен- щины	Городское население			Сельское население		
				всего	муж- чины	жен- щины	всего	муж- чины	жен- щины
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1932	36,6	37,7	35,4	26,8	26,6	27	37,7	38,9	36,4
1933	29,9	30,2	29,6	22,6	20,5	25,4	30,7	31,3	30
1934	33,2	33,6	32,8	24,4	24,6	21,1	34,2	34,6	33,8
1935	33,3	33,4	33,2	32,1	30,8	33,7	33,5	33,7	33,1
1936	39	40,3	37,6	36,6	34,7	38,6	39,3	41	37,4

Окончание табл. IV

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>0</i>
1937	37,1	37	37,2	37,3	38,7	35,6	37,1	36,8	37,5
1938	38,4	39,2	37,5	35,6	36,4	34,5	38,9	39,7	38
1939	43,6	44,2	42,9	38,8	39,5	37,9	44,4	45	43,7

* Подсчитано по данным таблицы II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

- Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории, XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск : СО РАН, 1999. – 214 с.
- Актуальные проблемы истории советской Сибири / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 280 с.
- Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 232 с.
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России, 1927–1959. – М. : Информатика, 1998. – 187 с.
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991 гг. – М. : Наука, 1993. – 143 с.
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Опыт оценки численности населения СССР, 1926–1941 гг. // Вестник статистики. – 1990. – № 7. – С. 34–47.
- Антонова Н. Л.* Демография : учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 154 с.
- Араловец Н. А.* Потери населения России и СССР в 20–30-е гг. в историографии // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции. – М. : ИРИ РАН, 1994. – С. 68–81.
- Базаров А. А.* Хроника колхозного рабства. – М. : Возвращение, 2004. – 816 с.
- Баранов А. А., Альбицкий В. Ю.* Смертность детского населения России. – М. : Литера, 2007. – 328 с.
- Безрядин Н. В.* К 100-летию начала освоения Барабинской низменности // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура : тезисы докл. и сообщ. Первой Обл. науч.-практ. конф. краеведов. – М. : ИСПИ РАН, 1995. – Ч. 2. – С. 7–10.
- Бельков А. В., Заболотская К. А.* Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. – Кемерово : КемГУ, 2015. – 113 с.
- Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. – М. : НЛО, 2005. – 768 с.
- Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР / [пер. с фр.: Э. Кустова, И. Троицкая]. – М. : Нов. изд-во, 2005. – 169 с.
- Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. – М. : РОССПЭН, 2003. – 328 с.
- Борисов В. А.* Демографическая дезорганизация России, 1897–2007 : избр. демогр. тр. – М. : Nota bene, 2007. – 752 с.
- Борисов В. А.* Демография : учеб. для вузов. – М. : Nota bene, 2001. – 272 с.
- Боффа Дж.* История Советского Союза / [пер. с итал.]. – М. : Междунар. отношения, 1994. – Т. 1 : От революции до Второй мировой войны. – 628 с.

* В список включены библиографические описания только части литературы, использованной в монографии. Это труды, опубликованные в 1956–2019 гг. и в своем большинстве актуальные для включения их в информационную базу Российского индекса научного цитирования, предназначенную для измерения публикационной активности ученых и организаций.

- Боярский А. Я.* Надо ли еще спорить? // Вестник статистики. – 1970. – № 1. – С. 58.
- Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. – М. : Статистика, 1975. – 264 с.
- Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневецкого. – М. : Статистика, 1977. – 247 с.
- Бугай Н. Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М. : Наука, 2006. – 271 с.
- Бурматов А. А.* Голод 1932–1933 гг. в малых городах Сибири (на примере городов Барабы) // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. – Тобольск : ТКНС УрО РАН, 2013. – Вып. 3 : Ист. науки. – С. 23–30.
- Бурматов А. А.* Демографическая история Каинска – Куйбышева и его округа. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1997. – 162 с.
- Бурматов А. А.* Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2009. – С. 129–134.
- Бурматов А. А.* Демографические потери от голода начала 1930-х гг. в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 26–30.
- Бурматов А. А.* Динамика населения Барабы в 1926–1939 гг. // Пишем времена и случаи : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию каф. отечеств. ист. НГПУ. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2008. – С. 36–40.
- Бурматов А. А.* Население Барабинского округа – Барабы в 1926–1939 гг. // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее. – Куйбышев : Музейн. комплекс, 2016. – С. 94–122.
- Бурматов А. А.* Население Барабинского округа (1927–1934 гг.) // Проблемы гуманитарного образования. – Куйбышев : [б. и.], 2010. – С. 95–98.
- Бурматов А. А.* Население в границах Каинского уезда в XX в. // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития. – Куйбышев : Простор, 1997. – С. 188–191.
- Бурматов А. А.* Население малых городов Сибири в 1926–1929 гг. (на примере Барабинского округа) // Проблемы исторической демографии Сибири. – Новосибирск : ИИ СО РАН : Параллель, 2010. – Вып. 1. – С. 144–163.
- Бурматов А. А.* Население Новосибирской области, 1937 г. – конец XX в. (историко-демографический анализ) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Омск, 2001. – 24 с.
- Бурматов А. А.* Перепись населения Новосибирской области, 1939 г.: оценка демографических материалов // Новосибирская область в контексте российской истории. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2001. – С. 115–117.
- Бурматов А. А.* Перепись 1937 г. на примере Куйбышевского района Западно-Сибирского края // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее. – Куйбышев : Музейн. комплекс, 2018. – С. 72–82.
- Бурматов А. А.* 1933 г.: что смогли сказать статистики // Актуальные вопросы истории Сибири : VI Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 117–120.
- Бутов В. И.* Демография. – М. ; Ростов н/Д : МарТ, 2008. – 576 с.
- Валентей Д. И., Кваша А. Я.* Основы демографии : учеб. – М. : Мысль, 1989. – 288 с.
- Вандескрик К.* Демографический анализ. – М. : Акад. проект : Гаудеамус, 2005. – 272 с.

Вересов Д. Историческая демография СССР. – Benson (Vermont) : Chalidze publications, 1987. – 306 с.

Верт Н. История Советского государства, 1900–1991. – М. : Прогресс : Академия, 1992. – 480 с.

Вишневский А. Г. Демографическая революция // Вопросы философии. – 1973. – № 2. – С. 56–65.

Вишневский А. Г. Демографическая революция. – М. : Статистика, 1976. – 240 с.

Вишневский А. Г. Демографические потери от политических репрессий // Избранные демографические труды. М. : Наука, 2005. – Т. 2. – С. 261–300.

Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. – М. : Мысль, 1982. – 287 с.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М. : ОГИ, 2001. – 432 с.

Волков А. Г. Из истории переписи 1937 г. // Вестник статистики. – 1990. – № 8. – С. 45–56.

Волков А. Г. Как стало кривым «зеркало» общества : к 60-летию переписи 1937 г. // Вопросы статистики. – 1997. – № 3. – С. 14–21.

Волков А. Г. Шаг к правде : (о статье Ф. Д. Лившица) // Демографические процессы в СССР. – М. : Наука, 1990. – С. 167–174.

Волков А. Г., Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Переписи населения в России и бывшем СССР // Народонаселение : энцикл. слов. М. : Больш. рос. энцикл., 1994. – С. 309–313.

Волков А. Г., Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Переписи населения в России и СССР // Демографический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1985. – С. 322–324.

Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова. – М. : Финансы и статистика, 1983. – 303 с.

В человеческом измерении / под ред. А. Г. Вишневского. – М. : Прогресс, 1989. – 488 с.

Гельфанд В. С. Население СССР за 50 лет (1941–1990). – Пермь : Изд-во ПГУ, 1992. – 284 с.

Голод 1932–1933 гг. / под ред. Н. А. Ивницкого. – М. : РГГУ, 1995. – 96 с.

Голодомор / сост. Д. Ванюков. – М. : Книговек, 2011. – 416 с.

Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть : очерки демографической истории СССР 1930-х гг. – М. : Изд-во Ипполитова, 2004. – 320 с.

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред.-сост.: Т. Нефёдова, П. Полян, А. Трейвиш. – М. : ОГИ, 2001. – 560 с.

Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). – Барнаул : Аз Бука, 2005. – 108 с.

Григоричев К. В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае, середина 1940-х – конец 1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Барнаул, 2000. – 22 с.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне, 1917–1933. – М. : РОССПЭН [и др.], 2001. – 96 с.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. – М. : РОССПЭН, 2006. – 400 с.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. – М. : РОССПЭН, 2003. – 253 с.

ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред.: Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 318 с.

Гуцин Н. Я. Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. – Новосибирск : Наука, 1992. – С. 124–185.

Гуцин Н. Я. Население Сибири в XX в.: основные тенденции и катаклизмы в развитии. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 1995. – 82 с.

Гуцин Н. Я. Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя, 1917–1934. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1965. – 156 с.

Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск : ЭКОР, 1996. – 160 с.

Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства, 1926–1937). – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 519 с.

Гуцин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 286 с.

Данилов В. П., Красильников С. А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938 гг. – Новосибирск : Экор, 1994. – С. 3–11.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / А. А. Бурматов, О. Б. Дашинамжилов, В. А. Зверев [и др.] ; отв. ред. В. А. Исупов. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2017. – 350 с.

Демографическая история России и регионов / отв. ред. В. А. Исупов. – Новосибирск : Апельсин, 2016. – Вып. 1 : Проблемы источников. – 304 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Нов. изд-во, 2006. – 608 с.

Демографические процессы в СССР / отв. ред. А. Г. Волков. – М. : Наука, 1990. – 213 с.

Демографический переход // Демографическая энциклопедия. – М. : Энцикл., 2013. – С. 241–242.

Демография / под ред. Н. А. Волгина, Л. Л. Рыбаковского. – М. : Логос, 2005. – 280 с.

Демография: современное состояние и перспективы развития / ред. Д. И. Валентей. – М. : Высш. шк., 1997. – 271 с.

Денисенко М. Б., Калмыкова Н. М. Демография. – М. : Инфра-М, 2007. – 424 с.

Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 116–121.

Дмитриенко Н. М. Историческое краеведение : учеб. пособие. – Томск : Изд-во ТГУ, 2013. – 222 с.

Дробижев В. З. У истоков советской демографии. – М. : Мысль, 1987. – 221 с.

Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. – М. : Высш. шк., 1973. – 320 с.

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. – М. : РОССПЭН, 2011. – 543 с.

Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – С. 4–12.

Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. – М. : РОССПЭН, 2001. – 280 с.

Жиромская В. Б. Экология и смертность населения в РСФСР в 1930-е гг. // Историческая экология и историческая демография. М. : РОССПЭН, 2003. – С. 103–114.

Жиромская В. Б., Киселёв И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М. : Наука, 1996. – 152 с.

Журавлёва Н. И. Антисоветизм буржуазной демографии. – М. : Мысль, 1987. – 189 с.

Зверев В. А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1993. – 244 с.

Зверев В. А. Динамика воспроизводства городского населения в регионах Азиатской России начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23, № 1. – С. 5–11.

Зверев В. А. Историческая эволюция крестьянских жилищ в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // Сибирь в XVI–XX вв.: экономика, общественно-политическая жизнь и культура : к 70-летию чл.-кор. РАН Л. М. Горюшкина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН : НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 139–154.

Зверев В. А. Крестьянское жилище глазами санитарных врачей и инженеров (Новосибирское Приобье и Бараба, 1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 2. – С. 87–91.

Зверев В. А. Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е гг. как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX в.). – Новосибирск : Изд-во СО РАН : НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 130–154.

Зверев В. А. Модель изучения динамики сельского населенного пункта в Сибири 1850–1920-х гг. // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – С. 26–35.

Зверев В. А. О санитарной культуре доколхозной деревни: поселения и дворы наших земляков // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск : Изд-во СО РАН : НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 153–163.

Зверев В. А. Поселения и жилища у русских крестьян Алтая в первой трети XX в. // Этнография Алтая : (материалы II Науч.-практ. конф.). – Барнаул : Науч.-произв. центр «Наследие» [и др.], 1996. – С. 88–93.

Зверев В. А. Санитарная наука в России и народная санитарно-гигиеническая культура сибиряков: проблемы сосуществования в конце XIX – первой трети XX в. // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX в.: теория, история, практика. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2000. – С. 103–105.

Зверев В. А. Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XX в.) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. – С. 13–32.

Зверев В. А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск : Параллель, 2008. – С. 96–112.

Зверев В. А. Условия жизни сибиряков и переселенцев в 1920-е гг. (по материалам массовых санитарных обследований) // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2012. – № 8. – С. 13–22.

Зверев В. А., Зверева К. Е. Крестьянские усадьбы Томско-Кузнецкого края (по материалам массовых обследований конца XIX – первой трети XX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы Междунар. симп. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 184–192.

Зверева Н. В., Веселкова И. Н., Елизаров В. В. Основы демографии : учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 2004. – 374 с.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М. : Наука, 2005. – 306 с.

Зюганов Г. А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. – М. : Изд-во ИТРК, 2010. – 104 с.

Иванов С. Ф. Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1985. – С. 115–117.

Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. – М. : РГГУ, 1995. – С. 333.

Ивницкий Н. А. Голод 1931–1933 гг. в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. – М. : Собрание, 2009. – 288 с.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). – М. : Интерпракс, 1994. – 272 с.

Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. – М. : Собрание, 2004. – 296 с.

Изард У. Методы регионального анализа : введение в науку о регионах. – М. : Прогресс, 1966. – 660 с.

Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта. (Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). – М. : РОССПЭН : Президент. центр Б. Н. Ельцина, 2010. – 343 с.

Историческая демография: проблемы, суждения, задачи / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М. : Наука, 1989. – 288 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – Т. 4 : Сибирь в период строительства социализма. – 501 с.; 1969. – Т. 5 : Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – 470 с.

Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению, конец 30-х – конец 50-х гг. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 291 с.

Исупов В. А. Демографическая ситуация в Сибири накануне Великой Отечественной войны // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 1997. – С. 103–113.

Исупов В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 180–201.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. : ист.-демогр. очерки. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2000. – 244 с.

Исупов В. А. Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг.: (исторический опыт и современные проблемы). – Новосибирск : ИИФиФ СО АН СССР, 1991. – С. 4–19.

Исупов В. А. Демографическое развитие Сибири в 1920-е гг. // Историческая демография. – 2012. – № 2 (10). – С. 30–35.

Исупов В. А. Динамика численности населения Каинска – Куйбышева в довоенные годы : историко-статистический обзор // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития. – Куйбышев : Простор, 1997. – С. 28–30.

Исупов В. А. Историко-демографические процессы у народов Сибири (первая половина XX в.). – Сыктывкар ; Новосибирск : Ин-т яз., лит. и ист. Коми НЦ УрО РАН : ИИ СО РАН, 2012. – 56 с.

Исупов В. А. Смертность и продолжительность жизни населения Сибирского края (1925–1930 гг.): неудавшаяся попытка модернизации // Проблемы исторической демографии Сибири. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2010. – Вып. 1. – С. 106–131.

Исупов В. А. Советская демографическая политика, 1920-е – начало 1940-х гг. (на материалах Сибири) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. – С. 76–106.

Исупов В. А. Социально-демографические процессы в Сибири: первая половине XX в. // Мир глазами историка : памяти акад. Ю. А. Полякова. – М. : ИРИ РАН [и др.], 2014. – С. 215–252.

Исупов В. А. Социально-демографическое развитие Сибири в период форсированной модернизации (1929–1941 гг.) // Вопросы истории Сибири в Новейшее время. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2013. – С. 100–134.

Исупов В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 82–92.

Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989 гг.). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1996. – 354 с.

Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения, 20-е гг. XVIII в. – 1989 г. Формирование этнических и политических границ украинского этноса. – М. : Наука, 2006. – 658 с.

Каинск (Куйбышев) в истории Западной Сибири / ред. И. И. Быков. – Куйбышев : Простор, 2007. – 313 с.

Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М. : Алгоритм, 2001. – Кн. 1 : От начала до Великой Победы. – 528 с.; Кн. 2 : От Великой Победы до наших дней. – 688 с.

Кен О. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – М. : ОГИ, 2008. – 512 с.

Киселёва Г. П. Нужно ли повышать рождаемость. – М. : Статистика, 1979. – 103 с.

Киселёва Г. П., Кваша А. Я. О чем рассказывают переписи населения. – М. : Финансы и статистика, 1983. – 103 с.

Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). – СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2007. – Ч. 1. – 428 с.; Ч. 2. – 308 с.

Климин И. И. Российское крестьянство в завершающий период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1933–1937 гг.). СПб. : ВВМ, 2012. – 678 с.

Климин И. И. Российское крестьянство в первый период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1930–1932 гг.). – СПб. : ВВМ, 2011. – 548 с.

- Климин И. И.* Российское крестьянство накануне «Великого перелома» (1928–1929 гг.). – СПб. : ВВМ, 2010. – 400 с.
- Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. – М. : РОССПЭН, 2008. – 519 с.
- Конквест Р.* Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом. – Л.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. – 620 с.
- Коростелёв Г. М., Краев В. С.* Буржуазные концепции народонаселения: критический анализ. – М. : Финансы и статистика, 1981. – 160 с.
- Корчак-Чепурковский Ю. А.* Избранные демографические исследования. – М. : Наука, 1970. – 365 с.
- Красильников С. А.* Предисловие // Восточный вектор переселенческой политики в СССР, конец 1920-х – конец 1930-х гг. : документ. науч. изд. – Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. – С. 3–13.
- Красильников С. А.* Репрессии и практика выживания крестьянских семей в условиях спецпоселения 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 9–13.
- Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. – М. : РОССПЭН, 2003. – 344 с.
- Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н.* Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-е гг. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2008. – 392 с.
- Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. Н. Я. Гущин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – 389 с.
- Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / отв. ред. В. Т. Анисков. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1985. – 398 с.
- Кузнецов А. И.* «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
- Кузнецов И. С.* Коллективизация и судьба российского и сибирского крестьянства // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 2002. – С. 34–36.
- Кузнецова Т. Е.* Во имя российского крестьянства // Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. – М. : Наука, 2007. – С. 8–31.
- Курганов И. А.* Женщины и коммунизм. – Нью-Йорк : [б. и.], 1968. – 264 с.
- Курганов И. А.* Семья в СССР, 1917–1967. – Нью-Йорк : [б. и.], 1967. – 332 с.
- Куркин П. И.* Вопросы санитарной статистики. – М. : Госстатиздат, 1961. – 424 с.
- Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статистика, 1974. – 456 с.
- Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 391 с.
- Кыштанков В. А.* Население Хакасии: историко-демографическое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. – Новосибирск, 1996. – 35 с.
- Лебина Н.* «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...». Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2007. – С. 228–241.
- Лившиц Ф. Д.* Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. – М. : Наука, 1990. – С. 174–208.

Максудов С. География голода 1933 г. // СССР: внутренние противоречия. – N.-Y. : Chalidze publications, 1983. – Вып. 7. – С. 5–17.

Максудов С. Демографические потери Украины, 1926–1938 гг. // Форум : обществ.-полит. журн. – 1983. – № 4. – С. 198–212.

Максудов С. Победа над деревней: демографические потери коллективизации. – М. : Социум, 2019. – 601 с.

Максудов С. Потери населения СССР. – Benson (Vermont): Chalidze publications, 1989. – 289 с.

Малинкович В. Голод 1933 г. на Украине // Форум : обществ.-полит. журн. – 1983. – № 3. – С. 4–14.

Марианський А. Современные миграции населения. – М. : Статистика, 1969. – 224 с.

Марчуков А. В. Украинское национальное движение: УССР, 1920–1930-е гг.: цели, методы, результаты. – М. : Наука, 2006. – 599 с.

Маслов С. С. Колхозная России: история и жизнь колхозов. М. : Наука, 2007. – 299 с.

Медков В. М. Демография : учеб. – М. : Инфра-М, 2003. – 544 с.

Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми, 1917–1937. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.

Меерович М. Социалистический город. Формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2007. – С. 84–117.

Мерль Ш. Голод 1932–1933 гг. – геноцид украинцев для осуществления политики русификации // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 49–61.

Миграции населения Азиатской России, конец XIX – начало XXI в. / отв. ред. В. А. Исупов. – Новосибирск : Параллель, 2011. – 392 с.

Миронов Б. Н. Историческая социология России : учеб. пособие. – СПб. : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та : Интерсоцис, 2009. – 536 с.

Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939). – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1984. – 168 с.

Народонаселение стран мира : справ. / под ред. Б. Ц. Урланиса. – М. : Статистика, 1974. – 480 с.

Народонаселение стран мира : справ. / под ред. Б. Ц. Урланиса. – М. : Статистика, 1978. – 528 с.

Народонаселение стран мира : справ. / под ред. Б. Ц. Урланиса, В. А. Борисова. – М. : Финансы и статистика, 1983. – 447 с.

Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 1996. – 214 с.

Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. – Новосибирск : СО РАН, 1997. – 172 с.

Население России в XX в. : ист. очерки : в 3 т. / [отв. ред. Ю. А. Поляков]. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 1 : 1900–1939 гг. – 459 с. ; 2001. – Т. 2 : 1940–1959 гг. – 415 с.

Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции / [отв. ред. Ю. А. Поляков]. – М. : ИРИ РАН, 1994. – 223 с.

- Население [Сибири] / С. Г. Скобелев, В. А. Зверев, В. А. Исупов [и др.] // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2010. – Т. 2. – С. 434–441.
- Население СССР сегодня / гл. ред. Д. И. Валентей. – М. : Мысль, 1982. – 126 с.
- Нефёдов С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 гг. – М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. – 432 с.
- Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики : избр. произведения. – М. : Медгиз, 1958. – 216 с.
- Новосельский С. А. Демография и статистика : избр. произведения. – М. : Наука, 1978. – 270 с.
- О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 256–263.
- Омран А. Р. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения : о демографических проблемах стран Запада. – М. : Прогресс, 1977. – С. 57–91.
- Основы теории народонаселения / под ред. Д. И. Валентея. – М. : Высш. шк., 1977. – 269 с.
- Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.
- Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община, 1920–1933 гг. – М. : Мысль, 1978. – 176 с.
- Отчий край: к 60-летию Куйбышевского района / под ред. И. И. Быкова. – Новосибирск : Полиграфкомбинат, 1996. – 64 с.
- Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири, конец 1920-х – 1980-е гг. / отв. ред. В. А. Ильиных. – Новосибирск : ИДМИ, 2001. – 188 с.
- Паевский В. В. Вопросы демографической и медицинской статистики. – М. : Статистика, 1970. – 468 с.
- Папков С. А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. – 274 с.
- Переведенцев В. И. 270 миллионов. – М. : Финансы и статистика, 1982. – 111 с.
- Перковский А. Л., Пирожков С. И. Из истории демографического развития 30–40-х гг. (на примере Украинской ССР) // Экономика, демография, статистика: исследования и проблемы. – М. : Наука, 1990. – С. 171–197.
- Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 447 с.
- Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: (методология и организация проведения переписи и разработки итогов). – М. : Госстатиздат, 1957. – 164 с.
- Подъячих П. Г. Население СССР. – М. : Госполитиздат, 1961. – 192 с.
- Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 307 с.
- Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселёв И. Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. – 1990. – № 6. – С. 3–25; № 7. – С. 50–70; № 8. – С. 30–52.
- Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. – М. : РОССПЭН, 2002. – 896 с.

Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций. – М. : ОГИ : Мемориал, 2001. – 328 с.

Помнить их поименно: списки репрессированных // От Каинска до Колымы. Тема политических репрессий 20–50-х гг. XX в. в воспоминаниях и документах. – Куйбышев : Дом-музей В. В. Куйбышева, 2002. – С. 96–140.

Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. А. Ильиных. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 252 с.

Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. : материалы II Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 236 с.

Прудникова Е. А. Сталин. Битва за хлеб: технология невозможного. – М. : ОЛМА Медиагруп, 2010. – 576 с.

Пыхалов И. В. Время Сталина: факты против мифов. – СПб. : Неотек Электро, 2001. – 172 с.

Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. А. С. Московский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 426 с.

Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма, 1938–1958 гг. / под ред. В. В. Алексеева. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 240 с.

Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма / отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1984. – 376 с.

Ракачëв В. Н., Ракачëва Я. В. Народонаселение Кубани в XX в. : историко-демографические исследования. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2007. – Т. 2 : 1930–1950-е гг. – 268 с.

Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.

Решетников Н. Н., Исупов В. А. Динамика населения Новосибирска (1893–1986 гг.) // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – С. 210–221.

Рождаемость: известное и неизвестное / [ред.-сост. П. П. Звидриньш]. – М. : Финансы и статистика, 1983. – 118 с.

Роцин Ю. В. Миграция населения в судьбе России. – М. : Авангард, 2008. – 288 с.

Рынков В. М. Способы адаптации сибирского колхозного крестьянства к сталинской политике хлебозаготовок (вторая половина 1930-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 14–18.

Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. – М. : Медицина, 1969. – 192 с.

Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных исследований). – М. : Статистика, 1974. – 184 с.

Славина Л. Н. Сельское население Сибири в 1960–1980 гг. (на материалах Красноярского края). – Красноярск : Краев. изд-во, 1992. – 120 с.

Советская демография за 70 лет : из истории науки / отв. ред. Т. В. Рябушкин. – М. : Наука, 1987. – 336 с.

Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2007. – 432 с.

Современная демография / под ред. А. Я. Кваши, В. А. Ионцева. – М. : МГУ, 1995. – 272 с.

Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 г. до наших дней. – М. : ГУ ВШЭ, 2008. – 882 с.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 464 с.

Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – М. : Academia & LVS, 2003. – 684 с.

Сталинизм в советской провинции, 1937–1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М. : РОССПЭН : Герм. ист. ин-т в Москве, 2009. – 972 с.

Старовский В. Н. Избранные статистические труды: к 100-летию со дня рождения. – М. : Статистика России, 2007. – 590 с.

Старовский В. Н. Методика исследования элементов роста населения // Социология в СССР. – М. : Наука, 1965. – Т. 1. – С. 242–263.

Таугер М. Голод, голодомор, геноцид. Голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика. – Киев : Еженед. «200» : Довіра, 2008. – 427 с.

Тепляков А. Г. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М. : Нов. хронограф, 2008. – 632 с.

Тепцов Н. В дни великого перелома: история раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям 1929–1933 гг. – М. : Звонница, 2002. – 416 с.

Тольц М. С. Недоступное измерение // В человеческом измерении. – М. : Прогресс, 1989. – С. 325–342.

Тольц М. С. О достоверности статистических источников по демографической истории 30-х гг. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. – Новосибирск: ИИиФ СО АН СССР, 1989. – Вып. 2. – С. 33–34.

Тольц М. Репрессированная перепись // Родина. – 1989. – № 11. – С. 56–61.

Томилов С. А. Демография и социальная гигиена. – М. : Статистика, 1973. – 312 с.

Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1 : Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. – 567 с. ; Т. 2 : Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – 644 с.

Тюрин З. А. Наше место на земле : к 60-летию Барабинского района [Новосибирской области]. – Барабинск : Бараба, 1996. – 216 с.

Уитрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. – М. : РОССПЭН, 2001. – Т. 3. – Прил. 2. – С. 866–887.

Урал и Сибирь в сталинской политике / [отв. ред. С. А. Папков, К. Тэраяма]. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. – 268 с.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. – М. : Соцэкиздат, 1960. – 568 с.

Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М. : Статистика, 1977. – С. 8–28.

Урланис Б. Ц. Избранное. – М. : Мысль, 1985. – 255 с.

Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. – М. : Наука, 1974. – 336 с.

- Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М. : Госстатиздат, 1963. – 136 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. – М. : РОССПЭН, 2001. – 336 с.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: деревня. – М. : РОССПЭН, 2001. – 422 с.
- Фишбейн М.* К пятидесятилетию украинской трагедии // Форум: обществ.-полит. журн. – 1983. – № 3. – С. 3.
- Харченко Л. П.* Демография. – М. : Омега-Л, 2015. – 350 с.
- Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 432 с.
- Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 479 с.
- Хоскинг Дж.* История Советского Союза, 1917–1991. – Смоленск : Русич, 2000. – 496 с.
- Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне [и др.]. – 2-е изд. – М. : Три века истории, 2001. – 780 с.
- Шевцов Ю.* Новая идеология: голодомор. – М. : Европа, 2009. – 184 с.
- Шмидт С. О.* Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт. – СПб. : Нотабене, 2000. – С. 11–15.
- Эбэрхардт П.* География населения России. – СПб. : Невск. простор, 2003. – 304 с.
- Юдина Т. Н.* Миграция: словарь основных терминов. – М. : РГСУ : Акад. проект, 2007. – 480 с.
- Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М. : Нов. хронограф, 2008. – 784 с.
- Dyadkin I. G.* Unnatural deaths in the USSR, 1928–1954. – New Brunswick (USA) ; L. (UK) : Transaction Books, 1983. – 62 p.
- Stempell D.* Weltbolkerung 2000. Ursachen und Tendenzen der Bevolkerungsentwicklung. – Leipzig ; Yena ; Berlin : Urania-Verlag, 1985. – 200 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКР – Государственный архив Куйбышевского района Новосибирской области.

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

ОЗАГС – Отдел записей актов гражданского состояния Администрации г. Куйбышева Новосибирской области.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦДНИ ОО – Центр хранения документации новейшей истории Омской области.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Население Барабинского округа по переписи 1926 г.	43
Глава 2. Динамика численности населения Барабы в 1926–1936 гг.	76
Глава 3. Население Барабы по материалам переписей 1937 и 1939 гг.	138
Глава 4. Естественное движение населения Барабы в 1925–1940 гг.	161
Заключение.....	242
Приложения	248
<i>Приложение 1. Санитарно-гигиеническое состояние поселений и жилищ в Восточной Барабе второй половины 1920-х гг.</i>	248
<i>Приложение 2. Таблицы, характеризующие динамику рождаемости и смертности населения Барабы в 1932–1939 гг.</i>	259
Список сокращений.....	276

Н а у ч н о е и з д а н и е

Зверев Владимир Александрович
Бурматов Александр Анатольевич

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ БАРАБЫ В 1925–1940 ГОДАХ

Монография

В оформлении обложки использована фотография В. И. Сайдакова.

На вклейке перед текстом – карта Барабинского округа, 1926 г.

Источник: Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. Т. 1.

Вклейка между стб. 224 и 225.

В качестве заставок в тексте использованы фотографии из личного архива А. А. Бурматова,
из фондов Музейного комплекса г. Куйбышева Новосибирской области,

Венгеровского краеведческого музея им. П. М. Пономаренко,

Дома-музея А. Я. Штеффена в с. Неудачино Татарского района Новосибирской области.

В авторской редакции

Компьютерная верстка – *И. Т. Ильюк*

Подписано в печать 13.11.2019. Формат 60×84/16.

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 16,2. Усл. печ. л. 16,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 103.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

Тел.: (383) 244-06-62, rio.nspru.ru

Отпечатано: ФГБОУ ВО «НГПУ»